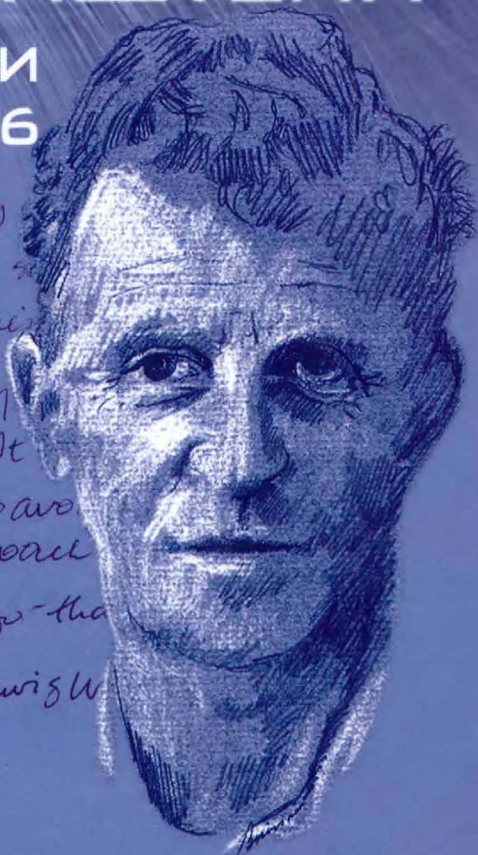

БИБЛИОТЕКА
НАЛИТИЧЕСКОЙ
АФ ИЛОСОФИИ

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН

ДНЕВНИКИ
1914-1916

*No one likes having
hence everyone feels so
Person doesn't show his
being confronted by
Remember that. It
and tolerantly - to avoid
injured than to approach
you need courage for that
- Ludwig*

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН

ДНЕВНИКИ
1914–1916

*Под общей редакцией
В. А. СУРОВЦЕВА*

МОСКВА
КАН Н⁺

2015

УДК 161
ББК 87.4
В 15

Витгенштейн Людвиг

В15   **Дневники 1914—1916** (Под общей редакцией В. А. Суровцева) / Людвиг Витгенштейн. — М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация», 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-88373-124-1

В сборнике представлены материалы, относящиеся к раннему периоду творчества Л. Витгенштейна и являющиеся исключительно важным источником для интерпретации его «Логико-философского трактата» – одного из наиболее значительных произведений философской мысли XX века.

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

УДК 161
ББК 87.4

ISBN 978-5-88373-124-1

© Витгенштейн Людвиг, 2009
© Издательство «Канон⁺»
РООИ «Реабилитация», 2014

РАННИЙ ВИТГЕНШТЕЙН: МАТЕРИАЛЫ К *ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМУ ТРАКТАТУ*¹

В сборнике представлены работы Л. Витгенштейна, которые послужили материалами к «Логико-философскому трактату». Несмотря на то что они должны восприниматься, прежде всего, в перспективе генезиса этой фундаментальной работы, заметки и дневники имеют значительный интерес сами по себе. Большой массив представленного в них материала оказался не использованным в заключительной версии философии раннего Витгенштейна, хотя именно он позволяет точнее определить её состав и её место в истории мысли XX века. Материалы охватывают период с 1913 по 1920 годы и служат исключительно важным источником, позволяющим оценить не только глубину мысли создателя «Трактата», но и те интеллектуальные движения, которые лежали в основании ранней аналитической философии. Кроме того, именно в «Дневниках 1914–1916», как нигде больше, Витгенштейн уделяет внимание этике и проблемам смысла человеческого существования, которые в значительной степени, как можно судить по более поздним работам, оставались неизменными. Последнее важно ещё и потому, что в «Трактате» эти мысли, по сути представляющие собой ядро философии раннего Витгенштейна, оказались вытесненными на периферию, что объясняется множеством причин, как важных (антими-

---

¹ При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 07-06-00185-а, и гранта на поддержку научных школ НШ-5887.2008.6.

тафизический настрой ранних аналитических школ, просто игнорировавших подобные проблемы, чему в немалой степени способствовало неверное истолкование последних афоризмов «Трактата»), так и второстепенных (в общей структуре «Трактата» афоризмы, посвящённые этим проблемам, занимают не более десятой части всего текста).

Подготовительные материалы долгое время оставались вне поля зрения. Этому обстоятельству способствовала позиция самого Витгенштейна, который, по свидетельству друзей и учеников, не стремился опровергнуть распространённый в кругах философов-аналитиков миф, что «Логико-философский трактат» создавался «по наитию и на одном дыхании», а не был плодом долгих и мучительных раздумий. (Нетрудно заметить, что ничто так не способствует разрушению этого мифа, как чтение «Дневников 1914–1916».) Вероятно, указанная причина в немалой степени способствовала отношению самого Витгенштейна к подготовительным материалам. Незадолго перед смертью (с декабря 1949 по март 1950 года) Витгенштейн в последний раз посетил Вену, где по свидетельству Г.Е.М. Энском, одной из его учениц, встречавшейся с ним в этот период, он уничтожил ряд материалов, послуживших в своё время источниками «Трактата» и до этого времени всё ещё сохранявшиеся им. Об объёме этих источников может служить свидетельство давнего друга Витгенштейна Пауля Энгельмана, который в письме к профессору Ф.А. Хайеку от 23 апреля 1953 года писал: «Его записные книжки представляли собой большие канцелярские книги, скреплённые чёрными и зелёными переплётами типа тех, что используются в Австрии как гроссбухи... *Трактат* представляет собой законченную выборку из семи книжек такого типа, которые он уничтожил после появления книги».

Как показало развитие событий, П.Энгельман ошибся. Уничтоженным оказалось не всё. В 1952 году Г.Х. фон

Вригт обнаружил три такие записные книжки в Гмундене в доме М.Стобороу, одной из сестёр Витгенштейна¹. Справедливости ради стоит заметить, что окончательно не решён вопрос: имел ли в виду Энгельман эти книги или речь идёт о каких-то других? Однако стоит согласиться с мнением фон Вригта, что обнаруженные им записные книжки, с большой степенью вероятности входили в состав вышеуказанных семи. В пользу такой точки зрения говорит ряд обстоятельств. Периодичность, с которой Витгенштейн вёл свои записи, указывает на то, что один такой гроссбух заполнялся в среднем в течение полугода. Обнаруженные фон Вригтом записные книжки охватывают период около полутора лет (с августа 1914 по июнь 1915 – первые две; с апреля 1916 по январь 1917 – третья). Пробел между первыми двумя и третьей книжками (около года) указывает на то, что в этот период было заполнено ещё две подобных рукописи. Если же считать, что над окончательной версией «Трактата» Витгенштейн начал работать где-то в начале 1918 года (т.е. примерно через год после окончания третьей книжки), получается ещё две рукописи. Таким образом, всего получаются семь, что вполне согласуется с сообщением Энгельмана. Остаётся только догадываться о том, что содержалось в четырёх утраченных книжках. Сопоставление с вопросами, поднимаемыми в «Трактате», в некоторой мере восполняет этот пробел, однако всё это остаётся лишь в сфере предположений.

Впервые «Записные книжки» (или «Дневники 1914–1916», что более соответствует их компоновке) были опубликованы в 1961 году под редакцией Г.Е.М. Энском и Г.Х. фон Вригта (второе издание 1979 г.). Необходимо заметить, что некоторые записи в «Дневниках 1914–1916» сделаны с по-

---

¹ von Wright G.H. The Origin of Wittgenstein's *Tractatus* // Wittgenstein L. *Prototractatus*. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1971. P. 3.

мощью специального кода, которым Витгенштейн продолжал пользоваться всю жизнь. Они расшифрованы. Все они имеют очень личный характер, поэтому публикаторы отказались от того, чтобы сделать их достоянием широкого круга читателей. Таким образом, помещённые в данном издании материалы представляют собой только афоризмы философского характера, имеющие значение для интерпретации «Логико-философского трактата».

Помимо «Дневников 1914–1916» важное значение для понимания философии раннего Витгенштейна имеет ряд других материалов (также включённых в данное издание), которые сохранились, возможно, только потому, что избежали «безжалостных» рук их автора, так как хранились у других.

«Заметки по логике» относятся ко времени обучения Витгенштейна в Кембридже, где он в качестве студента, а затем, студента продвинутого этапа обучения, провёл три триместра 1912 года и два первых триместра 1913 года. Эти заметки, датированные сентябрём 1913 года, были «подготовлены»¹ Витгенштейном для Рассела, как межсес-

---

¹ Слово «подготовлены» использовано здесь с большой долей условности. Что оно означает на самом деле, можно судить по переписке Рассела и Витгенштейна, относящейся к этим записям (часть её приведена в данном издании). Их отношения, которые никогда нельзя было назвать лёгкими, проявились и при подготовке этой рукописи. Приведём для иллюстрации интересующего нас вопроса отрывок из блестяще написанного биографического очерка о Расселе этого периода: «Отношения с Витгенштейном продолжались. Людвиг собрался навсегда поселиться в Норвегии, чтобы в одиночестве решить все проблемы логики. Рассел отговаривал его. Он писал Оттолин: “Я сказал ему, что там ему будет одиноко, а он сказал, что проституировал свой разум, разговаривая с умными людьми. Я сказал, что он с ума сошёл, а он сказал, что Бог хранит его от здравомыслия”». Когда удалось-таки уговорить Витгенштейна остаться, встала другая проблема – заставить его написать хоть какую-нибудь

сионный отчёт о проделанной работе. Сам характер записей говорит о том, что они не строились по заранее обдуманному плану, а представляют собой неупорядоченный набор тезисов, где последующий зачастую не связан с предыдущим, что хотя вполне и соответствует стилю заметок Витгенштейна, тем не менее, скорее, похоже на список ответов на поставленные вопросы, что согласуется с сообщением Рассела о том, как писалась эта работа, и напоминает структуру некоторых писем Витгенштейна к последнему. В отличие от «Дневников 1914–1916» рукопись «Заметок по логике» сохранилась в английском варианте. Первая часть рукописи диктовалась по-английски самим Витгенштейном, остальное – перевод Рассела с немецкого. Не вполне понятна и степень участия Рассела в её содержательной редакции.

работу. Людвиг не соглашался ничего публиковать, пока его текст не будет совершенством как с научной, так и с эстетической точек зрения. Рассел убедил его диктовать из своей записной книжки немецкому стенографу, однако, просмотрев стенограмму, увидел, что большая часть текста совершенно непонятна. Единственным выходом было посадить ученика за письменный стол и заставить работать. Рассел писал Оттолин: “Изрядно поворчав, он сказал, что не может. Я крепко обругал его, и мы поссорились. Затем он сказал, что будет говорить и записывать те мысли, которые я сочту стоящими того. Мы попробовали, и это сработало. Но мы оба были истощены...”. И всё же получившийся в итоге текст пока не годился для публикации. Тогда Рассел предпринял последнюю попытку. Он упросил секретаря Филлипа Джордана – молодую женщину, занимавшуюся историей науки – застенографировать их дискуссию: вопросы Рассела и объяснения Витгенштейна. Так появились “Заметки по логике” Л.Витгенштейна. “Я переводил, переписывал и классифицировал заметки о работе Витгенштейна”, – писал Рассел. “Заметки” послужили программой для “Логико-философского трактата”. (Яковлев А.А. Кембриджский философ (история жизни Бертрانا Рассела в годы 1872–1914) // Проблема истины в современной западной философии науки. М.: ИФАН, 1987. С. 105.)

Второе из публикуемых приложений относится к тому времени, когда Витгенштейн поселился в Норвегии в местечке Скьёлден, где жил на уединённой ферме на берегу фьорда Согн с октября 1913 года до начала Первой мировой войны. Позднее Витгенштейн вспоминал это время как одно из наиболее плодотворных в своей жизни. Воспользовавшись приглашением, его уединение нарушил Дж.Э. Мур, который гостил у него с 29 марта по 14 апреля 1914 года. Напряжённая работа результировалась в том, что принято называть «Заметками, продиктованными Дж.Э. Муру в Норвегии». Характер заметок отвечает приёму, которым Витгенштейн неоднократно пользовался впоследствии. Он диктовал материал ученикам или слушателям, в который затем вносил изменения. Как и в «Заметках по логике»? в «Заметках, продиктованных Муру»? отсутствует единый план. Они просто представляют собой совокупность положений, сформулированных в ответ на вопросы, обдумываемые долгое время. Предположительным мотивом их написания может служить стремление сообщить со случившейся оказией результаты своей работы Расселу, которому в письме, датированном приблизительно маем-июнем 1914 года, Витгенштейн пишет: «Моя работа значительно продвинулась за последние четыре-пять месяцев... Я объяснил её *в деталях* Муру, когда он был у меня, и он сделал различные заметки. Поэтому вы можете всё узнать от него. В моей работе много нового. – Лучшим способом понять её вполне был бы, если бы вы прочитали заметки Мура сами»¹. Норвежские заметки сохранились в редакции Мура на английском языке и впервые опубликованы вместе с «Дневниками 1914–1916» в 1961 году.

---

¹ *Wittgenstein L. Letters to Russel, Keynes and Moore. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1974. P. 55.*

Как источник по философии раннего Витгенштейна, несомненный интерес представляет переписка последнего с Расселом в период с 1912 по 1922 годы. Переписка позволяет существенно уточнить как историю создания «Логико-философского трактата», так и ряд содержащихся в нём фундаментальных положений и понятий. Выборка фрагментов переписки, из которой сохранилось 57 писем к Расселу, осуществлена первыми публикаторами ранних работ Витгенштейна и охватывает только то, что непосредственно относится к содержанию «Заметок» и «Трактата». Отметим, что полностью переписка опубликована в 1974 году.

* * *

Кратко остановимся на содержательной стороне публикуемых материалов¹.

«Заметки по логике» проливают свет на природу проблем, с которых начинал Витгенштейн. О важности и окончательности их решения в этот период говорит то, что приблизительно половина фрагментов этих заметок в той или иной мере была включена в окончательную версию «Трактата». Фактически Витгенштейн позднее отказался только от двух положений: во-первых, от различения между смыслом и значением предложения (принимаемого им, по-видимому, под влиянием Г. Фреге); во-вторых, от интересной идеи, что факт является «неполным символом». Основная часть заметок посвящена разработке теории истинностных функций, которые рассматриваются с точки зрения разрабатываемой новой системы обозначения (абзаписи). Все предложения – включая и предложения с так называемыми пропозициональными установками типа

---

¹ Подробный анализ подготовительных материалов см.: *Суровцев В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.*

«А судит, что ...» – здесь уже рассматриваются как функции истинности простых предложений. Правда, теория тавтологий, несмотря на то, что это понятие уже употребляется, ещё не разработана. Точно также здесь ещё отсутствует фундаментальная для Витгенштейна оппозиция «показанного» и «сказанного», отсутствует понятие «логического пространства» и концепция «удовлетворительного логического синтаксиса». Кроме теории истинностных функций значительным достижением «Заметок по логике» является специфически витгенштейнианская трактовка предикатов. Витгенштейн – подобно Г.Фреге, который считал предикаты «ненасыщенными функциями» – отказывается рассматривать реляционные выражения, входящие в предложения, как имена отношений, и предпочитает говорить о них как о выражении «различия поведения x и y », «различия того, как ведут себя факты» и т.п. В этом положении можно увидеть зачатки более поздней доктрины, говорящей о тождестве логической формы у знака и обозначаемого, в корне отличающейся от доктрины логических форм у Рассела. Другой важной чертой «Заметок по логике» является указание на исключительность проблем, связанных с пониманием мнимых переменных и зависящих от последнего трактовкой логических предложений, как стоящих под знаком всеобщности.

Однако наиболее характерной чертой «Заметок по логике» является критика взглядов Рассела (и, в меньшей степени, взглядов Фреге).

Начнём с того, что Витгенштейн в понимании предмета философии всё ещё остаётся на точке зрения Рассела. Он рассматривает логику как основу философии, считая, что основная задача последней – дескриптивный анализ неопределяемых. И это вполне согласуется со взглядами автора «Оснований математики», который говорит об «исследовании неопределяемых, которое образует главную часть фи-

лософской логики»¹. Точно так же, как и Рассел, основным методом философии Витгенштейн считает «недоверие» к грамматике естественного языка. Но уже здесь проглядывает позиция автора «Логико-философского трактата», поскольку теория познания рассматривается не как основание всей философии, а лишь как «философия психологии», т.е. частная философская дисциплина, основанная на анализе языка психологии. В этом положении уже вполне проявляется неудовлетворённость гносеологией эмпиризма, исповедуемой Расселом.

Стремление вывести философию из-под начала теории познания объясняет большую часть содержания «Заметок по логике», которая тесно связана с критикой расселовской теории суждения и основанной на последней теории предложения, понимаемого как имя комплекса, т.е. тех взглядов, которые Рассел разрабатывал в начале 1910-х годов². Содержание этой теории вкратце сводится к следующему. Когда субъект A судит, что aRb , предполагается, что A знаком с каждой конstituентой этого предложения. В противном случае он не понимал бы его. Знакомство A с a , R и b суть три отдельных примера отношения, имеющего место только между двумя членами. Но суждение есть отношение, требующее, по крайней мере, три члена, а именно, субъекта и две конstituенты, которые, как минимум, необходимы для предложения. Когда предложение имеет

¹ *Russel B. The Principles of Mathematics. NY, 1938. P. v*

² Попутно заметим, что Витгенштейн отвергает и фрегеанскую теорию, трактующую предложение как имя истинностного значения. Так, например, Фреге говорит: «Смыслом предложения является мысль, а его значением является истинностное значение». *Frege G. Grundgesetze der Arithmetik, begriffsschriftlich abgeleitet, Bd.1. Jena, 1893. S. X.* Со взглядами Рассела этого периода можно ознакомиться, например, по работе: *Рассел Б. Проблемы философии // Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007.*

форму aRb , суждение требует четыре члена, и т.д. С точки зрения Рассела, преимущество этой теории в том, что она допускает возможность для субъекта высказывать суждение aRb , когда предложение фактически является ложным, поскольку его три конституенты не упорядочены так, как они упорядочены на самом деле. Если бы суждение трактовалось как отношение, имеющее место только между двумя членами – A и комплексом a -в-отношении- R -к- b , – возможность ложного суждения была бы исключена¹.

С критикой этой теории у Витгенштейна связаны различные положения; например, что в суждении субъект соотносится с истинностными полюсами, выраженного в суждении предложения; что в отрицании предложение должно быть выражено полностью (этот аргумент, по-видимому, заимствован у Фреге из его теории отрицания) и т.д. Очевидно, что рассматриваемая теория ставит анализ структуры предложения (понимание его как имени комплекса) в зависимость от теоретико-познавательных предпосылок, связанных с осуществлением акта суждения. Последнее несколько не удовлетворяет Витгенштейна, считающего суждение процессом сугубо психологическим. Критика теории Рассела приводит к важному утверждению, которое позднее будет служить основанием образной теории предложений в «Трактате», что «факты символизируются фактами». Таким образом, основная тенденция в интересующих нас заметках заключается в демонстрации того, что имена и предложения выполняют денотативную функцию по-разному. В конце концов, это различие видится в том, что имена указывают на свой предмет, а одному

---

¹ Подробнее об этой теории см.: *Pears D. The Relation between Wittgenstein's Picture Theory of Propositions and Russell's Theories of Judgment // Wittgenstein: sources and perspectives. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979.*

и тому же факту соответствует как истинное, так и ложное предложение. Важным нововведением является утверждение, что существуют «положительные и отрицательные факты», но нет истинных и ложных фактов, а предложение есть стандарт, «в соответствии с которым ведут себя факты».

С критикой теории суждения Рассела тесно связаны и другие положения «Заметок по логике». Так, например, Витгенштейн отрицает, что общие предложения являются простыми, поскольку они якобы выражают, или даже именуют, формы. Отказ рассматривать предложения как имена приводит и к трансформации теории неопределяемых, поскольку логические формы перестают рассматриваться в качестве таковых.

К другим важным замечаниям, противоречащим взглядам Рассела, относится отрицание того, что логические союзы обозначают примитивные «логические константы», и того, что «законы дедукции» есть базовые принципы оправдания дедукции. Здесь же высказаны соображения по поводу расселовской теории типов, которые позднее лягут в основу её развёрнутой критики, что, в конечном итоге, приведёт к созданию теории «удовлетворительного логического символизма».

Отметим также, что «Заметки по логике» – единственная работа раннего Витгенштейна, где он пользуется специфическими терминами Рассела; таким, например, как «атомарное» и «молекулярное» предложения.

Следующая по времени работа «Заметки, продиктованные Муру в Норвегии» в меньшей степени связана с критикой, но зато содержит много такого, что в развёрнутом виде войдёт в «Трактат». Наиболее значительное достижение данного текста – это крайне важная для понимания философии раннего Витгенштейна концепция различения

между «показанным» и «сказанным». На этой концепции базируется ряд идей, к самым важным из которых относятся следующие:

- концепция логических предложений как «тавтологий», которые показывают внутренние отношения, но «сами не говорят ничего»; эти внутренние отношения затрагивают, с одной стороны, свойства языка, с другой стороны – свойства мира в целом, а потому характеризуют их единую логическую форму. Это приводит к двум замечательным следствиям: 1) в языке, в котором нечто может быть высказано, можно высказать всё; 2) невозможно сконструировать такой язык, который бы говорил о логической форме, поскольку тогда этот язык должен был бы быть нелогичным;

- отсюда вытекает концепция логики как метода описания тавтологий, раскрывающего логическую форму их конституент. В отличие от Рассела, в соответствии со своей теорией суждения считавшего, что логика имеет дело с внутренними отношениями предложения, Витгенштейн отказывается от этой точки зрения. Логика не рассматривает отношение имён к целому предложению, но имеет дело с отношениями совершенно иного типа. По его мнению тавтологии есть формы доказательств, т.е. они показывают внутренние отношения между предложениями. Следовательно, они существенно отличаются от «действительных» предложений, поскольку не являются истинными или ложными в обычном смысле. Доказательство логического предложения, на самом деле не является установлением его истинности, а лишь показывает то, что оно относится к логическим предложениям. «Правила логики» идентифицируются с «синтаксическими правилами» оперирования знаками в совершенном символическом обозначении и явно связываются с разработанной ещё в «Заметках по логике» системой *ab*-записи;

• на различии показанного и сказанного основан окончательный разрыв с теорией типов в интерпретации Рассела. Совершенная символическая запись сама показывает, что знаки соотносятся с различными классами предметов. Любая попытка явно соотнести в соответствующем предложении символ определённого вида с определённым классом предметов является бессмысленной, поскольку вид символа, зависящий от его способа вхождения в выражение, полностью определяет (показывает) класс предметов, который он может обозначать. Поэтому предложения, эксплицитно устанавливающие значение знаков, бессмысленны или тавтологичны в том смысле, что они пытаются установить то, что «уже показывается самим символом»;

• из предыдущего вытекает различие, правда ещё не вполне эксплицитное, между сущностными и «произвольными» или случайными чертами символизма. Случайное относится к выбору знаков, необходимое – к способам оперирования ими, если символическая система установлена. Здесь же впервые подчёркивается философская значимость первого;

• на различии показанного и сказанного основано новое понимание источника «бессмысленности», которая привходит с попыткой сказать то, что может быть только показано. В этом положении уже можно увидеть предвосхищение того понимания философской деятельности, которое будет присутствовать в последних афоризмах «Трактата».

Наиболее богаты по содержанию «Дневники 1914–1916»: в них присутствуют большинство тем, которые позднее составят содержание «Трактата».

Как видно из первого афоризма, Витгенштейн начинает с разработки метода адекватного решению поставленных им проблем. Характер предполагаемой трансформации метода виден из тех специфических вопросов, которые позволяют отличить проблемы логики от проблем теории

познания (например, является ли точка зрительного поля простым предметом?). Логика автономна не только потому, что она априорна, но и потому, что она не зависит ни от какого вида опыта; скажем, от такого, который Рассел характеризует как «самоочевидный». То, что в качестве необходимого мы можем открыть в логической структуре реальности, может быть раскрыто исключительно посредством анализа логики языка. Но это возможно только потому, что язык интересует нас лишь постольку, поскольку он отражает реальность. Отсюда вытекают основные проблемы, которые занимают Витгенштейна этого периода: как происходит такое логическое отображение? на что должен быть похож язык, чтобы его предложения посредством истинностных полюсов приводились в соответствие с реальностью?

Для Витгенштейна очевидно, что должно существовать некоторого вида тождество между знаком и обозначаемой вещью, причём эта тождественность должна однозначно определяться относительно их логического содержания, т.е. содержания, не зависящего ни от какого специфического вида опыта, так как, в противном случае, этот опыт должен был бы быть чем-то «ещё более фундаментальным, чем логика». Очевидно, что это тождество должно быть чем-то совершенно особым, не совпадающим с тем, что подразумевает, например, математическое равенство. Такое тождество должно состоять в соотношении элементов состояний дел, поскольку предложение также представляет собой состояние дел, с той лишь разницей, что оно не обозначается, а обозначает.

Вопрос о соответствии языка и реальности должен, по Витгенштейну, решаться не только для символического языка логики, но и для любого языка вообще, в том числе для языка повседневной жизни, поскольку такой язык отличается от совершенного только тем, что мы не знаем его

анализа. Но это не может служить аргументом в пользу того, что его связь с реальностью какая-то иная. Тем более что логика точно так же определяет границы этого языка. Логика предложений, которые «выглядят как субъектно-предикатные», несмотря на то что их анализ может быть бесконечным, должна быть точно такой же, как и логика предложений, которые «действительно являются субъектно-предикатными». Здесь впервые становится ясным, что вопрос о сущности языка не решается Витгенштейном специально для идеального символического языка, как позднее во введении к первому изданию «Трактата» будет ошибочно полагать Рассел¹; но если такой вопрос может быть решён вообще, он должен быть решён для языка как такового.

Как раз здесь Витгенштейн предлагает то решение проблемы связи языка и реальности, которое позднее составит основу его образной теории предложений. В предложении мир составляется «как бы ради пробы», где сочетание элементов предложения моделирует возможное сочетание элементов состояния дел в мире. Каждое возможное предложение, поскольку оно есть предложение, является правильно сформулированным и указывает на определенное сочетание обозначаемых предметов, поскольку предложение – это знак, а знак как раз и есть то, что способно обозначать. Предложение определяет некоторое «логическое место», и точно так же, как пространственное место указывает на возможность существования протяжённых предметов, предложение указывает на возможность существования предметов, которые могут образовать соответствующую предложению логическую структуру. В этом состоит образное отношение предложения к реальности.

---

¹ См.: Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958, С. 12.

На рассмотрение языка как образа или картины реальности Витгенштейна натолкнул один вполне реальный факт, о котором он в своё время рассказывал фон Вригту. Последний передаёт это так: «Это было на Восточном фронте. Он сидел в окопе и рассматривал журнал, где на рисунках было изображено последовательное развитие событий автомобильной катастрофы. Рисунок здесь служил пропозицией – он выступал как описание возможного положения дел. Он выполнял эту функцию благодаря тому, что фрагменты изображения соответствовали предметам в реальном мире. Витгенштейн подумал, что, воспользовавшись обратной аналогией, можно сказать, что пропозиция выступает в роли образа (картины) в силу такого же соответствия между частями пропозиции и миром. Способ, которым соединены части пропозиции – собственно, структура пропозиции, – отражает возможную комбинацию элементов в реальности, то есть возможное положение дел»¹. Однако предложение является образом не в том смысле, в котором образом является, скажем, чувственный образ. Последний не может отрицаться, предложение же может. Отрицание не затрагивает смысла предложения, который задаётся комбинацией возможных предметов, соответствующих предложению, а зависит от истинности и ложности предложения, что пытаются установить, когда предложения приводят в соответствие с реальностью. Однако структура предложения предшествует всякой реальности. Она как бы образует её «строительные леса», за которые, в принципе, нельзя выйти, так как это была бы уже не реальность, не то, что можно смоделировать посредством предложения. Предложения моделирует реальность, заме-

---

¹ фон Вригт Г.Х. Людвиг Витгенштейн (биографический очерк) // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: изд. группа «Прогресс», «Культура», 1993. С. 15.

щая предметы знаками, которые не несут никакой смысловой нагрузки, а выполняют исключительно функцию референции. Поэтому логический анализ предложения в точности соответствует анализу реальности. Полный анализ предложения всегда показывает, сколько существует соответствующих ему предметов, а его логическая форма показывает способ их соединения, определяющий смысл предложения.

Когда ответ на основной вопрос был найден в общем виде, осталось разработать конкретные способы его применения. Значительная часть «Дневников» как раз этому и посвящена. Витгенштейну очевидно, что согласованность образа и реальности может быть только логической, поскольку она должна быть задана до любого возможного опыта. Именно отсюда возникает представление о единстве логической формы знака и обозначаемого. Тождественность их логических форм не может быть выражена (как и вообще нельзя ничего сказать о логической форме, поскольку это требовало бы чего-то нелогичного), но может быть только показана. Так углубляется концепция различения «сказанного» и «показанного», вовлекая в свою орбиту всё новые проблемы.

В общем виде вопрос об отображении языком реальности решается для «простых предложений». Однако простыми предложениями не исчерпывается класс всех предложений, и большая часть «Дневников» посвящена выявлению логической формы различных типов последних и демонстрации того, каким образом они могут соответствовать (если вообще могут) реальности. Здесь наряду с проблемами, которые уже рассматривались в «Заметках, продиктованных Муру» (отношение к реальности логических предложений), рассматриваются новые (например, отношение к реальности вполне общих предложений, и Витгенштейн даёт её решение) совершенно отличное от Рассе-

ла, который считал, что последние нечто высказывают о логической форме, а не о действительности. Но если бы дело действительно обстояло таким образом, то вполне общие предложения не зависели бы от опыта, что, очевидно, не так. Общность общего предложения является «случайной», т.е. не в коей мере не сопоставима с той «общностью», которую демонстрируют, например, тавтологии. Новое понимание общности требует иной интерпретации её записи. В «Дневниках», в отличие, скажем, от Фреге, запись общности понимается не как выражение «функции второго порядка», но как указание на все предметы одновременно посредством специфического типа обобщённого наименования. В этом отношении функция обозначения общности совпадает с функцией имени. Аналогичным образом ставятся и решаются подобные проблемы для других типов предложений.

Различные типы предложений требуют разработки соответствующих способов анализа. Это – второй важный вопрос, на который сориентирован Витгенштейн. «Предложение всегда комплексно» – это основание анализа, но основание, затребованное самой спецификой предложения, которое, в отличие от имён, имеет смысл. Предложение не есть только класс имён простых предметов, но анализ всё же должен приводить именно к ним, поскольку не может уходить в бесконечность. В противном случае нельзя было бы установить смысл предложения. Простые элементы должны составлять полностью проанализированное предложение, и им должны соответствовать простые предметы реальности. Это затребовано необходимостью «определённости смысла». Однако Витгенштейн не может привести пример простого предмета и полного анализа предложения; впрочем, это требовалось бы только в том случае, если бы анализ предложения зависел от какого-либо вида опыта (так, например, Рассел рассматривает в качестве простых

элементов *sense-data*). Но простое у Витгенштейна – это не теоретико-познавательная предпосылка, а предвидимый результат логической расчленимости предложения. Предложение должно быть «артикулированным», но полная артикуляция есть предел (в математическом смысле) анализа, к которому можно стремиться, но который не обязательно достигать.

Большинство вопросов, касающихся логического отображения и анализируемости, далеки от окончательных решений, которые иногда существенно отличаются от того, что найдёт своё воплощение в «Трактате». Часть тем в сохранившихся «Дневниках» отсутствует вообще; например, система онтологии, разработанная Витгенштейном в первых афоризмах, или анализ предложений математики и т.д. Однако есть и много такого, что войдёт в «Трактат» практически в неизменном виде, например афоризмы о природе научной теории или замечания о теории вероятностей.

Наибольший интерес вызывает содержание третьей из сохранившихся тетрадей. Здесь высказываются те идеи, которые позднее в «Трактате» будут отнесены к области «мистического». «Невыразимый» характер мистического объясняет, почему в окончательной версии своей философии Витгенштейн уделил им столь мало места. Однако «Дневники» позволяют проследить их источники на стадии продумывания. Афоризмы указывают на то, что исходный материал, на основе которого сформировалось мировоззрение Витгенштейна, охватывает широкий спектр проблем, рассматриваемых в рамках достаточно разнородных философских учений. Здесь можно найти влияние учений о познавательном аффекте Б. Спинозы, о причинности Д. Юма и особенно влияние волюнтаризма А. Шопенгауэра; некоторые из высказанных идей близки О. Вейнингеру. Ряд тем задан русской литературой (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), которой Витгенштейн особенно увлекался в этот период.

Позиция, высказанная им в этих записках, в целом близка трансцендентальному солипсизму и направлена на преодоление натуралистического понимания субъективности. Субъект не является фактом мира, а значит не может пониматься ни в физиологическом, ни в психологическом смысле. Он помещён в мире «как глаз в своём поле зрения», а значит мир всегда есть «его мир». Субъект воздействует не на факты мира, а на мир в целом, посредством воли изменяя его границы. Именно это придаёт смысл миру как целому. Ценности как ориентация воли, следовательно, не находятся в мире и не затрагивают его отдельные факты. Взгляд на мир с точки зрения ценности есть всегда взгляд на мир в целом, именно это сближает этику и эстетику. Но этот взгляд не выразим в языке, поскольку в языке выразимы только состояния дел, имеющие место «внутри» мира. Именно поэтому «этика – трансцендентна», а любая этическая граница отделяющая жизни, наполненные разным смыслом (например, счастливую и несчастную, «не физична, а метафизична». Таким образом, нельзя выразить в языке этический императив и тем более дать ему рациональное обоснование. Жизнь должна быть ориентирована на единственное требование: «Живи счастливо!», но нельзя определить, что такое счастливая жизнь. Можно только сказать, что она предоставляется жизнью познания.

В «Дневниках», относящихся ко второй половине 1915 года, впервые становится ясна глубокая этическая мотивация, послужившая основой «Логико-философского трактата». Остаётся лишь добавить, что их публикация во многом способствовала отходу от сугубо позитивистских интерпретаций творчества раннего Витгенштейна.

* * *

В качестве дополнения, в данное издание помимо «Дневников» и «Заметок» включён ряд текстов, имеющих существенное значение для понимания философии «Трактата». Самый важный из них – это так называемые «Тайные дневники 1914–1916». Выше уже указывалось, что первые редакторы «Дневников» Витгенштейна не стали делать достоянием широкой публики записи, выполненные с помощью специального кода, ссылаясь на то, что они имеют весьма личный характер и не существенны. Этот подход сохранился и в переизданиях. Трудно судить, чем в данном случае руководствовались первые редакторы «Дневников» (они же – душеприказчики Витгенштейна). Это могло быть вызвано как трепетным отношением к учителю, поскольку некоторые из этих записей могли выставить его с неприглядной стороны, так и тем, что эти записи представляли философию Витгенштейна несколько в ином ракурсе, во многом не согласующимся с принятыми интерпретациями.

Как бы там ни было, впервые к недостающим записям широкое внимание привлёк один из биографов Витгенштейна Вильгельм Баум. Его изыскания позволили ему обнаружить, что пропущенным оказалось не так уж мало. Действительно, неопубликованные записи были написаны тайным кодом, но в структуре «Дневников» они занимали практически одну треть. Как оказалось, Витгенштейн вёл дневник следующим образом. На правой стороне разворота тетради записи велись, в основном, обычным шрифтом и представляли собой то, что можно считать философским дневником; левая сторона разворота была расписана тайнописью. Тайный код был не слишком сложным: А замещалось на Z, В – на Y и т.д.

После расшифровки оказалось, что эти записи действительно являются очень личными. Многие из них свидетельствуют о духовном кризисе и депрессии, почти переходящим в клинику и сопровождавшим Витгенштейна в период написания «Трактата». Первая мировая война, на которую Витгенштейн пошёл добровольцем, оказалась сложным испытанием его характера. Но, во всяком случае, тайные дневниковые записи проливают свет на загадку, почему он в ней участвовал, хотя с полным правом мог этого не делать. Кроме того, эти заметки проясняют многие дискуссионные для биографов черты характера Витгенштейна, часто несовместимые; а именно, мизантропия и, одновременно, жертвенность, гомосексуальность и, в то же время, несмотря на мужское окружение, аутоэротизм и т.п.

Следует отметить, что эти черты, в частности мизантропия, могут прояснить некоторые специфические черты этических построений Витгенштейна, где моральные ценности основываются не на перспективе действия в отношении другого, а на переживании органической целостности мира и Духа, способного очистить и побороть скверную человеческую натуру.

Но особенно интересны тайные записи тем, что они указывают на преимущественную религиозную подоплёку «Логико-философского трактата», который должен прочитываться не как позитивистское оправдание науки, а, в значительной степени, как гимн спиритуализму и религиозному подвижничеству. Постоянная апелляция к Богу и Духу (последняя тетрадь, скорее, напоминает непрерывную молитву) показывает, что позитивные построения, касающиеся логики языка, должны рассматриваться как образчик апофатической теологии, и граница осмысленности, которую пытается провести Витгенштейн, – это не демаркация научного и ненаучного, а попытка развести знание и веру.

В этом отношении последние афоризмы «Трактата» должны пониматься действительно в буквальном смысле, представляя Витгенштейна как «великого молчальника» и подвижника Духа.

Поражает стиль тайных записей. Иногда кажется, что перо Витгенштейна не поспевает за мыслью. Отсюда сумбурный характер записей, зачастую с нарушением правил грамматики и стилистики. В них часто находят принцип: «О чём нельзя говорить, следует молчать», что проявляется в многочисленных многоточиях, где кажется, что мысль прерывается, не в силах быть высказанной. Представляется, что тайные записи были для Витгенштейна, с одной стороны, вариантом эскапизма, позволяющим оградить себя от мерзости окружающей действительности, а, с другой стороны, своеобразным методом очищения, где заклинания и молитвы есть способ избавления от внутренней нечистоты. Душевный конфликт Витгенштейна в свете этих записей состоит в экзистенциальном противоречии между общественным долгом и стремлением служить Духу.

В сентябре 1965 года в Вене Г.Х. фон Вригтом была обнаружена рукопись Витгенштейна, содержащая раннюю версию «Трактата»¹. Эта версия имеет две особенности. Во-первых, несмотря на то что подавляющее число её афоризмов совпадают с афоризмами «Трактата», и это дало основание фон Вригту назвать рукопись «Прототрактатом», они по-иному упорядочены и пронумерованы. Во-вторых, некоторые афоризмы «Прототрактата» отсутствуют в «Трактате», и наоборот. Отсутствующие в «Трактате» афоризмы не вносят существенно нового, но они проясняют его отдельные положения. В данном издании приведены все фрагменты «Прототрактата» (33 полных афоризма,

---

¹ von Wright G.H. The Origin of Wittgenstein's *Tractatus*. P. 2.

2 частичных и 6 непрономерованных), не имеющие соответствия в «Трактате».

В издание включены также фрагменты писем Л. Витгенштейна к Людвигу фон Фиккеру (1880–1967), редактору литературного журнала *Der Brenner* и главе небольшой издательской фирмы, с которым Витгенштейн познакомился в Вене незадолго перед Первой мировой войной. Через Фиккера Витгенштейн анонимно распределил значительную сумму денег, из доставшихся ему по наследству, среди некоторых австрийских писателей (Рильке, Тракль, Кокошка). Приводимая в выдержках переписка конца 1919 – начала 1920 годов связана с надеждой Витгенштейна издать в *Der Brenner* «Логико-философский трактат», что не удалось в связи с испытываемыми издательством Фиккера финансовыми проблемами. Эта переписка интересна тем, что Витгенштейн разъясняет (и это крайне редкий случай) возможному издателю основной мотив своего произведения и даёт ему оценку. Здесь публикуются те фрагменты из переписки, которые наиболее интересны с этой точки зрения. Они опять-таки указывают на преимущественно этическую подоплёку «Логико-философского трактата».

Небольшая статья «Некоторые замечания о логической форме» относится ко времени, когда Витгенштейн вернувшись в 1929 году в Кембридж после долгого перерыва вновь занялся философией. Эта работа была написана для материалов Аристотелевского общества – престижного объединения английских философов – и в этом же году опубликована. Однако Витгенштейн невысоко оценивал данную работу и даже просил не публиковать её. Явившись на заседание общества, он сделал доклад на другую тему, посвященную бесконечности. Содержание этой статьи посвящено и близко примыкает к логической части «Трактата», в котором исследование специфики логической формы составляло значительную часть. Однако здесь

наблюдается изменение взглядов Витгенштейна, поскольку логическая форма не есть результат априорного конструирования, что было главным в «Трактате, а открывается *a posteriori* через исследование фактов. С этой позицией некоторые исследователи связывают начало трансформации учения и переход от «раннего» Витгенштейна к «позднему»¹.

«Лекция об этике» представляет собой текст, подготовленный Витгенштейном в 1929 или 1930 годах для одного из публичных выступлений в Кембриджском университете. Понятие этического в этой лекции близко примыкает к точке зрения «Трактата» и, по существу, разъясняет представленную в нём концепцию невыразимого. В этом отношении материал данной лекции незаменим при реконструкции этических взглядов раннего Витгенштейна.

* * *

В 1999 году Л. Голдстейн опубликовал крайне интересную работу под вызывающим названием: «Экзамен на Ph.D. Витгенштейна: Воссоздание события». В этой работе обыгрывалась известная в истории философии XX века ситуация, когда Витгенштейн, будучи признанным корифеем новых веяний, был вынуждён сдавать экзамен на профессиональную пригодность, чтобы преподавать и заниматься философией. Экзаменаторами тогда выступили Рассел и Мур, которые признавали, что не только были учителями своего гениального ученика, но и восприняли некоторые его мысли. Поэтому экзамен, вызывающий многие затруднения у других, для Витгенштейна представлял простую формальность. Тем не менее Голдстейн поставил задачу реконструировать это событие в том ключе, как если бы в нём участвовали незаинтересованные лица. Что

---

¹ См., например: Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. С. 139–141.

произошло бы, если бы экзаменаторы хуже знали экзаменуемого, если бы они подходили к нему с точки зрения стандартов, принятых в Кембридже для других студентов, а именно учитывали бы степень оригинальности идей, уровень разработанности проблемы и т.д.? Выводы Л. Голдстейна были неутешительны. «Логико-философский трактат», представленный Витгенштейном в качестве диссертационной работы, вряд ли удовлетворял бы требованиям, принятым тогда в английских университетах. Действительно, с точки зрения современных критериев «Трактат» содержит множество погрешностей. Именно на этих погрешностях сосредоточил своё внимание Голдстейн, обыграв их в виде небольшой шуточной пьесы, где вымышленные действующие лица являлись своего рода «суррогатом» реальных участников этого события. Пьеса, поставленная Голдстейном, вызвала бурную дискуссию, на которую Голдстейн ответил обстоятельной статьёй «В какой степени оригинален *Логико-философский трактат?*».

В предлагаемом издании публикуются обе эти статьи Л. Голдстейна, поскольку они представляют собой весьма оригинальную интерпретацию философии раннего Витгенштейна, сильно отличающуюся от принятых стандартов, и могут быть полезны для более глубокого понимания генезиса аналитической философии.

В. А. Суровцев

ДНЕВНИКИ
1914—1916

22.8.14.

Логика должна заботиться о себе сама. [См. 5.473]

Если синтаксические правила для функций вообще могут быть установлены, тогда полная теория вещей, свойств и т.д. является излишней. И даже бросается в глаза, что в *Grundgesetze* и в *Principia Mathematica* речь идёт не об этой теории¹. Ещё раз: логика должна заботиться о себе сама. *Возможный* знак тоже должен быть способен обозначать. Всё, что вообще возможно, является также законным (дозволенным). Вспомним объяснение того, почему «Сократ есть Платон» – бессмысленно. А именно потому, что мы не затронули никакого произвольного определения, а не потому, что знак есть нечто незаконное в себе и для себя! [Ср. 5.473.]

2.9.14.

В определённом смысле для нас должно быть невозможным ошибаться в логике. И это уже отчасти выражено в словах: логика должна заботиться о себе сама. Это чрезвычайно глубокое и важное наблюдение. [Ср. 5.473.]

Фреге говорит: Каждое законно образованное предложение должно иметь какой-то смысл; а я говорю: каждое возможное предложение является законно образованным, и если оно не имеет смысла, то это может быть только потому, что мы не *наделили* никаким значением некоторые из его составляющих. Даже если мы уверены, что сделали это. [Ср. 5.4733.]

3.9.14.

Как согласовывается с задачей философии то, что логика должна заботиться о себе сама? Если, например, мы спросим: «имеет ли такой-то факт субъектно-предикатную форму», мы должны, конечно, знать, что мы подразумева-

ем под «субъектно-предикатной формой». Мы должны знать, существует ли вообще такая форма. Как мы можем знать это? «Из знаков». Но как? Мы ведь не имеем каких-либо *знаков* этой формы. Правда, мы можем сказать: у нас есть знаки, которые ведут себя как знаки субъектно-предикатной формы, но доказывает ли это, что факты этой формы действительно должны существовать? А именно: когда эти знаки являются полностью проанализированными? И здесь вновь возникает вопрос: существует ли такой полный анализ? *А если нет*: что тогда представляет собой задача философии?!?

Итак, мы можем спросить себя: Существует ли субъектно-предикатная форма? Существует ли реляционная форма? Существуют ли вообще какие-либо формы, о которых всегда говорили Рассел и я? (Рассел сказал бы: «Да! Ведь это очевидно». Ха!)

Итак: если *всё*, что необходимо показать, показывается субъектно-предикатным предложением и т.д., цель философии отлична от той, что я изначально предполагал. Но если это не так, тогда то, чего недостаёт, должно быть показано посредством некоторого вида опыта, а это, я считаю, исключено.

Неясность *очевидно* присутствует в вопросе: В чём, собственно, заключается логическое тождество знака и обозначаемой вещи? И этот вопрос (*снова*) представляет собой главный аспект целостной философской проблемы.

Пусть дан некоторый философский вопрос; скажем, такой: является ли «А есть хороший» субъектно-предикатным предложением; или является ли «А светлее, чем В» реляционным предложением? *Как вообще можно получить убедительный ответ на такой вопрос?* Что за очевидность может успокоить меня тем, что – *например* – на первый вопрос должно ответить утвердительно? (Это не-

обычайно важный вопрос.) Разве и здесь единственная очевидность есть *та в высшей степени сомнительная «самоочевидность»*? Возьмём вопрос совершенно подобный этому, но который проще и фундаментальнее, а именно следующий: Является ли точка в нашем зрительном поле *простым предметом, вещью*? До сих пор я всегда относил такие вопросы к настоящим философским вопросам – и, конечно, в некотором смысле они и являются таковыми, – но ещё раз: какого рода очевидность может вообще решить вопрос такого вида? Разве здесь нет ошибки в постановке проблемы, поскольку, как кажется, мне вообще ничего не проясняет этот вопрос; кажется, я могу с определённостью сказать, что эти вопросы вообще никогда не могут быть решены.

4.9.14.

Если существование субъектно-предикатного *предложения* не показывает всего, что нужно, тогда это могло бы быть показано только существованием некоторого отдельного факта этой формы. А сведение о таком факте не может быть существенным для логики.

Предположим, что у нас есть знак, который *действительно* имел бы субъектно-предикатную форму. Разве подходил бы он для выражения субъектно-предикатного предложения в сколько-нибудь большей степени, чем наше субъектно-предикатное предложение? По-видимому, нет! Не зависит ли это от отношения обозначения?

Если логика может быть завершена без ответа на определённые вопросы, тогда она *должна* быть завершена *без* ответа на них.

Логическое тождество между знаком и обозначаемым заключается в том, что из знака нельзя узнать не более и не менее, чем из обозначаемого.

Если бы знак и обозначаемое *не* были тождественны в отношении их общего логического содержания, тогда

должно было бы существовать нечто ещё более фундаментальное, чем логика.

5.9.14.

$$\phi(a) \cdot \phi(b) \cdot aRb = \text{Def } \phi[aRb]$$

Помни, что слова «функция», «аргумент», «предложение» и т.д. не должны встречаться в логике.

Сказать о двух классах, что они тождественны, – значит сказать нечто. Сказать это о двух вещах – значит не сказать ничего; это уже показывает, что определения Рассела недопустимы.

6.9.14.

Последнее предложение есть, собственно, ничто иное, как древнее возражение против тождества в математике. А именно, если 2×2 действительно было бы *равно* 4, тогда это предложение говорило бы не более, чем $a=a$.

Можно сказать: Логику *не* заботит анализируемость функций, с которыми она работает.

7.9.14.

Обдумай то, что даже непроанализированное субъектно-предикатное предложение ясно высказывает нечто *вполне определённое*.

Нельзя ли сказать: Всё зависит не от того, что мы имеем дело с неанализируемыми субъектно-предикатными предложениями, но от того, что наши субъектно-предикатные предложения ведут себя как такие в *каждом* отношении; т.е. что логика *наших* субъектно-предикатных предложений такая же, как и логика любых других. Всё зависит от того, что нам нужно лишь завершить логику, и наше главное возражение против неанализируемых субъектно-предикатных предложений в том, что мы не можем установить их синтаксис, пока не знаем их анализа. Но

разве не должна логика предложений, которые выглядят как субъектно-предикатные, быть такой же, как логика предложений, которые действительно являются таковыми? Если вообще возможно определение, задающее предложению субъектно-предикатную форму...?

8.9.14.

«Самоочевидность», о которой так много говорил Рассел, может оказаться в логике излишней только благодаря тому, что язык сам препятствует любой логической ошибке. И ясно, что эта «самоочевидность» всегда была и есть всецело обманчива. [Ср. 5.4731.]

19.9.14.

Предложение типа «этот стул – коричневый», по-видимому, говорит нечто чрезмерно сложное; ведь если бы мы хотели выразить это предложение так, чтобы никто не мог на основании вытекающей из него многозначности выдвинуть возражения, то оно оказалось бы бесконечно длинным.

20.9.14.

То, что предложение есть логическое отображение своего значения, ясно непредвзятому глазу.

Существуют ли функции фактов? Например, «Лучше, когда имеет место то, чем когда имеет место это».

В чём же заключается связь между знаком *r* и остальными знаками в предложении «Хорошо, что имеет место *r*»? В чём состоит эта связь?

Если говорить непредвзято: Очевидно, в пространственном отношении буквы *r* к двум соседним знакам. А что, если бы факт «*r*» был таким, в который не входят вещи??

«Хорошо, *что r*» вполне могло бы быть проанализировано как «*r* . хорошо, *если r*».

Мы предполагаем: р не имеет места: тогда, что значит сказать «хорошо, что р»? Совершенно очевидно, мы можем сказать, что состояние дел р – хорошее, без знания того, является ли «р» истинным или ложным.

Здесь проливается свет на выражение грамматики: «Одно слово отсылает к другому».

В указанных выше случаях речь идёт о том, чтобы задать, каким образом предложения в себе взаимосвязанны. Каким образом осуществляется *связность предложения*, [Ср. 4.221.]

Каким образом функция может *отсылать к предложению*???? Всегда древние вопросы.

Только не позволяй завалить себя вопросами; лишь устраивайся поудобнее!

« $\phi(\psi x)$ »: Предположим, нам дана функция субъектно-предикатного предложения, и мы пытаемся объяснить вид отношения функции к предложению, говоря: Функция непосредственно относится только к субъекту субъектно-предикатного предложения, и то, что обозначает, есть логическое произведение этого отношения и субъектно-предикатного знака предложения. Теперь, когда мы так говорим, можно спросить: Если ты можешь так объяснить это предложение, тогда почему не даёшь аналогичного объяснения его значению? А именно, «Это – не функция субъектно-предикатного факта, но логическое произведение такого факта и функции его субъекта»? Разве возражение против последнего объяснения не должно иметь силу также и для первого?

21.9.14.

Сейчас мне вдруг показалось в некотором смысле ясным, что свойство состояния дел всегда должно быть внутренним.

ϕa , ψb , aRb . Можно сказать, что состояние дел aRb всегда имеет определённое свойство, если оба первых предложения являются истинными.

Когда я говорю: Хорошо, что p имеет место, тогда это должно быть хорошо именно *в себе*.

Теперь мне кажется ясным, что не может быть функций состояний дел.

23.9.14.

Можно было бы спросить: Каким образом состояние дел p может иметь некое свойство, если дело, в конце концов, обстоит совсем не так?

24.9.14.

Вопрос «как возможно соотнесение отношений?» тождествен проблеме истины.

25.9.14.

Ибо последняя совпадает с вопросом, как возможно соотнесение состояний дел (одно из которых обозначает, а другое обозначается).

Это возможно только через соотнесение составных частей; соотнесение имён с наименованным предоставляет пример. (И ясно, что соотнесение отношений каким-то способом также имеет место.)

$$| aRb | ; | a b | ; p = aRb \text{ Def}$$

Здесь простой знак соотнесён с состоянием дел.

26.9.14.

На чём базируется наша – наверняка хорошо обоснованная – уверенность в том, что мы в состоянии выразить любой смысл нашим двумерным способом записи?

27.9.14.

Предложение может выражать свой смысл *только* за счёт того, что оно есть его логическое отображение.

Бросается в глаза сходство между знаками:

«aRb»

«aσR . Rσb».

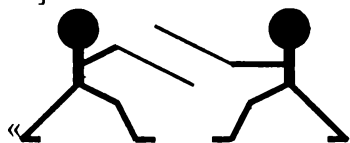
29.9.14.

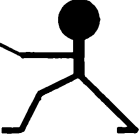
Общее понятие предложения влечёт за собой совершенно общее понятие соотнесения предложения и состояния дел: решение всех моих вопросов должно быть *в высшей степени* простым!

В предложении мир составляется как бы ради пробы. (Так же как в Париже в зале суда автомобильная авария была изображена с помощью кукол и т.д.)² [Ср. 4.031.]

Отсюда (если я не слепой) тотчас должно производиться существо истины.

Вспомним об иероглифической письменности, в которой каждое слово изображает своё значение. Вспомним к тому же, что *действительные* образы состояний дел могут *соответствовать* и *не соответствовать* истине. [Ср. 4.016.]

« »: если в этом образе фигура с правой стороны представляет человека А, фигура с левой стороны обозначает человека В, тогда целое может приблизительно высказывать: «А фехтует с В». В образном написании предложение может быть истинным или ложным. Оно имеет смысл независимо от своей истинности или ложности. В нём должно обнаружить себя всё самое существенное.

Можно сказать, что хотя мы и не уверены относительно возможности перевода всех состояний дел в образы на бумаге, но мы, пожалуй, уверены, что способны отобразить все *логические* свойства состояний дел в двумерном написании.

Мы здесь всё ещё в значительной степени на поверхности, но, пожалуй, напали на хорошую жилу.

30.9.14.

Можно сказать, что в нашем образе фигура справа изображает нечто, и точно так же фигура слева; но даже если бы это было не так, их взаимное расположение могло бы изображать нечто. (А именно, отношение.)

Образ может изображать отношения, которые не существуют!!! Как это возможно?

В данный момент опять кажется, что все отношения должны быть логическими, для того чтобы их существование было гарантировано существованием знаков.

2.10.14.

В «aRb . bSc» a и c связывает не знак «.», но *вхождение одной и той же буквы «b»* в оба простых предложения.

Вместо того чтобы говорить: это предложение имеет такой-то и такой-то смысл, можно прямо сказать: это предложение изображает такое-то и такое-то состояние дел. [См. 4.031.]

Оно отображает его логически.

Предложение может быть истинным или ложным только так: оно может согласовываться или не согласовываться с действительностью лишь за счёт того, что является *образом* состояния дел. [См. 4.06.]

3.10.14.

Предложение может быть образом состояния дел, *лишь* поскольку оно логически расчленимо. (Простой – нерас-

членённый – знак не может быть ни истинным, ни ложным.) [Ср. 4.032.]

Имя не является образом наименованного!

Предложение *говорит нечто лишь постольку, поскольку оно есть образ!* [См. 4.03.]

Тавтологии не говорят ничего, они не являются образами состояний дел: сами по себе они полностью логически нейтральны. (Логическое произведение тавтологии и предложения говорит не более и не менее, чем одно последнее.) [См. 4.462. и 4.465.]

4.10.14.

Ясно, что «xRu» может содержать элемент обозначающий отношение, даже если «x» и «у» не обозначают ничего. И в этом случае отношение – то единственное, что обозначается в этом знаке.

Но как тогда возможно, чтобы код «kilo» означал: «Я – в порядке»? Здесь *простой знак* всё равно высказывает нечто и используется для передачи сообщения другому. ----

Разве не может *слово* «kilo» с таким значением быть истинным или ложным?!

5.10.14.

Во всяком случае, всё равно можно соотнести простой знак со смыслом предложения. ---

Только реальность интересует логику. А стало быть – и предложения, только постольку они являются *образами действительности*.

Но как отдельное *слово* МОЖЕТ быть истинным или ложным? Во всяком случае, оно не может выражать *мысль*, которая согласуется или не согласуется с действительностью. Мысль всё-таки должна быть расчленена!

Отдельное слово не может быть истинным или ложным в *том* смысле, что оно не может или, наоборот, может согласовываться с действительностью.

6.10.14.

Стало быть, общее понятие двух комплексов, один из которых может быть логическим образом другого, *существует в едином* смысле.

Согласованность двух комплексов очевидно является *внутренней* и поэтому не может быть выражена, но только показана.

«р» является истинным – не говорит ничего помимо р.

«‘р’ является истинным» есть – согласно сказанному выше -- лишь псевдопредложение, как все те связи знаков, которые, по-видимому, говорят нечто такое, что может быть только показано.

7.10.14.

Если дано предложение фа, тогда вместе с ним *уже* даны все его логические функции (~фа, и т.д.)! [Ср. 5.442.]

8.10.14.

Полное и неполное отображение состояния дел. (Функция и аргумент отображаются функцией и аргументом.)

Выражение «далее не разложимо» также является одним из тех, которые вместе с «функция», «предмет» и т.д. относятся к индексу; но как *показывается* то, что мы пытаемся выразить посредством него?

(Разумеется, нельзя сказать ни о вещи, ни о комплексе, что он далее не разложим.)

9.10.14.

Если бы существовало непосредственное соотнесение отношений, вопрос был бы следующим: Как тогда вещи,

которые находятся в этих отношениях, соотнесены одна с другой? Существует ли прямое соотнесение отношений, не принимающее во внимание их *смысл*?

Не является ли наше предположение об «отношениях между отношениями» всего лишь результатом заблуждения по кажущейся аналогии между выражениями:

«отношения между вещами»
и «отношения между отношениями»?

Во всех этих рассуждениях я где-то совершаю нечто вроде основной ошибки.

Вопрос о возможности предложений существования стоит в логике не в середине, а в самом начале.

Все проблемы, которые приносит с собой «Аксиома Бесконечности», должны быть решены уже в предложении « $(\exists x) x = x$ ». ³ [Ср. 5.535.]

10.10.14.

Часто, сделав ремарку, только позднее видят *каким образом* она истинна.

11.10.14.

Теперь наше затруднение в том, что анализируемость или неанализируемость, по всей видимости, не отражается в языке. Другими словами: по-видимому, мы *не* можем из одного языка сделать вывод, существуют ли, например, действительные субъектно-предикатные факты или нет. Но каким образом мы могли бы *выразить* этот факт или противоположное ему? *Это должно быть показано.*

Но что, если бы нас вообще не волновал вопрос о разложимости? (Мы бы тогда работали со знаками, которые ничего не обозначают, но просто *помогают* выразить посредством своих логических свойств.) Ведь даже неразложимое предложение отражает логические свойства своего

значения. А что, если бы мы сказали: то, что предложение далее разложимо, показывается нашим дальнейшим его разложением через определения, и, во всяком случае, мы работаем с ним именно так, как если бы оно было неразложимо.

Обдумай то, что все «предложения о бесконечных числах» представимы посредством *конечных* знаков.

Но разве мы не нуждаемся – по крайней мере, в соответствии с методом Фреге – в ста миллионах знаков, для того чтобы определить число 100.000.000? (Не зависит ли это от того, применяется ли оно к классам или к вещам?)⁴

Предложения, имеющие дело с бесконечными числами, подобно *всем* предложениям логики могут быть получены перечислением самих знаков (поскольку, ведь, к первоначальному знаку нигде не добавляется посторонний элемент), поэтому также и здесь сами знаки должны иметь все логические свойства изображаемого.

12.10.14.

Тривиальный факт, что полностью проанализированное предложение содержит столько же имён, сколько обозначаемое им содержит вещей; этот факт служит примером всеобъемлющего изображения мира посредством языка.

Для того чтобы понять настоящий смысл предложений подобных «Аксиоме Бесконечности», нужно исследовать определения кардинальных чисел более тщательно.

13.10.14.

Логика заботится о себе сама, нам нужно лишь следить за тем, как она это делает. [Ср. 5.473.]

Рассмотрим предложение: «Существует класс только с одним членом». Или, что приводит к тому же, предложение:

$$(\exists \phi) : . (\exists x) : \phi x : \phi y . \phi z . \supset_{y,z} . y = z$$

« $(\exists x) x = x$ » может пониматься как тавтология, поскольку, если бы оно было ложным, его нельзя было бы записать вообще, но здесь! *Это* предложение можно исследовать вместо «Аксиомы Бесконечности».

Я знаю, что последующие предложения в том виде, как они сформулированы, являются бессмысленными: Можем ли мы говорить о числах, если существуют только вещи? Т.е., если, например, мир состоит только из одной вещи и ничего больше, можем ли мы сказать, что существует одна вещь? Рассел, вероятно, сказал бы: если существует одна

вещь, тогда также существует функция $(\exists x) \overset{\wedge}{\xi} = x$. Но! ----

Если данная функция этого не делает, тогда об 1 может идти речь, только если существует материальная функция, которая удовлетворяет только одному аргументу.

Как обстоит дело с предложениями типа:

$$(\exists \phi).(\exists x).\phi x.$$

$$\text{и } (\exists \phi).(\exists x).\sim \phi(x).?$$

Является ли одно из них тавтологией? Будут ли они предложениями науки, т.е. будут ли они вообще *предложениями*?

Но вспомним, что логику характеризуют *переменные*, а не обозначение общности.

14.10.14.

Разве существует наука из полностью обобщённых предложений? Это звучит крайне невероятно.

Ясно: Если существуют совершенно обобщённые *предложения*, тогда их смысл уже не зависит от какого-либо произвольного знакообразования! Но тогда такая связь знаков может изображать мир только посредством своих собственных логических свойств, т.е. она не может быть

ложной и не может быть истинной. Поэтому не существует полностью обобщённых предложений. Но теперь применение!

Но теперь предложения: « $(\exists \phi, x) . \phi x$ »

и « $\sim(\exists \phi, x) . \phi x$ ».

Какое из них тавтологично, а какое противоречиво?

Вновь и вновь возникает потребность в сравнительном сопоставлении предложений, находящихся во внутренних отношениях. Эту книгу можно просто-напросто снабдить схемами.

(Тавтология *показывает* то, что она, казалось бы, говорит, противоречие показывает *противоположное* тому, что оно, казалось бы, говорит.)

Ясно, что мы можем образовать вообще все возможные совершенно общие предложения, лишь только нам дан язык. А поэтому едва ли можно считать, что такие связи знаков реально говорят нечто о мире. ---- Но, с другой стороны, – это постепенный переход от элементарного к совершенно общему предложению!

Можно сказать: Все совершенно общие предложения могут быть образованы *a priori*.

15.10.14.

Но всё же кажется, что одно лишь простое существование форм, содержащихся в « $(\exists x, \phi) . \phi x$ », не могло бы *само по себе* определять истинность или ложность этого предложения! По-видимому, нет ничего *невероятного* в том, чтобы, например, отрицание элементарного предложения никогда не было бы истинным. Но разве уже само это высказывание не затрагивает смысл *отрицания*?

Очевидно, мы можем понимать каждое вполне общее предложение как утверждение или отрицание существова-

ния какого-то вида фактов. Но разве это не относится ко всем предложениям?

Любая связь знаков, которая, как кажется, говорит нечто о своём собственном смысле, есть псевдопредложение (подобно всем предложениям логики).

Предложение должно задавать логический образец состояния дел. Однако это возможно лишь потому, что его элементы произвольно соотнесены с предметами. Если же это не так для вполне общих предложений, тогда не видно, как они могли бы изображать что-либо вне себя.

В предложении мы составляем вещи – так сказать – *на пробу*, причём *не* требуется, чтобы всё так и обстояло в действительности; но мы не можем составить нечто *нелогичное*, так как для этого мы должны были бы суметь выйти в языке за рамки логики. ---- Но если вполне общее предложение содержит *только* «логические константы», тогда для нас оно не может быть чем-то бóльшим, нежели просто логическим образованием, и не может сделать ничего большего, чем показать нам свои собственные логические свойства. ---- Если существуют вполне общие предложения, тогда *что* же в них мы составляем пробным образом? [Ср. 4.031 и 3.03.]

Когда боятся истины (как я сейчас), тогда о *полной* истине даже не подозревают.

Здесь я рассматриваю отношения элементов предложения к их значениям, словно щупальцы, посредством которых предложение входит в соприкосновение с внешним миром; а обобщение предложения тогда подобно втягиванию щупальца; пока, наконец, вполне общее предложение не станет совершенно обособленным. Но верен ли этот образ? (Действительно ли я втягиваю щупальце, когда говорю (Эх). ϕx вместо ϕa ?) [Ср. 2.1515.]

16.10.14.

Однако, как кажется, в точности те же самые основания, приводимые мной для демонстрации того, что «(Эх, φ). φх» не может быть ложным, говорят и в пользу того, что «~(Эх, φ). φх» не может быть ложным; и здесь обнаруживается фундаментальная ошибка. Поскольку совершенно невозможно видеть, почему как раз первое, а не второе предложение должно быть тавтологией. Но не забывай, что противоречие «р . ~р» и т.д. и т.д. тоже не может быть истинным и всё равно само является логической структурой.

Предположим, что отрицание элементарного предложения никогда не является истинным разве «отрицание» в этом случае не имеет иной смысл, чем в противоположном случае?

«(Эφ) : (х) . φх» – кажется почти несомненным, что это предложение не является ни тавтологией, ни противоречием. Здесь проблема становится крайне острой.

17.10.14

Если существуют вполне общие предложения, то, как кажется, такие предложения являются пробными комбинациями «логических констант». (!)

Но разве нельзя описать весь мир полностью посредством вполне общих предложений? (Проблема неожиданно обнаруживает себя со всех сторон.)

Да, мир может быть полностью описан вполне общими предложениями, а следовательно – совершенно без использования каких-либо имён или других обозначающих знаков. И чтобы перейти к повседневному языку, нужно только ввести имена и т.д., добавляя «и этот х есть А» после «(Эх)» и т.п. [Ср. 5.526.]

Таким образом, можно набросать образ мира, не говоря о том, что именно что изображает.

Предположим, например, что мир состоит из вещей А и В и свойства F, и что F(A) имеет место, а F(B) – нет. Этот мир мы могли бы описать посредством следующих предложений:

$$\begin{aligned} & (\exists x, y) . (\exists \phi) . x \neq y . \phi x . \sim \phi y : \phi u . \phi z . \supset_{u,z} . u = z \\ & (\exists \phi) . (\psi) . \psi = \phi \\ & (\exists x, y) . (z) . z = x \vee z = y \end{aligned}$$

И здесь нужны также предложения двух последних видов, для того чтобы можно было идентифицировать предметы.

Из всего этого естественно следует, что *существуют вполне общие предложения!*

Разве первого предложения вверху – $(\exists x, y) . (\exists \phi) . x \neq y$ – недостаточно? Затруднения с идентификацией можно избежать, описывая мир в целом *единственным* общим предложением, которое начинается: « $(\exists x, y, z \dots \phi, \psi \dots R, S \dots)$ », а затем продолжает логическое произведение и т.д..

Если мы говорим « ϕ есть унарная функция и $(x) . \phi x$ », то это означает то же самое, как и «Существует только одна вещь!» (С помощью этого мы, *по-видимому*, обходим предложение « $(\exists x)(y) . y = x$ ».)

18.10.14.

Моя ошибка, очевидно, состоит в ошибочном понимании логического отображения посредством предложения.

Высказывание не может затрагивать логическое строение мира, поскольку, для того чтобы высказывание вообще было возможным, чтобы предложение могло иметь смысл,

мир уже должен иметь ту логическую структуру, которую имеет оно. Логика мира первична по отношению ко всякой истине и лжи.

Между прочим: до того, как какое-нибудь предложение может получить смысл, *логические* константы уже должны иметь значение⁵.

19.10.14.

Описание мира посредством предложений возможно только потому, что обозначаемое не является знаком самого себя! Применение ----.

Освещение Кантовского вопроса «Как возможна чистая математика?» посредством теории тавтологий.

Ясно, что мы должны быть способны описать структуру мира, не *называя* каких-либо *имён*. [Ср. 5.526.]

20.10.14.

В предложении должно усматриваться логическое строение того состояния дел, которое делает его истинным или ложным. (Подобно тому как образ должен показывать пространственные отношения, в которых должны находиться переданные им вещи, если образ правилен (истинен).)

Формой образа может быть названо то, в чём этот образ должен согласовываться с действительностью (для того чтобы он мог отображать её вообще). [Ср. 2.17. и 2.18.]

Первое, что даёт нам теория логического отображения посредством языка, есть разъяснение сущности истинностных отношений.

Теория логического отображения посредством языка говорит вполне обще: Для того чтобы предложение могло быть истинным или ложным, могло согласовываться с действительностью или нет – нечто в предложении должно быть *тождественным* с действительностью. [Ср. 2.18.]

В « $\sim p$ » отрицает не « $\sim$ » перед « p », но то, что обще всем знакам, имеющим одинаковое значение с « $\sim p$ » в этой записи; а следовательно, то, что является общим в

$\sim p$	}	то же самое имеет силу для обозначения общности и т.д.
$\sim \sim \sim p$		
$\sim p \vee \sim p$		
$\sim p \cdot \sim p$		

и т.д. и т.д.

[Ср. 5.512.]

Псевдопредложения таковы, что, будучи проанализированы, они только *показывают* то, о чём должны были бы *говорить*.

Теперь и оправдывается чувство, что предложение описывает комплекс на манер дескрипций Рассела: предложение описывает комплекс посредством своих логических свойств⁶.

Предложение конструирует мир с помощью своих логических строительных лесов, и поэтому в предложении, когда оно истинно, можно также усмотреть, как обстоит дело со всем логическим: *делать выводы* можно из ложных предложений и т.д. (Так, я могу видеть, что если бы « $(x, \phi). \phi x$ » было истинным, то это предложение противоречило бы предложению « ψa ».) [Ср. 4.023.]

То, что вполне общие предложения могут быть выведены из материальных предложений, то, что первые могут находиться в *значимых* внутренних отношениях с последними, — показывает, что вполне общие предложения представляют собой логические конструкции от состояний дел.

21.10.14.

Не является ли определение нуля у Рассела бессмысленным? Можно ли вообще говорить о классе $\hat{x} (x \neq x)$? — Разве можно говорить о классе $\hat{x} (x = x)$? Разве $x \neq x$ или

$x = x$ является функцией x ? – Не должен ли ноль определяться посредством гипотезы $(\exists \phi): (x) \sim \phi x$? И аналогичное относилось бы ко всем другим числам. Теперь это проливает свет на весь вопрос о существовании числа вещей.

$0 = \hat{a} \{(\exists \phi) : (x) \sim \phi x . a = \hat{u} (\phi u)\}$ Def.

$1 = \hat{a} \{(\exists \phi) : : (\exists x) . \phi x : \phi y . \phi z \supset_{y,z} y = z : a = \hat{u} (\phi u)\}$
Def.

[Знака равенства в фигурных скобках можно было бы избежать, если написать:

$0 = \hat{u} (\phi u) \{(x) \sim \phi x\}$]⁷

Предложение должно *содержать* (и таким образом показывать) *возможность своей истинности*. Но не более, чем *возможность*. [Ср. 2.203.; 3.02. и 3.13.]

Согласно моему определению классов $(x) \sim \hat{x} (\phi x)$ есть высказывание о том, что $\hat{x} (\phi x)$ – нулевой класс, и определением нуля тогда является $0 = \hat{a} [(x) \sim a]$ Def.

Я думал, что возможность истинности предложения ϕa связано с фактом $(\exists x, \phi) . \phi x$. Но не усматривается, почему ϕa должно быть возможным, только если существует другое предложение той же формы. ϕa всё же не нуждается в каком-либо прецеденте. (Допустим, что существуют только два элементарных предложения « ϕa » и « ψa », и что « ϕa » – ложно. Почему это предложение должно иметь смысл только тогда, если « ψa » – истинно?)

22.10.14.

В предложении должно быть нечто такое, что тождественно его значению, но предложение не может быть тождественно своему значению, и поэтому, в нём должно быть нечто такое, что *не* тождественно его значению. (Предложение представляет собой структуру, обладающую логиче-

скими чертами изображаемого и, кроме того, другими чертами; но эти последние будут произвольными и будут различаться в различных знаковых языках.) Поэтому должны быть различные структуры с одинаковыми логическими чертами; изображаемое будет одним из них, и делом изображения будет отделить одну структуру с одинаковыми логическими чертами от другой. (Ведь в противном случае изображение было бы двусмысленным.) Эта часть изображения (задание имён) должна осуществляться посредством произвольных определений. Каждое предложение, соответственно, должно содержать черты с произвольно определёнными значениями.

Если попробовать применить это к вполне общему предложению, покажется, что в этом есть некоторая основная ошибка.

Общность вполне общего предложения является случайной. Оно имеет дело со всеми вещами, которые существуют случайно. А потому это предложение материально.

23.10.14.

С одной стороны, моя теория логического отображения кажется единственно возможной, с другой стороны, в ней, по-видимому, есть неразрешимое противоречие!

Если вполне общее предложение не лишено материи полностью, тогда, как я полагаю, предложение посредством обобщения, пожалуй, вообще не лишается материи.

Высказываю ли я нечто об отдельной вещи или обо всех существующих вещах, высказывание одинаково материально.

«Все вещи»; это, так сказать, – описание, заменяющее «а и b и с».

А что, если бы наши знаки были столь же неопределёнными, как и мир, который они отражают?

Для распознавания знака в знаке, нужно обращать внимание на их использование. [Ср. 3.326.]

Если бы мы попытались выразить то, что мы выражаем посредством «(х).φх», предпослав «φх» некий индекс приблизительно так: «Alg. φх», это было бы неудовлетворительно (мы не знали бы, что обобщается).

Если бы мы попытались показать это посредством индекса при «х» приблизительно так: φ(х_A), это тоже было бы неудовлетворительно (при таком способе мы не знали бы область общности).

Если бы мы попытались разрешить это введением некоторого знака на пустые аргументные места, приблизительно так: «(A,A).ψ(A,A)», это было бы неудовлетворительно (мы не могли бы установить тождество переменных).

Все эти способы обозначения неудовлетворительны, потому что они не имеют необходимых логических свойств. В предлагаемых способах все эти соединения знаков не в состоянии отображать желаемый смысл.

[Ср. 4.0411.]

24.10.14.

Для того чтобы вообще быть в состоянии составить высказывание, мы должны – в некотором смысле – знать, как обстоит дело, если высказывание является истинным (это как раз то, что мы отображаем). [Ср. 4.024.]

Предложение *выражает* то, чего я не знаю; но то, что я должен знать, чтобы вообще быть в состоянии это высказать, я в нём показываю.

Определение есть тавтология и показывает внутренние отношения между двумя своими членами!

25.10.14.

Но почему ты никогда не исследовал единичный, особый знак так, как он логически отображает?

Полностью проанализированное предложение должно представлять своё значение.

Можно также сказать, что наше затруднение проистекает из того, что вполне общее предложение не кажется составным. ----

Оно не кажется, как все другие предложения, состоящим из произвольно обозначающих составных частей, соединённых логической формой. Кажется, что оно не имеет формы, но само есть форма, завершённая в себе⁸.

В отношении логических констант никогда не нужно спрашивать об их существовании, ведь они даже могут *исчезать*!

Почему бы « $\phi(\hat{x})$ » не представить, как $(x).\phi x$ имеет место? Разве это не зависит *только* от того, *как* – каким образом – этот знак представляет нечто?

Предположим, что я хочу изобразить четыре пары борцов; разве я не могу сделать это, изобразив только одну и сказав: «Так выглядят все четыре»? (Посредством этого добавления я определил способ изображения.) (Сходным образом я изображаю $(x).\phi x$ посредством « $\phi(\hat{x})$ ».)

Но обдумай то, что не существует гипотетических внутренних отношений. Если дана структура и с ней структурное отношение, тогда должна быть другая структура, которая имеет это отношение к первой. (Это лежит в сущности структурных отношений.)

И это говорит о правильности сделанного выше замечания, поэтому оно не становится отговоркой.

26.10.14.

Как кажется, логическое *тождество* между знаками и тем, что они обозначают, не является необходимым, но только *неким* внутренним, *логическим* отношением между ними. (Существование такого отношения в известном

смысле включает и существование некоторого вида основного – внутреннего – тождества.)

Ведь речь идёт только о том, что логическое в обозначаемом полностью определено единственно логическим в знаках и способом обозначения. Можно было бы сказать: знак и способ обозначения *в совокупности* должны быть логически тождественны с обозначаемым.

Смысл предложения есть то, что оно представляет. [Ср. 2.221.]

27.10.14.

« $x = y$ » не есть форма предложения. (Следствия.)

Ясно, что « aRa » имело бы то же самое значение, как и « $aRb \cdot a=b$ ». Поэтому посредством полностью проанализированной записи можно сделать так, что псевдопредложение « $a=b$ » исчезнет. Это лучшее доказательство правильности сделанного выше замечания.

Затруднение моей теории логического отображения заключалось в нахождении связи между знаками на бумаге и состоянием дел вне, в мире.

Я всегда говорил, что истина есть отношение между предложением и состоянием дел, но никогда не мог разыскать такого отношения.

Изображение мира посредством вполне общих предложений может быть названо внеличным изображением мира.

Как совершается внеличное изображение мира?

Предложение есть модель действительности, как мы её себе мыслим. [См. 4.01.]

28.10.14.

То, что хочет выразить псевдопредложение «Существует n вещей», показывается в языке наличием n собственных имён с различными значениями. (И т.д.)

То, что описывают вполне общие предложения, является, правда в известном смысле, структурными свойствами мира. Тем не менее эти предложения всё ещё могут быть истинными или ложными. И тогда, когда они *имеют смысл*, мир всё ещё пребывает на этом просторе.

В конце концов истинность или ложность *каждого* предложения изменяет нечто в общей *структуре* мира. И простор, который его структуре оставляет совокупность всех элементарных предложений, есть как раз тот, который ограничен вполне общими предложениями.

[Ср. 5.5262.]

29.10.14.

Так как если элементарное предложение является истинным, то, по крайней мере, *одним* истинным элементарным предложением становится *больше*, и наоборот. [См. 5.5262.]

Для того чтобы элементарное предложение было истинным, оно, прежде всего, должно быть *способно* к истинности, и это всё, что затрагивает логику.

Предложение должно показывать то, что оно хочет сказать. --- Оно должно относиться к своему значению подобно тому, как описание относится к своему предмету.

Однако логическая форма состояния дел не может быть описана. --- [Ср. 4.12 и 4.121.]

Внутреннее отношение между предложением и его значением, способ обозначения – есть система координат, которая в предложении отображает состояние дел. Предложение соответствует основным координатам.

Можно понимать две координаты a_p и b_p как предложение, высказывающее, что материальную точку P нужно искать в месте (ab) . И чтобы это высказывание было возможным, координаты a и b должны действительно определять некоторое место. Чтобы высказывание было возмож-

ным, логические координаты должны действительно определять логическое место!

(Предметом общих предложений является именно мир, который проглядывает в них через логическое описание. --- И поэтому мир, собственно, не имеет места в них, как в них не имеет места и предмет описания.)

То, что логическая форма p в определённом смысле должна присутствовать, даже если p не имеет места, символически показывается тем, что « p » имеет место в « $\sim p$ ».

Затруднение состоит в следующем: Каким образом может существовать форма p , если не существует состояние дел этой формы? И тогда в чём, собственно, состоит эта форма?

Не существует аналитических *предложений*⁹.

30.10.14.

Можно ли сказать: в « $\sim \phi(x)$ » « $\phi(x)$ » представляет, как дело *не* обстоит?

В образе можно также изобразить отрицательный факт, изображая то, что *не* имеет места.

Но если мы допускаем эти методы изображения, тогда что же, собственно, характеризует *изобразительное* отношение?

Нельзя сказать: Существуют именно различные логические системы координат!

Существуют как раз различные способы изображения, в том числе и посредством образа, и изображающее есть не просто знак или образ, но также метод изображения. *Всем изображениям обще то, что они могут быть правильными или ошибочными, истинными или ложными.*

Так как образ *и способ изображения* находятся полностью вне изображаемого!

И то, и другое совместно, а именно *образ, определённый по способу действия*, является истинным или ложным.

(Естественно, это также относится и к элементарным предложениям!)

Любое предложение можно подвергнуть отрицанию. И это показывает, что «истинное» и «ложное» означает одно и то же для всех предложений. (Это важно в наивысшей степени.) (В противоположность Расселу.)

Значение предложения – посредством *самого этого предложения и его способа изображения* – должно быть зафиксировано на «да» или «нет». [Ср. 4.023.]

В логике нет рядоположенности, нельзя дать никакой классификации. [См. 5.454.]

31.10.14.

Предложение типа « $(\exists x, \phi). \phi x$ » является столь же составным, как и элементарным; это обнаруживается в том, что мы должны *специально* упомянуть « ϕ » и « x » в скобках. И то, и другое находится – независимо – в знаковых отношениях к миру так же, как в случае элементарного предложения « $\psi(a)$ ». [Ср. 5.5261.]

Не так ли обстоит дело: Логические константы характеризуют способ изображения элементарных форм предложения?

Значение предложения – посредством *самого этого предложения и его способа изображения* – должно быть зафиксировано на «да» или «нет». Для этого нужно, чтобы значение полностью описывалось им. [Ср. 4.023.]

Способ изображения *не* отображает; только предложение является образом.

Способ изображения определяет то, как действительность должна сравниваться с образом.

Прежде всего, отображать должна элементарная форма предложения; всякое отображение происходит посредством неё.

1.11.14.

Очень легко смешать изобразительное отношение предложения к своему значению и истинностное отношение. Первое различно для различных предложений, последнее же одно и одинаково для всех предложений.

Как кажется, «(х, φ). φх» имеет форму факта *φа.ψб.θс* и т.д. (Сходным образом, (Эх). φх имело бы форму *φа*, как я на самом деле считал.)

И, должно быть, в этом заключается моя ошибка.

Исследуем элементарное предложение: Какова же форма «*φа*» и как она относится к « $\sim \phi(a)$ »?

Тот прецедент, на который постоянно могли бы ссылаться, должен наличествовать уже в самом знаке. [Ср. 5.525.]

Логическая форма предложения уже должна быть дана посредством форм его составных частей. (И они имеют дело только со *смыслом* предложений, а не с их истинностью и ложностью.)

В форме субъекта и предиката уже заложена возможность субъектно-предикатного предложения и т.д.; но – как и должно быть – никакой его истинности или ложности.

Образ имеет то отношение к действительности, которое он уже имеет. И всё зависит от того, как он должен изображать. Один и тот же образ будет согласовываться или не согласовываться с действительностью в соответствии с тем, как он должен изображать.

Аналогия между предложением и описанием: *Комплекс, который* конгруэнтен этому знаку. (В точности то же имеет место и в графическом изображении.)

Нельзя *сказать* как раз только то, что этот комплекс конгруэнтен тому (или что-то в этом роде), но это обнаруживается. И по этой причине описание тоже приобретает иной характер. [Ср. 4.023.]

Метод отображения должен быть полностью определен до того, как вообще можно сравнить действительность с предложением, чтобы видеть, является ли оно истинным или ложным. Метод сравнения должен быть мне дан до того, как я могу осуществить сравнение.

Является ли предложение истинным или ложным – это должно обнаруживаться.

Однако мы должны заранее знать, как это будет обнаруживаться.

То, что два человека не борются, можно изобразить, изображая их не борющимися, а также изображая их борющимися и говоря, что образ показывает, как дело *не* обстоит. Мы *могли бы* изображать посредством отрицательных фактов точно так же, как посредством положительных ----. Однако мы хотим исследовать только принципы изображения *вообще*.

Предложение «‘р’ является истинным» равнозначно логическому произведению ‘р’ и предложения «‘р’», описывающему предложение ‘р’, и соотношению составных частей обоих предложений.---- Внутренние отношения между предложением и значением отображаются через внутренние отношения между ‘р’ и «‘р’». (Плохая за- метка.)

Только не увязни в частных проблемах, но всегда старайся проникнуть туда, где можно свободно обозреть, пусть и недостаточно ясным взглядом, большую проблему как *единое* целое.

«Состояние дел мыслимо» («представимо») означает: Мы можем создать для себя его образ. [3.001.]

Предложение должно определять логическое место.

Существование этого логического места обеспечивается единственно существованием составных частей, существованием осмысленного предложения.

Если даже в определённом логическом месте нет ни одного комплекса, то один всё же есть: не в этом логическом месте. [Ср. 3.4.]

2.11.14.

В тавтологии условия соответствия миру (истинностные условия) – изобразительные отношения – взаимно снимают друг друга, так что она не стоит ни в каком изобразительном отношении к действительности (не говорит ничего). [Ср. 4.462.]

$a = a$ не является тавтологией в том же самом смысле, как $p \supset p$.

Истинность предложения состоит не в том, что оно имеет *определённое* отношение к действительности, а в том, что оно действительно *имеет* определённое отношение к ней.

Не так ли обстоит дело: ложное предложение, подобно истинному, имеет смысл независимо от своей ложности или истинности, но не имеет значения? (Разве не лучше использовать слово «значение» здесь?)

Можно сказать: Как только мне даны субъект и предикат, мне дано отношение, которое будет *существовать* или не *существовать* между субъектно-предикатным предложением и его значением. Если мне известны субъект и предикат, я могу также знать и это отношение, которое является необходимой предпосылкой даже в том случае, если субъектно-предикатное предложение является ложным.

3.11.14.

Для того чтобы могло существовать отрицательное состояние дел, должен существовать образ положительного состояния дел. [Ср. 5.5151.]

Ведь знание изобразительного отношения *может* быть основано только на знании составных частей состояния дел!

Так можно ли сказать: Знание субъектно-предикатного предложения и субъекта с предикатом даёт нам знание внутреннего отношения и т.д.?

Даже и это, если быть точным, неправильно, поскольку нам нет нужды знать какой-либо определённый субъект или предикат.

Очевидно, что мы воспринимаем элементарное предложение как образ состояния дел. ---- Но как? [Ср. 4.012.]

Не должна ли возможность изобразительного отношения быть дана *самим* предложением?

Предложение *само* отличает то, что согласовано с ним, от того, что не согласовано.

Например: когда дано предложение и согласование, тогда предложение является истинным, если состояние дел согласовано с ним; или дано предложение и несогласование, тогда предложение является истинным, если состояние дел не согласовано с ним.

Но как нам дано согласование или несогласование или нечто подобное?

Каким образом мне могут *сообщить о том*, как предложение изображает? Или это вообще не может быть мне сказано? А если это так, могу ли я «*знать*» об этом? Если это должно быть мне сказано, тогда это должно быть сделано посредством некоторого предложения, но предложение может это только показать.

То, что может быть сказано, может быть сказано мне посредством предложения, а поэтому ничего такого, что необходимо для понимания *всех* предложений, сказано быть не может.

То произвольное соотнесение знака и обозначаемого, которое обуславливает возможность предложений и которое я нахожу утраченным во вполне общих предложениях, осуществляется здесь посредством обозначения общности, так же как в элементарном предложении оно осуществляется посредством имён. (Ибо обозначение общности не относится к *образу*.) Поэтому всегда считали, что общность выступает совершенно как аргумент. [Ср. 5.523.]

Можно отрицать только законченное предложение. (И аналогично для всех аб-функций.)¹⁰ [Ср. 4.064. и 4.0641.]

Предложение есть логический образ состояния дел.

Отрицание указывает на законченный смысл отрицаемого предложения, а не на его способ изображения. [Ср. 4.064 и 4.0641.]

Если образ вышеупомянутым способом изображает то-что-не-есть-факт, это происходит только через изображение им *того*, что *есть* не-факт.

Так как образ словно говорит: «*Так* дело *не* обстоит», и на вопрос «*Как* дело *не* обстоит?» ответом как раз будет положительное предложение.

Можно было бы сказать: отрицание уже относится к логическому месту, которое определено отрицаемым предложением. [См. 4.0641.]

Только не теряй твёрдое основание, на котором ты как раз находишься!

Отрицающее предложение определяет *другое* логическое место, нежели то, что определено отрицаемым предложением. [См. 4.0641.]

Отрицаемое предложение не просто проводит границу между отрицаемой областью и остальным, но оно также уже указывает на отрицаемую область.

Отрицающее предложение определяет логическое место с помощью логического места отрицаемого предложе-

ния, описывая первое как лежащее вне последнего. [См. 4.0641.]

Предложение является истинным, когда существует то, что оно представляет.

4.11.14.

Как предложение определяет логическое место?

Как образ репрезентирует состояние дел?

Само это всё же не состояние дел, ведь ему вовсе не нужно иметь места.

Одно имя репрезентирует одну вещь, другое – другую вещь, и сами они связаны; так целое – как живой образ – представляет некоторое состояние дел. [Ср. 4.0311.]

Естественно, между репрезентируемыми вещами логическая связь должна быть возможна, и она всегда будет иметь место, если вещи действительно репрезентированы. N.B. эта связь не есть отношение, но только *существование* отношения.

5.11.14.

Предложение изображает состояние дел, как будто на свой страх и риск.

Но когда я говорю: для репрезентируемых вещей должна быть возможна связь составных частей предложения, – не содержится ли здесь вся проблема?! Как между предметами возможна связь, которой нет?

То, что связь должна быть возможной, означает: Предложение и составные части состояния дел должны находиться в определённом отношении.

Следовательно, чтобы предложение изображало состояние дел, необходимо только, чтобы его составные части репрезентировали составные части состояния дел и чтобы первые находились в связи, которая возможна для последних.

Знак предложения гарантирует возможность факта, который он изображает (но не то, что этот факт реально имеет место); это относится также и к общим предложениям.

Так как если дан положительный факт ϕa , тогда дана также *возможность* $(x).\phi x$, $\sim(\exists x).\phi x$, $\sim\phi a$ и т.д. и т.д. (Все логические константы уже содержаться в элементарном предложении.) [Ср. 5.47.]

Так возникает образ. ----

Чтобы обозначить логическое место с помощью образа, мы должны установить способ его обозначения (положительный, отрицательный и т.д.).

Можно, например, с помощью фехтующих марионеток показать, как нельзя фехтовать.

6.11.14.

И здесь случай совершенно тот же, как и с $\sim\phi a$, хотя этот образ и имеет дело с тем, что не *должно* случиться, вместо того, что не случилось.

То, что отрицаемое предложение может снова отрицаться, показывает, что отрицаемое уже является предложением, а не только предварением предложения. [См. 4.0641.]

Можно ли сказать: Здесь есть образ, но до тех пор пока не станет известно, что он должен говорить, нельзя сказать, правилен он или нет.

Образ тоже должен отбрасывать свою тень на мир.

7.11.14.

Пространственное и логическое места сходны между собой в том, что они суть возможность существования. [Ср. 3.411.]

8.11.14.

То, что в предложении о вероятности подтверждаемо экспериментом, не может относиться к математике! [Ср. 5.154.]

Вероятностные предложения являются экстрактами естественнoнаучных законов. [Ср. 5.156.]

Они являются обобщениями и выражают неполное знание этих законов. [Ср. 5.156.]

Если, например, я извлекаю из урны чёрные и белые шары, я не могу сказать о некоторой попытке, достану ли я белый или чёрный шар, поскольку для этого я недостаточно хорошо знаком с естественными законами; но я *всё же знаю*, что если здесь имеется поровну чёрных и белых шаров и если выемка продолжается, то число вынутых чёрных шаров будет приближаться к числу белых; с *такой* точностью я *всё же* знаю естественные законы. [Ср. 5.154.]

9.11.14.

Итак, то, что я знаю в вероятностных предложениях, представляет собой определённые общие свойства не-обобщённых предложений естествознания, как, например, их симметрия в одних отношениях и асимметрия в других, и т.д. [Ср. 5.156.]

Картинки-перевёртыши и видение состояний дел. [Ср. 5.5423.]

Причиной моих лучших открытий было то, что я бы хотел назвать сильным схоластическим чувством.

«Не р» и «р» противоречат друг другу, они оба не могут быть истинными; но я могу, конечно, высказать и то, и другое, *оба образа существуют*. Они расположены друг подле друга.

Или скорее «р» и «~р» подобны образу и бесконечной плоскости вне этого образа (логическое место).

Я могу сконструировать бесконечное внешнее пространство только при помощи образа, ограничивая посредством него это пространство.

10.11.14.

Когда я говорю « p является возможным», означает ли это, что « p » имеет смысл? Будет ли первое предложением о языке, так что существование знака предложения (« p ») будет существенно также и для его смысла? (В этом случае оно было бы совершенно не важным.) Или, наоборот, оно пытается сказать то, что « $p \vee \sim p$ » показывает?

Не соответствует ли моё изучение знакового языка изучению процессов мысли, которое философы всегда считали столь существенным для философии логики? ---- Только они всегда запутывались в несущественных психологических исследованиях, и аналогичная опасность грозит и моему методу. [См. 4.1121.]

11.11.14.

Так как « $a = b$ » не есть предложение, « $x = y$ » не есть функция, то «класс $\hat{x} (x = x)$ », а также так называемый нулевой класс, являются вздором. (Впрочем, мыслители уже всегда чувствовали, что во всех случаях, когда в конструкцию предложений хотят проникнуть с помощью $x = x$, $a = a$ и т.д., происходит подтасовка; например, когда говорят, что « a существует», означает « $(\exists x) x = a$ ».)

Это ошибочно: поскольку определение классов само гарантирует существование действительных функций.

Когда я, как кажется, высказываю функцию нулевого класса, я говорю, что эта функция является истинной для всех функций, которые являются нулевыми, – и я могу сказать это, даже если нулевой функции нет.

Идентично ли $x \neq x. \equiv_x \phi x$

$c(x). \sim \phi x$? Несомненно!

Предложение указывает на возможность того, что дело обстоит так-то и так-то.

12.11.14.

Отрицание есть *описание* в том же самом смысле, как и само элементарное предложение.

Истину предложения можно назвать возможной, истину тавтологии – достоверной, а истину противоречия – невозможной. Здесь уже намечена градация, которую мы используем в исчислении вероятностей. [Ср. 4.464.]

В тавтологии элементарное предложение, разумеется, все ещё отображает; но оно так слабо связано с реальностью, что последняя имеет неограниченную свободу. Противоречие же накладывает такие ограничения, что реальность не может существовать в соответствии с ним.

Всё обстоит так, как если бы логические константы проецировали образ элементарного предложения на реальность, которая может затем соответствовать или не соответствовать этой проекции.

Хотя все логические константы встречаются уже в простом предложении, тем не менее его собственный первообраз тоже *должен* иметь в нём место в качестве целого и нерасчленённого.

Тогда, может быть, простое предложение – это не образ, а, скорее, собственный первообраз, который должен иметь в нём место?

Тогда этот первообраз на самом деле не есть предложение (хотя он и имеет вид предложения), и *он* мог бы соответствовать «допущению» у Фреге.

Тогда предложение состояло бы из первообразов, которые проецировались бы на мир.

13.11.14.

В этой работе более, чем в какой-либо другой, оправдывает себя ситуация, когда на вопросы, рассматриваемые как решённые, продолжают смотреть с новых сторон, как если бы они были не решены.

14.11.14.

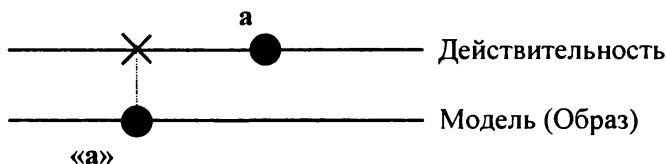
Представь себе изображение *отрицательных* фактов с помощью моделей приблизительно так: два железнодорожных состава не могут располагаться на путях так-то и так-то. Предложение, образ, модель напоминают – в отрицательном смысле – твёрдое тело, которое ограничивает свободу движения другого; в положительном смысле – пространство, ограниченное твёрдой субстанцией, в котором помещается тело. [Ср. 4.463.]

Это представление *очень* ясное и должно вести к разгадке.

15.11.14.

Проекция образа на действительность.

(Метод механических моделей Максвелла.)

Пусть тебя не заботит однажды написанное! Всегда начинай думать заново, как если бы совершенно ничего ещё не произошло!

Ту тень, которую образ словно отбрасывает на мир: Как я могу точно схватить её?

Здесь есть глубокая тайна.

Это тайна отрицания: Дело обстоит не так, и всё же мы можем сказать, *как* дело *не* обстоит. ----

Предложение есть только *описание* состояния дел. (Но всё это – только на поверхности.) [Ср. 4.023.]

Единственное озарение в самом начале стоит большего, чем очень многие где-нибудь в середине.

16.11.14.

Введение знака «0» для того, чтобы сделать возможной десятичную запись: Логическое значение этой процедуры.

17.11.14.

Предположим « ϕa » является истинным: Что значит сказать $\sim \phi a$ – возможно? (ϕa само имеет одинаковое значение с $\sim(\sim \phi a)$.)

18.11.14.

Здесь речь идёт только о существовании логического места.

Но – чёрт возьми – что такое это «логическое место»?!

19.11.14.

Предложение и логические координаты: это и есть логическое место. [Ср. 3.41.]

20.11.14.

Реальность, соответствующая смыслу предложения, всё-таки не может быть ничем иным, как его составными частями, поскольку мы, ведь, не *знаем ничего* иного.

Если же реальность состоит в чём-то ином, то это, во всяком случае, не может быть ни обозначено, ни выражено; ибо в первом случае это была бы ещё одна составная часть, а во втором выражение было бы предложением, для которого вновь возникала бы та же самая проблема, как и для первоначального предложения.

21.11.14.

Что же я, собственно, знаю, когда понимаю смысл « ϕa », но не знаю, является оно истинным или ложным? В этом

случае я всё же знаю не более, чем $\phi a \vee \sim \phi a$; а это означает, что я *не знаю* ничего.

Так как реальности, соответствующие смыслу предложения, являются только его составными частями, то и логические координаты могут относиться только к ним.

22.11.14.

В этом пункте я вновь пытаюсь выразить нечто такое, что не может быть выражено.

23.11.14.

Хотя предложение должно указывать только какое-либо место в логическом пространстве, через него *уже* должно быть дано всё логическое пространство. ---- Иначе через отрицание, дизъюнкцию и т.д. вводились бы – а именно в координации – всё *новые* элементы, что, разумеется, невозможно. [Ср. 3.42.]

24.11.14.

Предложение и состояние дел относятся друг к другу, как мерка относится к измеряемой длине.

То, что предложение « ϕa » можно вывести из предложения « $(x).\phi x$ », показывает, как общность наличествует в знаке « $(x).\phi x$ ».

И то же, естественно, имеет место для любого обозначения общности.

В предложении мы прикладываем первообраз к реальности.

(Отрицательные факты вновь и вновь исследуются так, как если бы они предполагали существование знака предложения.)

Должен ли знак отрицательного предложения строиться из знака положительного предложения? (Я думаю, да!)

Почему нельзя выразить отрицательное предложение посредством отрицательного факта?! Это как если бы про-

странство вне мерки было взято в качестве объекта сравнения вместо мерки. [Ср. 5.5151.]

Как, собственно, предложение « $\sim p$ » противоречит предложению « p »? Внутренние отношения двух знаков должны означать противоречие.

Конечно, согласно каждому отрицательному предложению должна быть возможность спросить: *Как* дело *не* обстоит? Но ведь ответ на это вновь есть только предложение. (Это замечание не полно.)

25.11.14.

То отрицательное положение дел, которое служит знаком, пожалуй, всё же может существовать без предложения, которое, в свою очередь, выражает его.

При исследовании этих проблем вновь и вновь складывается впечатление, будто они уже решены, и эта иллюзия возникает оттого, что эти проблемы часто совершенно исчезают из нашего взора.

То, что $\sim \phi$ имеет место, я могу видеть, наблюдая только ϕ $\hat{x}$ и a .

Вопрос здесь таков: Является ли положительный факт первичным, а отрицательный – вторичным, или же они равноправны? И если это так, как тогда быть с фактами $p \vee q$, $p \supset q$ и т.д.; разве они не равноправны с $\sim p$? Но не должны ли *все факты* быть равноправными? Вопрос, собственно, в следующем: Существуют ли факты кроме положительных? (А именно: трудно не спутать то, что не имеет места, с тем, что имеет место вместо него.)

Ясно, что все аб-функции есть только многочисленные различные методы измерения реальности. ---- И, несомненно, методы измерения с помощью p и $\sim p$ суть нечто особое, они предшествуют всем другим. ----

Дуализм положительных и отрицательных фактов не даёт мне покоя. Ведь такого дуализма не может быть. Но как его избежать?

Всё это разрешилось бы само собой благодаря пониманию сущности предложения.

26.11.14.

Если сделаны все положительные высказывания о некоторой вещи, разве уже не сделаны также и все отрицательные? И в этом всё дело.

Внушающий опасение дуализм положительного и отрицательного не существует, ибо (х).φх и т.д. и т.д. не является ни положительным, ни отрицательным.

Если положительное предложение *не должно* входить в отрицательное, не должен ли первообраз положительного предложения в любом случае входить в отрицательное?

Проводя различие – и именно при любом возможном написании – между $\sim aRb$ и $\sim bRa$, мы в любом написании предполагаем определённое соотношение между аргументом и аргументным местом в отрицательных предложениях; оно же составляет первообраз отрицаемого положительного предложения.

Тогда не будет ли это соотношение составных частей предложения, посредством которого ещё ничего не *говорится*, настоящим образом в предложении?

Не основывается ли отсутствие у меня ясности на отсутствии понимания сущности отношений?

Можно ли отрицать *образ*? Нет. И в этом состоит различие между образом и предложением. Образ может служить как предложение. Но тогда к нему добавляется что-то, приводящее к тому, что он теперь *говорит* нечто. Короче: Я могу отрицать только, что образ правилен, но сам образ я отрицать не могу.

Благодаря тому что я соотношу составные части образа с предметами, он теперь изображает состояние дел и либо соответствует, либо не соответствует истине. (Например, образ изображает внутреннюю часть комнаты и т.д.)

27.11.14.

«~р» является истинным, когда р является ложным. Таким образом, частью истинного предложения «~р» является ложное предложение. Каким образом закорючка «~» может привести его соответствие с действительностью? Мы, правда, уже говорили, что это зависит не только от закорючки «~», но от всего того, что является общим у различных знаков отрицания. И то, что обще всем им, должно, очевидно, вытекать из значения самого отрицания. А следовательно, знак отрицания всё же должен отражать своё собственное значение. [Ср. 5.512.]

28.11.14.

Отрицание соединяется с аб-функциями элементарного предложения. И логические функции элементарного предложения должны отражать своё значение так же, как и все другие.

29.11.14.

аб-функция не останавливается *перед* элементарным предложением, но проникает в него.

То, что *может* быть показано, не может быть сказано. [4.1212.]

Я считаю, что можно было бы совершенно устранить знак равенства из нашей записи и всегда указывать на равенство только равенством знаков (и наоборот). Тогда, конечно, $\phi(a,a)$ не было бы частным случаем $(x,y).\phi(x,y)$,

а ϕa не было бы специальным случаем $(\exists x, y). \phi x. \phi y$. Но тогда вместо $\phi x. \phi y \supset_{x, y} x = y$ можно было бы просто записать $\sim(\exists x, y). \phi x. \phi y$. [Ср. 5.53 и 5.533.]

Посредством такого написания псевдопредложение $(x)x=a$ или подобные ему теряли бы всякую видимость оправдания. [Ср. 5.534.]

1.12.14.

Предложение как будто говорит: Этот образ не может (или может) изображать состояние дел таким способом.

2.12.14.

Это зависит как раз от установления того, что отличает предложение от просто образа.

4.12.14.

Посмотрим, например, на равенство $\sim\sim p = p$; его, наряду с другими, определяет знак для p , так как он говорит, что у « p » и « $\sim\sim p$ » есть нечто общее. Благодаря этому, данный знак приобретает свойства, отражающие то, что двойное отрицание есть утверждение.

5.12.14.

Каким образом « $p \vee \sim p$ » не говорит ничего?

6.12.14.

Ньютоновская механика приводит описание мира к единой форме. Представим себе белую плоскость, на которой в беспорядке расположены чёрные пятна. Теперь мы говорим: какой бы образ они ни образовали, я всегда могу сколь угодно приблизить к нему наше описание, покрывая эту плоскость достаточно частой сеткой, составленной из квадратных ячеек, и говоря о каждом квадрате, белый он

или чёрный. Таким способом я буду приводить описание поверхности к единой форме. Эта форма произвольна, поскольку я мог бы с таким же успехом применить сетку из треугольных или шестиугольных ячеек. Может случиться, что описание с помощью сетки с треугольными ячейками было бы проще, то есть что мы могли бы точнее описать плоскость с помощью более редкой сетки с треугольными ячейками, чем с помощью более частой, составленной из квадратных ячеек (или наоборот), и т.д. Различным сеткам соответствуют различные системы описания мира. Механика определяет форму описания мира, говоря: все предложения в описании мира должны быть получены заданным способом из некоторого числа данных предложений — аксиом механики. Тем самым она поставляет кирпичи для возведения здания науки и говорит: какое бы здание ты ни захотел воздвигнуть, ты должен его сложить каким-либо способом из этих, и только из этих, кирпичей.

Как с помощью системы чисел должно быть возможно написать любое произвольное число, так и с помощью системы механики должно быть возможно написать любое произвольное предложение физики. [6.341.]

И здесь мы видим взаимоотношения логики и механики.

(Можно было бы образовать сетку из различных фигур.)

То, что образ, подобный вышеупомянутому, может описываться сеткой данной формы, ничего не говорит об образе (ибо это имеет силу для любого такого образа). То, что характеризует образ, состоит, однако, в том, что он может быть описан посредством определённой сетки с *определённой* степенью точности. Также ничего не говорит о мире то, что он может быть описан ньютоновской механикой; но, пожалуй, о мире нечто говорит то обстоятельство, что он может быть описан ею именно так, как это имеет место. (Это я чувствовал уже давно.) ---- О мире нечто говорит

также и то, что одной механикой он может описываться проще, чем другой. [Ср. 6.342.]

Механика есть *некоторая* попытка построить все предложения, в которых мы нуждаемся для описания мира по некоторому *единому* плану. (Невидимые массы у Герца.) [Ср. 6.343.]

Невидимые массы у Герца *признаются* псевдообъектами.

7.12.14.

Логические константы предложения суть условия его истинности.

8.12.14.

За нашими мыслями, истинными или ложными, всегда расположено тёмное основание, которое мы только позднее можем вывести на свет и выразить как мысль.

12.12.14.

р.тавтология = р, т.е. тавтология не говорит ничего! [Ср. 4.465.]

13.12.14.

Исчерпывается ли сущность отрицания тем, что оно есть операция, отменяющая саму себя? В этом случае, χ должно было бы обозначать отрицание, если $\chi\chi r = r$, при предположении, что $\chi r \neq r$.

Верно одно: что согласно этим двум равенствам χ больше не может выражать утверждение.

И разве способность этих операций исчезать не показывает, что они являются логическими?

15.12.14.

Очевидно: в качестве знаков аб-функций мы можем вводить какие угодно знаки, настоящий знак образуется

автоматически. А какие свойства образуются при этом сами собой?

Логические строительные леса, окружающие образ (предложение), определяют логическое пространство. [Ср. 3.42.]

16.12.14.

Предложение должно действовать на всё логическое пространство. [Ср. 3.42.]

17.12.14.

Знаки аб-функций не материальны, иначе они не могли бы исчезать. [Ср. 5.44 и 5.441.]

18.12.14.

В настоящем знаке предложения должно быть различимо ровно столько моментов, сколько различимо в состоянии дел. В этом состоит их тождество. [Ср. 4.04.]

20.12.14.

В «р» распознаётся не более и не менее, чем в «~р».

Каким образом состояние дел может согласовываться с «р» и не согласовываться с «~р»?

Можно также задать вопрос: Если бы я попытался изобрести язык с целью быть понятым другим, какие правила относительно нашего выражения я должен был бы согласовать с ним?

23.12.14.

Характерный пример для моей теории значения физического описания мира: Две теории теплоты: теплота, рассматриваемая, во-первых, как вещество, во-вторых – как движение.

25.12.14.

«Предложение говорит нечто» тождественно следующему: Оно имеет определённое соотношение с действи-

тельностью, чем бы она ни была. И если дана эта действительность, а также дано это соотношение, тогда смысл предложения известен. « $p \vee q$ » имеет иное отношение к действительности, чем « $p \cdot q$ » и т.д..

Возможность предложения, естественно, базируется на принципе замещения предметов знаками. [Ср. 4.0312.]

Таким образом, в предложении мы имеем замещение чего-то *чем-то другим*.

Но также есть и *обычий* цемент.

Моя основная мысль заключается в том, что логические константы не замещают. Что *логика фактов не может* быть замещена. [См. 4.0312.]

29.12.14.

В предложении имя замещает предмет. [3.22.]

11.1.15.

Мерка не говорит, что измеряемый объект имеет в длину один метр.

Не говорит даже тогда, когда мы знаем, что она предназначена для измерения этого *определённого* объекта.

Нельзя ли спросить: Что нужно присоединить к этой мерке, чтобы *утверждать* нечто о длине объекта?

(Мерка без этого добавления была бы «допущением».)

15.1.15.

Знак предложения « $p \vee q$ » верен, если p имеет место, если q имеет место и если имеет место и то, и другое в противном случае он ложен; это, по-видимому, бесконечно просто; и разгадка будет *столь же проста*.

16.1.15.

Предложение соотнесено с гипотетическим состоянием дел.

Это состояние дел дано через своё описание.

Предложение есть описание состояния дел. [См. 4.023.]

Как описание предмета описывает его по его внешним свойствам, так предложение описывает факт по его внутренним свойствам. [См. 4.023.]

Описание правильно, если предмет обладает указанным свойством; предложение правильно, если состояние дел имеет внутренние свойства, заданные посредством предложения.

17.1.15.

Состояние дел $p \cdot q$ *подпадает* под предложение « $p \vee q$ ».

К сравнению с сеткой в физике: Хотя пятна являются геометрическими фигурами, геометрия, само собой разумеется, ничего не может сказать об их форме и положении. Но сетка является *чисто* геометрической, все её свойства могут быть заданы *a priori*. [См. 6.35.]

18.1.15.

Сравнение между предложением и описанием является чисто логическим, а потому *должно быть* продолжено.

20.1.15.

Каким образом «*все*» есть логическое понятие?

Каким образом «*все*» есть понятие формы?

Чем объяснить, что «*все*» может встречаться в каждом предложении?

Потому что оно характеризует понятие формы.

«*Все*» кажется более близким к содержанию предложения, чем к форме.

Все: вещи, Все: функции, Все: отношения; дело обстоит так, как если бы «*Все*» было связующим *звеном* между понятием вещи, функции и т.д., и единичной вещью, единичной функцией.

Общность сущностно связана с элементарной формой.

Решающее слово ---- ?

21.1.15.

Переход от общего рассмотрения формы предложения:
бесконечно труден, фантастичен.

22.1.15.

Вся моя задача заключается в объяснении сущности предложения.

Т.е. в указании сущности всех фактов, образом которых является предложение.

В указании сущности всякого бытия.

(И здесь бытие не означает существовать – тогда это было бы бессмысленным.)

23.1.15.

Отрицание есть операция. [Ср. 5.2341.]

Операция обозначает операцию.

Слово – это зонд: иное проникает глубоко, иное – лишь на малую глубину.

Операция, естественно, не говорит ничего; говорит лишь её результат, а он зависит от её предмета. [Ср. 5.25.]

24.1.15.

Логические псевдофункции являются операциями¹¹.

Только операции могут исчезать! [Ср. 5.254.]

Отрицательное предложение исключает действительность.

Как может всеобъемлющая, отражающая мир логика употреблять такие специальные трюки и манипуляции? Только связывая всё это вместе в *бесконечно* тонкую сеть, образуя огромное зеркало! [Ср. 5.511.]

25.1.15.

Можно также сказать: ~р является ложным, когда р является истинным.

29.1.15.

Язык артикулирован. [Ср. 3.141.]

7.2.15.

Музыкальные темы в определённом смысле являются предложениями. По этой причине знание сущности логики будет вести к знанию сущности музыки.

14.2.15.

Если бы существовали математические предметы – логические константы, – тогда предложение «я съедаю пять слив» было бы предложением математики. А оно не является даже предложением прикладной математики.

Предложение должно описывать своё значение *полностью*. [Ср. 4.023.]

4.3.15.

Мелодия есть вид тавтологии; она замкнута в себе; она довольствуется собой.

5.3.15.

Люди всегда догадывались, что должна существовать область вопросов, ответы на которые – *a priori* – симметричны и объединяются в замкнутые регулярные структуры. [См. 5.4541.]

(Чем старее слово, тем глубже оно проникает.)

6.3.15.

Проблемы отрицания, дизъюнкции, истины и лжи суть лишь отражения одной большой проблемы в больших и малых зеркалах философии, установленных различным образом.

7.3.15.

Как $\sim\xi$, $\sim\xi \vee \sim\xi$ и т.д. есть одна и та же функция, так и $\sim\eta \vee \eta$, $\eta \supset \eta$ и т.д. есть одна и та же – а именно тавто-

логичная – функция. Как и другие, она тоже может быть исследована – и, вероятно, не без пользы.

8.3.15.

Моё затруднение состоит только в – огромном – затруднении с выражением.

18.3.15.

Ясно, что самое пристальное исследование знака предложения не может дать того, что он высказывает, – но, пожалуй, оно даёт то, что он *может* высказывать.

27.3.15.

Образ может заменить описание.

29.3.15.

Закон причинности – это не закон, а форма *некоего* закона. [Ср. 6.32.]

«Закон причинности» – это родовое имя. И как в механике – мы говорим – имеются законы минимума – например, закон наименьшего действия, – так и в физике имеется некий причинный закон, закон причинностной формы. [Ср. 6.321.]

Ведь точно так же люди догадывались, что должен существовать *некий* «закон наименьшего действия», ещё до того, как узнали его точную формулировку.

(Здесь, как часто и случается, априорное оказывается чем-то чисто логическим.) [Ср. 6.3211.]

3.4.15.

Предложение есть мера мира.

Это – образ происшествия, не соответствующий истине. Как может он всё ещё оставаться образом этого происшествия?

«а» *может* заменять а, и «b» *может* заменять b, когда «а» находится в отношении «R» к «b», – именно в этом заключается искомое потенциальное внутреннее отношение.

5.4.15.

Предложение не является смесью слов. [См. 3.141.]

11.4.15.

Так и мелодия не есть смесь звуков, как считают все те, кто не одарён музыкально. [Ср. 3.141.]

12.4.15.

Я не могу перейти от сущности предложения к отдельным логическим операциям!!!

15.4.15.

Я не могу обнаружить именно то, насколько предложение является *образом* состояния дел.

Я почти готов оставить все свои труды. ---- ----

16.4.15.

Описание тоже можно назвать операцией, где базис – средства описания, а результат – описанный предмет.

Знак «не» есть класс всех отрицающих знаков.

17.4.15.

Субъективный универсум.

Вместо того чтобы осуществлять в предложении логические операции над составляющими его предложениями, мы можем соотнести с ними *значки* и оперировать с последними. Тогда с *некоторым* предложением-образом соотнесена констеляция значков, связанная с ним в высшей степени сложным образом.

$$(aRb, cSd, \phi e) \quad ((p \vee q).r : \supset : q.r. \equiv . p \vee r)$$

p   q   r

18.4.15.

Переход от p к $\sim p$ не является характеристикой операции отрицания. (Лучшее доказательство этому: оно также ведёт от $\sim p$ к p .) ----- .

19.4.15.

То, что отражается в языке, я не могу выразить с его помощью. [Ср. 4.121.]

23.4.15.

Мы не верим *a priori* в закон сохранения, но *a priori* знаем возможность его логической формы. [6.33.]

Все такие *a priori* известные предложения, как закон основания, непрерывности в природе и т.д. и т.д., – все они являются априорными прозрениями, относящимися к возможным формообразованиям предложений науки. [Ср. 6.34.]

«Принцип Оккама» не является, конечно, произвольным правилом, или правилом, оправданным своим практическим успехом. Он просто говорит, что ненужные знаковые единицы ничего не обозначают. [См. 5.47321.]

Ясно, что знаки, выполняющие одну и ту же задачу, логически тождественны. Чисто логическое есть как раз то, что все они могут её исполнить. [Ср. 5.47321.]

24.4.15.

В логике (математике) процесс и результат эквивалентны. (Поэтому здесь нет неожиданного.) [6.1261.]

25.4.15.

Так как язык находится во *внутренних* отношениях к миру, *он* и эти отношения определяют логическую возможность фактов. Если у нас есть знак, наделённый значением, он должен находиться в определённом внутреннем отношении к некоторой структуре. Знак и отношение однозначно определяют логическую форму обозначаемого.

Разве не может какая-либо так называемая вещь быть соотнесена одним и тем же способом с какой-либо другой такой же вещью?

Вполне ясно, например, что мы – воспринимаем и – используем слова языка как логически эквивалентные единства.

Постоянно кажется, будто существует нечто такое, что *можно рассматривать как вещь и, с другой стороны, как действительные простые вещи.*

Ясно, что ни черта, проведённая карандашом, ни парадокс не являются простыми. Существует ли на самом деле логическая эквивалентность между ними?

«Законы» типа закона основания и т.п. имеют дело с сетью, а не с тем, что эта сеть описывает. [См. 6.35.]

26.4.15.

Через общность обычные предложения должны приобретать отпечаток простоты.

Мы должны узнать, *как язык заботится о себе.*

Предложение, говорящее о «комплексе», находится во внутреннем отношении к предложению, говорящему о составной части этого комплекса. [См. 3.24.]

27.4.15.

Свобода воли состоит в том, что будущие события сейчас не *могут* быть познаны. Мы могли бы их знать только в том случае, если причинность была бы внутренней необходимостью – скажем, как необходимость логического вывода. – Связь знания и познанного есть *связь* логической необходимости. [См. 5.1362.]

Мне нет надобности заботиться о языке.

Не-истинность подобна не-тождественности.

28.4.15.

Операция отрицания не состоит в приписывании $\sim$, но в классе всех отрицающих операций.

Каковы же тогда свойства этой идеальной отрицающей операции?

Как обнаруживается, что два высказывания совместимы друг с другом?

Если в $p \vee q$ вместо q подставить p , то высказывание превратится в p !

Относится ли знак $p \cdot q$ к тем, что утверждают p ? ---- Является ли p одним из знаков для $p \vee q$?

Можно ли сказать так: Все знаки, которые *не* утверждают p , *не* утверждают p , и *не* содержат p как тавтология или противоречие – все эти знаки отрицают p .

29.4.15.

Т.е.: Все знаки, которые зависят от p , но не утверждают p и не утверждают p .

30.4.15.

Наличие *операции* не может, конечно, быть значимо само по себе!

p утверждается всяким предложением, из которого оно следует. [5.124.]

Каждое предложение, противоречащее p , отрицает p . [См. 5.1241.]

То, что $p \sim p$ является противоречием, показывает, что $\sim p$ противоречит p . [Ср. 6.1201.]

Скептицизм *не* неопровержим, но очевидно бессмыслен, если он хочет сомневаться там, где нельзя спрашивать. [См. 6.51.]

Ибо сомнение может существовать только там, где существует вопрос, вопрос – только там, где существует ответ, а ответ – только там, где что-нибудь *может* быть сказано. [См. 6.51.]

Все теории, которые говорят: «Это должно быть так, ведь иначе мы не смогли бы философствовать», или «ведь иначе мы не могли бы жить» и т.д. и т.д., – должны естественно исчезнуть.

Мой метод не в том, чтобы отделять твёрдое от мягкого, но в том, чтобы увидеть твёрдость мягкого¹².

Одно из главных умений философа – не заниматься теми вопросами, которые его не касаются.

Метод Рассела в его «Scientific Method in Philosophy» есть как раз таки отход от метода физики¹³.

2.5.15.

Класс всех знаков, утверждающих как p , так и q , есть знак для $p \cdot q$. Класс всех знаков, утверждающих p или q , есть предложение « $p \vee q$ ». [Ср. 5.513.]

3.5.15.

Мы не можем сказать, что как тавтология, так и противоречие *ничего* не говорят в том смысле, что они являются нулевой точкой в шкале предложений. Ибо они, по меньшей мере, суть *противоположные* полюса.

Можно ли сказать: два предложения противоположны друг другу, когда нет знака, утверждающего их оба – что, собственно, означает: когда они не имеют общих членов? [Ср. 5.1241.]

Таким образом, предложения представляют себя в виде классов знаков – предложения « p » и « q » имеют общий член « $p \cdot q$ »; – два предложения противоположны друг другу, когда каждое из них целиком находится вне другого. [Ср. 5.513.]

4.5.15.

Так называемый закон индукции ни в коем случае не может быть логическим законом, ибо он, очевидно, является предложением. [См. 6.31.]

Класс всех предложений формы Fx есть предложение $(x)\phi x$.

5.5.15.

Существует ли общая форма предложения?

Да, если под этим понимается единственная «логическая константа»! [Ср. 5.47.]

Постоянно кажется, что вопрос «Существуют ли простые вещи?» имеет смысл. И всё же этот вопрос должен быть бессмысленным! ----

6.5.15.

Напрасно трудиться над тем, чтобы выразить псевдопредложение «Существуют ли простые вещи?» в знаках шрифта понятий¹⁴.

И всё же ясно, что я имею перед собой понятие вещи, понятие простого соответствия, когда я размышляю об этих предметах.

Но как я представляю себе это простое? Здесь я всегда могу сказать только: «'х' имеет значение». ---- Здесь – великая загадка!

Как пример простого я всегда мыслю точку зрительного образа. (Как и части зрительного образа я всегда мысленно представляю как типичные «составные предметы».)

7.5.15.

Является ли пространственно составное также и логически составным? По-видимому, всё-таки да!

Но из чего, например, состоит единообразно окрашенная часть моего зрительного образа? Из *minima sensibilia*?¹⁵ Как же следует определить место каждой из них?

Даже если бы наши обычные предложения содержали все обобщения, в них всё равно должны входить первообразы составных частей их частных случаев. Таким образом, вопрос о том, как мы к ним приходим, остаётся открытым.

8.5.15.

То, что не существует определённого знака для первообраза, не показывает, что первообраз отсутствует. Отображение в знаковом языке совершается не так, что *знак* первообраза заменяет *предмет* этого первообраза. Знак и внутреннее отношение к обозначаемому определяют первообраз последнего; как абсцисса и ордината определяют точки фигуры.

9.5.15.

Вопрос: можем ли мы обойтись без простых предметов в логике?

Очевидно, что возможны предложения, не содержащие простых знаков, т.е. знаков, имеющих непосредственное значение. И они на самом деле являются *предложениями*, имеющими некоторый смысл, и не обязательно, чтобы к ним прилагались определения их составных частей.

Всё-таки ясно, что составные части наших предложений могут и должны быть разложены посредством определений, если мы хотим приблизиться к настоящей структуре предложения. *Стало быть, во всяком случае, существует процесс анализа.* И разве нельзя теперь спросить: закончится ли однажды этот процесс? И если да: Что будет представлять собой этот конец??

Если верно, что каждый определённый знак обозначает посредством своих определений, тогда, пожалуй, цепь определений когда-то должна иметь конец. [Ср. 3.261.]

Разложенное предложение говорит больше, чем неразложенное.

Разложение делает предложение более сложным, чем оно было, но оно не может и не должно делать его более сложным, чем его значение, каким оно было с самого начала.

Когда предложение столь же сложно, как и его значение, оно *полностью* разложено.

Но значение наших предложений не является бесконечно сложным.

Предложение есть образ факта. Я могу набросать различные образы одного факта. (Для этого мне служат логические операции.) Но то, что характеризует *факт*, будет одинаковым во всех этих образах и не зависит от меня.

Вместе с классом знаков предложения «р» уже дан класс «~р», и т.д. и т.д. Как и должно быть.

Но разве это уже не предполагает, что нам дан класс всех предложений? А как мы приходим к нему?

11.5.15.

Является ли логическая сумма двух тавтологий тавтологией в первом смысле? Действительно ли существует двойственность: тавтология – противоречие?

Наше простое есть простейшее из того, что мы знаем. – Простейшее, к которому может привести наш анализ, – оно должно проявляться в наших предложениях только как первообраз, как переменная, – *это* и есть то простое, которое мы подразумеваем и разыскиваем.

12.5.15.

Общее понятие отображения и *общее понятие* координат.

Допустим, что выражение «~(Эх) х=х» является предложением, а именно чем-то вроде предложения «Вещей не существует»; тогда должно было бы признать удивительным, что, для того чтобы выразить это предложение в символах, мы должны использовать отношение (=), о котором, собственно, совсем не идёт речь.

13.5.15.

Своеобразная логическая манипуляция – *персонификация времени!*

Только не затягивай узел, если не уверен, что поймал нужный конец.

Можем ли мы рассматривать часть пространства как вещь? В определённом смысле мы, очевидно, поступаем так всегда, когда ведём речь о пространственных вещах.

А именно кажется – по меньшей мере, насколько я могу видеть в данный момент, – что при замене имён определениями ничего не происходит: комплексные пространственные предметы, например, в некотором смысле кажутся мне по существу вещами – я, так сказать, вижу их как вещи. – И обозначение их посредством имён кажется более чем просто языковым трюком. Например: пространственные составные предметы действительно проявляются – вроде бы – как вещи.

Но что всё это значит?

Уже то, что мы совершенно инстинктивно обозначаем эти предметы посредством имён. ----

14.5.15.

Язык есть часть нашего организма, и не менее сложная, чем сам этот организм. [Ср. 4.002.]

Старая проблема комплекса и факта.

15.5.15.

Теория комплекса выражается в таких предложениях, как: «Если предложение является истинным, тогда нечто существует»; кажется, есть различие между фактом, выраженным предложением: a находится в отношении R к b , и комплексом: a в отношении R к b , который есть как раз то, что «существует», если это предложение является истинным. Как кажется, мы можем обозначить это нечто, а именно – настоящим «составным знаком». ---- Ощущения, выраженные в этих предложениях, вполне естественны

и непритворны; следовательно, в их основе должна находиться некая истина. Но какая?

Что зависит от моей жизни?

Насколько ясно, что комплекс может быть дан только через своё описание, и это описание будет правильным или неправильным. [См. 3.24.]

Предложение, в котором речь идёт о несуществующем комплексе, будет не бессмысленным, а просто ложным! [См. 3.24.]

16.5.15.

Когда я вижу пространство, вижу ли я все его точки?

Изобразить в языке нечто «противоречащее логике» так же невозможно, как нельзя в геометрии посредством её координат изобразить фигуру, противоречащую законам пространства, или, скажем, дать координаты несуществующей точки. [3.032.]

Если бы существовали предложения, говорящие о существовании первообразов, последние были бы уникальными и были бы разновидностью «логических предложений», и множество этих предложений давало бы логике невозможную реальность. В логике существовали бы координаты.

18.5.15.

Возможность всех подобий, всей образности нашего способа выражения, основана на логике отображения. [4.015.]

19.5.15.

Мы даже можем схватывать тело, находящееся в движении, и именно вместе с его движением, как вещь. Так Луна, вращающаяся вокруг Земли, движется вокруг Солнца. В данном случае кажется ясным только то, что в этом

овеществлении нет ничего кроме логической манипуляции – хотя её возможность может быть крайне значимой.

Или рассмотрим такое овеществление, как мелодия, произнесённое предложение. ----

Когда я говорю: «‘х’ имеет значение», чувствую ли я нечто вроде: «Невозможно, чтобы ‘х’ обозначал, скажем, этот нож или это письмо»? Отнюдь нет. Как раз наоборот.

20.5.15.

Комплекс является именно вещью!

21.5.15.

Мы вполне можем пространственно изобразить обстоятельство, противоречащее законам физики, но не обстоятельство, противоречащее законам геометрии. [3.0321.]

22.5.15.

Математическая запись бесконечных рядов, типа

$$\ll 1 + \frac{x}{1!} + \frac{x^2}{2!} + \dots \gg,$$

вместе с точками есть пример расширенной общности. Задан закон, и записанные члены служат иллюстрацией.

Так, вместо $(x)fx$ можно написать $\langle fx.fy \dots \rangle$.

Пространственные и временные комплексы.

23.5.15.

Границы моего языка означают границы моего мира. [5.6.]

На самом деле существует только одна мировая душа, которую я предпочитаю называть *моей* душой и единственно в соответствии с которой постигаю то, что я называю душами других.

Предыдущее замечание даёт ключ к вопросу о том, в какой мере солипсизм является истиной. [См. 5.62.]

Я уже давно сознавал, что могу написать книгу «Что же за мир я нахожу». [Ср. 5.631.]

Разве у нас нет впечатления о простом отношении, которое всегда мысленно представляется нам как главное основание предположения о «простых объектах»? разве у нас нет этого самого впечатления, когда мы мыслим отношение между именем и комплексным предметом?

Предположим, что комплексным объектом является эта книга; «А» – её название. Тогда вхождение «А» в предложение всё-таки показывает вхождение книги в факт. *И при анализе название разлагается отнюдь не произвольно, как если бы в предложениях разной конфигурации он расчленился по-разному.* ---- [См. 3.3442.]

Как вхождение имени вещи в различные предложения, так и вхождение имени составных предметов показывает общность формы и содержания.

Несмотря на это, *бесконечно* комплексная ситуация кажется вздором.

Но кажется достоверным и то, что мы не выводим существование простых объектов из существования определённых простых объектов; но, Скорее, знаем как конечный результат анализа – так сказать через описание – через ведущий к ним процесс.

Поэтому бессмысленный оборот речи можно использовать снова и снова – смотри последнюю ремарку.

В книге «Мир, который я нахожу» нужно было бы сообщить о моём теле и рассказать, какие члены подчиняются моей воле и т.д. Это есть, собственно, метод изоляции субъекта, или, скорее, показа того, что в некотором важном смысле субъекта нет: т.е. о нём одном *не* может идти речь в этой книге. [См. 5.631.]

24.5.15.

Даже тогда, когда мы знаем о простых предметах не на основе созерцания, мы всё же *знаем* комплексные предметы на основе созерцания нам известно на основе созерцания, что они являются комплексными. — И что они в конце концов должны состоять из простых вещей?¹⁶

Например, мы выделяем часть нашего зрительного поля и видим, что и она ещё является комплексной и что любая его часть всё ещё является комплексной, но уже более простой, и так далее. ----

Мыслимо ли, чтобы мы — например — *видели*, что все *точки поверхности являются жёлтыми*, без того, чтобы видеть какую-либо *одну* точку на этой поверхности? Похоже, что так и есть.

Возникновение проблемы: гнетущее напряжение, которое однажды концентрируется в вопрос и объективируется.

Каким образом мы могли бы, например, описать поверхность, равномерно покрытую синим?

25.5.15.

Является ли нам зрительный образ некоторого *minimum visibile*¹⁷ действительности как неделимый? То, что имеет протяжённость, делимо. Есть ли в нашем зрительном образе части, которые *не* имеют протяжённости? Может быть, неподвижные звёзды?----

Тяга к мистическому происходит оттого, что наука не удовлетворяет наши потребности. Мы *чувствуем*, что если бы и существовал ответ на все *возможные* научные вопросы, *наша проблема совсем не была бы этим затронута*. Тогда, конечно, больше не остаётся никаких вопросов; это как раз и есть ответ. [Ср. 6.52.]

Тавтология утверждается *каждым* предложением; противоречие отрицается *каждым* предложением. (Ведь к ка-

ждому предложению, не изменяя его смысла, можно с помощью «и» присоединить тавтологию, и то же самое относится к отрицанию противоречия.)

И «не изменяя смысла» подразумевает: не изменяя *сущности* самого знака. Ибо *знак* не может быть изменён без изменения его смысла. [Ср. 4.465.]

«aRa» должно иметь смысл, если имеет смысл «aRb».

26.5.15.

Но как теперь я должен объяснять общую сущность *предложения*? Мы, пожалуй, можем сказать: всё, что имеет (или не имеет) место, может быть отображено посредством предложения. Но здесь у нас есть выражение «*иметь место*»! А оно столь же проблематично.

Предметы образуют аналог предложений.

Предметы я могу только *именовать*. Знаки их замещают. [См. 3.221.]

27.5.15.

Я могу только говорить *о* них, но не высказывать их. [См. 3.221.]

«Но разве не может существовать нечто такое, что нельзя было бы выразить посредством *предложения* (и что к тому же не было бы предметом)?» Тогда это нечто не могло бы быть выражено посредством *языка*; и мы не могли бы *спрашивать* об этом нечто.

А что, если бы существовало нечто помимо *фактов*? Нечто такое, что наши предложения были бы не в состоянии выразить? Но ведь есть же у нас, например, *вещи*, и мы совсем не чувствуем потребности выражать их в предложениях.

То, что нельзя выразить, мы не выражаем ---- . А каким образом мы пытаемся *спросить*, можно ли выразить то, что нельзя выразить?

Помимо фактов никакой области нет?

28.5.15.

«Составной знак» и «предложение» *равнозначны*.

Будет ли тавтологией сказать: *Язык состоит из предложений?*

Кажется, *да*.

29.5.15.

Но разве язык *уникален?*

Почему бы не существовать такому способу выражения, посредством которого я мог бы говорить о языке так, что он предстал бы мне в координации с чем-то ещё?

Предположим, что музыка является таким способом выражения; тогда характерным для *науки*, во всяком случае, будет то, что в ней *не* могут встречаться музыкальные темы.

Я сам только записываю здесь *предложения*. А почему? *Каким образом язык уникален?*

30.5.15.

Слова подобны плёнке на глубокой воде.

Ясно, что на одно и то же выводит вопрос, чем является предложение, и вопрос, чем является факт или комплекс.

И почему нельзя сказать: «Существуют комплексы; их можно именовать именами или отображать посредством предложений»?

Имя комплекса функционирует в предложении как имя предмета, который я знаю только по *описанию*. ---- Отображающее его предложение функционирует как описание.

Но если существуют простые объекты, правильным ли будет назвать их знаки и те, другие, знаки «именами»?

Или же «имя» есть, так сказать, *логическое* понятие?

«Оно характеризует общность формы и содержания». ----

Сообразно различию структур комплекса, его имя обозначает по-своему и подлечит различным синтаксическим законам.

Ошибка такого понимания должна заключаться в том, что, с одной стороны, комплексы и простые предметы противопоставляются друг другу, но, с другой стороны, с ними обращаются, как с родственными.

И всё же: *Составные части и комплекс*, по-видимому, являются родственными друг другу и противоположными.

(Подобно находящимся перед нами плану города и карте страны одинакового размера, но различных масштабов.)

Откуда это ощущение: «Со всем, что я вижу, с этим ландшафтом, с пыльцой в воздухе, со всем этим я могу соотнести имя; да и что, если не это, должны называть мне имена»?!

Имена характеризуют общность *одной* формы и *одного* содержания. ---- Они характеризуют *одну определённую* логическую форму лишь *вместе со* своим синтаксическим использованием. [Ср. 3.327.]

31.5.15.

Описанием мира посредством имён нельзя достичь чего-либо большего, чем общим описанием мира!!!

Можно ли тогда обойтись без имён?? Пожалуй, всё-таки нет.

Имена необходимы для утверждения, что *эта* вещь обладает *тем-то* свойством и т.д..

Они связывают форму предложения с вполне определёнными предметами.

И если общее описание мира подобно его шаблону, то имена прибивают шаблон к миру так, что последний полностью покрыт им.

1.6.15.

Великая проблема, вокруг которой вращается всё, что я пишу, следующая: существует ли *a priori* некоторый порядок в мире, и если да, то в чём он состоит?

Ты всматриваешься в туман и поэтому можешь внушить себе, что цель уже близка. Но туман рассеивается, а цель ещё не видна.

2.6.15.

Я говорил: «Тавтология утверждается *каждым* предложением»; но этим всё же не сказано, почему она не является *предложением*. Разве этим уже сказано, *почему* предложение не может утверждаться посредством p и $\sim p$?

Т.е. моя теория, собственно говоря, не обнаруживает, что предложение *должно* иметь два полюса.

Т.е. я должен был бы теперь найти в манере речи этой теории выражение того, как много *говорит предложение*. И тогда как раз должно было бы оказаться, что тавтологии не говорят ничего.

Но как найти меру величины сказанного?

Во всяком случае, она присутствует; и наша теория *должна* быть в состоянии дать её выражение.

3.6.15.

Пожалуй, можно сказать: Больше всего говорит *то* предложение, из которого больше всего следует.

Можно ли сказать: «Из которого следует больше всего независимых друг от друга предложений»?

Но разве происходит не так: Если p следует из q , а q из p – нет, тогда q говорит больше, чем p ?

Но из тавтологии же вообще ничего не следует. ---- Но она следует из каждого предложения. [Ср. 5.142.]

Аналогичное относится к её противоположности.

Но как! Не будет ли противоречие предложением, говорящим больше всего? Ведь из «р.~р» следует не только «р», но также «~р»! Каждое предложение следует из них, а они не следуют ни из одного!?! Но я всё-таки ничего не могу вывести из противоречия, как раз *потому, что* оно есть противоречие.

Но если противоречие есть класс *всех предложений*, то тавтология – это общее у всех классов предложений, которые не имеют ничего общего, и исчезает полностью. [Ср. 5.143.]

«рv~р» было бы, таким образом, только мнимым знаком. На самом же деле предложение здесь сходит на нет.

Тавтология как бы кроется внутри всех предложений, противоречие – вне всех предложений. [См. 5.143.]

Впрочем, при таком рассмотрении я, по-видимому, всегда бессознательно отправляюсь от элементарного предложения. -----

Противоречие есть внешняя граница предложений; ни одно предложение не утверждает его. Тавтология есть их лишённый субстанции центр. (Центральная точка площади круга может рассматриваться как его внутренняя граница.) [Ср. 5.143.]

(Решающее слово, впрочем, здесь ещё не сказано.)

А именно здесь очень легко спутать друг с другом логическое произведение и логическую сумму.

Т.е. мы приходим к кажущемуся замечательным результатом, что два предложения должны иметь нечто общее, чтобы быть в состоянии утверждаться одним предложением.

(Однако принадлежность *одному* классу также есть нечто такое, чем предложения могут обладать в *общем!*)

(Здесь в моей теории всё ещё имеется явная и решающая неясность. Отсюда – известное чувство неудовлетворённости!)

4.6.15.

« $p \cdot q$ » имеет смысл только тогда, когда имеет смысл « $p \vee q$ ».

5.6.15.

« $p \cdot q$ » утверждает « p » и « q ». Это, однако, подразумевает не то, что « $p \cdot q$ » есть общая составная часть « p » и « q », но, наоборот, что как « p », так и « q » содержится в « $p \cdot q$ ».

В этом смысле даже p и $\sim p$ имеют нечто общее, например предложения типа $\sim p \vee q$ и $p \vee q$. Это значит: существуют, конечно, предложения, которые утверждаются как посредством « p », так и посредством « $\sim p$ » – например, указанные выше, – но не существует предложений, утверждающих как p , так и $\sim p$.

Чтобы предложение могло быть истинным, необходимо, чтобы оно также могло быть ложным.

Почему тавтология не говорит ничего? Потому что в ней каждая возможность допускается с самого начала; потому что...

В самом предложении должно показываться то, что оно говорит *нечто*, а в тавтологии – что она не говорит ничего.

$p \cdot \sim p$ есть то, что p и $\sim p$ имеют общего – похоже, что это *ничто*.

В *настоящем* знаке для p уже действительно содержится знак « $p \vee q$ ». (Так как тогда можно образовать этот знак без оговорок.)

6.6.15.

(Эта теория трактует предложения обособленно, так сказать – как особый мир, и не в связи с тем, что они изображают.)

Связь теории, рассматривающей предложение как образ, с теорией, рассматривающей предложение как класс, полностью прояснится лишь позднее¹⁸.

О тавтологии нельзя сказать, что она истинная, так как она *создана истинной*.

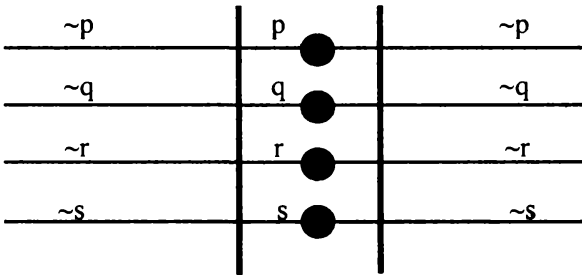
Она – не образ действительности, поскольку она ничего не изображает. Она есть то, что все *образы* – противоречащие друг другу – имеют в общем.

Из теории, рассматривающей предложение как класс, ещё не явствует, почему предложение *нуждается* в противоположности. Почему оно есть часть логического пространства, *обособленная* от остальных частей.

Предложение говорит: это есть *так* и не есть *так*. Оно представляет возможность и всё же уже, *очевидно*, образует часть целого – чьи черты оно несёт и из которого оно выделяется.

$p \vee q \vee \sim p$ также является тавтологией. ----

Пожалуй, существуют предложения, которые *допускают* как p , так и $\sim p$, но *нет* предложений, которые *утверждают* как p , так и $\sim p$.

Возможность « $p \vee q$ », когда p дано, существует в ином измерении, нежели возможность « $\sim p$ ».

« $p \vee \sim q$ » представляет собой совершенно особый случай « $p \vee q$ ».

« p » не имеет ничего общего с « $\sim p \vee q$ ».

Благодаря тому что я приписываю « $\sim$ » к « p », предложение переходит в другой класс предложений.

Каждое предложение имеет только одно отрицание;... Существует только одно предложение, находящееся полностью вне «р». [Ср. 5.513.]

Можно также сказать: Предложение, которое утверждает p и $\sim p$, отрицается всеми предложениями; предложение, которое утверждает p или $\sim p$, утверждается всеми предложениями.

Видимо, моя ошибка состоит в том, что я хочу использовать то, что, в частности, следует из сущности отрицания, в его определении. ---- Общность границы «р» и « $\sim p$ » вовсе не входит в объяснение отрицания, которое я пытаюсь дать.

7.6.15.

Если, например, можно было бы сказать: Все предложения, которые не утверждают p , утверждают $\sim p$, это дало бы нам удовлетворительное описание. ---- Но это не проходит.

Но разве нельзя сказать, что « $\sim p$ » есть то, что является общим только у тех предложений, которые не утверждают «р»? ---- А ведь из этого уже следует невозможность «р. $\sim p$ ».

(Всё это, естественно, уже предполагает существование целостного *мира предложений*. Правильно?)

Недостаточно указать, что $\sim p$ находится вне p ! Вывести все свойства « $\sim p$ » можно только тогда, когда « $\sim p$ » вводится *сущностно как отрицание p !*

Но как это сделать!?! ----

Или же дело обстоит так, что мы вообще не можем «ввести» предложение $\sim p$, но оно предстаёт перед нами, как свершившийся факт, и мы можем только указать на его отдельные формальные свойства; например, что оно не имеет ничего общего с p , что предложение не содержит его и p , и т.д. и т.д.?

8.6.15.

Каждое «математическое предложение» есть изображённый в знаках *modus ponens*. (И ясно, что *modus ponens* нельзя выразить предложением.) [Ср. 6.124.]

Общность границы p и $\sim p$ выражается тем, что отрицание предложения определяется только с помощью самого этого предложения. Ведь мы как раз говорим: Отрицание предложения – это предложение, которое... а теперь следует отношение $\sim p$ к p . ----

9.6.15.

Можно, естественно, просто сказать: Отрицание p есть предложение, которое не имеет с p общего предложения.

Выражение «*tertium non datur*»¹⁹ есть, собственно, бессмыслица. (Ибо в $p \vee \sim p$ ни о каком третьем нет и речи.)

Не следует ли нам использовать это в нашем объяснении отрицания предложения?

Разве мы не можем сказать: Среди всех предложений, которые зависят только от p , есть лишь такие, которые утверждают p , и такие, которые его отрицают?

Стало быть, я могу сказать, что отрицание p есть класс всех предложений, которые зависят только от « p » и *не утверждают « p »*.

10.6.15.

« $p \vee \sim q$ » не зависит от « q »!

Полные предложения, исчезать!

Уже то, что « $p \vee \sim q$ » не зависит от « q », хотя оно, очевидно, содержит записанный знак « q », показывает нам, как знаки, имеющие форму $\eta \vee \sim \eta$, могут мнимо, но всё-таки только мнимо, существовать.

Это, естественно, происходит от того, что эта комбинация « $p \vee \sim p$ », хотя внешне и возможна, не удовлетворяет условиям, при которых такой комплекс *нечто говорит* и поэтому является предложением.

« $p \vee \sim q$ » говорит то же самое, что и
« $p \vee \sim r$ »,

что бы не говорили q и r : Все тавтологии говорят одно и то же. (А именно, ничего.) [Ср. 5.43.]

Из последнего объяснения отрицания следует, что все зависящие только от p предложения, которые не утверждают p – и только они, – отрицают p . Поэтому « $p \vee \sim p$ » и « $p \sim p$ » – не предложения, ибо первый знак не утверждает и не отрицает p , а второй должен утверждать и то, и другое.

Но ведь я же всё-таки могу записать « $p \vee \sim p$ » и « $p \sim p$ », особенно в связи с другими предложениями. Таким образом, должна быть ясно установлена та роль, которую играют эти псевдопредложения, особенно в такой связи. Ибо они, естественно, не должны трактоваться как полностью лишённый значения довесок – как, скажем, лишённое значения имя. Скорее, они принадлежат символике – как «0» в арифметике. [Ср. 4.4611.]

Здесь становится ясно, что $p \vee \sim p$ играет роль истинного предложения, но говорит *ноль*.

Мы вновь подошли к количеству сказанного.

11.6.15.

Противоположность « $p \sim p$ » следует из всех предложений; означает ли это, что « $p \sim p$ » не говорит ничего? ---- Согласно моему прежнему правилу, противоречие должно ведь говорить больше, чем все другие предложения.

Противоречие Тавтология

Предложение

Если предложение, говорящее много, является ложным, интересоваться должно как раз то, что оно ложное. Удиви-

тельно то, что отрицание предложения, говорящего много, не должно говорить совершенно ничего.

Мы говорили: Если p следует из q , а q из p – нет, то q говорит больше, чем p . Но если из p следует, что q является ложным, но из q не следует, что p является ложным, что тогда?

Из p следует $\sim q$, из q не следует $\sim p$. ---- ?

12.6.15.

Относительно каждого предложения можно, собственно, спросить: Что означает, когда оно истинно, и что означает, когда оно ложно?

$p \sim p$ всегда принимается как ложное; следовательно, оно ничего не означает; а о том, как много оно означает, когда является истинным, даже нельзя спросить.

13.6.15.

Если бы « $p \sim p$ » могло быть истинным, оно, конечно, говорило бы *очень* много. Но *предположение*, что оно является истинным, при этом как раз и не рассматривалось бы, ибо предполагается, что оно всегда является ложным.

Слова «истина» и «ложь» указывают на отношение предложения к миру; странно, что эти же слова могут использоваться в нём самом для изображения!

Мы говорили: если предложение зависит только от p и если оно утверждает p , тогда оно не отрицает его; и наоборот: *Является ли это образом взаимного исключения p и $\sim p$?* Образом факта, что $\sim p$ есть *то*, что находится *вне* p ?

Кажется всё-таки так! Предложение « $\sim p$ » в том же самом смысле есть *то*, что находится *вне* « p ». ---- (Не забывай также, что образ может иметь очень сложную координацию с миром.)

Впрочем, можно просто сказать: « $p \sim p$ » ничего не говорит в собственном смысле этого слова. Ибо с самого нача-

да не допускается возможность, которую оно может *правильно* изображать.

Между прочим, если «р следует из q» означает, что при истинном q должно быть истинным р, то вообще нельзя сказать, что нечто следует из «р.~р», так как не существует гипотезы, что «р.~р» является истинным.

14.6.15.

Таким образом, нам стало ясно, что имена могут входить, и входят, в различные формы и что изображаемую форму характеризует, прежде всего синтаксическое применение.

Что же представляет собой синтаксическое применение имён простых предметов?

В чём состоит моя основная мысль, когда я говорю о простых объектах? Разве «составные предметы» не удовлетворяют, в конце концов, как раз тем требованиям, которые я, казалось бы, устанавливал для простых предметов? Если я даю этой книге имя «N» и говорю теперь о N, разве отношение N к такому «составному предмету», к таким формам и содержаниям *по существу* не то же самое, которое я мыслил себе между именем и простым предметом?

Так как *Nota Bene*: даже если имя «N» исчезает при дальнейшем анализе, оно всё ещё указывает на *нечто общее*.

Но как обстоит дело со значением имени вне связности предложения?

Но вопрос можно поставить и следующим образом: Кажется, что идея простого уже содержится в идее «комплекса» и идее «анализа», так что мы приходим к этой идее вполне независимо от каких-либо примеров простых объектов или предложений, в которых о них идёт речь, и усматриваем существование простых предметов – *a priori* – как логическую необходимость.

Таким образом, кажется, будто существование простых предметов относится к существованию комплексных так, как смысл $\sim$ р относится к смыслу р: *простой предмет предполагается* в комплексном.

15.6.15.

(Это НЕЛЬЗЯ смешивать с *фактом*, с тем, что *составные части факта* предполагаются в комплексе.)

(Одна из наиболее сложных задач философа – найти, где жмёт ботинок.)

Совершенно ясно, что я фактически могу соотнести имя с этими часами, как они лежат здесь передо мной и идут, и что это имя будет иметь значение вне какого бы то ни было предложения в том самом смысле, который я вообще когда-либо придавал этому слову, и я чувствую, что это имя в предложении будет соответствовать всем требованиям, предъявляемым к «именам простых предметов».

16.6.15.

Теперь мы хотим посмотреть, отвечают ли фактически эти часы всем условиям, для того чтобы быть «простым предметом». ----

Вопрос, собственно, в следующем: Должен ли я, для того чтобы знать синтаксический способ обращения с именем, знать состав его значения? Если да, тогда весь этот состав уже выражен даже в неанализированных предложениях... ----

(Широкий провал мысли часто пытаются перепрыгнуть и, тогда, падают прямо в него.)

Нам кажется, что понятие *Это*, тождественное с понятием *предмет*, дано *a priori*.

Отношения и свойства и т.д. тоже являются *предметами*.

Моё затруднение всё-таки состоит в следующем: Во все встречающиеся мне предложения входят имена, которые,

однако, должны исчезать при дальнейшем анализе. Я знаю, что такой дальнейший анализ возможен, но не в состоянии выполнить его полностью. Несмотря на это, я всё же, по-видимому, знаю, что если анализ полностью выполнен, его результатом должно быть предложение, которое снова содержит имена, отношения и т.д. Короче: как кажется, я знаю лишь форму, для которой не знаю ни одного примера.

Я вижу: анализ может быть продолжен дальше и не могу, так сказать, представить себе, что он ведёт к чему-то отличному от известных мне видов предложений.

Когда я говорю, что эти часы блестят, и то, что я подразумеваю под «этими часами», чуть-чуть изменяет свой состав, то это означает не только то, что смысл предложения изменяется по содержанию, но *также* и то, что *высказывание об этих часах* тотчас изменяет свой смысл. Изменяется вся форма предложения.

Т.е. синтаксическое употребление имён полностью характеризует форму составных предметов, которые они обозначают.

Каждое предложение, которое имеет некоторый смысл, имеет полный смысл, и оно есть образ действительности, так что то, что в нём ещё не высказано, просто не может принадлежать его смыслу.

Если предложение «эти часы блестят» имеет некоторый смысл, должно быть объяснимо, каким образом это предложение имеет этот смысл.

Если предложение говорит нам нечто, то оно должно, как раз как оно и есть, быть образом действительности, а именно полным образом. ---- Будет, конечно, и нечто такое, о чём оно *не* говорит – но то, *что* оно говорит, оно говорит полностью, и это последнее должно быть точно ограничено.

Таким образом, хотя предложение и может быть неполным образом какого-то определённого факта, но оно всегда представляет собой *некий полный образ*. [Ср. 5.156.]

Поэтому кажется, будто все имена в определённом смысле являются *подлинными именами*. Или, как я тоже могу сказать, будто все предметы в определённом смысле являются простыми предметами.

17.6.15.

Предположим, что каждый пространственный предмет состоит из бесконечно многих точек; тогда ясно, что, говоря о таком предмете, я не могу назвать их все поимённо. Здесь как раз тот случай, когда я вовсе не *могу* прийти к полному анализу в старом смысле; и, вероятно, это как раз обычный случай.

Всё-таки ясно, что предложения, которые только и использует человечество, что эти предложения, так как они суть, будут иметь смысл сами по себе и отнюдь не должны дожидаться будущего анализа, чтобы получить смысл.

Теперь, однако, законным кажется вопрос: Составлены ли – например – пространственные предметы из простых частей; приходят ли при их разложении к частям, которые более не разлагаются, или это не так?

---- Но к какому виду относится этот вопрос? ----

*Является ли а priori ясным, что при разложении мы должны прийти к простым составным частям – входит ли это уже в понятие разложения – или же возможно разложение *ad infinitum*?²⁰ – Или же, наконец, возможно нечто третье?*

Этот вопрос является логическим, и составленность пространственных объектов является логической, ибо сказать, что одна вещь является частью другой, всегда есть тавтология.

А что, если я хочу сказать, что одна составная часть факта имеет определённое свойство? Тогда я должен указать на неё посредством имени и применить логическую сумму.

И, по-видимому, нечего возразить против бесконечной разложимости.

И нам *непрестанно* навязывается, что существует нечто простое, неразложимое, элемент бытия, короче – вещь.

Хотя то, что *мы* не можем разложить предложения настолько, чтобы указывать на элементы посредством имён, и не идёт вразрез с нашим чувством, но мы чувствуем, что мир должен состоять из элементов. И кажется, это идентично предложению: «Мир должен быть именно тем, что он есть, он должен быть определён». Или, другими словами, колеблются наши определения, а не мир. Как кажется, отрицать вещи означает то же самое, что сказать: мир может в некоторой степени быть неопределённым, приблизительно в том смысле, в котором наше знание ненадёжно и неопределённо.

Мир имеет прочную структуру.

Не является ли изображение с помощью неразложимых имён *только одной системой*?

Ведь всё, чего я хочу, есть ведь только полная разложимость *моих смыслов*!!

Другими словами, предложение должно быть полностью артикулировано. Всё то общее, что его смысл имеет с другим смыслом, должно содержаться в предложении отдельно. При обобщении формы отдельных случаев должны быть явными. ---- И ясно, что это требование оправдано, иначе предложение вообще не было бы образом *чего-либо*. [Ср. 3.251.]

Ибо если в предложении *оставались бы открытыми* возможности, должно было бы быть *определено как раз*

то, что остаётся открытым. Обобщения формы – например – должны быть определены. Чего я не знаю, того я не знаю, но предложение должно показывать мне, что я знаю. И не является ли тогда то *определённое*, к чему я *должен* прийти, как раз-таки простым в том смысле, который я всегда мысленно представлял? Это, так сказать, твердыня.

Тогда, «составные предметы не существуют» означает для нас: В предложении должно быть ясно, как составлен предмет, насколько мы вообще можем вести речь о его составленности. ---- Смысл предложения должен проявиться в предложении разложенным на свои *простые* составные части ---- . И тогда эти части действительно будут неразложимыми, так как при дальнейшем разложении они не будут теми же. Другими словами, предложение тогда нельзя больше заменить предложением, имеющим больше составных частей, но каждое предложение, которое имеет больше составных частей, уже не имеет *этого* смысла.

Всегда, когда смысл предложения полностью выражен в нём самом, предложение разложено на свои простые составные части – дальнейшее разложение невозможно и, по видимому, излишне, – и последние являются предметами в изначальном смысле.

18.6.15.

Если составленность предмета определяет смысл предложения, тогда она должна быть отображена в предложении в той мере, в какой она определяет его смысл. И насколько составленность *не* определяет *этот* смысл, настолько предметы этого предложения являются *простыми*. Они не *могут* разлагаться далее. ----

Требование простой вещи *есть* требование определённости смысла. [Ср. 3.23.]

---- Ибо когда я говорю, скажем, об этих часах, подразумевая под этим нечто комплексное, и ничто не зависит от

состава, тогда в предложении будет проступать обобщение, и его основные формы, *насколько они вообще даны*, будут определены полностью.

Если имеется некоторый конечный смысл и предложение, полностью его выражающее, то также имеются имена простых объектов.

Это – правильное обозначение.

Но что, если простое имя обозначает бесконечно комплексный предмет? Например, мы нечто говорим о пятне в нашем зрительном образе; скажем, что оно расположено справа от такой-то линии; и предполагаем, что каждое пятно в нашем зрительном образе является бесконечно комплексным. Тогда, если мы говорим о точке в этом пятне, что она находится справа от линии, то это предложение следует из предыдущего; и если в пятне находится бесконечно много точек, *тогда бесконечно много предложений различного содержания логически следует из того, первого!* И это уже показывает, что оно само фактически является бесконечно комплексным. Т.е. не один только знак предложения, но, пожалуй, *вместе со своим синтаксическим применением*.

Однако теперь, конечно, *очень* легко может быть, что в действительности из такого предложения следует *не* бесконечно много различных предложений, потому что наш зрительный образ возможно – или вероятно – не состоит из бесконечно многих частей, – но непрерывное зрительное пространство есть лишь последующая конструкция ----; и тогда как раз лишь конечное число предложений следует из известного, и оно само в любом смысле является *конечным*.

Но разве такая *возможная* бесконечная составленность смысла причиняет вред его определённости?

Можно требовать определённости и так!: Если предложение должно иметь смысл, то синтаксическое употребле-

ние каждой из его частей должно быть установлено заранее. --- Нельзя, например, *лишь задним числом установить*, что некое предложение следует из него. Но, например, то, какие предложения следуют из некоторого предложения, должно быть полностью установлено до того, как это последнее сможет иметь смысл!

Мне кажется вполне возможным, чтобы пятна в нашем зрительном образе были простыми предметами именно потому, что ни одну отдельную точку этого пятна мы не воспринимаем отдельно; зрительные образы звёзд даже наверняка кажутся таковыми. Т.е. когда я, например, говорю, что эти часы не находятся в выдвижном ящике, то совершенно нет нужды отсюда логически выводить, что колёсико, которое есть в этих часах, не находится в выдвижном ящике, так как, возможно, *я вовсе не знаю*, было ли колёсико в часах; а следовательно, не могу подразумевать под «этими часами» комплекс, в котором имеется колёсико. И – кстати сказать – верно, что я не вижу всех частей моего *теоретического* зрительного образа. Кто знает, вижу ли я бесконечно много точек?

Предположим, что мы видим пятно круглой формы; является ли круглая форма его *свойством*? Разумеется, нет. Она, по-видимому, является структурным «свойством». И если я замечаю, что пятно – круглое, разве я не замечаю бесконечно комплексное структурное свойство? Или я замечаю только то, что пятно имеет конечную протяжённость, а это, по-видимому, уже *предполагает* бесконечно комплексную структуру.

Неверно: одно предложение следует из другого, но истинность одного следует из истинности другого. (Вот почему из «все люди смертны» *следует*: «если Сократ человек, то он смертен».)

Но предложение, пожалуй, может говорить о бесконечно многих точках без того, чтобы в определённом смысле быть бесконечно комплексным.

19.6.15.

Когда мы видим, что наш зрительный образ является комплексным, мы также видим, что он состоит из более *простых* частей.

Мы можем вести речь о функциях такого-то и такого-то вида без того, чтобы иметь перед глазами какое-либо определённое применение.

А именно, перед нами не витает пример, когда мы используем Fx и все другие переменные формальные знаки.

Короче: если бы мы применяли первообразы только в связи с именами, то мы могли бы узнать о существовании первообразов из существования их отдельных случаев. Но мы же используем *переменные*; т.е. мы говорим в некотором смысле только о первообразах, совершенно помимо каких-либо отдельных случаев.

Мы отображаем вещь, отношение, свойство при посредстве переменных и тем самым показываем, что не извлекаем эти идеи из определённых известных нам случаев, но каким-то образом обладаем ими *a priori*.

Т.е. встаёт вопрос: Если отдельные формы, так сказать, даны мне в опыте, тогда я всё же не могу применять их в логике, тогда я, собственно, не мог бы записать x или ϕx . Но этого я всё-таки никак не могу избежать.

Между прочим спросим: Имеет ли логика дело с определёнными классами функций и тому подобным? А если нет, что тогда обозначают в логике Fx , ϕx и т.д?

Тогда они должны быть знаками более общего значения!

По-видимому, логический инвентарь все же не определён, как я первоначально представлял.

Составные части предложения должны быть простыми = Предложение должно быть полностью артикулировано. [Ср. 3.251.]

Но кажется, что это противоречит фактам? ---- .

Т.е. в логике мы, по-видимому, стремимся продемонстрировать идеальные образы артикулированных предложений. Но как это возможно?

Или можем ли мы иметь дело с предложением типа «Часы лежат на столе» согласно правилам логики без дальнейших добавлений? Нет. Здесь, например, мы говорим, что в предложении умалчивается дата, что оно лишь по видимости... и т.д. и т.д..

Поэтому, прежде чем мы сможем иметь с ним дело, мы должны, как кажется, преобразовать его определённым способом.

Но, возможно, это не главное, ибо разве мы не можем столь же хорошо приспособить привычный нам *логический* способ записи к специальному предложению?

20.6.15.

Да, дело в следующем: Можем ли мы по праву применить логику, как она изложена, скажем, в «*Principia Mathematica*», к *обычным предложениям* без оговорок?

Естественно, мы не должны оставлять без внимания то, что *выражено* в наших предложениях посредством окончаний, префиксов, умляутов и т.д. и т.д..

Но ведь мы применяем математику, и с большим успехом, к обыкновенным предложениям, а именно к предложениям физики!!

Но что примечательно: в известных теоремах математической физики не появляются ни вещи, ни функции, ни

отношения, ни какие-либо другие логические формы предметов!! Вместо вещей мы имеем здесь числа, а функции и отношения всюду являются чисто математическими!!

Но всё-таки факт, что эти предложения применяются к прочной действительности.

Переменные в этих теоремах – как часто говорилось – вовсе не обозначают длины, веса, временные промежутки и т.д., но они просто обозначают числа и ничего более.

Но когда я хочу применить числа, я прихожу к отношениям, вещам и т.д. и т.д. Я говорю, например: Эта длина равна 5 метрам, – и говорю об отношениях и вещах, причём во *вполне обычном* смысле.

Здесь мы приходим к вопросу о значении переменных в предложениях физики. Ведь последние не являются тавтологиями.

Предложение физики вне указания на его применение, очевидно, бессмысленно. Что за смысл в том, чтобы сказать: « $k = m \cdot p$ »?

Итак, дополненное предложение физики всё-таки говорит о вещах, отношениях и т.д. (Что и следовало ожидать.)

Всё дело в том, что я применяю числа к обычным вещам и т.д., и это опять говорит не более того, что числа встречаются в наших вполне обычных предложениях.

Затруднение состоит, собственно, в следующем: Даже когда мы хотим выразить *вполне определённый* смысл, есть возможность того, что мы промахнулись мимо этой цели. Поэтому кажется, что у нас нет, так сказать, гарантии того, что наше предложение на самом деле есть образ действительности.

Разложение тела на *материальные точки*, как мы имеем его в физике, есть не более чем анализ до *простых составных частей*.

Но возможно ли, чтобы предложения в нашем обычном использовании имели как бы только неполный смысл (совершенно помимо своей истинности и ложности) и чтобы предложения физики приближались, так сказать, к той стадии, где предложения действительно имеют полный смысл?

Когда я говорю «Книга лежит на столе», действительно ли это имеет совершенно ясный смысл? (В высшей степени значимый вопрос.)

Этот смысл всё равно должен быть ясен, так как в предложении мы всё-таки подразумеваем *нечто*, и то, что мы подразумеваем *с уверенностью*, всё же должно быть ясным.

Если предложение «Книга лежит на столе» имеет ясный смысл, тогда я должен в любом *случае* быть в состоянии сказать, является ли предложение истинным или ложным. Но вполне может встретиться *случай*, когда я не смогу без оговорок сказать, должны ли ещё называть книгу «лежащей на столе». Итак?

Итак, тот ли это случай, когда я точно знаю, что хочу сказать, но затем совершаю ошибку в выражении?

Или эта неуверенность тоже может быть включена в предложение?

Но может быть также, что предложение «Книга лежит на столе» передаёт мой смысл полностью, но при этом я использую слова, например «лежит на», в *специальном* значении, и что в другом месте они имеют другой смысл. Может быть, я подразумеваю под глаголом совершенно специальное отношение, которое в данный момент книга действительно имеет к столу.

Итак, являются ли предложения физики и предложения обыденной жизни, по существу, одинаково точными, и не

состоит ли различие только в более последовательном применении знаков в языке науки??

Можно или нет говорить о том, что предложения имеют более или менее точный смысл??

Кажется ясным, что то, что мы подразумеваем, должно всегда быть «точным».

Наше выражение того, что мы подразумеваем, в свою очередь может быть только правильным или ошибочным. И в данном случае слова ещё могут применяться последовательно или непоследовательно. Здесь, как кажется, нет какой-либо другой возможности.

Когда я, например, говорю: «Этот стол имеет в длину один метр», в высшей степени неясно, что я под этим подразумеваю. Но, пожалуй, я подразумеваю «Расстояние между этими двумя точками – один метр, и эти точки принадлежат столу».

Мы говорили, что математика уже применялась с успехом к обычным предложениям, но предложения физики имеют дело с предметами совершенно отличными от предметов обычного языка. Должны ли наши предложения быть препарированы *таким образом*, чтобы их можно было обработать математически? Очевидно, да! Когда встаёт вопрос о количестве, то, например, выражений типа «длина этого стола» не достаточно. Эта длинна должна быть определена, скажем, как расстояние между двумя плоскостями и т.д. и т.д..

Да, математические науки отличаются от нематематических тем, что они имеют дело с вещами, о которых обычный язык не говорит, тогда как последний говорит о вещах общеизвестных.

21.6.15.

Наше затруднение заключалось всё-таки в том, что мы всегда говорим о простых предметах и не можем привести ни одного из них.

Если точка в пространстве не существует, тогда также не существуют её координаты, а если координаты существуют, тогда существует и точка. ---- Так же обстоит дело в логике.

Простой знак является *существенно простым*.

Он функционирует как простой предмет. (Что это означает?)

Его составленность является совершенно *безразличной*. Она скрыта от наших глаз.

Всегда кажется, будто существуют комплексные предметы, функционирующие как простые, а значит и *действительно* простые предметы, типа материальных точек в физике и т.д.

То, что имя обозначает комплексный предмет, видно из неопределённости в предложениях, в которых оно встречается, что проистекает как раз из общности таких предложений. Мы *знаем*, что с помощью этого предложения определено ещё не всё. Ведь обозначение общности *содержит* некоторый первообраз. [Ср. 3.24.]

Все невидимые массы и т.д. и т.д. должны подпадать под знак всеобщности.

Что это значит, когда предложения приближаются к истине?

Но логика, как она изложена, скажем, в «*Principia Mathematica*», вполне может быть применена к нашим обычным предложениям; например, из «Все люди смертны» и «Сократ – человек» в соответствии с этой логикой следует «Сократ – смертен», что, очевидно, правильно, хотя я, столь же очевидно, не знаю, какую структуру имеет вещь Сократ или свойство смертности. Здесь они функционируют как раз как простые предметы.

Очевидно, то обстоятельство, благодаря которому возможно спроецировать некоторые формы через определе-

ния в имя, уже гарантируют, что затем с этим именем тоже можно обращаться как с реальным.

Тому, кто видит ясно, очевидно, что предложение типа «Эти часы лежат на столе» содержит массу неопределённого, несмотря на то что его форма внешне кажется совершенно ясной и простой. Таким образом, мы *видим*, что эта простота является лишь сконструированной.

22.6.15.

Таким образом, непредвзятому уму ясно, что смысл предложения «Часы лежат на столе» более сложен, чем само предложение.

Соглашения нашего языка необычайно сложны. В каждом предложении есть чрезмерно много мысленных добавлений, которые не высказываются. (Эти соглашения совершенно подобны «Conventions» Уайтхеда. Пожалуй, они являются определениями с *известной общностью формы*.)²¹ [Ср. 4.002.]

Я только хочу оправдать расплывчатость обычных предложений, так как она *допускает* оправдание.

Ясно: я знаю, что я *подразумеваю*, произнося расплывчатое предложение. Но в этот момент другой не понимает и говорит: «Да, но если ты подразумеваешь это, тогда ты должен добавить то-то и то-то»; а теперь кто-то ещё не будет понимать его и требовать от предложения ещё большей обстоятельности. Тогда я отвечаю: Да ведь это *же* понятно само собой.

Я сказал кому-то: «Часы лежат на столе», а теперь он говорит: «Да, но если бы часы лежали так-то и так-то, ты бы всё равно говорил ‘они лежат на столе’?» И я бы стал сомневаться. Это показывает, что я не знал, что я *вообще* подразумеваю под «лежат». Если бы меня загнали в угол, чтобы показать мне, что я не знаю, что подразумеваю,

я сказал бы: «Я *знаю*, что я подразумеваю; я подразумеваю как раз это», и при этом указал бы пальцем на соответствующий комплекс. И в этом комплексе я в данный момент фактически имею два предмета, находящихся в некотором отношении. ---- Однако *на самом деле* это означает лишь одно: Факт может быть КАК-ТО отображён также и посредством этой формы.

Когда я делаю это и обозначаю предметы *именами*, становятся ли они благодаря этому простыми?

Но всё-таки, это предложение есть образ этого комплекса.

Этот предмет является *простым* для меня!

Если, например, я называю какую-нибудь палку «А», а шар «В», то я могу сказать об А, что она прислонена к стене, а о В – нет. Здесь даёт о себе знать внутренняя природа А и В.

Когда имя обозначает предмет, то оно находится к нему в отношении, которое полностью обусловлено логическим видом предмета и, в свою очередь, характеризует этот логический вид.

И ясно, что предмет должен иметь определённый логический вид. Предмет является столь же составным или простым, как и логический вид.

«Часы *сидят* на столе» – бессмысленно!

Только составная часть предложения может быть истинной или ложной.

Имя сводит своё полное комплексное значение в единицу.

15.4.16.

Мы можем предвидеть только то, что конструируем сами. [См. 5.556.]

Но где же теперь понятие простого предмета?

Это понятие здесь вообще ещё не рассматривалось.

Мы должны быть способны сконструировать простые функции, потому что мы должны быть способны придать значение каждому знаку.

Ибо тот единственный знак, который ручается за своё значение, – это функция и аргумент.

16.4.16.

Каждое простое предложение можно привести к форме ϕx .

Вот почему можно составить все простые предложения из этой формы.

Предположим, что мне даны *все* простые предложения; в таком случае можно просто спросить: какие предложения из них можно образовать? И это были бы *все* предложения, и *так устанавливались бы их границы*. [4.51.]

(p): $p = aRx.xRy . . . zRb$

(p): $p = aRx$

17.4.16.

Вышеуказанное определение может в своей общности быть лишь правилом знаковой записи, которому нет никакого дела до смысла знаков.

Но может ли существовать такое правило?

Определение возможно лишь тогда, когда оно само не является предложением.

Тогда предложение не может говорить обо всех предложениях, определение же может.

23.4.16.

Однако вышеуказанное определение как раз не имеет дела со всеми предложениями, так как оно содержит существенные действительные переменные. Оно вполне анало-

гично операции, собственный результат которой может быть взят как её базис.

26.4.16.

Так и только так можно продвинуться от одного типа к другому. [Ср. 5.252.]

И можно сказать, что все типы находятся в иерархиях.

А иерархия возможна лишь через построение посредством операции.

Эмпирическая реальность ограничена числом предметов.

Эта граница вновь обнаруживается в совокупности простых предложений. [См. 5.5561.]

Иерархии независимы и должны быть независимы от реальности. [См. 5.5561.]

Значения их членов определяются только посредством соотнесения предметов и имён.

27.4.16.

Скажем, я хочу изобразить функцию 3 не-взаимозаменяемых аргументов.

$$\phi(x): \phi(), x$$

Но разве должна в логике идти речь о не-взаимозаменяемых аргументах? Если да, то это, пожалуй, предполагает нечто об устройстве реальности.

6.5.16.

В основе всего мировоззрения современности лежит иллюзия, будто так называемые законы природы суть объяснения природных явлений. [6.371.]

Так, перед «законами природы» останавливаются как перед чем-то *неприкосновенным*, как древние перед Богом или Судьбой. [См. 6.372.]

Причём в обоих подходах есть верное и неверное. Старый, конечно, ясней, поскольку он признаёт некоторый ясный предел, в то время как в новой системе может казаться, что будто *всё* обосновано. [См. 6.372.]

11.5.16.

| p | (a, a)

Существуют также операции с двумя базисами. И «|» — операция такого вида²².

| (ξ, η)... есть произвольный член последовательности результатов операции.

(∃x).φx

Является ли тогда (∃x) и т.д. действительно операцией? Но что было бы её базисом?

11.6.16.

Что я знаю о Боге и о цели жизни?

Я знаю, что этот мир есть.

Что я нахожусь в нем, как мой глаз в своем поле зрения.

Что ему присуще нечто проблематичное — то, что мы называем его смыслом.

Что этот смысл лежит не в нем, но вне его. [Ср. 6.41.]

Что жизнь есть мир. [Ср. 5.621.]

Что моя воля пронизывает мир.

Что моя воля является доброй или злой.

Что, следовательно, добро и зло как-то связаны со смыслом мира.

Смысл жизни, т. е. смысл мира, мы можем назвать Богом.

И связать с этим сравнение Бога с отцом.

Молитва — это мысль о смысле жизни.

Я не могу подчинить события мира своей воле, но я совершенно бессилён.

Я только могу сделать себя независимым от мира – и, таким образом, в определенном смысле всё-таки овладеть им – за счёт того, что я отказываюсь от какого-либо влияния на происходящее.

5.7.16.

Мир не зависит от моей воли. [6.373].

Даже если бы всё, чего мы желали, произошло, это всё-таки было бы только, так сказать, милостью судьбы, ибо нет никакой логической связи между волей и миром, которая гарантировала бы это, а предполагаемой физической связи мы тоже не могли бы желать. [6.374]

Если добрая или злая воля имеют влияние на мир, то оно может распространяться лишь на границы этого мира, а не на факты, – не на то, что может быть отображено посредством языка, но лишь на то, что может быть показано в языке. [Ср. 6.43.]

Короче: посредством этого мир вообще должен стать другим. [См. 6.43.]

Он должен, так сказать, увеличиваться и уменьшаться как целое. Как при присоединении или утрате того или иного смысла. [Ср. 6.43.]

Так же, как со смертью мир не изменяется, но прекращает существовать. [6.431.]

6.7.16.

И в этом, пожалуй, прав Достоевский, когда он говорит, что тот, кто счастлив, выполняет цель бытия.

Можно сказать и так: тот выполняет цель бытия, кому помимо жизни не нужна больше никакая цель. То есть именно тот, кто удовлетворен.

Решение проблемы жизни замечают по исчезновению этой проблемы. [См. 6.521.]

Но можно ли жить так, чтобы жизнь перестала быть проблематичной? Чтобы человек *жил* в вечности, а не во времени?

7.7.16.

Не это ли причина того, что люди, которым после долгих сомнений стал ясен смысл жизни, не могут сказать, в чем состоит этот смысл? [См. 6.521.]

Для того чтобы помыслить некий «вид предметов», не зная, существуют ли такие предметы, я должен сначала сконструировать для себя их первообразы.

Не на этом ли основан метод механики?

8.7.16.

Верить в Бога – значит понимать вопрос о смысле жизни.

Верить в Бога – значит видеть, что факты мира – это не всё.

Верить в Бога – значит видеть, что жизнь имеет смысл.

Мир *дан* мне, т. е. моя воля подступает к миру совершенно извне, как к чему-то уже готовому.

(Что есть моя воля, я ещё не знаю.)

Поэтому мы чувствуем, что зависим от чужой воли.

Как бы то ни было, мы в определенном смысле зависимы, т. е. от чего мы зависим, мы можем назвать Богом.

В этом смысле Бог был бы просто судьбой, или, что то же самое, миром, независимым от нашей воли.

Я могу сделать себя независимым от судьбы.

Есть два божества: мир и моё независимое *Я*.

Я либо счастлив, либо несчастлив, вот и всё. Можно сказать: доброе и злое не существуют.

Тот, кто счастлив, не должен иметь страха. Даже перед смертью.

Счастлив только тот, кто живет не во времени, а в настоящем.

Для жизни в настоящем смерти не существует.

Смерть – не событие жизни. Она не является фактом мира. [Ср. 6.4311.]

Если под вечностью понимать не бесконечную длительность времени, но не-временность, тогда можно сказать, что вечно живет тот, кто живёт в настоящем²³. [См. 6.4311.]

Чтобы жить счастливо, я должен быть в согласии с миром. А это ведь и *значит* «быть счастливым».

Тогда я, так сказать, нахожусь в согласии с той чужой волей, от которой кажусь зависимым. То есть: «Я творю волю Бога».

Страх перед смертью – лучший знак ложной, то есть плохой жизни.

Когда моя совесть выводит меня из равновесия, я не нахожусь с чем-то в согласии. Но что же это? Есть ли это *мир*?

Конечно, правильно сказать: совесть – это глас Божий.

Например: Меня делает несчастным мысль, что я обидел кого-то. Есть ли это моя совесть?

Можно ли сказать: «Поступайте согласно своей совести, какой бы она ни была»?

Живи счастливо!

9.7.16.

Если бы нельзя было задать наиболее общую форму предложения, тогда должен был бы наступить момент, когда мы внезапно создали бы новый опыт, так сказать – логический.

Это, конечно, невозможно.

Не забывай, что (Эх)fx не означает: «Существует такое x, что fx»; но: существует истинное предложение «fx».

Предложение $\forall a$ говорит об определённых предметах, общее предложение – обо *всех* предметах.

11.7.16.

Определённый предмет – это очень странное явление.

Вместо «все предметы» можно сказать: Все *определённые предметы*.

Если даны все определённые предметы, то даны «все предметы».

Короче, с определёнными предметами даны все предметы. [Ср. 5.524.]

Если существуют предметы, то тем самым существуют также и «все предметы». [Ср. 5.524.]

Поэтому также должно быть возможно образовать единство элементарных предложений и общих предложений.

Т.е. если даны элементарные предложения, то тем самым даны также *все* элементарные предложения, а тем самым и общее предложение. --- И разве тем самым не было образовано единство? [Ср. 5.524.]

13.7.16.

Вновь и вновь возникает чувство, что и в элементарном предложении речь идёт о всех предметах.

$$(\exists x)\phi x . x=a$$

Если даны две операции, которые не могут быть сведены к *одной*, то, по крайней мере, должно быть возможно установить общую форму их комбинации.

$$\phi x, \psi y \mid \chi z, (\exists x)., (x)$$

Ведь, очевидно, легко можно объяснить, как с помощью этих операций можно образовать предложения, а как – нельзя; следовательно, должно быть возможно *каким-либо образом* точно выразить это.

14.7.16.

И это выражение должно быть дано уже в общей форме знака операции.

Не должно ли это быть единственно законным выражением применения операции? Очевидно, да!

Ибо если форма операции вообще может быть выражена, тогда она должна быть выражена так, чтобы она могла применяться только правильно.

Человек не может просто взять и сделаться счастливым.

Тот, кто живёт настоящим, живет без страха и надежды.

21.7.16.

Как, собственно, обстоит дело с человеческой волей? Я хочу назвать «волей», прежде всего, носителя добра и зла.

Представим себе человека, который не мог бы использовать свои члены и, следовательно, не мог бы в обычном смысле привести в действие свою волю. Но он мог бы мыслить, *желать*, сообщать свои мысли другим. Мог бы, таким образом, тоже делать добро или зло через другого. Тогда ясно, что этика также и для него имела бы значение, и он в *этическом смысле* является носителем воли.

Так есть ли принципиальное различие между этой волей и *той*, которая приводит в движение человеческое тело?

Или же ошибка кроется в том, что уже *желание* (соответственно — мышление) есть действие воли? (И в этом смысле, правда, человек *без* воли не был бы живым.)

Но мыслимо ли существо, которое могло бы только представлять (скажем, видеть), но вовсе не могло бы желать? В некотором смысле, это кажется невозможным. Но если бы это было возможно, то был бы возможен и мир без этики.

24.7.16.

Мир и жизнь – одно. [5.621.]

Физиологическая жизнь – это, конечно, не «жизнь». Не является таковой и психологическая жизнь. Жизнь – это мир.

Этика не имеет дела с миром. Этика должна быть условием мира, подобно логике²⁴.

Этика и эстетика – одно²⁵. [См. 6.421.]

29.7.16.

Ибо то, что желание не стоит в логической связи со своим исполнением, есть логический факт. И ясно также, что мир счастливого – иной, чем мир несчастного. [Ср. 6.43.]

Является ли видение деятельностью?

Можно ли желать доброго, желать злого и не желать ничего?

Или счастлив только тот, кто *не* желает?

«Любить своего ближнего» – значит желать!

Но можно ли желать и всё-таки не быть несчастным, если желание не выполнено? (А ведь эта возможность всегда существует.)

Хорошо ли, согласно общим понятиям, *не* желать своему ближнему ни хорошего, ни плохого?

И всё же в определенном смысле кажется, что нежелание есть единственное добро.

Здесь я ещё совершаю грубую ошибку! Без сомнения!

Общепринято, что дурно желать другому несчастья. Может ли это быть правильным? Может ли это быть хуже, чем желать другому счастья?

Видимо, всё дело в том, *как* желать.

По-видимому, нельзя сказать более, чем: Живи счастливо!

Мир счастливого – иной, чем мир несчастного. [См. 6.43.]

Мир счастливого есть *счастливый мир*.

Так может ли существовать мир, который не был бы ни счастливым, ни несчастным?²⁶

30.7.16.

Первой мыслью при установлении общего этического закона формы «Ты должен ...» является: «А что, если я этого не сделаю?»

Но ясно, что этика ничего не может сделать наказанием и вознаграждением. Поэтому данный вопрос о последствиях действия не должен иметь значения. По крайней мере, эти последствия не должны быть событиями. Ибо всё же должно быть и нечто правильное в такой постановке вопроса. Должен существовать какой-то *род* этического вознаграждения и этического наказания, но они должны лежать в самом действии.

И ясно также, что вознаграждение должно быть чем-то приятным, а наказание – чем-то неприятным.

[6.422.]

Вновь и вновь я возвращаюсь к тому, что просто счастливая жизнь – хорошая, несчастная – плохая. И если *теперь* я спрашиваю себя: Почему я должен жить именно *счастливо*, то это само по себе кажется мне тавтологичной постановкой вопроса; кажется, что счастливая жизнь оправдана сама собой, что она *есть* единственно правильная жизнь.

Всё это, собственно, в известном смысле глубоко таинственно! *Ясно*, что этика *не может* быть высказана!²⁷ [Ср. 6.421.]

Но можно было бы сказать так: Счастливая жизнь кажется в каком-то смысле *более гармоничной*, чем несчастная. Но в каком??

Какова объективная отличительная черта счастливой, гармоничной жизни? Здесь вновь становится ясно, что не существует такой черты, которая могла бы быть *описана*.

Эта отличительная черта не может быть физической, но только метафизической, трансцендентной.

Этика трансцендентна. [См. 6.421.]

1.8.16.

То, как всё обстоит, есть Бог.

Бог есть то, как всё обстоит.

Только из сознания *уникальности моей жизни* возникает религия – наука – и искусство.

2.8.16.

И это сознание есть сама жизнь.

Могла бы существовать этика, если бы не существовало ни одного живого существа, кроме меня?

Если этика должна быть чем-то основополагающим: да!

Если я прав, то для этического суждения недостаточно того, что мир дан.

Тогда мир в себе не является ни добрым, ни злым.

Так как для существования этики должно быть всё равно, есть ли в мире живая материя или нет. И ясно, что мир, в котором есть только мертвая материя, в себе ни добр и ни зол; следовательно, мир живых существ тоже может в себе не быть ни добрым, ни злым.

Добро и зло входят только через *субъекта*. А субъект не принадлежит миру, но есть граница мира. [Ср. 5.632.]

Можно было бы (в духе Шопенгауэра) сказать: добр или зол не мир представления, но волящий субъект.

Полная неясность всех этих предложений мне известна.

Согласно предыдущему, волящий субъект должен, таким образом, быть счастлив или несчастен, а счастье и несчастье не могут принадлежать миру.

Как субъект не есть часть мира, но предпосылка его существования, так и доброе и злое, предикаты субъекта, не являются свойствами мира.

Сущность субъекта здесь полностью завуалирована.

Да, моя работа распространилась от оснований логики до сущности мира.

4.8.16.

Не является ли представляющий субъект, в конце концов, чистым суеверием?

Где в мире можно заметить метафизического субъекта? [См. 5.633.]

Ты говоришь, что дело здесь обстоит совершенно так же, как с глазом и полем зрения. Но на самом деле ты *не* видишь глаза. [См. 3.633.]

И я думаю, что не из чего в поле зрения нельзя заключить, что оно видится глазом. [Ср. 5.633.]

5.8.16.

Представляющий субъект есть, пожалуй, пустая химера. Но волящий субъект существует. [Ср. 5.631.]

Если воли нет, то также не существует того центра мира, который мы называем «Я» и который является носителем этики.

Доброе и злое – это, по существу, только Я, а не мир.
Я, Я – вот что глубоко таинственно!

7.8.16.

Я не есть предмет²⁸.

11.8.16.

Я объективно противостою каждому предмету. Но не самому Я.

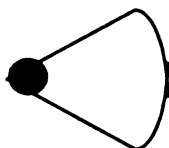
Итак, действительно существует способ, каким можно и должно вести речь о Я в философии в не-психологическом смысле. [Ср. 5.641.]

12.8.16.

Я вступает в философию посредством того, что мир есть мой мир. [См. 5.641.]

Т.е. поле зрения не имеет, скажем, такой формы:

Глаз

[5.6331.]

Это связано с тем, что никакая часть нашего опыта не является априорной. [См. 5.643.]

Все, что мы видим, могло бы быть и другим.

Все, что мы вообще можем описать, также могло бы быть другим.

[См. 5.634.]

13.8.16.

Предположим, что человек не мог бы осуществить свою волю, но должен был бы претерпевать все бедствия этого мира; что тогда могло бы сделать его счастливым?

Как человек вообще может быть счастлив – ведь он же не способен предотвратить бедствия этого мира?

Именно через жизнь познания²⁹.

Добрая совесть – это счастье, которое предоставляется жизнью познания.

Жизнь познания – это жизнь, которая счастлива назло бедствиям мира.

Только та жизнь счастлива, которая может пренебречь прелестями мира.

Для нее прелести мира суть не более, чем милости судьбы.

16.8.16.

Точка не может быть красной и зелёной одновременно; на первый взгляд, эта невозможность не должна быть *логической* невозможностью. Но уже манера выражаться в физике сводит её к кинетической невозможности. Видно, что между красным и зелёным имеет место различие структур.

И вот физика даже располагает их в ряд. И теперь видно, как здесь выявляется истинная структура предметов.

Наоборот: то, что частица не может быть одновременно в двух местах, выглядит уже как *логическая* невозможность.

Если, например, мы спросим «Почему?», то сразу приходит мысль: Мы ведь называем различными как раз те частицы, которые находятся в двух местах, а это всё, в свою очередь, по-видимому, вытекает из структуры пространства и частиц.

[Ср. 6.3751.]

17.8.16.

Операция есть переход от одного члена к следующему в ряду форм.

Операция и ряд форм – эквивалентны.

29.8.16.

Вопрос заключается в том, достаточно ли обыкновенного, малого числа основных операций для того, чтобы произвести все возможные операции.

Кажется, что так оно и должно быть.

Можно также спросить: можно ли с помощью тех основных операций перейти от каждого выражения к каждому родственному выражению?

2.9.16.

Здесь видно, что строго проведённый солипсизм совпадает с чистым реализмом.

Я солипсизма сжимается до непротяжённой точки, и остаётся скоординированная с ним реальность.

[5.64.]

Что мне до истории? Мой мир – первый и единственный.

Я хочу сообщить, каким *Я* нахожу мир.

То, что другие в мире сказали мне о мире, есть совсем малая и второстепенная часть моего опыта мира.

Я должен судить о мире, измерять вещи.

Философское *Я* – это не человек, не человеческое тело или человеческая душа с психологическими свойствами, но метафизический субъект, граница (не часть) мира. Но человеческое тело, *мое* тело в особенности, есть часть мира среди других частей мира, среди животных, растений, камней и т.д. и т.д.³⁰ [Ср. 5.641.]

Тот, кто это понял, не желает предоставлять привилегированное место в мире своему телу или человеческому телу.

Он будет рассматривать людей и животных вполне наивно, как подобные и связанные друг с другом вещи.

11.9.16.

Тот способ, которым язык обозначает, отражается в его употреблении.

То, что цвета не являются свойствами, демонстрируется физическим анализом, демонстрируется внутренними отношениями, в которых физика показывает цвета.

Примени это также и к звукам.

12.9.16.

Теперь становится ясным, почему я думал, что мышление и язык – одно и то же. А именно мышление есть вид языка. Так как мысль, конечно, *тоже* есть логический

образ предложения и, таким образом, также и некоторый вид предложения.

19.9.16.

Человечество всегда искало науку, в которой *simplex sigillum veri*³¹. [Ср. 5.4541.]

Не может быть упорядоченного или неупорядоченного мира так, чтобы можно было сказать, что наш мир упорядочен. Но в каждом возможном мире есть порядок, хотя бы и сложный, именно так же, как в пространстве нет упорядоченного и неупорядоченного распределения точек, но каждое распределение точки упорядочено.

(Эта ремарка есть лишь материал для мысли.)

Искусство – это выражение.

Хорошее произведение искусства – это завершённое выражение.

7.10.16.

Произведение искусства – это предмет, видимый *sub specie aeternitatis*³²; а хорошая жизнь – это мир, видимый *sub specie aeternitatis*. В этом связь между искусством и этикой.

Обычный способ рассмотрения видит предметы как бы изнутри, рассмотрение *sub specie aeternitatis* – извне³³.

Так что предметы имеют фоном весь мир.

Может быть, этот способ рассмотрения состоит в том, что предмет виден *вместе с* пространством и временем, а не *в* пространстве и времени³⁴.

Каждая вещь обуславливает весь логический мир, так сказать – всё логическое пространство.

(Навязывается мысль): Вещь, видимая *sub specie aeternitatis*, есть вещь, видимая вместе со всем логическим пространством.

8.10.16.

Каждая вещь равным образом незначительна как вещь среди вещей, и равным образом значительна как мир.

Если бы я созерцал печь, и мне бы сказали: «В данный момент, однако, ты знаешь лишь печь», – то мой результат, правда, казался бы мелким. Ибо дело подавалось бы так, как если бы я изучал печь как одну из многих, многих вещей мира. Но если бы я созерцал печь, то *она* была бы моим миром, и всё другое блекнет в сравнении с этим.

(Иное хорошо в целом, но плохо в частностях.)

Ведь можно схватить голое, данное в этот самый момент представление и как ничего не значащий моментальный образ в целом временном мире, и как подлинный мир среди теней.

9.10.16.

Но теперь следует сделать ясной связь этики с миром.

12.10.16.

Камень, тело животного, тело человека, моё тело – все они стоят на одной и той же ступени.

Вот почему то, что происходит, происходит ли это от камня или от моего тела, не является ни хорошим, ни дурным.

«Время однонаправленно» должно быть бессмысленно.

Однонаправленность есть логическое свойство времени.

Ибо если бы кого-то спросили, как он представляет себе однонаправленность, он бы сказал: Время не было бы однонаправленным, если бы события могли повторяться.

Но то, что событие не может повторяться, точно так же, как то, что тело не может одновременно быть в двух местах, заключено в логической сущности события.

Верно: Человек *есть* микрокосм.

Я есть мой мир. [Ср. 5.63.]

15.10.16.

Что нельзя помыслить, о том нельзя и говорить.
[Ср. 5.61.]

Вещи приобретают «значение» лишь через их отношение к моей воле.

Так как «каждая вещь является тем, что она есть, а не другой вещью».

Одно соображение: Как по собственной физиогномике я могу делать вывод о моём духе (характере, воле), так и по физиогномике каждой вещи – о её духе (воле)³⁵.

Но могу ли я *делать вывод* о моём духе по собственной физиогномике?

Не является ли это отношение чисто эмпирическим?

Действительно ли моё тело нечто выражает?

Является ли оно само внутренним выражением чего-либо?

Является ли, скажем, злое лицо злым в себе или лишь потому, что оно эмпирически связано с плохим расположением духа?

Но ясно, что причинная связь вовсе не является связью³⁶. [Ср. 5.136.]

Верно ли тогда, что мой характер (согласно психофизическому пониманию) выражается лишь в строении *моего* тела или моего мозга, а не в строении всего остального мира?

Здесь коренится основной вопрос.

Следовательно, этот параллелизм имеет место между моим духом, т. е. собственно духом, и миром.

Подумай только, что дух змеи, льва – это *твой* дух. Ибо только через себя ты вообще знакомишься с духом.

Вопрос теперь, правда, в том, почему я дал змее как раз этот дух.

И ответ на это может лежать лишь в психофизическом параллелизме: Если бы я выглядел так, как змея, делал то, что делает она, я был бы таким-то и таким-то.

То же самое со слонем, с мухой, с осой.

Но встаёт вопрос: не находится ли мое тело (а это, конечно, так) как раз уже здесь на одной ступени с телом осы или змеи, так что я не делаю выводов ни о теле осы, исходя из моего тела, ни о моем теле, исходя из тела осы?

Является ли это решением загадки, почему люди всегда верили, что *один* дух является общим всему миру?

Тогда, правда, он был бы общим также и для неживых вещей.

Путь, которым я шёл, следующий: идеализм выделяет из мира людей как уникальное, солипсизм выделяет меня одного, и, наконец, я вижу, что тоже принадлежу всему остальному миру. Таким образом, с одной стороны, не остаётся *ничего*, а с другой – остаётся *мир* как уникальный. Так строго продуманный идеализм приводит к реализму. [Ср. 5.64.]

17.10.16.

И в этом смысле я также могу говорить о воле, общей всему миру.

Но эта воля есть в более высоком смысле *моя* воля.

Как мое представление есть мир, так и моя воля есть мировая воля.

20.10.16.

Ясно, что моё зрительное пространство строится в длину иначе, чем в ширину.

Дело обстоит не так, что я просто замечаю себя везде, где что-то вижу; но я также всегда нахожу себя в одной определённой точке моего зрительного пространства; сле-

довательно, мое зрительное пространство как бы имеет некоторую форму.

Но, несмотря на это, верно то, что я не вижу субъекта.

Верно то, что познающий субъект не находится в мире, что познающего субъекта не существует. [Ср. 5.631.]

Во всяком случае я могу представить себе, что произвожу волевой акт, чтобы поднять свою руку, но при этом моя рука не движется. (Скажем, порвано сухожилие.) Да, но можно будет сказать, что сухожилие всё же двигается, а это как раз показывает, что мой акт воли относится к сухожилию, а не к руке. Но мы идём дальше и предполагаем, что сухожилие тоже не движется и т.д. Мы пришли бы тогда к тому, что волевой акт вообще не относится к телу и что, следовательно, волевого акта в обычном смысле слова не существует³⁷.

Художественно чудо заключается в том, что оно даёт мир. Что оно даёт то, что существует.

Является ли сущностью художественного способа рассмотрения то, что он рассматривает мир счастливым глазом?

Жизнь серьёзна, искусство весело³⁸.

21.10.16.

Так как в том мнении, что цель искусства – прекрасное, пожалуй что-то есть.

А прекрасное есть именно то, что делает счастливым.

29.10.16.

Нельзя ли сказать: Общность скоординирована с составом столь же мало, как факт с вещью?

Оба вида знаков операций должны, или могут, входить в предложения друг подле друга.

4.11.16.

Является ли воля установкой по отношению к миру?

Воля, по-видимому, всегда должна относиться к представлению. Мы не можем, например, представить, что мы осуществляем акт воли без ощущения того, что мы его осуществили.

В противном случае, пожалуй, встаёт вопрос: осуществлена ли она уже *полностью*?

Ясно, что для воли нам нужна, так сказать, опора в мире.

Воля – это установка субъекта по отношению к миру³⁹.

Субъект есть волящий субъект.

Имеют ли ощущения, убеждающие меня в осуществлении акта воли какое-то особое качество, отличающее их от других представлений?

Кажется, нет!

Но тогда было бы мыслимо, что я, например, замечу, что этот стул непосредственно следует моей воле.

Возможно ли это?

Если мы чертим квадрат , глядя на отражение в зеркале, то замечаем, что чертёж можно выполнить, лишь вовсе отказавшись от зрительного образа и полагаясь только на помощь мускульного чувства. Таким образом, здесь речь идёт всё же о двух совершенно различных волевых актах: один относится к зрительной части мира, другой – к части мускульного чувства.

Имеем ли мы более чем опытную очевидность того, что речь в обоих случаях идёт о движении одной и той же части тела?

Обстоит ли дело так, что я лишь сопровождаю свои действия своей волей?

Но как тогда я могу предсказать – а это в определённом смысле я всё-таки могу – что я подниму свою руку через пять минут? Что я этим буду волеизъявлять?

Ясно: невозможно проявлять волю без того, чтобы уже не осуществлять акт воли.

Акт воли – не причина действия, но само действие.

Нельзя проявлять волю без того, чтобы действовать.

Если воля должна иметь объект в мире, то он тоже может быть преднамеренным действием.

А воля должна иметь объект.

Иначе мы не имели бы опору и не могли бы знать, на что направлена наша воля.

И не могли бы проявлять волю к различному.

Разве волевое движение тела не совершается точно так же, как и любое невольное движение в мире, с той только разницей, что первое сопровождается волей?

Оно сопровождается не только *желанием!* Но волей!

Мы чувствуем себя, так сказать, ответственными за движение.

Моя воля где-то устремляется в мир, а к остальному и не стремится.

Желание не есть деяние. Однако воление есть деяние.

(Мое желание, например, относится к движению стула, моя воля – к мускульному чувству.)

Моя воля к некоторому событию состоит в том, что я осуществляю действие, а не в том, что я делаю нечто такое, что является причиной этого события.

Если я двигаю нечто, то я двигаю себя.

Если я осуществляю что-то, то это что-то – Я.

Однако я не могу проявлять волю ко всему. ----

Но что означает следующее: «Я не могу проявлять волю к *этому*»?

Разве я могу пытаться проявить волю к чему-либо?

А именно при рассмотрении воли кажется, что одна часть мира ближе мне, чем другая (что было бы невыносимо).

Хотя бесспорно и то, что я в некотором популярном смысле одно делаю, а другое – нет.

Итак, воля не противостоит миру как эквивалент, что должно быть невозможно.

Желание предшествует событию, воля сопровождает его.

Предположим, что некоторое событие сопровождает моё желание. Проявил ли я волю к этому событию?

Разве не казалось бы это сопровождение случайным в противоположность принудительному сопровождению воли?

9.11.16.

Является ли вера опытом?

Является ли мысль опытом?

Весь опыт есть мир и не нуждается в субъекте.

Акт воли – не опыт.

19.11.16.

Что является основанием предположения о волеизъявляющем субъекте?

Разве уже *моего мира* недостаточно для индивидуации?

21.11.16.

Возможность установления общей формы предложения говорит нечто иное, как: каждая возможная форма предложения позволяет себя *предвидеть*.

А *это* значит: Мы никогда не сможем прийти к такой форме предложения, о которой могли бы сказать: Да, нельзя было предвидеть, что существует нечто подобное.

Ибо это означало бы, что мы приобрели новый опыт, который впервые сделал возможной эту форму предложения.

Следовательно, должно быть возможно установить общую форму предложения, потому что возможные формы предложения должны быть априорными. Поскольку возможные формы предложения являются априорными, постольку существует общая форма предложения.

При этом совершенно безразлично, изменяют ли имеющиеся у нас основные операции, посредством которых могут возникнуть все предложения, логическую ступень последних, или же они остаются в рамках той же логической ступени.

То предложение, которое мы когда-либо сможем образовать, мы можем образовать уже в данный момент.

Нам нужно прояснить теперь понятие атомарной функции и понятие «и так далее».

Понятие «и так далее», в знаках «...», является одним из самых важных среди всех понятий и, подобно всем другим, бесконечно фундаментальным.

Ибо оно одно обеспечивает правомерность нашего построения логики, а также математики, из основных законов и первознаков, по типу «и так далее».

«И так далее» появляется уже в самом начале старой логики, когда говорят, что теперь, когда заданы первознаки, мы можем развить по типу «и так далее» один знак за другим.

Без этого понятия мы просто застряли бы на первознаках и не продвинулись бы «далее».

Понятие «и так далее» эквивалентно знаку операции. [Ср. 5.2523.]

За знаком операции следует знак «...», который означает, что результат операции может быть снова взят в качестве базиса этой же операции «и так далее».

22.11.16.

Понятие операции является совершенно общим понятием, согласно которому знаки могут быть образованы в соответствии с тем или иным правилом.

23.11.16.

На чём основывается возможность операции?

На общем понятии структурного сходства.

Например, в элементарных предложениях – так, как я их понимаю – должно быть нечто общее; иначе я бы вообще не мог говорить о них всех в совокупности как об «элементарных предложениях».

Но тогда они тоже должны быть в состоянии развиваться от одного к другому в качестве результата операций.

Ибо если у двух элементарных предложений действительно есть нечто общее, что не является общим у элементарных и составных предложений, тогда должно быть возможно как-нибудь выразить это общее в общем виде.

24.11.16.

Когда известна общая характеристика операции, ясно также, из каких элементарных составных частей состоит любая операция.

Когда найдена общая форма операции, мы также имеем общую форму того, как выступает понятие «и так далее».

26.11.16.

Все операции составлены из основных операций.

28.11.16.

Факт либо содержится в другом факте, либо независим от него.

2.12.16.

Сходство обозначения общности с аргументом обнаруживается, когда мы вместо ϕa пишем $(ax)\phi x$. [Ср. 5.523.]

Аргументы можно ввести и так, чтобы они появлялись лишь с одной стороны от знака равенства. Так «фа» всегда аналогично « $(\exists x).\text{фх.х}=\text{а}$ ».

Правильным методом философии был бы, собственно, следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано; следовательно, кроме того, что относится к естественным наукам, т.е. того, что не имеет ничего общего с философией; и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил никаким значением определённые знаки в своих предложениях. [См. 6.53.]

Этот метод не удовлетворил бы другого (он не чувствовал бы, что мы учим его философии), но он был бы единственно правильным. [См. 6.53.]

7.1.17.

Конечно, в том же смысле, в котором существует иерархия предложений, существует и иерархия истин, отрицаний и т.д.

Но в том смысле, в котором существуют, в наиболее общем смысле, предложения, существует только одна истина и одно отрицание.

Последний смысл получается из первого тем, что предложение в общем понимается как результат *одной* операции, которая создаёт все предложения из предложений самой низкой ступени.

Самая низкая ступень и операция могут замещать всю иерархию.

8.1.17.

Ясно, что логическое произведение двух элементарных предложений никогда не может быть тавтологией. [Ср. 6.3751.]

Если логическое произведение двух предложений является противоречием, а предложения кажутся элементарными предложениями, то мы видим, что в данном случае видимость обманывает (например: А есть красное, и А есть зелёное).

10.1.17.

Если самоубийство дозволено, тогда всё дозволено.

Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено.

Это проливает свет на сущность этики. Ибо самоубийство есть, так сказать, элементарный грех.

И когда его исследуют, это подобно исследованию ртутного испарения, чтобы понять сущность испарений.

Или же самоубийство в себе не является ни добрым, ни злым?

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАМЕТКИ ПО ЛОГИКЕ⁴⁰

(сентябрь 1913)

ОБЗОР

Одна из причин, чтобы считать старую систему записи ошибочной, связана со значительной неправдоподобностью, что из каждого предложения должно следовать бесконечное число других предложений, таких как не-не-р, не-не-не-не-р и т.д. [Ср. 5.43.]

Если бы комплексными являлись только те знаки, которые содержат имена собственные, тогда предложения, не содержащие ничего, кроме мнимых переменных, были бы простыми. Что тогда можно сказать об их отрицаниях?

«Является истинным» или «является ложным» – не глагол предложения, но всё, что истинно, уже должно содержать глагол. [См. 4.063.]

Дедукция протекает только в соответствии с законами дедукции, но эти законы не могут оправдать дедукцию.

Один из доводов в поддержку того, что не все предложения, имеющие более одного аргумента, являются реляционными, состоит в том, что если бы они все были таковыми, то отношения суждения и вывода должны были бы иметь силу для произвольного количества предметов.

Каждое предложение, которое выглядит как предложение о комплексах, может быть посредством анализа сведено к предложению о его конституентах и о предложении, которое описывает комплекс в целом; т.е. о том предложении, которое эквивалентно высказыванию о существовании комплекса. [Ср. 2.0201.]

Идея, что предложения являются именами комплексов, предполагает, что всё, что не является именем собственным является знаком для отношения. Потому что пространственные комплексы¹ состоят только из Вещей и Отношений, а идея комплекса взята из пространства.

В предложении все неопределяемые переводятся в переменные, тогда сохраняется класс предложений, который не есть все предложения, но является типом. [Ср. 3.315.]

Имеются два способа, которыми знаки похожи друг на друга. Имена «Сократ» и «Платон» похожи: и то, и другое – имена. Но то, что они имеют общее, не должно вводиться до того, как вводятся «Сократ» и «Платон». То же самое применимо к субъектно-предикатной форме и т.д. Следовательно, предмет, предложение, субъектно-предикатная форма и т.д. не являются неопределяемыми, т.е. типы не являются неопределяемыми.

Когда мы говорим «А судит что» и т.д., мы должны сослаться на целое предложение, о котором А судит. Этого нельзя выполнить, только сославшись на его конstituенты или на его конstituенты и формы, но не в надлежащем порядке. Это показывает, что предложение, с тем чтобы оно было высказано, само должно встречаться в утверждении; например, каким бы образом ни истолковалось «не-р», вопрос «Что же отрицается?» должен иметь значение.

Для понимания предложения p не достаточно знать, что p влечёт « p является истинным», – мы должны также знать, что $\sim p$ влечёт « p является ложным». Это показывает, что предложения – би-полярны.

Каждой молекулярной функции соответствует WF-схема². Следовательно, вместо функции мы можем исполь-

---

¹ Рассел, например, представляет каждый факт, как пространственный комплекс.

² $W-F = \text{Wahr-Falsch}$ – т.е. истина–ложь.

зывать саму WF-схему. WF-схема устанавливает соответствие букв W и F с каждым предложением. Эти две буквы – полюса атомарных предложений. Таким образом, схема устанавливает соответствие других полюсов W и F с данными полюсами. Всё содержание этой записи сводится к установлению соответствия внешних полюсов с полюсами атомарных предложений. Следовательно, не-не-р есть тот же символ, что и р. И следовательно, мы никогда не получим два символа для одной и той же молекулярной функции.

Факт, который действительно соответствует предложению, есть его значение.

Так как ab -функции атомарных предложений вновь являются би-полярными предложениями, мы можем и на них осуществить ab -операции. Поступая подобным образом, мы установим соответствие двух новых внешних полюсов при посредстве предшествующих внешних полюсов с полюсами атомарных предложений.

Символизирующий факт в $a-r-b$ есть то, что говорит³ о том, что a находится слева, а b – справа от r . Тогда соответствие новых полюсов должно быть транзитивным; при этом символ не изменяется вне зависимости от того, например, каким способом, т.е. через какие полюса, новый полюс a соответствует внутреннему a . Следовательно, воз-

---

³ Это совершенно произвольно, но коль скоро порядок, в котором должны располагаться полюса, однажды зафиксирован, мы должны придерживаться нашего соглашения. Если, например, « arb » говорит r , тогда br не говорит *ничего* (оно не говорит $\sim r$). Но $a-arb-b$ есть тот же символ, что и arb (здесь ab функция исчезает автоматически), так как новые полюса относятся к той же стороне r , что и старые полюса. Всегда остаётся вопрос: каким образом новые полюса, соответствующие r , сравнимы со способом, которым старые полюса соответствуют r ?

можно сконструировать все ab -функции повторным осуществлением одной ab -операции, и следовательно, мы можем говорить о всех ab функциях как о всех тех функциях, которые могут иметь место при повторном осуществлении этой ab -операции.

Наименование подобно указанию. Функция подобна линии, разделяющей точки на плоскости на правые и левые; тогда « p или не- p » не имеет значения, поскольку не делит плоскость.

Но хотя частное предложение « p или не- p » не имеет значения, значение имеет общее предложение «Для всех p , p или не- p », потому что оно не содержит бессмысленную функцию « p или не- p », а содержит функцию « p или не- q » точно так же, как «для всех x , xRx » содержит функцию « xRy ».

Предложение представляет собой образец, в соответствии с которым ведут себя факты, но с именами дело обстоит иначе; именно так приходят би-полярность и смысл; так же, как одна стрелка ведёт себя в отношении другой стрелки, будучи той же самой или противоположной по смыслу, так и факты ведут себя в отношении предложений.

Форма предложения имеет значение следующим образом. Рассмотрим символ « xRy ». Символу этой формы соответствует связь предметов, чьими именами являются соответственно « x » и « y »: Предметы x и y находятся друг к другу во всех видах отношений, и среди прочих некоторые находятся в отношении R , а некоторые – нет. Подобно тому как я выделяю отдельную вещь с помощью отдельного имени, я выделяю всякое поведение точек x и y в связи с отношением R . Я говорю, что если x находится в отношении R к y , то знак « xRy » должен быть назван истинным в отношении факта; в противном случае он должен быть назван ложным. Это и есть определение смысла.

В моей теории p имеет то же самое значение, что и $\text{не-}p$, но противоположный смысл. Значение есть факт. Правильная теория суждения должна сделать так, чтобы о бессмыслице судить было невозможно. [Ср. 4.0621 и 5.5422.]

Не совсем верно говорить, что мы понимаем предложение p , когда знаем, что p эквивалентно « p является истинным», поскольку это имело бы место, если бы случайно оба были истинными или ложными. То, что требуется, есть формальная эквивалентность, относящаяся к формам предложения, т.е. затрагивающая все общие неопределяемые. Смысл ab функции предложения есть функция ego смысла. Существуют только не утверждаемые предложения. Утверждение является сугубо психологическим. В $\text{не-}p$, p – в точности то же самое, как если бы оно стояло одно; это положение абсолютно фундаментально. Среди фактов, обосновывающих истинность « p или q », встречаются также и факты, обосновывающие истинность « p и q »; если бы предложения имели только значение, мы обязаны были бы в таком случае сказать, что эти два предложения идентичны, но фактически их смысл различен, ибо мы вводили смысл, говоря о всех p и о всех q . Следовательно, молекулярные предложения будут использоваться только в тех случаях, где их ab функция стоит под знаком всеобщности или входит в другую функцию, такую как «Я думаю, что и т.д.», потому что тогда привходит смысл. [Ср. 5.2341.]

В « a судит p », p нельзя заменить собственным именем. Это очевидно, если мы подставляем « a судит, что p является истинным, а $\text{не-}p$ является ложным». Предложение « a судит p » состоит из собственного имени a предложения p с его двумя полюсами, и соотнесения a с обоими этими полюсами определённым способом. Ясно, что это отношение не является отношением в обычном смысле.

ab-запись делает ясным, что *не* и *или* зависимы друг от друга, и мы, следовательно, не можем использовать их как неопределяемые одновременно. В случае мнимых переменных по отношению к старым неопределяемым – те же самые возражения, что и в случае молекулярных функций. Применение *ab*-записи к предложениям с мнимыми переменными проясняется, если мы заметим, что предложение «для всех x , ϕx », например, должно быть истинным, когда ϕx истинно для всех x , и ложным, когда ϕx – ложно для некоторого x . Мы видим, что *некоторый* и *все* одновременно встречаются в записи, подходящей для мнимой переменной. Такая запись представляет собой

для $(x) \phi x : a - (x) - .a \phi x b. - (\exists x) - b,$
 а для $(\exists x) \phi x : a - (\exists x) - .a \phi x b. - (x) - b.$

Старые определения становятся теперь тавтологиями.

В «aRb» символизирует не комплекс, а тот факт, что символ «a» находится в определённом отношении к символу «b». Таким образом, факты символизируются фактами, или, если быть точными: то, что определённый предмет имеет место в символе, говорит о том, что определённая вещь имеет место в мире. [Ср. 3.1432.]

Все суждения, команды и вопросы находятся на одном и том же уровне. Логику интересуют только неутверждаемые предложения. Факты не могут быть наименованы.

Предложение не может встречаться в себе самом. Это – фундаментальная истина теории типов. [Ср. 3.332.]

Каждое предложение, которое говорит нечто неопределяемое об одном предмете, является субъектно-предикатным предложением и т.д.

Следовательно, мы можем опознать субъектно-предикатное предложение, если знаем, что оно содержит

только одно имя и одну форму и т.д. Это задаёт конструкцию типов. Отсюда: тип предложения может быть опознан из одних его символов.

Сущностным в правильной записи мнимых переменных является следующее: 1) она должна упоминать тип предложения; 2) она должна показывать, какие компоненты предложения этого типа являются константами.

[Компоненты есть формы и конститuentы.]

Возьмём $(\phi).\phi!x$. Тогда, если мы описываем *вид* символов, для которых устанавливается « $\phi!$ », и что, как следует из вышесказанного, достаточно для определения типа, то « $(\phi).\phi!x$ » автоматически не может подходить под это описание, потому что оно СОДЕРЖИТ « $\phi!x$ », а описание должно описывать ВСЁ, что символизирует символ вида $\phi!$ Если описание составлено *таким образом*, возможность порочного круга столь же мала, как например, в $(\phi).(x)\phi$ (где $(x)\phi$ является субъектно-предикатным предложением).

ПЕРВАЯ РУКОПИСЬ

Неопределяемые бывают двух видов: имена и формы. Предложения не могут состоять только из имён; они не могут быть классами имён. Имя не может просто встречаться в двух различных предложениях, но оно может встречаться в обоих одним и тем же способом.

Предложения [которые представляют собой символы, отсылающие к фактам] сами являются фактами: чернильное пятно на этом столе может выражать то, что я сижу на этом стуле. [Ср. 2.141. и 3.14.]

Общую характеристику двух объектов никогда нельзя выразить, обозначая их одним и тем же именем, её нельзя

выразить с помощью двух различных способов обозначения, поскольку, так как имена произвольны, мы могли бы выбрать различные имена, и где тогда был бы общий элемент в обозначении? Тем не менее при затруднении всегда соблазнительно найти выход в различных способах обозначения. [Ср. 3.322.]

Фреге говорил, что «предложения являются именами»; Рассел говорил, что «предложения соответствуют комплексам». И то, и другое – ложно; и особенно ложно утверждение, что «предложения являются именами комплексов». [Ср. 3.143.]

Легко предположить, что комплексными являются только те символы, которые содержат имена объектов и что соответственно « $(\exists x, \phi). \phi x$ » или « $(\exists x, y) x R y$ » должны быть простыми. Тогда первое выражение естественно называть именем формы, а второе – именем отношения. Но что в таком случае представляет собой (например) значение « $\sim(\exists x, y). x R y$ »? Можем ли мы поместить «нет» перед именем?

Причина, по которой « $\sim$ Сократ» ничего не обозначает, состоит в том, что « $\sim x$ » не выражает свойства x .

Существуют положительные и отрицательные факты; если предложение «Эта роза не красная» – истинно, тогда то, что оно обозначает, является отрицательным. Но наличие частицы «не» не указывало бы на это, если бы мы не знали, что значение предложения «Эта роза красная» (когда оно является истинным) – положительно. Только из обоих, отрицания и отрицаемого предложения, мы можем заключить о характере значения целого предложения. (Мы не говорим здесь об отрицаниях *общих* предложений, т.е. предложений, содержащих мнимые переменные. Отрицательные факты подтверждают отрицания только атомарных предложений.)

Существуют *положительные* и *отрицательные* факты, но не бывает *истинных* и *ложных* фактов.

Если мы не учитываем тот факт, что предложения имеют *смысл*, который независим от их истинности или ложности, легко может показаться, что истинное и ложное — два равным образом подтверждаемых отношения между знаком и обозначаемым. (Тогда мы могли бы сказать, например, что «*q*» обозначает истинным образом то, что «не-*q*» обозначает ложным образом.) Но разве истинное и ложное фактически не равным образом подтверждаемы? Разве мы не можем выражаться с помощью ложных предложений так же, как до этого с помощью истинных, поскольку мы знаем, что они мыслятся ложными? Нет, потому что предложение истинно, если то, что в нём утверждается, имеет место; и соответственно, если мы под «*q*» имеем в виду «не-*q*», и то, что мы намереваемся утверждать, имеет место, то «*q*» в новом понимании в действительности истинно, а не ложно. Но важно то, что мы *можем* одно и то же обозначать как посредством «*q*», так и посредством «не-*q*», так как это показывает, что ни символ «не», ни способ его комбинации с «*q*» не характеризуют значение, соответствующее «*q*». [Ср. 4.061, 4.062, 4.0621.]

ВТОРАЯ РУКОПИСЬ

Мы должны быть в состоянии понять предложение, которое ранее никогда не слышали. Но каждое предложение является новым символом. Следовательно, нам необходимо иметь *общие* неопределяемые символы; это неизбежно, если не все предложения не определяемы. [Ср. 4.02, 4.021, 4.027.]

Что бы ни соответствовало в реальности составным предложениям, оно не должно быть больше того, что соот-

ветствует составляющим их отдельным атомарным предложениям.

Логика не должна иметь дела не только с [отдельными] вещами, но столь же мало с отношениями и предикатами.

Не существует предложений, содержащих действительные переменные.

То, что в реальности соответствует предложению, зависит от того, истинное оно или ложное. Но мы должны быть способны понять предложения без знания о том, истинное оно или ложное.

Когда мы понимаем предложение, мы знаем: что имеет место, когда оно – истинное, а что имеет место, когда оно – ложное. Но мы не знаем (с необходимостью), является ли оно действительно истинным или ложным. [Ср. 4.024.]

Предложения не являются именами.

Мы никогда не сможем отделить один логический тип от другого, приписывая то свойство членам одного типа, которое мы отрицаем у членов другого типа.

Символы не есть то, чем они кажутся. В « aRb » « R » выглядит как существительное, но таковым не является. « aRb » символизирует то, что R встречается между a и b . Следовательно, « R » не есть неопределяемое в « aRb ». Сходным образом в « ϕx » « ϕ » выглядит как существительное, но таковым не является; в « $\sim p$ » « $\sim$ » выглядит как « ϕ », но не подобно ему. Это – первое, что показывает: логических констант быть не *может*. Довод против них – всеобщность логики; логика не может трактовать о специальном множестве предметов. [Ср. 3.1423.]

Молекулярные предложения не содержат ничего такого, что не содержалось бы в их атомах; они не добавляют материальную информацию сверх той, что заключена в их атомах.

В молекулярных функциях существенна только их Т-Ф-схема (т.е. высказывание о случаях, когда они истинные, и о случаях, когда они ложные).

Чередующаяся неопределяемость показывает, что до неопределяемых всё же нельзя дойти.

Каждое предложение является существенно истинным-ложным: чтобы понимать его, мы должны знать и то, что должно иметь место, когда оно является истинным, и то, что должно иметь место, когда оно является ложным. Таким образом, предложение имеет два *полюса*, соответствующих случаю его истинности и случаю его ложности. Это мы называем *смыслом* предложения.

В отношении записи важно заметить, что символическую нагрузку несёт не каждая особенность символа. В двух молекулярных функциях, имеющих одну и ту же Т-Ф-схему, символизировать должно одно и то же. «не-*p*» не встречается в «не-не-*p*»; так как «не-не-*p*» есть то же самое, что и «*p*», а следовательно, если бы «не-*p*» входило в «не-не-*p*», оно должно было бы встречаться и в «*p*».

Логические неопределяемые не могут быть предикатами или отношениями, потому что предложения благодаря смыслу не могут иметь предикатов или отношений. Ни «не», ни «или», как и суждение, не *аналогичны* предикатам и отношениям, потому что они не вводят ничего нового.

Предложения всегда комплексны, даже если они не содержат имён.

Предложение должно быть понято, когда поняты *все* его неопределяемые. В «*aRb*» неопределяемые вводятся следующим образом:

«*a*» есть неопределяемое;

«*b*» есть неопределяемое;

Чтобы ни могли означать «*x*» и «*y*», «*xRy*» говорит нечто неопределяемое об их значении. [Ср. 4.024.]

Комплексный символ никогда не должен вводиться как отдельное неопределяемое. [Таким образом, например, предложение не есть неопределяемое.] Так как если одна из частей комплексного символа имеет место также и в другой связи, оно должно быть здесь введено вновь. И разве это означало бы тогда одно и то же?

Способ, которым мы вводим наши неопределяемые, должен позволять конструировать из *одних* этих неопределяемых все предложения, имеющие смысл. «Все» и «некоторый» легко вводятся способом, который делает возможным (например) сконструировать «(х,у).хRу» из «все» и «хRу» как введенных ранее.

ТРЕТЬЯ РУКОПИСЬ

Аналогия для теории истины. Рассмотрим чёрное пятно на белой бумаге. Тогда мы можем описать форму пятна, указывая для каждой точки поверхности, является ли она белой или чёрной. Факту, что точка чёрная, соответствует положительный факт; факту, что точка белая (не чёрная) – отрицательный факт. Если я обозначу точку на поверхности (по Фреге – «истинностное значение»), то это соответствует предположению, выдвигаемому на обсуждение. Но для того чтобы можно было сказать, является ли точка чёрной или белой, я должен, прежде всего, знать, когда нужно назвать точку чёрной, а когда белой. Чтобы можно было сказать, что «*p*» является истинным (или ложным), я прежде должен определить, при каких обстоятельствах я называю предложение истинным, и тем самым я определяю *смысл* предложения. Аналогия нарушается в следующем пункте: я могу указать точку на бумаге, которая является и белой, и чёрной⁴¹, но предложению без смысла ни-

чего не соответствует, так как оно не обозначает никакого предмета (истинностного значения), свойства которого могут быть названы «ложью» или «истиной». «Является истинным» или «является ложным» – не глагол предложения, как думал Фреге, но то, что истинно, уже должно содержать глагол. [Ср. 5.132.]

Сравнение языка и реальности подобно сравнению ретинального образа с визуальным: слепой точке в визуальном образе, по-видимому, не соответствует ничего, и тем самым границы слепой точки определяют визуальный образ – точно так же истинные отрицания атомарных предложений определяют реальность.

Логические выводы, действительно, могут быть сделаны в соответствии с фрегевскими или расселовскими законами дедукции, но это не может оправдывать вывод; следовательно, они не являются примитивными предложениями логики. Если p следует из q , оно может также быть выведено из q , а «способ дедукции» безразличен.

Символы, называемые предложениями, в которых «встречаются переменные», на самом деле вообще не являются предложениями, но только схемами предложений, которые становятся предложениями только тогда, когда мы заменяем переменные константами. Нет предложений, выраженных посредством « $x = x$ », так как « x » не имеет значения. Но есть предложение « $(x) .x = x$ », и есть такие предложения, как «Сократ = Сократ» и т.д.

В книгах по логике не должны встречаться переменные, но только общие предложения, оправдывающие использование переменных. Из этого следует, что так называемые определения в логике являются не определениями, но только схемами определений, и вместо них мы обязаны предлагать общие предложения. Сходным образом так называемые примитивные идеи (*Urzeichen*) логики являются не

примитивными идеями, но их схемами. Ошибочная идея, что существуют *предметы*, называемые фактами или комплексами и отношениями, легко приводит к мнению, что к фактам должно быть отношение вопрошания, а тогда возникает вопрос: может ли иметь место отношение между произвольным количеством предметов, поскольку факты могут вытекать из произвольных причин. Фактически, $p \supset q \supset_{p,q} q$; например это предложение, которое выражает, что q следует из p и $p \supset q$.

В случае нужды, «не- p » пытаются интерпретировать как «всё что угодно, только не p ». То, что из простого факта p вытекает бесконечное множество других фактов, не-не- p и т.д., едва ли заслуживает доверия. Человек от природы обладает способностью к конструированию символов, в которых может быть выражен *некоторый* смысл, при этом не имея ни малейшего представления о том, что обозначает каждое слово. Лучший пример этому даёт математика, так как человек до последнего времени использовал символы для чисел, не зная обозначают ли они нечто или же не обозначают ничего. [Ср. 5.43.]

«Комплексы» Рассела должны обладать свойством, характеризующим их как составные, и вместе с тем сочетать свойство согласованности, чтобы их можно было рассматривать как «простые». Но уже одно это делало их непригодными в качестве логических типов, поскольку в утверждении существовало бы значение простого, которое было бы комплексным. Но *свойство* не может быть логическим типом.

Каждое высказывание о мнимых комплексах может быть разложено на логическую сумму высказывания о конституентах и высказывания о предложении, которое полностью описывает этот комплекс. То, каким образом это должно решаться в каждом случае, — важный вопрос, но

ответ на него не является безусловно необходимым для построения логики. [Ср. 2.0201.]

То, что «или» и «не» и т.д. не являются отношениями в том же самом смысле, как «правое» и «левое» и т.д., очевидно простому человеку. Возможность перекрёстного определения старых логических неопределяемых само по себе показывает, что они не являются настоящими неопределяемыми, и даже более убедительно – что они не обозначают отношений. [Ср. 5.42.]

Если мы заменяем конститuentу a в предложении $\phi(a)$ на переменную, тогда существует класс

$$\hat{p} \{(\exists x)\phi(x) = p\}$$

Этот класс, в общем, всё ещё зависит от того, что, по произвольному соглашению, мы обозначаем посредством « $\phi(x)$ ». Но если мы заменим на переменные все те символы, чьё значение определялось произвольно, такой класс всё ещё существует. Однако это зависит не от какого-либо соглашения, а только от природы символа « $\phi(x)$ ». Он соответствует логическому типу. [Ср. 3.315.]

Типы никогда не могут быть отделены друг от друга утверждением (как это принято в настоящее время), что один тип имеет эти, а другой – те свойства, так как это предполагает, что существует значение в утверждении всех этих свойств обоих типов. Но из этого, в лучшем случае, следует, что эти свойства могут быть типами, а определённо не объектами, которым они приписываются. [Ср. 4.1241.]

В случае нужды мы всегда склоняемся к таким истолкованиям логических функций предложений, которые стремятся ввести в функцию либо только конститuentы этих предложений, либо только их формы и т.д. и т.д., и не учитываем тот факт, что обыденный язык не содержал бы целых предложений, если бы в них не нуждался. Тем не

менее, например, если «не-р» может быть объяснено, тогда всегда должно быть придано значение вопросу «Что же отрицается?».

Сама возможность того, как Фреге объясняет «не-р» и «если p , то q », из чего следует, что «не-не-р» обозначает то же самое, что и «р», делает вероятным существование некоторого метода обозначения, в котором «не-не-р» соответствует тот же символ, что и «р». Но если этот метод обозначения удовлетворяет логику, он должен быть правильным.

Имена – это точки; предложения – стрелки, они имеют *смысл*. Смысл предложений предопределён двумя полюсами – *истинным* и *ложным*. Форма предложения подобна прямой линии, которая разделяет все точки на плоскости на правые и левые. Линия производит это автоматически, форма предложения – только посредством соглашения. [Ср. 3.144.]

В логике нас мало интересует отношение имени к своему значению, и столь же мало нас интересует отношение предложения к реальности, но мы хотим знать значение имён и смысл предложений и поскольку мы вводим неопределяемое понятие « A », говоря, что « A обозначает нечто неопределяемое», постольку мы вводим, например, форму предложения aRb , говоря: «Для всех значений ‘ x ’ и ‘ y ’, ‘ xRy ’ выражает нечто неопределяемое о x и y ».

Вместо каждого предложения «р» будем писать « ${}_b^a p$ ». Пусть каждое соотношение предложений друг с другом или имен с предложениями устанавливается посредством корреляции их полюсов « a » и « b ». Пусть эта корреляция будет транзитивной. Тогда соответственно « ${}_b^{a-a} p$ » представляет собой тот же символ, что и ${}_b^a p$. Пусть дано n предложений. Тогда «классом полюсов» этих предложений

я называю всякий класс из n членов, каждый из которых является полюсом одного из n предложений так, что один член соответствует каждому предложению. Затем я соотношу с каждым классом полюсов один из двух полюсов (a и b). Я не могу определить смысл символизирующего факта, сконструированного таким образом, но я его знаю.

Если $p = \text{не-не-}p$ и т.д., это показывает, что традиционный метод символизма ошибочен, поскольку он допускает многообразие символов с одним и тем же смыслом; отсюда следует, что при анализе таких предложений мы не должны руководствоваться расселовским методом символизации.

Необходимо помнить, что имена являются классами, а не предметами: «А» есть та же самая буква, что и «А». Это имеет наиболее важные следствия для каждого символического языка. [Ср. 3.203.]

Ни смысл, ни значение предложения не есть вещи. Эти слова представляют собой неполные символы.

Невозможно обойтись без предложений, в которых один и тот же аргумент встречается в различных позициях. Очевидно, бесполезно заменять $\phi(a, a)$ на $\phi(a, b). a = b$.

Поскольку ab -функции предложения p вновь являются би-полярными предложениями, мы можем образовать из них ab -функцию и т.д. Таким образом, возникает последовательность предложений, в которой *символизирующие* факты в общем будут одними и теми же в отдельных деталях. Если теперь мы находим ab -функцию такого вида, что всякая ab -функция может быть образована её повторным применением, тогда мы можем ввести общность ab -функций, как общность таких функций, которые образованы применением этой функции. $\sim p \vee \sim q$ является такой функцией.

Легко предположить противоречие в том факте, что, с одной стороны, каждое возможное комплексное предложение является простой *ab*-функцией простых предложений, а с другой стороны, повторное применение одной *ab* функции достаточно для образования этих предложений. Если можно, например, получить утверждение через двойное отрицание, то содержится ли тогда отрицание в каком-либо смысле в утверждении? Отрицает ли «*p*» «не-*p*» или утверждает «*p*», или и то и другое? А как обстоит дело с определением « $\supset$ » через « $\vee$ » и « $\neg$ » или с определением « $\vee$ » через « $\neg$ » и « $\supset$ »? И каким образом мы введём, например, $p|q$ (т.е. $\sim p \vee \sim q$), если не скажем, что это выражение говорит нечто неопределяемое о всех аргументах *p* и *q*? Но *ab*-функции должны вводиться следующим образом: функция $p|q$ есть просто механическое приспособление для конструирования всех возможных символов *ab*-функций. Символы, возникающие при повторном применении символа « $|$ », не содержат символа « $p|q$ ». Нам необходимо правило, в соответствии с которым мы можем образовать все символы *ab*-функций, для того чтобы быть в состоянии сказать о их классе; и теперь мы говорим о них, например, как о тех символах функций, которые могут быть образованы повторным применением операции « $|$ ». И теперь мы говорим: Для всех *p* и *q*, $p|q$ говорит нечто неопределяемое о смысле тех простых предложений, которые содержатся в *p* и *q*. [Ср. 5.44.]

Знак утверждения логически полностью бессмыслен. Он только показывает у Фреге и у Уайтхеда с Расселом, что эти авторы считают отмеченные им предложения истинными. Следовательно, « $\vdash$ » принадлежит предложению столь же мало, как (например) номер предложения. Предложение, вероятно, не может утверждать о самом себе, что оно истинно. [Ср. 4.442.]

Любая правильная теория суждения должна исключить для меня возможность выносить суждения типа «this table renholders the book». Расселовская теория этому условию не удовлетворяет. [См. 5.5422.]

Ясно, что мы понимаем предложения без знания о том, истинные они или ложные. Но мы можем знать только значение предложения, когда знаем, что оно является истинным или ложным. То, что мы понимаем, есть *смысл* предложения. [Ср. 4.024.]

Допущение о существовании логических объектов, и это кажется замечательным, приводит к тому, что в науках предложения формы « $\varphi \vee \psi$ », « $\varphi \supset \psi$ » и т.д. только тогда не являются преходящими, когда « $\vee$ » « $\supset$ » установлены в области действия знака всеобщности [мнимые переменные].

ЧЕТВЁРТАЯ РУКОПИСЬ

Если бы мы образовали все возможные атомарные предложения, то мир был бы полностью описан, если бы мы установили истинность или ложность каждого. [Ср. 4.26.]

Главная особенность моей теории: p имеет то же самое значение, что и не- p . [Ср. 4.0621.]

В случае неверной теории отношений может легко показаться, как если бы отношение факта и конститuentы было бы таким же, как отношение факта и факта-который-из-него-вытекает. Но их подобие может быть выражено таким образом:

$$\varphi a \supset_{\varphi a} a = a.$$

Если слово создаёт мир, так что принципы логики являются в нём истинными, тем самым оно создаёт мир, в котором содержится вся математика; и сходным образом

нельзя создать мир, в котором предложение являлось бы истинным, не создавая его конstituенты. [Ср. 5.123.]

Бессмысленны знаки, имеющие форму « $p \vee \sim p$ », но не предложение « $(p) p \vee \sim p$ ». Если я знаю, что эта роза – либо красная, либо не красная, я не знаю ничего. То же самое имеет силу для всех *ab*-функций. [Ср. 4.461.]

Понимать предложение – значит знать, что имеет место, когда оно истинное. Следовательно, мы можем понимать его без знания о том, что оно – истинное. Мы понимаем предложение, когда понимаем его конstituенты и формы. Если мы знаем значение «а» и «b», и если мы знаем, что « xRy » выполняется для всех *x* и для всех *y*, тогда мы также понимаем и « aRb ». [Ср. 4.024.]

Я понимаю предложение « aRb », когда знаю, что ему соответствует либо факт aRb , либо факт не aRb ; но это нельзя смешивать с ошибочным мнением, что я понимаю « aRb », когда знаю, что имеет место « aRb или не aRb ».

Форма предложения может быть символизирована следующим образом. Рассмотрим символы формы « xRy », которой первично соответствует пара объектов, и один из них имеет имя «*x*», а другой – имя «*y*». *x*'ы и *y*'и находятся в различных отношениях друг к другу, и среди прочих отношений отношение *R* поддерживается между одними, но не между другими. Я определяю теперь смысл « xRy », устанавливая правило: когда факты ведут себя в отношении к « xRy » так, что значение «*x*» находится в отношении *R* к значению «*y*», тогда я говорю, что эти факты «смыслоподобны» [«gleichsinning»] с предложением « xRy », в противном случае – «противоположны по смыслу» [«entgegen-gesetzt»]. Я сопоставляю факты с символом « xRy », разделяя их на те, которые смыслоподобны, и те, которые противоположны по смыслу. Этому сопоставлению соответствует сопоставление имени и значения. И то, и другое пси-

хологично. Таким образом, я понимаю форму « xRy », когда знаю, что она различает поведение x и y в соответствии с тем, находятся ли они в отношении R или нет. Этим способом я извлекаю отношение R из всех возможных отношений, как посредством имени я извлекаю его значение из всех возможных предметов.

Строго говоря, неверно сказать, что мы понимаем предложение p , когда знаем: « φ является истинным» $\equiv p$; поскольку если бы случайно предложения и справа, и слева от символа $\equiv$ оказались или оба истинными или оба ложными, это естественно всегда имело бы место. Мы требуем не просто эквивалентность, но формальную эквивалентность, которая связана с введением формы p .

Смысл аб-функции предложения p есть функция смысла предложения p . [Ср. 5.2341.]

аб-функции используют различение фактов, которое выдвигают их аргументы, для того чтобы произвести новые различения.

Только факты могут выражать смысл, класс имён – не может. Это легко показать.

Не существует предмета, являющегося формой предложения, и не существует имени, являющегося именем формы. Соответственно, мы также не можем сказать, что отношение, которое в определённых случаях имеет место между предметами, иногда имеет место между формами и предметами. Это идёт вразрез с теорией суждения Рассела.

Очень легко забыть, что, хотя предложения некоторой формы могут быть либо истинными, либо ложными, каждое из этих предложений может быть только либо истинным, либо ложным, но не тем и другим вместе.

Среди фактов, которые делают « p или q » истинным, имеются некоторые факты, делающие истинным « p и q »; но класс, который делает « p или q » истинным, отличается

от класса, делающего истинным « p и q »; и только это имеет значение. Так как, фактически, мы вводим этот класс, когда вводим ab -функции.

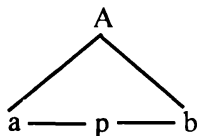
Самое естественное возражение против способа, которым я ввёл, например, предложения формы xRy , заключается в том, что он не объясняет такие предложения, как $(\exists x, y)xRy$ и им подобные, которые тем не менее явно имеют общим с aRb нечто такое, что $y cRd$ является общим с aRb . Но когда мы вводим предложение формы xRy , мы не упоминаем ни одного отдельного предложения этой формы; нам необходимо только ввести $(x, y)\phi(x, y)$ для всех ϕ любым способом, который делает смысл этих предложений зависимым от смысла всех предложений формы $\phi(a, b)$ и тем самым доказывает оправдание нашей процедуры.

Неопределяемые логики должны быть независимы друг от друга. Если вводится неопределяемое, оно должно вводиться во всех комбинациях, в которых может встречаться. Следовательно, мы не можем ввести его первоначально для одной комбинации, а затем для другой; например, если введена форма xRy , она должна впредь пониматься в предложениях формы aRb тем же самым образом, как в предложениях $(\exists x, y).xRy$ и других. Мы не должны вводить её первоначально для одного класса случаев, а затем для другого; так как оставалось бы сомнительным, было ли её значение одним и тем же и в том, и в другом случаях и отсутствовало бы основание для использования одного и того же способа комбинирования символами в обоих случаях. Короче говоря, для введения неопределяемых символов и комбинаций символов имеет силу *mutatis mutandis*⁴² — то же самое, что Фреге говорил о введении символов через определения. [Ср. 5.451.]

A priori правдоподобно, что введение атомарных предложений фундаментально для понимания всех других видов предложений. В действительности понимание общих предложений очевидно зависит от понимания атомарных предложений.

Перекрёстная определимость в области общих предложений приводит к проблемам, очень схожим с проблемами, возникающими в области *ab*-функций.

Когда мы говорим «*A* думает, что *p*», это действительно звучит так, как если бы мы могли здесь вместо «*p*» подставить собственное имя. Но мы можем видеть, что если мы скажем «*A* думает, что *p* является истинным», здесь затрагивается *смысл*, а не значение; и чтобы установить направленность *p* ещё более эксплицитно, мы должны сказать «*A* думает, что '*p*' является истинным, а '*не-p*' является ложным». В данном случае выражается би-полярность *p* и, по видимому, то, что мы будем в состоянии корректно выразить предложение «*A* думает, что *p*» только с помощью *ab*-записи, устанавливая, например, что «*A*» находится в отношении к полюсам «*a*» и «*b*» в *a-p-b*. Вопросы теории познания, относящиеся к природе суждения и веры, не могут быть решены без корректного понимания формы предложения.

ab-запись показывает зависимость *или* и *не* и тем самым то, что они не употребляются как неопределяемые одновременно.

Нельзя говорить «Комплексный знак '*aRb*'» говорит, что *a* находится в отношении *R* к *b*; но то, что «*a*» нахо-

дится в определённом отношении к «*b*», говорит, что *aRb*. [3.1432.]

В философии нет умозаключений; она – чисто дескриптивна.

Философия не даёт картины реальности.

Философия не может ни подтвердить, ни опровергнуть научные исследования.

Она включает логику и метафизику; логика – её основа.

Теория познания есть философия психологии. [Ср. 4.1121.]

Недоверие к грамматике есть первое требование к философствованию.

Предложения никогда не могут быть неопределяемыми, поскольку они всегда комплексны. То, что слова типа «*ambulo*»⁴³ являются комплексными, проявляется в факте, что их корни с различными окончаниями дают различный смысл. [Ср. 4.032.]

Только учение об общих неопределяемых позволит нам понять природу функций. Пренебрежение этим учением заведёт нас в непроницаемые дебри.

Философия является доктриной логических форм научных предложений (не только простых предложений).

Слово «философия» всегда должно обозначать что-то стоящее над или под, но не наряду с естественными науками.

Все суждения, команды и вопросы относятся к тому же уровню, но все они, в общем, имеют пропозициональную форму, которая нас интересует.

Структура предложения должна быть распознаваема, и тогда остальное приходит само собой. Но обыденный язык скрывает структуру предложения: в обыденном языке отношения выглядят как предикаты, а предикаты – как имена и т.д.

Факты не могут быть *наименованы*.

Легко предположить, что «индивид», «элемент», «комплекс» и т.д. являются примитивными идеями логики. Рассел, например, говорит, что «индивид» и «матрица» являются «примитивными идеями». Эта ошибка, по-видимому, объясняется тем фактом, что употребление переменных вместо знака всеобщности создаёт видимость, как если бы логика имела дело с предметами, лишёнными всех свойств, кроме комплексности. Мы забываем, что неопределяемые символы [*Urbilder von Zeichen*] встречаются только под знаком всеобщности и никогда вне его.

Подобно тому как ранее люди боролись за то, чтобы приводить все предложения к субъектно-предикатной форме, теперь каждое предложение естественно рассматривается как выражение отношения, что также не корректно. То, что оправдано в этом стремлении, полностью удовлетворяется расселовской теорией искусственных отношений.

Одна из наиболее естественных попыток решения заключается в рассмотрении «не-р» как противоположности «р», где «противоположность» была бы тогда неопределяемым отношением. Но легко видеть, что любая такая попытка замены *ab*-функций описаниями должна провалиться.

Ложное допущение, что предложения являются именами, заставляет нас думать, что должны существовать логические объекты, поскольку таковыми должны будут быть значения логических предложений.

Правильное объяснение должно дать логическим предложениям исключительное положение, противоположное всем другим предложениям.

Ни одно предложение ничего не может сказать о себе, потому что символ предложения не может содержаться в

себе; это должно служить основой теории логических типов. [Ср. 3.332.]

Каждое предложение, которое говорит нечто неопределяемое о предмете, является субъектно-предикатным предложением; каждое предложение, которое говорит нечто неопределяемое о двух предметах, выражает бинарное отношение между этими предметами; и так далее. Таким образом, каждое предложение, которое содержит только одно имя и одну неопределяемую форму, является субъектно-предикатным предложением и т.д. Неопределяемый символ может быть только именем, и, следовательно, по символу атомарного предложения мы можем знать, является ли оно субъектно-предикатным предложением.

ЗАМЕТКИ, ПРОДИКТОВАННЫЕ Дж.Э. МУРУ В НОРВЕГИИ (Апрель 1914)

Так называемые логические предложения *показывают* логические свойства языка и, следовательно, универсума, но не *говорят* ничего. [Ср. 6.12.]

Это подразумевает, что, просто глядя на них, ты можешь *видеть* эти свойства; тогда как в собственно предложении нельзя видеть, что является истинным, глядя на него. [Ср. 6.113.]

Невозможно *сказать*, что представляют собой эти свойства, потому что для этого тебе нужен был бы язык, который не получил рассматриваемых свойств, и невозможно, чтобы это был *собственно* язык. Невозможно сконструировать нелогичный язык.

Для того чтобы у тебя был язык, который может выразить или *сказать* всё, что *может* быть сказано, этот язык должен иметь определённые свойства; и когда это случается, то, *что* он имеет эти свойства, больше не может быть сказано ни в этом языке, ни в *любом* языке.

Нелогичный язык был бы языком, в котором, например, ты мог бы поместить *событие* в дыру.

Следовательно, язык, *способный* выразить всё, *отражает* определённые свойства мира в тех свойствах, которые он должен иметь; и так называемые логические предложения показывают эти свойства *систематическим образом*.

Обычно, логические предложения показывают эти свойства следующим образом: мы даём определённое описание вида символа; мы находим, что другие символы,

скомбинированные определёнными способами, создают символ этого описания; и то, *что* они делают, показывает нечто об этих символах.

Как правило, описание, данное в обычной логике, является описанием тавтологии; но и *другое* может показывать равным образом хорошо, например, противоречие. [Ср. 6.1202.]

Каждое *действительное* предложение – помимо того, что оно говорит – *показывает* нечто об универсуме: *поскольку*, если бы оно не имело смысла, его нельзя было бы использовать; а если оно имеет смысл, оно отражает некоторое логическое свойство универсума.

Возьмём, например, ϕ , $\phi \supset \psi$, ψ . Просто глядя на эти три предложения, я могу видеть, что 3 следует из 1 и 2; т.е. я могу видеть то, что называется истинностью логического предложения, а именно предложения $\phi, \phi \supset \psi, \therefore \psi$. Но это – *не* предложение; наблюдая, однако, что это – тавтология, я могу видеть и то, что уже видел, глядя на три предложения; различие в том, что *теперь* я вижу, что это – тавтология. [Ср. 6.1221.]

Для понимания упомянутого выше мы хотим сказать, какими свойствами должен обладать символ, чтобы быть тавтологией.

Сказать это можно многими способами:

Один способ заключается в том, чтобы задать *определённые символы*; затем задать множество правил их комбинирования; и затем сказать: любой символ, образованный из этих символов с помощью их комбинирования в соответствии с одним из заданных правил, является тавтологией. Очевидно, это говорит нечто о виде символа, который ты можешь получить таким способом.

Действительная процедура *старой* логики такова: она задаёт так называемые примитивные предложения так на-

зываемые правила дедукции, а затем говорит, что то, что ты получаешь применением правил к предложениям, является *доказанным* тобой *логическим* предложением. Истина состоит в том, что она говорит тебе нечто *о* виде полученного тобой предложения, т.е. что оно может быть выведено из первоначальных символов посредством этих правил комбинирования (= является тавтологией).

Следовательно, если мы говорим, что одно *логическое* предложение логически *вытекает* из другого, – это подразумевает нечто совершенно отличное от того, когда мы говорим, что *действительное* предложение логически вытекает из *другого*. Поскольку так называемое *доказательство* логического предложения не доказывает его *истинность* (логические предложения не являются ни истинными, ни ложными), но доказывает, что оно является логическим предложением, является тавтологией. [Ср. 6.1263.]

Логические предложения *являются формами доказательств*: они показывают, что одно или более предложений *следуют* из одного (или более). [Ср. 6.1264.]

Логические предложения *показывают* нечто, *потому что* язык, в котором они выражены, может *сказать* всё, что может быть *сказано*.

Это же самое различие – различие между тем, что может быть *показано* языком, но не *сказано* – объясняет затруднение, которое чувствуется относительно типов; например, относительно различия между вещами, фактами, свойствами, отношениями. То, что М является *вещью*, не может быть *сказано*; это бессмысленно; но *нечто* *показывается* символом «М». Точно так же то, что *предложение* является субъектно-предикатным предложением, не может быть *сказано*, но это *показывается* символом.

Следовательно, теория *типов* невозможна. Она пытается сказать нечто о типах, когда можно говорить только

о символах. Но ты говоришь о символах, не то, что этот символ имеет тот тип, что было бы бессмысленным по той же самой причине; но, предупреждая недоразумения, ты просто говоришь: *Это* – символ. Например, «R» не является символом в «aRb», здесь символизирует то, что «R» расположен между двумя именами. В данном случае мы не сказали: этот символ относится не к этому типу, а к тому; но лишь сказали: Символизирует *это*, а не то. Это, по-видимому, вновь приводит к той же самой ошибке, потому что «символизирует» является «типично двусмысленным». Правильный анализ таков: «R» не является собственным именем, и то, что «R» стоит между «a» и «b», выражает *отношение*. Здесь есть два предложения *различных типов*, связанные с помощью «и».

Очевидно, например, что в случае субъектно-предикатного предложения, *если* оно вообще имеет какой-либо смысл, ты *видишь* форму, как только *понимаешь* предложение, несмотря на отсутствие знания о том, является оно истинным или ложным. Даже если бы *существовали* предложения формы «M есть вещь», они были бы излишними (тавтологичными), потому что они пытаются сказать нечто такое, что уже и так *видно*, когда ты смотришь на «M».

В указанном выше выражении «aRb» мы говорили только об этом частном «R», тогда как то, что мы хотим сделать, – это сказать о всех сходных символах. Мы должны сказать: в *любом* символе этой формы то, что соответствует «R», не является собственным именем, а тот факт, что «R» стоит между «a» и «b», выражает отношение. Это как раз то, что стремится к выражению в бессмысленном утверждении: Символы, подобные этому, относятся к определённого типу. Этого нельзя сказать, так как, чтобы сказать это, ты должен прежде знать, что представляет

собой символ: а зная это, ты *видишь* тип, а следовательно, также и тип того, что символизируется. Т.е. зная, *что* символизирует, ты знаешь всё, что должно быть известно; ты не можешь *сказать* что-либо о символе.

Например: Рассмотрим два предложения: 1) «То, что здесь символизирует, есть вещь», 2) «То, что здесь символизирует, есть реляционный факт = отношение». Они бессмысленны по двум причинам: а) потому что они упоминают «вещь» и «отношение»; б) потому что они упоминают их в предложениях одной и той же формы. Эти два предложения, если они надлежащим образом проанализированы, должны быть выражены совершенно в различных формах; и ни слово «вещь», ни «отношение» не должны встречаться.

Теперь мы увидим, как надлежащим образом анализировать предложения, в которых встречаются «вещь», «отношение» и т.п.

1) Возьмём ϕx . Мы хотим объяснить значение предложения «В « ϕx » символизирует вещь». Анализ будет следующим:

($\exists y$) . y символизирует . $y = \langle x \rangle$. « ϕx »

[« $\langle x \rangle$ » есть имя y : « ϕx » = ‘ « ϕx » находится слева от « $\langle x \rangle$ » ’ и говорит ϕx .]

NB. « $\langle x \rangle$ » не может быть именем этого действительно произвольного « y », потому что последний не является вещью; но он может быть именем *вещи*; и нам нужно понять, что то, что мы делаем, должно объяснить, что же подразумевается, когда об идеальном символе, который на самом деле состоит в существовании одной *вещи* слева от другой, говорят, что в нём символизируется *вещь*.

[NB. Мы склонны говорить, что выражение ($\exists y$). ϕy , подразумевает «Существует такая *вещь*, которая...». Но фактически, мы сказали бы «Существует такой y , кото-

рый...»]; факт в том, что у символизирует, выражая то, что мы подразумеваем.]

В общих чертах: в то время как слова «вещь», «факт» и т.п. при анализе таких предложений будут исчезать, вместо них будут появляться новые символы той же самой формы, как и та, о которой мы говорим; и, следовательно, сразу же очевидно, что мы *не можем* получить один вид предложения из другого посредством подстановки.

В нашем языке имена *не* есть *вещи*: мы не знаем, чем они являются; нам известно только то, что они представляют собой тип, отличный от отношений, и т.п. и т.п. Тип символа отношения отчасти фиксируется типом символа вещи, поскольку в нём должен встречаться символ последнего типа.

NB. В любом обычном предложении, например «Мур хороший», *показывается*, а не говорится, что «Мур» – слева от «хороший»; и то, *что здесь* показано, может быть сказано другим предложением. Но это применимо только к той *части* показанного, которая является произвольной. *Логические* свойства, которые она показывает, не являются произвольными, и то, что она имеет их, не может быть сказано ни в каком предложении.

Когда мы говорим, что в предложении формы «aRb» символизирует то, что «R» находится между «a» и «b», необходимо помнить, что фактически предложение поддаётся дальнейшему анализу, потому что a, R и b не являются *простыми*. Но несомненным кажется то, что, анализируя его, мы в конце концов придём к предложениям той же формы в отношении факта, что они заключаются в существовании одной вещи между двумя другими⁴⁴.

Каким образом мы можем говорить об общей форме предложения без знания каких-либо неанализируемых предложений, в которых встречаются отдельные имена

и отношения? Когда мы делаем это, нас оправдывает то, что, хотя мы и не знаем каких-либо неанализируемых предложений такого вида, мы тем не менее можем понять, что подразумевается предложением формы $(\exists x, y, R).xRy$ (которое является неанализируемым), даже если мы не знаем предложение формы xRy .

Если бы у тебя было неанализируемое предложение, в котором встречались бы отдельные имена и отношения (и *неанализируемое* предложение = предложение, в котором встречаются только фундаментальные символы = символы, не поддающиеся *определению*), тогда ты всегда мог бы образовать из него предложение формы $(\exists x, y, R).xRy$, которое, хотя оно и не содержит отдельных имён и отношений, является неанализируемым.

2) Этот момент может быть выявлен здесь следующим образом. Возьмём ϕa и ϕA и спросим, что же имеют в виду, когда говорят: «Существует вещь в ϕa , и комплекс в ϕA »?

1) подразумевает: $(\exists x). \phi x. x = a$

2) $(\exists x, \psi \zeta). \phi A = \psi x. \phi x$ ⁴⁵.

Использование логических предложений. Ты можешь иметь столь сложное логическое предложение, что не сумеешь, глядя на него, увидеть, что оно является тавтологией; но ты показал, что оно может быть выведено посредством определённых операций из других определённых предложений в соответствии с нашим правилом конструирования тавтологий; и, таким образом, тебе дана возможность увидеть, что одно следует из другого, тогда как в противном случае ты не был бы способен увидеть это. Если, например, наша тавтология имеет форму $p \supset q$, ты можешь видеть, что q следует из p ; и т.д..

*Bedeutung*⁴⁶ предложения есть факт, соответствующий предложению, например, если нашим предложением явля-

ется «aRb» и если оно является истинным, соответствующим фактом был бы факт aRb, а если ложным – факт ~aRb. Но как «факт aRb», так и «факт ~aRb» являются неполными символами, которые должны быть проанализированы.

То, что предложение имеет отношение (в широком смысле) к реальности иное, чем отношение *Bedeutung*, показывается тем фактом, что ты можешь понимать его, когда не знаешь *Bedeutung*, т.е. не знаешь, является ли оно истинным или ложным. Будем выражать это, говоря «Оно имеет смысл» (*Sinn*).

Анализируя *Bedeutung*, ты сталкиваешься с *Sinn* следующим образом.

Мы хотим объяснить отношение предложений к реальности.

Отношение является следующим: Его *простые* имеют значение = являются именами простых; и его отношения имеют совершенно отличное отношение к отношениям; и этих два факта уже устанавливают характер соответствия между предложением, которое содержит их и только их, и реальностью; т.е. если известны все простые предложения, мы уже знаем, что можем описать реальность, говоря, что она *ведёт себя* определённым образом в отношении целого предложения. (Это сводится к утверждению, что мы можем *сравнить* реальность с предложением. В случае двух линий мы можем *сравнить* их в отношении длины без какого-либо соглашения: сравнение является автоматическим. Но в нашем случае возможность сравнения зависит от соглашений, посредством которых мы задаём значения нашим простым [именам и отношениям].)

Остаётся только зафиксировать метод сравнения, сообщая, что же в наших простых сравнениях *говорит* о реальности. Предположим, например, что мы берём две ли-

нии неравной длины и говорим: тот факт, что более короткая имеет присущую ей длину, должен подразумевать, что более длинная имеет присущую ей длину. Мы тогда установили бы соглашение относительно значения более короткой, относительно значения той характеристики, которую мы должны теперь задать.

Из этого следует, что «истинное» и «ложное» не являются случайными свойствами предложения, так что, когда оно имеет значение, мы можем сказать, что оно также является истинным или ложным; и, наоборот, иметь значение – *значит* быть истинным или ложным; бытие истинным или ложным действительно конституирует отношение предложения к реальности, которое мы подразумеваем, говоря, что предложение имеет значение (*Sinn*).

То, что мы подразумеваем, говоря «Предложение истинно», на первый взгляд кажется некоторым образом двусмысленным, благодаря тому что всё выглядит так, как если бы в случае различных предложений способ их соответствия тем фактам, которым они соответствуют, являлся совершенно различным. Но действительно общее для всех случаев то, что они должны иметь *общую форму предложения*. Задавая общую форму предложения, ты объясняешь, какого рода способы сочленения символов вещей и отношений будут соответствовать (будут аналогичны) вещам, имеющим эти отношения в реальности. Делая так, ты говоришь то, что подразумевают, когда говорят, что предложение является истинным; и ты должен сделать это раз и навсегда. Сказать «Это предложение *имеет смысл*» значит сказать «"Это предложение является истинным" означает...» («р» является истинным = «р».р . Def.: только вместо «р» мы должны здесь ввести общую форму предложения.)

На первый взгляд кажется, как будто система аб записи должна быть ошибочной, потому что она, по-видимому, трактует истинное и ложное как относящееся в точности к одному и тому же уровню. Если система записи должна быть правильной, то должно быть возможно видеть из самих символов, что между полюсами есть некоторое существенное различие; и кажется, как будто это фактически невозможно.

Интерпретация символизма не должна зависеть от того, что символам одних и тех же типов придаётся различная интерпретация.

Асимметрия вводится, когда задаётся описание отдельных форм символа, который мы называем «тавтология». Описание одного аб-символа симметрично в отношении а и b; но это описание, плюс тот факт, что то, что удовлетворяет описанию тавтологии, *является* тавтологией, в отношении их же является асимметричным. (Сказать, что описание было симметричным в отношении двух символов, означало бы, что мы могли подставить один вместо другого, и, однако, описание осталось бы тем же самым, т.е. означало бы то же самое.)

Возьмём р. q и q. Когда ты записываешь р. q в системе аб-записи, невозможно увидеть из одного символа, что из него вытекает q, поскольку, если бы ты должен был интерпретировать истинностный полюс как ложный, тот же самый символ обозначал бы р∨q, из которого q не следует. Но в тот момент, когда ты говоришь, *какие* символы являются тавтологиями, из того факта, что они являются таковыми, и из исходного символа, сразу же можно видеть, что q следует.

Все *логические предложения*, конечно, показывают нечто различное; все они показывают *одним и тем же способом* – а именно тем, что они являются тавтологиями, –

но они являются разными тавтологиями, а следовательно, каждое показывает нечто различное.

То, что произвольно в наших символах, – это не сами символы и не правила, которые мы задаём; но то, что когда заданы определённые правила, другое является фиксированным = вытекает логически. [Ср. 3.342.]

Таким образом, хотя и можно было бы интерпретировать форму, рассматриваемую нами как форму тавтологии, как форму противоречия, и наоборот, они являются различными по логической форме, так как, хотя видимая форма символов и является одной и той же, то, что в них символизирует, – различно, а следовательно, то, что вытекает для символов из одной интерпретации, будет отличаться от того, что вытекает из другой. Но различие между a и b не есть различие логической формы, так что в отношении интерпретации других символов ничего не будет следовать из одного этого различия. Таким образом, $p \cdot q$, $p \vee q$, например, кажутся символами *одинаковой* логической формы в аб-записи. Тем не менее они говорят нечто совершенно различное; и если ты спросишь почему, ответ, по видимому, будет такой: В одном случае отметка сверху имеет очертания b , в другом – очертания a . Тогда как интерпретация тавтологии как тавтологии есть интерпретация *логической формы*, а не придание значения отметке опеределённых очертаний. Важный момент состоит в том, что интерпретация формы символизма должна быть зафиксирована, когда задаётся интерпретация её *логических свойств*, а не тогда, когда задаётся интерпретация отдельных отметок.

Логические константы не могут быть преобразованы в переменные, так как то, что в них символизирует, – не одно и то же; все символы, вместо которых могут быть

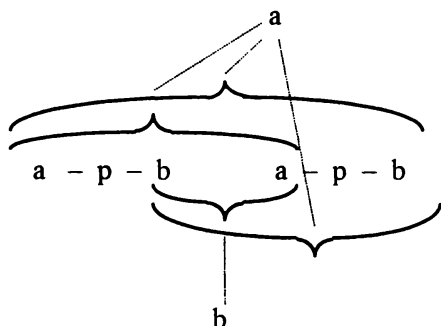
подставлены переменные, символизируют *одним и тем же* способом.

Мы описываем символ и произвольно говорим: «Символ этого описания есть тавтология». И тогда отсюда сразу же следует как то, что любой другой символ, который отвечает тому же самому описанию, есть тавтология, так и то, что любой символ, который не отвечает этому описанию, *не* есть тавтология. Т.е. мы произвольно зафиксировали, что любой символ этого описания должен быть тавтологией; и, будучи зафиксированным, это больше не является произвольным в отношении любого другого символа, независимо от того, является он тавтологией или нет.

Зафиксировав таким способом, что является тавтологией, а что нет, мы можем затем, снова произвольно зафиксировав транзитивность отношения $a-b$, получить из совокупности двух фактов то, что « $p \equiv \sim(\sim p)$ » есть тавтология. Так как $\sim(\sim p) = a-b-a-p-b-a-b$. Дело в том, что процесс рассуждения, посредством которого мы приходим к результату, что $a-b-a-p-b-a-b$ есть *тот же самый символ*, что и $a-p-b$, в точности такой же, как и процесс рассуждения, с помощью которого мы открываем, что его значение является тем же самым, т.е. где мы рассуждаем, если $b-a-p-b-a$, то *не* $a-p-b$, если $a-b-a-p-b-a-b$, то *не* $b-a-p-b-a$, следовательно, если $a-b-a-p-b-a-b$, то $a-p-b$.

Это вытекает из того факта, что $a-b$ является транзитивным; что там, где мы имеем $a-b-a$, первое a имеет ко второму то же самое отношение, которое оно имеет к b . Это вытекает как раз из того факта, что если a -истинно влечёт b -ложно, а b -ложно влечёт c -истинно, то мы получаем, что a -истинно влечёт c -истинно. И, зафиксировав описание тавтологии, мы будем в состоянии видеть, что $p \equiv \sim(\sim p)$ есть тавтология.

Когда дано определённое правило, то, что символ является тавтологичным, *показывает* логическую истину.

Этот символ может быть интерпретирован либо как тавтология, либо как противоречие.

Устанавливая, что он должен интерпретироваться как тавтология, а не как противоречие, я не приписываю *значение* a и b ; т.е. не говорю, что они символизируют различные вещи, но одним и тем же способом. То, что я делаю, так это говорю, что способ, которым a -полюс связан с целым символом, символизирует *способом, отличным* от того способа, которым он символизировал, если бы символ интерпретировался как противоречие. И я добавляю отметки a и b просто для того, чтобы показать, какими способами символизирует связь, так что может стать очевидным, что где бы ни встречалась одна и та же отметка в соответствующем месте в другом символе, там связь также символизирует тем же самым способом.

Мы можем, конечно, символизировать любую ab -функцию вообще без использования двух *внешних* полюсов, просто, например, пропуская b -полюс; и здесь символизировало бы то, что эти три пары внутренних полюсов предложений были связаны определённым способом с a -по-

люсом, в то время как другая пара *не* была с ним связана. И, таким образом, различие между метками а и в там, где мы используем их, просто показывает, что в первом и во втором случае символизирует различное положение вещей: в первом случаях то, что определённые внутренние полюса *связаны* определённым способом с внешним полюсом, во втором случае то, что они *не* связаны.

Символ для тавтологии, в какой бы форме мы не полагали его, например пропуская а-полюс или пропуская в-полюс, всегда должен быть готов к использованию в качестве символа для противоречия; только *не* в одном и том же языке.

Причина, по которой $\sim x$ не имеет значения, состоит в том, что мы не придали значение символу $\sim \xi$. Т.е., тогда как ϕx и ϕr выглядят так, как если бы они были одного и того же типа, они таковыми не являются, поэтому, чтобы придать значение $\sim x$, следовало бы иметь некоторое *свойство* $\sim \xi$. В $\phi \xi$ символизирует то, что ϕ стоит слева от *некоторого* собственного имени, а в $\sim r$ это, очевидно, не так. Во всех предложениях, в которых (если говорить в общих чертах) встречается имя свойства, общим является то, что это имя стоит слева от *формы имени*.

Причина, по которой, например, кажется, как если бы «Платон Сократ» могло иметь значение, в то время как относительно «Абракадабра Сократ» никогда не будет предполагаться, что оно обладает таковым, заключается в том, что мы знаем, что «Платон» имеет значение, и не замечаем, что, для того чтобы эта целая фраза имела значение, необходимо *не* то, чтобы «Платон» имело значение, но чтобы значение имел тот факт, что «Платон» находится *слева от имени*.

Причина, по которой «Свойство не быть зелёным не является зелёным» – *бессмысленно*, заключается в том, что

мы придали значение только тому факту, что «зелёное» стоит справа от имени; а «свойство не быть зелёным» очевидно не является *таковым*.

Вероятно, ϕ не может стоять слева (или в любом другом отношении) от символа свойства. Так как символ свойства, например, ψx заключается в том, что ψ стоит слева от именной формы, и другой символ ϕ , вероятно, не может стоять слева от такого факта: если бы он мог, мы имели бы нелогичный язык, который не возможен.

р является ложным = $\sim$ (р является истинным) Def.

Очень важно, что логические псевдоотношения $\vee$, $\supset$, и т.д. нуждаются в скобках, точках и т.п., т.е. имеют «радиус действия», что само по себе показывает, что они не являются отношениями. Этот факт не учитывался, потому что он так универсален – единственное, что делает это таким важным. [Ср. 5.461.]

Существуют *внутренние* отношения одного предложения к другому; но предложение не может иметь к другому предложению *то* внутреннее отношение, которое *имя* имеет к предложению, конститuentой которого оно является, и которое, должно быть, подразумевают, говоря, что оно «встречается» в нём. В этом смысле одно предложение не может «встречаться» в другом.

Внутренние отношения есть отношения между типами, которые не могут быть выражены в предложении, но во всём показываются в самих символах и могут быть систематически проявлены в тавтологиях. Мы начинаем называть их «отношениями», потому что логические предложения имеют к ним отношение аналогичное тому, которые собственно реляционные предложения имеют к отношениям.

Предложения могут иметь много различных внутренних отношений друг к другу. *Определённое* отношение, какие даёт нам право дедуцировать одно из другого, состо-

ит в том, что если, например, они представляют собой ϕa и $\phi a \supset \psi a$, тогда $\phi a. \phi a \supset \psi a : \supset \psi a$ является тавтологией.

Символ тождества выражает внутреннее отношение между функцией и её аргументом, т.е. $\phi a = (\exists x). \phi x. x = a$.

Предложение $(\exists x). \phi x. x = a : \equiv \phi a$ может рассматриваться как тавтология, если кто-то выражает условия истинности предложения $(\exists x). \phi x. x = a$, последовательно говоря, например: Это является истинным, *если* то-то и то-то; и это снова является истинным, *если* то-то и то-то и т.д., для $(\exists x). \phi x. x = a$; и тогда также и для ϕa . Выражение существа дела подобным образом есть сама по себе громоздкая запись, аб-запись которой есть более изящный перевод.

В символе символизирует то, что является общим у всех символов, которые, в соответствии с правилами логики = синтаксическими правилами манипулирования символами, могут быть подставлены вместо него. [Ср. 3.344.]

Вопрос о том, имеет ли предложение смысл (*Sinn*), никогда не может зависеть от *истинности* другого предложения, говорящего о конституентах первого. Например, вопрос о том, имеет ли $(x)x = x$ значение (*Sinn*), не может зависеть от вопроса, является ли $(\exists x)x = x$ *истинным*. Оно вообще не описывает реальность и, следовательно, имеет дело только с символами; и оно говорит, что они должны *символизировать*, но не то, что они символизируют.

Очевидно, что точки и скобки являются символами, и очевидно, что они не имеют какого-либо *независимого* значения. Ты должен, следовательно, для того чтобы ввести так называемые собственно «логические константы», ввести общее понятие *всех возможных их комбинаций* = общую форму предложения. Таким образом, вводятся и аб-функции, и тождество, и всеобщность (три фундаментальные константы) одновременно.

Переменное предложение $p \supset r$ не тождественно *переменному предложению* $\sim(p \sim r)$. Соответствующие универсалии были бы тождественными. Переменное предложение $\sim(p \sim r)$ показывает, что из $\sim(p, q)$ ты получаешь тавтологию с помощью подстановки $\sim r$ вместо q , тогда как другое не показывает этого.

Очень важно осознать, что, когда имеются два различных отношения $(a, b)_R, (c, d)_S$, это не устанавливает соответствие между a и c и между b и d , или между a и d и между b и c ; вообще не существует соответствия, установленного таким образом. Конечно, в случае двух пар терминов, объединённых *одним и тем же* отношением, соответствие существует. Это показывает, что теория, для которой справедливо то, что реляционный факт содержит термины и отношения, объединённые *связкой* (ϵ_2), неверна; так как, если бы это было так, существовало бы соответствие между терминами различных отношений.

Возникает вопрос: каким образом одно предложение (или функция) могут встречаться в другом предложении? Само предложение или сама функция не могут, вероятно, находиться в отношении к другим символам. По этой причине следует вводить функции, так же как и имена, сразу же в нашей общей форме предложения, объясняя то, что подразумевается, приписыванием значения факту, что имена стоят между $|$ и что функция стоит слева от имён.

В известном отношении верно, что логические предложения являются «постулатами» – чем-то таким, что «затребовано» нами, – так как мы *требуем* удовлетворительной системы записи. [Ср. 6.1223.]

Тавтология (*не* логическое предложение) не является бессмысленной в том же самом смысле, в котором, например, бессмысленным является предложение, включающее слова, не имеющие значения. Оказывается, все её простые

части имеют значение, но она такова, что связи между ними парализуют или уничтожают одна другую, так что все они связаны только некоторым неподходящим образом.

Все логические функции предполагают одна другую. Мы можем видеть, что $\sim p$ не имеет смысла, как раз тогда, если его не имеет p ; поэтому мы можем также сказать, что p не имеет смысла, если его не имеет $\sim p$. Этот случай совершенно отличен от случая с ϕa и a ; поскольку a обладает здесь значением независимо от ϕa , хотя ϕa его предполагает.

Логические константы, по-видимому, есть символы комплексов, но, с другой стороны, они могут быть взаимозаменяемы одна на другую. Следовательно, они на самом деле не являются комплексными, а символизируют просто общий способ, которым они скомбинированы.

Комбинация символов в тавтологии, вероятно, не может соответствовать какой-либо одной отдельной комбинации их значений – она соответствует каждой возможной комбинации; и, следовательно, то, что символизирует, не может быть связью символов.

Из того факта, что я *вижу* одно пятно слева от другого, или что один цвет темнее другого, по-видимому, следует, что это так и *есть*; а если так, то это может быть только тогда, когда между ними есть *внутреннее* отношение; и мы можем выразить его, говоря, что *форма* последнего есть часть *формы* первого. Таким образом, мы можем придать смысл утверждению, что логические законы являются *формами* мысли, а пространство и время – *формами* созерцания.

Различные логические типы не могут иметь ничего общего. Но простой факт, что мы можем говорить о возможности n -местного отношения, или об аналогии между дву-

местным и четырёхместным отношением, показывает, что отношения с различной местностью имеют нечто общее, что, следовательно, это различие не является различием типа, но подобно различию между различными именами – чему-то такому, что зависит от опыта. Это отвечает на вопрос: как мы можем знать, что действительно получили наиболее общую форму предложения? Нам нужно только ввести то, что является *общим* для всех отношений любой местности.

Отношение «Я верю, что р» к «р» можно сравнить с отношением “«р» говорит (besagt) р” к р: как невозможно, чтобы я являлся простым, точно так же невозможно, чтобы простым являлось «р». [Ср. 5.542.]

ИЗ ПИСЕМ ВИТГЕНШТЕЙНА К РАССЕЛУ (1912–1922)

* * *

Кембридж, 22.6.12.

...Логика всё ещё находится в точке плавления, но одна вещь становится мне всё более и более ясной: Предложения логики содержат ТОЛЬКО мнимые переменные и каким бы ни оказалось объяснение мнимых переменных, его следствием должно быть то, что НЕ существует логических констант.

Логика должна оказаться наукой совершенно иного типа, чем все другие науки.

* * *

1.7.12.

...Будете ли Вы считать меня сумасшедшим, если я выдвину следующее предположение?: Знак «(x).φx» не является полным символом, но имеет значение только в выводе следующего вида: из $\vdash \phi x \supset_x \psi x. \phi(a)$ следует ψa . Или более обще: из $\vdash (x). \phi x. \in_0(a)$ следует $\phi(a)$. Я – конечно – совсем не уверен в этом, но нечто подобное может действительно оказаться верным.

* * *

Хохрайт, Пост Хоенберг, Нижняя Австрия. (Лето, 1912.)

...В данный момент больше всего меня занимает не проблема с мнимыми переменными, но, скорее, значение « $\vee$ », « $\supset$ » и т.д. Эта последняя проблема – я думаю – до сих

пор является наиболее фундаментальной и, если возможно, всё же наименее опознанной как проблема. Если « $p \vee q$ » вообще подразумевает комплекс – что весьма сомнительно – тогда, насколько я могу видеть, « $\vee$ » нужно трактовать как часть связки тем способом, который мы обсуждали до этого. Приняв эту гипотезу, я испробовал – мне думается – все возможные способы решения и нашёл, что если кто-то и будет делать так, это должно быть чем-то подобным следующему.

Запишем предложение «из $\vdash p$ и $\vdash q$ следует $\vdash r$ » следующим способом: « $i(p; q; r)$ ». Здесь « i » есть связка (мы можем назвать её выводом), которая связывает комплексы.

Тогда « $\vdash \epsilon_1(x, y) \vee \epsilon_1(z, u)$ » должно подразумевать:

« $\vdash (\epsilon_1(x, y), \epsilon_1(z, u), \beta(x, y, z, u)). i[\epsilon_1(x, y); \epsilon_1(z, u); \beta(x, y, z, u)]$

$\vdash (\epsilon_1(x, y), \epsilon_1(z, u), \beta(x, y, z, u)). i[\sim \epsilon_1(x, y); \epsilon_1(z, u); \beta(x, y, z, u)]$

$\vdash (\epsilon_1(x, y), \epsilon_1(z, u), \beta(x, y, z, u)). i[\epsilon_1(x, y); \sim \epsilon_1(z, u); \beta(x, y, z, u)]$

$\vdash (\epsilon_1(x, y), \epsilon_1(z, u), \beta(x, y, z, u)). i[\sim \epsilon_1(x, y); \sim \epsilon_1(z, u); \beta(x, y, z, u)]$

$\vdash (x, y, z, u)$ ».

Если « $p \vee q$ » не подразумевает комплекс, тогда бог знает, что оно подразумевает!!⁴⁷

~ * * *

Август, 1912.

...Теперь, относительно « $p \vee q$ » и т.п. Я обдумывал эту возможность – а именно, что все наши затруднения можно преодолеть допущением различных видов отношений знаков к вещам – снова, снова и снова! в течение последних восьми недель!!! Но я пришёл к заключению, что это до-

пущение несколько нам *не* поможет. Действительно, если Вы разрабатываете какую-либо подобную теорию, – я думаю, Вы увидите, что *она даже не соприкасается с нашей проблемой*. Недавно я увидел (а, может быть, и нет) новый выход из создавшегося затруднения. Было бы слишком длинным приводить здесь объяснение, но я скажу Вам, что он основан на новых формах предложений. Например: $\sim | \sim(p,q)$, что должно означать «комплекс p имеет форму противоположную форме q ». Это подразумевает, что $\sim | \sim(p,q)$ имеет силу, например, когда p есть $\in_1(a,b)$, а q есть $\sim \in_1(c,d)$. Другой пример новой формы – $\Psi(p,q,r)$, что подразумевает нечто типа: «Форма комплекса r составлена из форм p и q в отношении “или”». Это подразумевает, что $\Psi(p,q,r)$ имеет силу, например, когда p есть $\in_1(a,b)$, q есть $\in_1(c,d)$ и r есть $\in_1(e,f) \vee \in_1(g,h)$ и т.д. и т.д. Дальнейшее я оставляю вашему воображению.

* * *

1912.

Я думаю, что наши проблемы можно проследить до *атомарных* предложений. Вы увидите это, если попытаетесь точно объяснить, каким образом в таких предложениях связка имеет значение.

Я не могу этого объяснить и думаю, что, коль скоро на этот вопрос будет дан точный ответ, проблема с « $\vee$ » и мнимыми переменными; если и не будет решена, то будет близка к решению. Я размышляю теперь о «Сократ – человек» (Добрый, старый Сократ!).

* * *

IV Алеегассе 16. Вена. 26.12.12.

...Я долго дискутировал с Фреге по поводу нашей теории символизма, из которой, я думаю, он приблизительно

понял общий набросок. Он сказал, что обдумал бы предмет снова. Проблема комплекса стала теперь мне яснее, и я очень надеюсь, что смогу решить её.

* * *

IV Алегассе 16. Январь 1913.

...Я изменил свою точку зрения на «атомарные» комплексы: Я теперь думаю, что качества, отношения (такие, как любовь) и т.д. все являются связками! Это подразумевает, например, что я с помощью анализа привожу субъектно-предикатное предложение, скажем, «Сократ – человек» к «Сократ» и «некто является человеком» (которое, я думаю, не является комплексом). Причина этому весьма фундаментальна: Я думаю, что не может быть различных типов вещей! Другими словами, всё, что можно символизировать простым собственным именем, должно принадлежать к одному типу. И далее: любую теорию типов нужно сделать излишней с помощью надлежащей теории символизма. Например, если я посредством анализа привожу предложение «Сократ смертен» к «Сократ», «смертность» и $(\exists x, y) \in_1(x, y)$, я хочу, чтобы теория типов сказала мне, что «смертность есть Сократ» – бессмысленно, потому что, если я рассматриваю «смертность» как собственное имя (что я и делаю), нет ничего такого, что предохранило бы меня от ошибочной подстановки. Но если я посредством анализа (что я делаю в данный момент) прихожу к «Сократ» и « $(\exists x).x$ – смертен» и в общем случае к « x » и $(\exists x)\phi x$, то ошибочная подстановка становится невозможной, потому что два символа сами относятся теперь к различным видам. То, в чём я больше всего уверен, не есть, однако, точность моего способа анализа, который я использую в настоящий момент; но то, что от всяких теорий типов нужно избавиться с помощью теории символизма, показываю-

щей, что то, что, по всей видимости, является *различными видами вещей*, символизируется различными видами символов, из которых один, вероятно, *не может* быть подставлен на место другого. Я надеюсь, что сделал это достаточно ясным!

Предложения, которые прежде записывались мной так: $\in_2(a, R, b)$, я теперь записываю как $R(a, b)$ и посредством анализа привожу их к a, b и $\underbrace{(\exists x, y)R(x, y)}_{\text{не комплекс}}$.

* * *

Июнь, 1913.

...Сейчас я могу выразить своё возражение против вашей теории суждения точно: Я думаю, очевидно, что из предложения «А судит, что (скажем) a находится в отношении R к b », если оно корректно проанализировано, должно непосредственно следовать предложение « $aRb \vee \sim aRb$ » *без использования каких-либо других предпосылок*. Это условие не выполняется вашей теорией.

* * *

Хохрайт, Пост Хоенберг, Нижняя Австрия, 22.7.13.

...Моя работа продолжается хорошо; теперь каждый день мои проблемы становятся яснее, и я полон надежд. Весь мой прогресс сводится к идее, что неопределяемые логики имеют общий вид (в точности так же, как являются общими так называемые определения логики), и это снова происходит из упразднения действительных переменных.

...Мне очень жаль слышать, что моё возражение против вашей теории суждения парализовало Вас. Я думаю, что оно может быть снято правильной теорией предложений⁴⁸.

* * *

Хохрайт, Пост Хоенберг, Нижняя Австрия.

Ваша аксиома сводимости представляет собой

$$\vdash : (\exists x) : \phi x \equiv_x f!x$$

Сейчас она не совсем бессмысленна, так как это предложение имеет значение только тогда, когда мы можем превратить ϕ в *мнимую* переменную. Ибо если бы мы не могли этого сделать, то общие законы не могли бы вытекать из Вашей аксиомы. В целом же, аксиома кажется мне в настоящий момент просто жонглёрским трюком. Дайте мне знать, если она представляет собой нечто большее. Аксиома, как вы её устанавливаете, есть только схема, и на самом деле примитивное предложение должно быть

$$\vdash : . (\phi) : (\exists f) : \phi(x) \equiv_x f!x ,$$

и где это можно было бы использовать? ---

* * *

5.9.13.

Здесь я расположился в маленьком местечке внутри прекрасного фьорда и обдумываю чудовищную теорию типов. Всё ещё остаются некоторые *очень* трудные проблемы (и очень фундаментальные тоже), которые нужно решить; и я не начну писать до тех пор, пока не получу некоторое подобие их решения. Однако я не думаю, что это каким-либо образом скажется на биполярности, занятие которой всё ещё кажется мне абсолютно нереальным.

* * *

Скьёлден, Согн, Норвегия. 29.10.13.

...Тождество является чертовски и *чрезвычайно важным*; гораздо более важным, чем я думал. Оно непосред-

венно связано – как и всё остальное – с наиболее фундаментальными вопросами, особенно с вопросами, затрагивающими вхождение *одного и того же* аргумента в различных местах функции. У меня имеются всякого рода идеи для решения проблемы, но я ещё не могу достигнуть чего-либо определенного. Однако я не теряю присутствия духа и продолжаю думать.

P.S.30.10.

Я написал это письмо вчера. С тех пор мне пришла на ум совершенно новая идея: новые проблемы, возникшие в теории молекулярных предложений и теории вывода, приобретают новый и очень важный аспект. Одним из следствий моей новой идеи будет – я думаю – то, что вся логика вытекает только из одного предложения!! В данный момент я не могу сказать о ней большего.

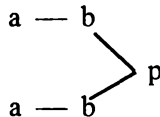
* * *

1913.

Благодарю Вас за письмо и отпечатанный материал!⁴⁹ Я начну с ответов на Ваши вопросы насколько смогу:

1) Ваш первый вопрос, я думаю, связан с опечаткой (полярность вместо *би-полярность*). Я же подразумевал то, что мы *только* тогда понимаем предложение, когда знаем *как то*, что имеет место, если бы оно было *ложным*, *так и то*, что имеет место, если бы оно было *истинным*.

2) Символом для ~р является a-b-p-a-b. Предложение р имеет два полюса, и не имеет значения, каким образом они расположены. С таким же успехом вы можете записать ~р как:

или $b - a - p - b - a$ и т.п. и т.п. Важно только то, что новый a -полюс должен быть соотнесён со старым b -полюсом, и наоборот, *всюду, где могут находиться эти старые полюса*. Если бы Вы только вспомнили WF-схему $\sim p$, Вы (я думаю) никогда не задали бы этот вопрос. Фактически все правила ab -символизма непосредственно вытекают из сущности WF-схемы.

3) Совпадают ли ab -функции с Вашими функциями истинности – ещё не решено.

4) «Соотнесение новых полюсов должно быть транзитивным» означает, что, соотнося символическим способом один полюс с другим, а другой – с третьим, мы *тем самым* символическим способом соотносим первый с третьим, и т.д. В $a-b-a-bra-b-a-b$, например, a и b соотнесены с b и a соответственно, и это подразумевает, что наш символ совпадает с $a-bra-b$.

5) $(p)r\vee\sim p$ производно от функции $p\vee\sim q$, но дело станет совершенно ясным только тогда, когда ясным станет тождество (как говорили Вы). Как-нибудь в другой раз я напишу Вам об этом пространнее.

6) Объяснение в напечатанном материале.

7) Вы, говорите, думали, что *Bedeutung* есть «факт»; это совершенно верно, но помните, что не существует таких вещей, как факты, и что, следовательно, это предложение само требует анализа. Если мы говорим о «*Bedeutung*», мы, по-видимому, говорим о предмете, имеющем собственное имя. Конечно, символ для «факт» есть предложение, и оно не является неполным символом.

8) Точное $a-b$ неопределяемое дано в рукописи.

9) Насчёт общих неопределяемых? Боже мой! Это слишком скучное занятие!!! Как-нибудь в другой раз! ---- Честно – Я *напишу* Вам как-нибудь об этом, если тем временем Вы этого не осознаете (потому что это всё, я думаю,

вполне ясно из рукописи). Но как раз теперь меня *столь* беспокоит тождество, что я на самом деле не смогу написать что-либо длинное на скучную тему. Во мне растёт новый логический материал всяческого рода, но я ещё не могу писать об этом.

...Последующее есть список вопросов, которые Вы задали мне в своём письме от 25.10.

1) «Как обстоит дело с 'р . ≡ . «р» является истинным'? Я имею в виду, почему об этом имеет смысл говорить?»

2) «Если 'арb' есть символ для р, является ли 'бра' символом для ~р? и если – нет, что тогда является таким символом?»

3) «То, что Вы называете аб-функциями, в *Principia* называется 'функциями истинности'. Я не вижу, почему бы Вам не придерживаться названия 'функции истинности'».

4) «Я не понимаю Ваших правил для различных *a* и *b*, т.е. 'соотнесение новых полюсов должно быть транзитивным'».

5) (Ясно из моего письма) то же и (6).

7) «Вы говорите '*Weder der Sinn noch die Bedeutung eines Satzes ist ein Ding. Jene Worte sind unvollständige Zeichen* [Ни смысл, ни значение предложения не являются вещью. Эти слова являются неполными знаками]'. Я понимаю 'не являются *вещью*', но я думал *Bedeutung* есть *факт*, на который, разумеется, не указывают с помощью неполного символа?»

Я не знаю, ответил ли я на вопрос (7) ясно. Ответ, *конечно*, следующий: *Bedeutung* предложения символизируется предложением – которое, *конечно*, не является неполным символом, *но слово «Bedeutung»* является неполным символом.

(8) и (9) – очевидны.

* * *

Ноябрь, 1913.

...Я прошу Вас заметить, что, хотя я и буду использовать в том, что последует далее, свою аб систему записи, значение этой системы записи не является необходимым; т.е., даже если эта запись и не будет окончательно корректной записью, то, что я собираюсь сказать, всё равно имеет силу, если только Вы допустите – что, я думаю, Вы должны сделать. – что она является *возможной* записью. Теперь слушайте! Прежде я скажу о тех логических предложениях, которые содержатся, или могли бы содержаться, в первых восьми разделах *Principia Mathematica*. То, что все они вытекают из *одного* предложения, ясно, потому что *одного символического* правила достаточно, для того чтобы опознать каждое из них как истинное или ложное. И это – *одно* символическое правило; запишем предложение в аб записи, прослеживая все связи (полюса) от внешнего к внутреннему полюсу. Тогда, *если b-полюс связан только с такими группами внутренних полюсов, которые содержат противоположные полюса одного предложения*, то всё предложение является истинным, оно является логическим предложением. Если, с другой стороны, это – случай с а-полюсом, предложение является ложным и логическим. Если же, наконец, это – случай, когда предложение может быть истинным или ложным, то оно не является логическим. Так, например, $(p) \sim p$ – где p преобразовано подходящим образом – вообще не является логическим предложением, и его истинность не может быть ни доказана, ни опровергнута из одних логических предложений. То же самое – между прочим – имеет место для вашей аксиомы сводимости: *она вообще не является логическим предложением*, и то же самое применимо к аксиомам бесконечности и аксиоме возрастания. *Если они и являются истинными, то они есть то, что я буду называть «случайно»*

истинным, а не «сущностно» истинным. Является ли предложение случайно или сущностно истинным, можно видеть из написания в системе аб записи и применения вышеуказанного правила. То, что я – устанавливая это правило – называю «логическим» предложением, есть предложение, которое является либо сущностно истинным, либо сущностно ложным. Данное различие случайно и сущностно истинных предложений объясняет – между прочим – чувство, которое всегда возникает по поводу аксиомы бесконечности и аксиомы сводимости, чувство, что если они и являются истинными, то они являются таковыми по счастливой случайности.

Конечно, правило, которое я задал, применяется, прежде всего, только к тому, что Вы называли элементарными предложениями. Но легко видеть, что оно должно также применяться ко всем другим предложениям. Так, рассмотрим Ваши два предложения в теории мнимых переменных *9.1 и *9.11⁵⁰. Затем вместо ϕx установим $(\exists y). \phi y. y = x$, и проясняется, что специальные случаи этих двух предложений, как и всех подобных, если Вы применяете аб-запись, становятся тавтологиями. аб-запись для тождества ещё не достаточно ясна, чтобы показать это ясно, но очевидно, что такая запись может быть сделана. Я могу подвести итог, говоря, что логическое предложение есть предложение, специальным случаем которого является либо тавтология – и тогда предложение является истинным, – либо самопротиворечие (как я буду называть его), и тогда оно является ложным. И аб-запись показывает, какой из двух случаев (если вообще какой-то) имеет место.

Это подразумевает, что существует *один* метод доказательства или опровержения всех логических предложений, и он представляет собой следующее: записываем их в аб-записи и рассматриваем связи и применение вышеуказан-

ного правила. Но если будет установлено *одно* символическое правило, то должно также быть *одно* установленное предложение. Есть много такого, что следует из всего этого, и много такого, что я могу объяснить только приблизительно; но если Вы на самом деле обдумаете это, то найдёте, что я прав.

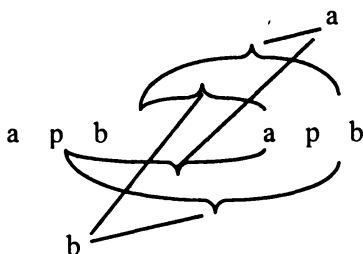
* * *

Норвегия, 1913.

...Я хочу повторить то, что я написал о логике в своём последнем письме, излагая это иным способом: Все предложения логики есть обобщения тавтологий, и все обобщения тавтологий есть предложения логики. Кроме них нет логических предложений. (Я рассматриваю это как определение.) Предложение типа « $(\exists x)x=x$ » есть, например, действительное предложение физики. Предложение « $(x):x=x.\supset.(\exists y).y=y$ » есть предложение логики; для физики же к этому нужно прибавить: *независимо, существует ли какая-либо вещь*. То же самое имеет силу для аксиомы бесконечности: независимо, устанавливает ли опыт, что существует $\aleph_0$ вещей (а опыт не может это решить). Но теперь для Твоей аксиомы сводимости. Вообрази нашу жизнь в мире, где не существует ничего, кроме предметов, и к тому же – только одно отношение, которое имеет силу между бесконечно многими из этих вещей, но не имеет силу между каждым одним и каждым другим из них; далее, оно никогда не имеет силу между конечным числом предметов. Ясно, что аксиома сводимости, конечно, *не* имеет силу в таком мире. Но мне также ясно, что не дело логики решать, является ли мир, в котором мы живём, подобным этому или нет. Однако я сам не могу ещё вполне ясно сказать, чем на самом деле являются тавтологии, но буду пытаться дать точное объяснение. Своеобразная (и наиболее важная) характеристика *не-логических* предло-

жений в том, что их истинность не может быть увидена из самого знака предложения. Если я говорю, например, «Мейер глуп», Ты не сможешь, глядя на него, сказать, является это предложение истинным или ложным. Но предложения логики – и только они – имеют свойство выражать свою истинность или ложность в самом знаке. Я ещё не преуспел в разработке системы записи для тождества, которая удовлетворяет этому условию; но я *не сомневаюсь*, что такая система записи должна быть обнаружена. Для сложных предложений (элементарных предложений) абзапись адекватна. Я расстроен, что Ты не понял правило для знаков в моём последнем письме, поскольку мне *не сказано* скучно объяснять его! Ты можешь получить его сам, если немного подумаешь!

Это – знак для $r \equiv p$; это – тавтология, потому что b связан только с такими парами полюсов, которые состоят из противоположных полюсов предложения (p). Если Ты применишь это к предложениям более чем с двумя аргументами, ты получишь общее правило, согласно которому конструируются тавтологии. Пожалуйста, обдумай это сам, я нахожу *ужасным* повторять написанное объяснение, которое в первый раз я дал с *величайшей неохотой*. Итак, ещё раз! Если Твоя аксиома сводимости ошибочна, должно быть изменено и другое. Почему бы не использовать ниже следующее как определение классов:

$F[\hat{x}(\phi x)] = : \phi z \equiv_z \psi x . \supset_{\psi} . F(\psi)$ Def.

...Большой вопрос теперь в следующем: Как может быть сконструирована запись, которая сделает каждую тавтологию распознаваемой как тавтологию *одним и тем же способом*? Это – фундаментальная проблема логики.

...Ещё одно, что я хочу сказать, заключается в том, что Твоя теория дескрипций *совершенно и несомненно* правильна, даже если индивидуальные примитивные знаки в ней совершенно отличны от тех, как думаешь Ты.

* * *

Скьёлден, 15.12.13.

...На вопрос о сущности тождества нельзя ответить до тех пор, пока не объяснена сущность тавтологий. Но этот вопрос – основной вопрос *всей* логики.

* * *

Скьёлден (Январь, 1914).

...Теперь другой вопрос: Не говорит ли «Закон достаточного основания» (Закон причинности) просто, что пространство и время относительны? В данный момент это кажется мне вполне ясным, ибо все события, чьи обстоятельства этот принцип намеревается исключить, могут вообще встречаться только в абсолютном времени и абсолютном пространстве. (Это, конечно, не вполне оправдывает моё утверждение.) Но подумай над случаем с частицей, которая была бы единственной вещью в мире и вечно покоилась, а затем внезапно начала двигаться в момент времени А; и над сходными случаями: тогда Ты увидишь – или я только так думаю – что априорно усмотрение не делает для нас такие события невозможными, за исключением того случая, когда пространство и время относительны. Пожалуйста, сообщи мне своё мнение по этому поводу.

* * *

Кассино, 19.8.19⁵¹.

1) «В чём различие между *Tatsache* и *Sachverhalt*?» *Sachverhalt* есть то, что соответствует *Elementarsatz*, если оно является истинным. *Tatsache* есть то, что соответствует логическому произведению элементарных предложений, когда это произведение истинно. Причину, по которой я ввожу *Tatsache* до введения *Sachverhalt*, было бы долго объяснять.

2) «...Но *Gedanke* есть *Tatsache*: что является её конституентами и компонентами, и что есть их отношение к конституентам и компонентам отображаемого *Tatsache*?» Я не знаю, что представляют собой конституенты мысли, но я знаю, что она должна иметь такие конституенты, соответствующие словам языка. С другой стороны, вид отношения конституент мысли и отображаемого факта к делу не относится. Найти его должно быть делом психологии.

3) «Теория типов, на мой взгляд, есть теория корректного символизма: простой символ должен иметь ту же самую структуру, как и его значение». Это как раз то, чего нельзя сказать. Ты не можешь предписывать символу, что он *может* быть использован для выражения. Всё, что символ *может* выразить, он *может* выразить. Это краткий ответ, но он верен!

4) «Состоит ли *Gedanke* из слов?» Нет! Но из психических конституент, которые имеют тот же тип отношений к реальности, что и слова. Чем являются эти конституенты, я не знаю.

5) «Затруднение в том, что нельзя говорить о Nc^cV »⁵². Это затрагивает кардинальный вопрос о том, что может быть выражено предложением и что не может быть выражено, но только показано. Здесь я не могу объяснить это пространно. Просто обдумай то, что то, что Ты хочешь сказать псевдопредложением «Существуют 2 вещи», по-

казывается существованием двух имён, имеющих различные значения (или существованием одного имени, которое может иметь два значения). Например, предложение $\phi(a,b)$ или $(\exists \phi, x, y). \phi(x, y)$ не говорит, что существуют две вещи, оно говорит нечто совершенно отличное; *но независимо от того, является ли оно истинным или ложным, оно показывает Тебе то, что Ты хочешь выразить*, говоря: «Существуют 2 вещи».

6) Элементарное предложение, конечно же, не является отрицательным.

7) «Необходимо также привести предложение, что даны все элементарные предложения». Это не необходимо, потому что это даже невозможно. Нет такого предложения! То, что даны все элементарные предложения, *показывается* тем, что нет элементарного смысла, который не дан. Здесь снова та же история, как с №5.

8) Я полагаю, Ты не понял тот способ, которым я отделил в старом обозначении общности то, что есть в её функции истинности, от того, что является чисто общностью. Общее предложение есть функция истинности *всех предложений* определённой формы.

9) Ты вполне прав, говоря, что « $N(\bar{\xi})$ » можно построить, используя $\sim p \vee \sim q \vee \sim r \dots$. Но дело не в этом! Я полагаю, Ты не понял запись « ξ ». Она не подразумевает «для всех значений $\xi \dots$ ». Но всё это сказано в моей книге, и я чувствую, что не в состоянии писать об этом снова.

* * *

9.4.20.

Большое спасибо за рукопись⁵³. Я совершенно не согласен с многим из того, что в ней написано: как с тем, где ты меня критикуешь, так и с тем, где ты просто пытаешься разъяснить мои взгляды. Но дело не в этом. Будущее рас-

судит нас. Или же нет. И если оно умолчит, это тоже будет суждением.

* * *

6.5.20.

...Теперь, однако, Тебя разозлит то, что я должен сказать: твоё введение не будет напечатано; а следовательно, вероятно, не будет напечатана и моя книга. Так как, когда я получил немецкий перевод введения, я в конце концов не смог себя заставить, чтобы он был напечатан с моей работой. Ибо Твой прекрасный английский был – конечно – при переводе совершенно утрачен, а то, что осталось, оказалось поверхностно и неправильно понято. Сейчас я послал трактат и Твоё введение редактору, и написал ему, что не желаю, чтобы введение было напечатано, но чтобы он использовал его в качестве ориентира в моей работе. Итак, в высшей степени правдоподобно, что, как следствие, редактор не возмёт мою работу (хотя я ещё и не получил от него ответ).

КОММЕНТАРИИ

Помещённые здесь работы Л. Витгенштейна впервые были опубликованы в 1961 году в издательстве Basil Blackwell под редакцией Г.Х. фон Вригта и Г.Э.М. Энском. Переводы для данного сборника выполнены В.А. Суровцевым по второму изданию:

Wittgenstein L. Notebooks 1914–1916. The University of Chicago Press, Chicago; Basil Blackwell, Oxford, 1979.

Переводы «Дневников» и некоторых писем сделаны с немецких оригиналов. «Заметки» сохранились лишь в английских версиях, на английском же написана и часть писем.

Последнее несколько затрудняет работу переводчика, так как требует установления соответствия немецкой и английской терминологии, используемой Витгенштейном. Однако при переводе эта задача особо не ставилась, поскольку здесь необходима специальная исследовательская работа, которая, насколько нам известно, ещё не была проделана. Правда, указанное обстоятельство несколько смягчает тот факт, что в некоторых спорных случаях английские термины снабжены немецкими эквивалентами. Так, например, в «Заметках по логике» Б. Рассел для термина *the indefinables of symbols* указывает немецкий эквивалент *Urbilder von Zeichen*. То же самое имеет место в ряде других случаев. Тем не менее остаётся вопрос: насколько в приведённом примере (как и в других) удачен английский вариант, предложенный Расселом? Ответ на него достаточно спорен. На русский язык английский термин можно перевести как «неопределяемые символы», тогда как немецкий термин можно перевести, скорее, как «первообразы знаков». Очевидно, здесь Рассел ориентируется на упот-

ребление термина, соответствующее его собственной философской концепции. Аналогичные замечания касаются и других случаев. Это лишний раз подтверждает роль Рассела в содержательной редакции «Заметок по логике». Некоторые спорные вопросы возникают и относительно остальных текстов. Поэтому мы во всех случаях следовали английской терминологии, сохраняя в круглых скобках немецкие эквиваленты там, где они имеются в оригинале, оставляя читателю интерпретацию возможных несоответствий. Исключение сделано лишь для термина *proposition*, который во всех случаях рассматривается как эквивалент немецкого *Satz* и переводится как «предложение». Здесь мы следовали указаниям Витгенштейна для первого авторизованного английского перевода «Трактата».

Ещё одно обстоятельство, которое нельзя не учитывать при переводе ранних работ Витгенштейна, связано с предшествующей переводческой традицией. Несмотря на то что на русском языке имеется два варианта перевода «Логико-философского трактата»¹, нельзя сказать, что оформилась устойчивая традиция передачи его основных терминов на русском языке. Сравнение показывает это со всей определённой. Более того, различие терминологии в этих вариантах иногда приводит к смысловым аберациям, затрудняющим понимание целых афоризмов. Приведём один характерный на наш взгляд пример:

3.141. ... Der Satz ist artikuliert.

3.141. ...Предложение членораздельно произносится.
(ЛФТ-1)

---

¹ См.: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958 / пер. И. Добронравова и Д. Лахути (в дальнейшем ЛФТ-1);

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994 / пер. М. Козловой и Ю. Асеева (в дальнейшем ЛФТ-2).

3.141. ...Предложение внутренне организовано. (ЛФТ-2)

Очевидно, что «членораздельно произносится» и «внутренне организовано» несут достаточно различную семантическую нагрузку. Однако оба варианта охватываются латинизмом *ist artikuliert*. Впрочем, не совсем понятно, зачем нужно было обязательно подыскивать русский эквивалент этому термину. Калькированное выражение «быть артикулированным» вполне прижилось в отечественной философской терминологии, причём сохранило присущий ему в немецком языке смысл. Во всех подобных случаях при переводе работ для данного издания мы ориентировались на калькирование терминов, если, конечно, они имеют достаточно устойчивое употребление (например, *repräsentieren* – «репрезентировать» и т.п.).

В двух указанных вариантах существенно различается перевод фундаментальных для Витгенштейна терминов (например, *Sachverhalt* передан в ЛФТ-1 как «атомарный факт», а в ЛФТ-2 – как «со-бытие»; *Bild* передан в ЛФТ-1 как «образ», а в ЛФТ-2 как «картина» и т.д.). Мы не собираемся здесь обсуждать преимущества и недостатки этих вариантов. И тот, и другой имеет массу достоинств. ЛФТ-2, например, снабжён интересным развёрнутым комментарием, обосновывающим выбор перевода того или иного термина. Но именно поэтому мы и не следовали в точности ни одному из них, каждый раз предпочитая заново перевести афоризм, даже если он и имеет соответствие в «Трактате».

Последнее связано с несколькими причинами. Во-первых, необходимо помнить о специфике подготовительных работ (особенно «Дневников»), которые представляют собой, скорее, творческую лабораторию мысли, нежели вполне готовые тексты. Здесь за многими терминами ещё не закреплён однозначный смысл, который будет придан им в окончательной версии. Так афоризмы, сходные с афоризмами «Трактата», здесь не всегда формулируются с

помощью тех же терминов (например, *Sachverhalt* часто не отличается от *Tatsache*; наряду с *Gegenstande*, применяемом в «Трактате», используется *Objekt* и т.п.). И при переводе мы стремились сохранить эти особенности. Кроме того, и в ЛФТ-1, и в ЛФТ-2 встречаются непоследовательности при переводе терминов (так, например, *Ding* переводится то как «вещь», то как «предмет», хотя семантический коррелят этих терминов различен; часто непоследовательно употребляются и термины *Bild*, *Darstellung*, *Vorstellung* и т.д.). Впрочем, в структуре «Трактата» абerrации смысла при различном переводе терминов не существенны, так как контекст афоризма однозначно задаёт его содержание, что связано с точнейшей формулировкой выраженной в нём мысли. Но укажем ещё раз на то, что в подготовительных материалах этот смысл часто бывает размыт, и однозначная терминологическая закреплённость здесь играет немаловажную роль в прослеживании генезиса основных понятий философии раннего Витгенштейна. Поэтому при переводе мы всегда старались следовать принципу: различным терминам ставить в соответствие различные термины, а одному и тому же термину – всегда один и тот же термин. Правда, иногда это сказывалось на некоторой «искусственности» перевода, что, однако (да простит нас придирчивый читатель) для философского текста такой сложности вполне простительно. Впрочем, в оправдание можно привести и тот факт, что, в отличие от эстетически совершенных афоризмов «Трактата» (язык которого Г.Х. фон Вригт, например, считает образцом немецкой прозы), многие высказывания «Дневников» на немецком языке столь же «корявы», как и в русском переводе.

Вторая причина связана с тем, что в «Дневниках» наряду с терминологией «Трактата» часто используются сходные термины, но с иным коннотативным полем (например, *Sachverhalt* – *Tatbestand*, *Gegenstande* – *Objekt*, *darstellen* –

repräsentieren и т.п.). Витгенштейн здесь как бы примеривается к словам, «пробует их на вкус». Часто в таких случаях бывает трудно установить, имеется в виду одно и то же, или нет. Естественно, можно было бы поступить как Г.Е.М.Энском, чей перевод «Дневников» на английский язык сопровождает немецкий оригинал в указанном издании. В большинстве таких случаев она использует для передачи сходных терминов одно и то же английское слово. Но здесь мы так же руководствовались приведённым выше принципом и старались все такие случаи различать.

Наконец, перевод некоторых терминов как в ЛФТ-1, так и в ЛФТ-2 не вполне нас удовлетворяет. Например, соглашаясь с переводчиком ЛФТ-2 (см. приложенный к этому переводу комментарий), что предложенный в ЛФТ-1 перевод *Sachverhalt* как «атомарный факт» нельзя считать удовлетворительным, мы всё же не можем согласиться с переводом этого термина как «со-бытие», тем более с разрядкой. С другой стороны, перевод *Bild* как «образ» в ЛФТ-1, на наш взгляд, предпочтительней, чем «картина» в ЛФТ-2, поскольку вполне согласуется с терминологией, принятой в математике для сходного ряда отношений, а зависимость Витгенштейна от последней нельзя не учитывать.

Мы не будем здесь приводить развёрнутую аргументацию в пользу принятой нами терминологии. В конце концов, всё определяется чувством языка. Впрочем, дотошный читатель всегда может сравнить наш перевод с ЛФТ-1 и ЛФТ-2 (последнее облегчается тем, что ЛФТ-2 снабжён оригинальным немецким текстом, а в нашем издании в квадратных скобках после афоризмов указаны все параллельные места), и сам сделать соответствующие выводы. Здесь же, не претендуя на полноту, мы укажем принятый нами перевод только важнейших терминов (учитывая, что их производные определены контекстом).

Abbildung	– отображение
Allgemeinheit	– общность
Allgemeinheitsbezeichnung	– обозначение общности
Bedeutung	– значение
Bild	– образ
Bindglied	– связующее звено
Darstellung	– изображение
Ding	– вещь
Einleuchten	– самоочевидность
Evidenz	– очевидность
Formgebung	– формообразование
ganz allgemeine Satz	– вполне общее предложение
Gebilde	– структура
Gegenstände	– предмет
Namengebung	– задание имён
Realität	– реальность
Sachverhalt	– состояние дел
Satz-Verband	– связность предложения
Scheinsatz	– псевдопредложение
Sinn	– смысл
Tatbestand	– положение дел
Tatsache	– факт
Urbild	– первообраз
Urzeichen	– первознак
Vorgang	– событие
Vorstellung	– представление
Wirklichkeit	– действительность
Zeichengebung	– знакообразование
zerlegbar	– разложимый
Zuordnung	– соотнесение
Zusammenstellung	– сопоставление

В нижеследующих примечаниях частично использованы примечания редакторов указанного выше издания «Дневников» и «Заметок».

В. А. Суровцев

¹ Витгенштейн имеет в виду двухтомник Г. Фреге *Grundgesetze der Arithmetik* (Bd.1, 1893; Bd.2, 1902) и труд *Principia Mathematica* (3 тома, 1910–1913), написанный Б. Расселом совместно с А.Н. Уайтхедом.

² По-видимому, именно об этом случае Витгенштейн рассказывал фон Вригту (см. *фон Вригт Г.Х. Людвиг Витгенштейн* (биографический очерк) // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М.: изд. группа «Прогресс», «Культура», 1993. С. 15.)

³ Аксиома Бесконечности постулирует, что количество индивидов в мире больше любого заранее заданного числа. Эта аксиома в совокупности с теорией типов была введена Расселом в систему *Principia Mathematica* (см., например: *Рассел Б. Введение в математическую философию*. М.: Гнозис, 1996. С. 123–133).

⁴ Имеется в виду определение числа как свойства классов, находящихся в одно-однозначном соответствии. Это определение впервые было предложено Г. Фреге в работе *Grundlagen der Arithmetik* (1884) и затем развито Б. Расселом (см., например: *Рассел Б. Введение в математическую философию*. С. 20–28).

⁵ В «Логико-философском трактате» Витгенштейном представлена противоположная точка зрения. Там он считает, что логические константы не выполняют денотативную функцию.

⁶ Теория дескрипций Рассела основана на различении двух типов денотации выражений, имеющих именную форму. Собственные имена приписываются предметам, с которыми имеется непосредственное знакомство. Все остальные сингулярные выражения соотносятся с предметом как описание. Собственное имя предполагает существование обозначаемого им предмета. В дескрипциях же предпосылка о существовании может быть элиминирована посредством анализа. Последнее позволяет Расселу решить ряд парадоксов, возникающих относительно предложений с экзистенциальной квантификацией. (См., например: *Рассел Б. Дескрипции* // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982.)

⁷ « $(\phi x) \{(x) \sim \phi x\}$ » читается как «класс всех классов элементов x , имеющих свойство ϕ , таких что ни один элемент не имеет свойства ϕ ».

⁸ Рассмотрение общих предложений, как завершенных в себе логических форм, согласуется с точкой зрения Рассела, разрабатываемой им в этот период.

⁹ Аналитическими Витгенштейн называет предложения не описывающие состояния дел и считает их псевдопредложениями. К таковым, в частности, относятся предложения логики и математики.

¹⁰ Под аб-функциями подразумеваются функции истинности, предложенные Витгенштейном в «Заметках по логике (1913)» (см. приложения).

¹¹ Рассмотрение логических псевдофункций как операций отличает точку зрения Витгенштейна от взглядов и Фреге, и Рассела, считавших, что логические союзы выражают истинностно-истинностные функции.

¹² Ср. с §96 поздней работы «О достоверности» (*Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 335*).

¹³ «О научном методе в философии» – лекция, прочитанная Расселом в 1914 году и переизданная в сборнике: *Russell B. Mysticism and Logic. L., 1918*.

¹⁴ Под шрифтом понятий (*Begriffsschrift*) Витгенштейн подразумевает символический язык логики. Этот термин использовал Г.Фреге для обозначения разработанного им искусственного языка (см.: *Фреге Г. Шрифт понятий: скопированный с арифметического формульный язык чистого мышления // Методы логических исследований. Мещниереба: Тбилиси, 1987*).

¹⁵ *minima sensibilia* – «наименьшие чувственно данные» (лат.).

¹⁶ Понимание Витгенштейном простого предмета аналогично учению Лейбница о простых субстанциях, из которых состоят сложные субстанции (см.: *Лейбниц Г. Монадология // Лейбниц Г. Сочинения: В 4-х т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 413*). Возможно, что со взглядами последнего Витгенштейн был знаком по известной работе Рассела о философии Лейбница.

¹⁷ *minimum visibile* – «наименьшее видимое» (лат.)

¹⁸ Рассел рассматривает предложение как класс конститuent, упорядочиваемых субъектом в акте суждения.

¹⁹ *tertium non datur* – «третьего не дано» (лат.) (логический закон исключённого третьего).

²⁰ *ad infinitum* – «до бесконечности» (лат.)

²¹ Имеется в виду статья А.Н. Уайтхеда «Конвенции».

²² По-видимому, речь идёт о штрихе Шеффера.

²³ Рассмотрение настоящего как формы вечности, возможно, замешено Витгенштейном у О. Вейнингера (см.: *Вейнингер О. Последние слова*. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1995. С. 83).

²⁴ На связь этики с логикой, правда, в несколько иной форме, указывает О. Вейнингер (см.: *Вейнингер О. Последние слова*. С. 87).

²⁵ Ср.: *Витгенштейн Л. Лекция по этике*; см. дополнения к данному изданию.

²⁶ Ср.: *Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность*. М.: Республика, 1992. С. 136.

²⁷ Ср.: *Витгенштейн Л. Лекция по этике*.

²⁸ О субъекте, не обнаруживающем себя в мире см. также: *Юм Д. Трактат о человеческой природе* // Юм Д. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 51–68.

²⁹ Ответ Витгенштейна согласуется с учением Спинозы о роли познавательного аффекта (см.: *Спиноза Б. Этика*. Спб.: Аста-пресс ltd, 1993. С. 198).

³⁰ Ср.: *Шопенгауэр А. Мир как воля и представление*. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 143.

³¹ *simplex sigillum veri* – «простота – признак истины» (лат.).

³² *sub specie aeternitatis* – «с точки зрения вечности» (лат.).

³³ Ср. *Шопенгауэр А. Мир как воля и представление*. Т.1. С. 286.

³⁴ Этот и последующий абзацы перекликаются с трансцендентальной эстетикой Канта (ср.: *Критика чистого разума*, В37-В40). Отношение логически простого предмета к логическому пространству аналогично отношению пространственной вещи к пространству как форме созерцания.

³⁵ Ср.: *Шопенгауэр А. Мир как воля и представление*. Т. 1. С. 191.

³⁶ На понимание Витгенштейном причинной связи повлиял Д. Юм (ср., например: *Юм Д. Исследование о человеческом познании* // Юм Д. Сочинения. Т. 2. С. 51–64).

³⁷ Ср.: *Шопенгауэр А. Мир как воля и представление*. Т. 1. С. 236.

³⁸ См.: Шиллер. *Лагерь Валленштейна: пролог*.

³⁹ Ср.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1. С. 228.

⁴⁰ Необходимо отметить, что «Заметки по логике» сохранились в двух различных вариантах. Второй вариант содержательно почти не отличается от первого. Фактически только одно положение второй версии не имеет аналогов в первой: «Ошибочно понимать каждое предложение как выражающее отношение». Однако он имеет существенно отличающуюся структуру. Тезисы в нём содержательно упорядочены и разбиты на тематические разделы. По сообщению Г.Т. Костелло, первого публикатора этой версии, он получил её от Б. Рассела, будучи ассистентом последнего в 1914 году в Гарварде, когда тот прибыл туда читать лекции по логике. Вторая версия несёт на себе отпечаток правки Рассела и может считаться более поздней; по-видимому, Витгенштейн не принимал участия в её редакции. Г.Е.М. Энском и Г.Х. фон Вригт, редакторы и публикаторы ранних работ Витгенштейна, в первом издании (1961) отдали предпочтение второй версии, считая, что в её редакции принимал участие сам Витгенштейн. Однако, как убедительно показал Б. Мак-Гиннес, вторая рукопись была плодом редакторских усилий Рассела и к Витгенштейну отношения не имела. (См.: *McGuinness B. B. Russell and L. Wittgenstein's «Notes on Logic» // Revue Internationale de Philosophie, 1972. № 102.*) Именно первая (более ранняя версия) была воспроизведена во втором издании «Дневников 1914–1916» (1979) и приводится у нас в приложении. Тем не менее она представляет интерес именно как продукт работы Рассела, поскольку позволяет уточнить акценты, которые расставляет последний в отношении работы своего ученика. Насколько правильными оказались эти акценты, можно судить по тому, что совместное обсуждение занимающих их обоих проблем позднее вылилось практически в полное взаимонепонимание. Поскольку, на наш взгляд, вторая версия представляет несомненный самостоятельный интерес, приведём её здесь полностью по первой публикации: *Wittgenstein L. «Notes on Logic» // The Journal of Philosophy. Vol. LIV. № 9. 1957.*

Людвиг Витгенштейн
ЗАМЕТКИ ПО ЛОГИКЕ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

В философии нет умозаключений; она – чисто дескриптивна. Слово «философия» всегда должно обозначать что-то стоящее над или под, но не наряду с естественными науками. Философия не даёт картины реальности и не может ни подтвердить, ни опровергнуть научные исследования. Она включает логику и метафизику; первая – её основа. Теория познания есть философия психологии. Недоверие к грамматике есть первое требование к философствованию. Философия является доктриной логических форм научных предложений (не только простых предложений). Правильное объяснение должно дать логическим предложениям исключительное положение, противоположное всем другим предложениям.

I. БИ-ПОЛЯРНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.
СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ.
ИСТИННОСТЬ И ЛОЖНОСТЬ.

Фреге говорил, что «предложения являются именами»; Рассел говорил, что «предложения соответствуют комплексам». И то и другое – ложно; и особенно ложно утверждение, что «предложения являются именами комплексов». Факты не могут быть наименованы. Ложное допущение, что предложения являются именами, заставляет нас думать, что должны существовать «логические объекты»: поскольку таковыми должны были бы быть значения логических предложений.

То, что в реальности соответствует предложению, зависит от того, истинное оно или ложное. Но мы должны быть способны понять предложения без знания о том, истинное оно или ложное. Когда мы понимаем предложение, мы знаем что́ имеет место, когда оно истинное, а что́ имеет место, когда оно ложное. Но мы не знаем с необходимостью, является ли оно действительно истинным или ложным.

Каждое предложение является существенно истинным-ложным. Таким образом, предложение имеет два полюса (соответствующих случаю его истинности и случаю его ложности). Это мы называем *смыслом* предложения. Факт, который действительно соответствует предложению, есть его *значение*. Главная особенность моей теории: *p* имеет то же самое значение, что и *не-p* (конstituента = отдельный элемент, компонент = отдельный элемент или отношение и т.д.).

Ни смысл, ни значение предложения не есть вещи. Эти слова представляют собой неполные символы. Ясно, что мы понимаем предложения без знания о том, являются ли они истинными или ложными. Но значение предложения мы можем знать только тогда, когда нам известно, истинное оно или ложное. То, что мы понимаем, есть смысл предложения. Для понимания предложения *p* недостаточно знать, что *p* влечёт «*p* является истинным» мы должны также знать, что $\sim p$ влечёт «*p* является ложным». Это показывает, что предложения – би-полярны. Мы понимаем предложение, когда понимаем его конституенты и формы. Если мы знаем значение «*a*» и значение «*b*» и знаем, что «*xRy*» выполняется для всех *x* и для всех *y*, тогда мы также понимаем и «*aRb*». Я понимаю предложение «*aRb*», когда знаю, что ему соответствует либо факт *aRb*, либо факт *не-aRb*; но это нельзя смешивать с ошибочным мнением, что я понимаю «*aRb*», когда знаю, что имеет место «*aRb* или *не-aRb*».

Строго говоря, неверно сказать, что мы понимаем предложение *p*, когда знаем: «*p* является истинным» $\equiv p$; поскольку, если бы случайно предложения и справа и слева от символа $\equiv$ оказались или оба истинными или оба ложными, это, естественно, всегда имело бы место. Мы требуем не просто эквивалентность, но формальную эквивалентность, которая связана с введением формы *p*. В отношении форм предложения требуется формальная эквивалентность, относящаяся к формам предложения, т.е. затрагивающая все общие неопределяемые.

Существуют *положительные* и *отрицательные* факты; если предложение «Эта роза не красная» – истинно, тогда то, что оно обозначает, является отрицательным. Но наличие частицы «не» не указывало бы на это, если бы мы не знали, что значение предложения «Эта роза красная» (когда оно является истинным) – положи-

тельно. Только из обоих, отрицания и отрицаемого предложения, мы можем заключить о характере значения целого предложения. (Мы не говорим здесь об отрицаниях *общих* предложений, т.е. предложений, содержащих мнимые переменные. Отрицательные факты подтверждают отрицания только атомарных предложений.) Существуют положительные и отрицательные факты, но не бывает истинных и ложных фактов.

Если мы не учитываем тот факт, что предложения имеют *смысл*, который независим от их истинности или ложности, легко может показаться, что истинное и ложное – два равным образом подтверждаемых отношения между знаком и обозначаемым. (Тогда мы могли бы сказать, например, что «*q*» обозначает истинным образом то, что «не-*q*» обозначает ложным образом.) Но разве истинное и ложное фактически не равным образом подтверждаемы? Разве мы не можем выражаться с помощью ложных предложений так же, как до этого с помощью истинных, поскольку мы знаем, что они мыслятся ложными? Нет, потому что предложение истинно, если то, что в нём утверждается, имеет место; и соответственно, если мы под «*q*» имеем в виду «не-*q*», и то, что мы намереваемся утверждать, имеет место, то «*q*» в новом понимании в действительности истинно, а не ложно. Но важно то, что мы *можем* одно и то же обозначать как посредством «*q*», так и посредством «не-*q*», так как это показывает, что ни символ «не», ни способ его комбинации с «*q*» не характеризуют значение, соответствующее «*q*».

Аналогия для теории истины. Рассмотрим чёрное пятно на белой бумаге. Тогда мы можем описать форму пятна, указывая для каждой точки поверхности, является ли она белой или чёрной. Факту, что точка чёрная, соответствует положительный факт, факту, что точка белая (не чёрная) – отрицательный факт. Если я обозначу точку на поверхности (по Фреге – «истинностное значение»), то это соответствует предположению, выдвигаемому на обсуждение. Но, для того чтобы можно было сказать, является ли точка чёрной или белой, я должен, прежде всего, знать, когда нужно назвать точку чёрной, а когда белой. Чтобы можно было сказать, что «*p*» является истинным (или ложным), я прежде должен определить, при каких обстоятельствах я называю предложение истинным, и тем самым я опреде-

ляю *смысл* предложения. Аналогия нарушается в следующем пункте: я могу указать точку на бумаге, которая является и белой, и чёрной, но предложению без смысла ничего не соответствует, так как оно не обозначает никакого предмета (истинностного значения), свойства которого могут быть названы «ложью» или «истиной». «Является истинным» или «является ложным» – не глагол предложения, как думал Фреге, но то, что истинно, уже должно содержать глагол.

Сравнение языка и реальности подобно сравнению ретинального образа с визуальным: слепой точке в визуальном образе, по-видимому, не соответствует ничего, и тем самым границы слепой точки определяют визуальный образ – точно так же истинные отрицания атомарных предложений определяют реальность.

«не-*p*» пытаются интерпретировать как «всё, что угодно, только не *p*». То, что из простого факта *p* вытекает бесконечное множество других фактов, не-не-*p* и т.д., едва ли заслуживает доверия. Человек от природы обладает способностью к конструированию символов, в которых может быть выражен *некоторый* смысл, при этом не имея ни малейшего представления о том, что обозначает каждое слово. Лучший пример этому даёт математика, так как человек до сих пор использует символы для чисел, не зная, обозначают ли они нечто или же не обозначают ничего.

Знак утверждения логически полностью бессмыслен. Он только показывает у Фреге и у Уайтхеда с Расселом, что эти авторы считают отмеченные им предложения истинными. Следовательно, « $\vdash$ » принадлежит предложению столь же мало, как (например) номер предложения. Предложение, вероятно, не может утверждать о самом себе, что оно истинно. Утверждение является сугубо психологическим. Существуют только не утверждаемые предложения. Все суждения, команды и вопросы относятся к тому же уровню, но все они, в общем, имеют пропозициональную форму, и только она одна нас интересует. Логику интересуют только неутверждаемые предложения.

Когда мы говорим *A* судит, что и т.д., мы должны сослаться на целое предложение, о котором *A* судит. Этого нельзя выполнить только сославшись на его конститuentы, или на его конститuentы и формы, но не в надлежащем порядке. Это показывает, что предло-

жение, с тем чтобы оно было высказано, само должно встречаться в утверждении. Например, каким бы образом не истолковывалось «не- p », вопрос «Что же отрицается?» должен иметь значение. В « A судит (что) p », p нельзя заменить собственным именем. Это очевидно, если мы подставляем « A судит, что p является истинным, а не- p является ложным». Предложение « A судит (что) p » состоит из собственного имени A , предложения p с его двумя полюсами и соотношения A с обоими этими полюсами определённым способом. Ясно, что это отношение не является отношением в обычном смысле. Любая правильная теория суждения должна исключить для меня возможность выносить суждения типа «this table penholders the book» (расселовская теория этому условию не удовлетворяет). Структура предложения должна быть распознаваема, и тогда остальное не представляет труда. Но обыденный язык скрывает структуру предложения: в обыденном языке отношения выглядят как предикаты, а предикаты – как имена и т.д.

Один из доводов в поддержку того, что не все предложения, имеющие более одного аргумента, являются реляционными, состоит в том, что если бы они все были таковыми, то отношения суждения и вывода должны были бы иметь силу для произвольного количества предметов. Идея, рассматривающая предложения как имена комплексов, предполагала, что всё, что не является именем собственным, есть знак отношения. Рассел, например, считает, что так оно и есть, когда представляет каждый факт как пространственный комплекс, так как пространственный комплекс включает только вещи и отношения.

Мы очень часто склоняемся к таким истолкованиям логических функций предложений, которые стремятся ввести в функцию либо только конститuentы этих предложений, либо только их формы и т.п.; и не учитываем тот факт, что обыденный язык не содержал бы целых предложений, если бы в них не нуждался.

Имена – это точки; предложения – стрелки, они имеют *смысл*. Смысл предложений предопределён двумя полюсами – *истинным и ложным*. Форма предложения подобна прямой линии, которая разделяет все точки на плоскости на правые и левые. Линия производит это автоматически, форма предложения – только посредством соглашения. Ошибочно понимать каждое предложение как выражающее отношение. Естественная попытка такого решения заключается

в рассмотрении «не- p » как противоположности « p », где «противоположность» была бы тогда неопределяемым отношением. Но легко видеть, что любая такая попытка замены функций со смыслом (ab -функций) описаниями должна провалиться.

Когда мы говорим « A думает, что p », это действительно звучит так, как если бы мы могли здесь вместо « p » подставить собственное имя. Но мы можем видеть, что если мы скажем « A думает, что p является истинным», здесь затрагивается *смысл*, а не значение; и чтобы установить направленность p ещё более эксплицитно, мы должны сказать « A думает, что ' p ' является истинным, а ' $не-p$ ' является ложным». В данном случае выражается би-полярность p , и, по-видимому, то, что мы будем в состоянии корректно выразить предложение « A думает, что p » только с помощью ab -записи (последняя объясняется ниже), устанавливая, например, что « A » находится в отношении к полюсам « a » и « b » в $a-p-b$. Вопросы теории познания, относящиеся к природе суждения и веры, не могут быть решены без корректного понимания формы предложения.

Предложение представляет собой образец, в соответствии с которым ведут себя факты, но с именами дело обстоит иначе. Как одна стрелка ведёт себя в отношении другой стрелки, будучи той же самой или противоположной по смыслу, так и факты ведут себя в отношении предложений; именно так привходят би-полярность и смысл. В этой теории p имеет то же самое значение, что и не- p , но противоположный смысл. Значение есть факт. Правильная теория суждения должна сделать так, чтобы о бессмыслице судить было невозможно. «Смысл» ab -функции предложения есть функция его смысла. В не- p p – в точности то же самое, как если бы оно стояло одно (это положение абсолютно фундаментально). Среди фактов, обосновывающих истинность « p или q », встречаются также и факты, обосновывающие истинность « p и q »; следовательно, если бы предложения имели только значение, мы обязаны были бы в таком случае сказать, что эти два предложения идентичны. Но фактически их смысл различен, и мы вводили смысл, говоря о всех p и о всех q . Следовательно, молекулярные предложения будут использоваться только в тех случаях, где их ab -функция стоит под знаком всеобщности или входит в другую функцию, такую как «Я думаю, что ...» и т.д., потому что тогда привходит смысл.

II. АНАЛИЗ АТОМАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ. ОБЩИЕ НЕОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ, ПРЕДИКАТЫ И Т.Д.

Можно ли сомневаться в том, что когда мы образовали все возможные атомарные предложения, «то мир был бы полностью описан, если бы мы установили истинность или ложность каждого» (Рассел).

Если бы был создан мир, в котором истинными являются принципы логики, в этом мире содержалась бы вся математика. Не может быть создан мир, в котором предложение являлось бы истинным, если не созданы также конститuentы предложения.

Неопределяемые бывают двух видов: имена и формы. Предложения не могут состоять только из имён, они не могут быть классами имён. Имя не может просто встречаться в двух различных предложениях, но оно может встречаться в обоих одним и тем же способом. Предложения, которые представляют собой символы, отсылающие к фактам, сами являются фактами (чернильное пятно на этом столе может выражать то, что я сижу на этом стуле). Мы должны быть в состоянии понять предложение, которое ранее никогда не слышали. Но каждое предложение является новым символом. Следовательно, нам необходимо иметь *общие* неопределяемые символы; это неизбежно, если не все предложения не определяемы. Только учение об общих неопределяемых позволит нам понять природу функций. Пренебрежение этим учением заведёт нас в непроницаемые дебри.

Предложение должно быть понято, когда поняты *все* его неопределяемые. В « aRb » неопределяемые вводятся следующим образом: 1) « a » есть неопределяемое, 2) « b » есть неопределяемое, 3) чтобы ни могли означать « x » и « y », « xRy » говорит нечто неопределяемое об их значении.

В логике мы не интересуемся отношением какого-либо специфического имени к своему значению, и столь же мало – отношением данного предложения к реальности. Мы всё же хотим знать, что наши имена имеют значения, а предложения – смысл, и, таким образом, вводим неопределяемое понятие « A », говоря, что « A » обозначает нечто неопределяемое», или вводим форму предложения aRb ,

говоря, что «Для всех значений 'x' и 'y', 'xRy' выражает нечто неопределяемое о x и y».

Форма предложения может быть символизирована следующим образом. Рассмотрим символы формы «xRy», которой первично соответствует пара объектов, и один из них имеет имя «x», а другой – имя «y». x'ы и y'и находятся в различных отношениях друг к другу, и среди прочих отношений отношение R поддерживается между одними, но не между другими. Я определяю теперь смысл «xRy», устанавливая правило: когда факты ведут себя в отношении к «xRy» так, что значение «x» находится в отношении R к значению «y», тогда я говорю, что эти факты «смыслоподобны» (*gleichsinnig*) с предложением «xRy», в противном случае – «противоположны по смыслу» (*entgegengesetzt*). Я сопоставляю факты с символом «xRy», разделяя их на те, которые смыслоподобны, и те, которые противоположны по смыслу. Этому сопоставлению соответствует сопоставление имени и значения. И то, и другое психологично. Таким образом, я понимаю форму «xRy», когда знаю, что она различает поведение x и y в соответствии, с тем находятся они в отношении R или нет. Этим способом я извлекаю отношение R из всех возможных отношений, как посредством имени я извлекаю его значение из всех возможных предметов.

Не существует *предмета*, являющегося *формой* предложения, и не существует имени, являющегося *именем* формы. Соответственно, мы также не можем сказать, что отношение, которое в определённых случаях имеет место между предметами, иногда имеет место между формами и предметами. Это идёт вразрез с теорией суждения Рассела.

Символы не есть то, чем они кажутся. В «aRb» «R» выглядит как существительное, но таковым не является. «aRb» символизирует то, что R встречается между a и b. Следовательно, «R» не есть неопределяемое в «aRb». Сходным образом в «φx» «φ» выглядит как существительное, но таковым не является; в «~p» «~» выглядит как «q», но не подобно ему. Это – первое, что показывает: логических констант быть не *может*. Довод против них – всеобщность логики; логика не может трактовать о специальном множестве предметов.

«Комплексы» Рассела должны обладать свойством, характеризующим их как составные, и вместе с тем сочетать свойство согласованности, чтобы их можно было рассматривать как «простые». Но уже одно это делает их непригодными в качестве логических типов (форм), поскольку тогда в утверждении существовало бы значение простого, которое было бы комплексным. Но *свойство* не может быть логическим типом.

В случае неверной теории отношений может легко показаться, как если бы отношение факта и конstituенты было бы таким же, как отношение факта и факта-который-из-него-вытекает. Но существует их подобие, которое выразимо таким образом: $\phi a \supset \phi a . a = a$.

Каждое высказывание о комплексах может быть разложено на логическую сумму высказывания о конstituентах и высказывания о предложении, которое полностью описывает этот комплекс. То, каким образом это должно решаться в каждом случае, — важный вопрос, но ответ на него не является безусловно необходимым для построения логики. Повторим: каждое предложение, которое кажется предложением о комплексе, может быть с помощью анализа сведено к предложению, говорящем о его конstituентах и о предложении, описывающем комплекс в целом, т.е. о том предложении, которое эквивалентно высказыванию с существованием комплекса.

III. АНАЛИЗ МОЛЕКУЛЯРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ: ab-ФУНКЦИИ

Что бы ни соответствовало в реальности составным предложениям, оно не должно быть больше того, что соответствует составляющим их отдельным атомарным предложениям. Молекулярные предложения не содержат ничего такого, что не содержалось бы в их атомах; они не добавляют материальной информации сверх той, что заключена в их атомах. В молекулярных функциях существенна только их T-F (истина-ложь) схема (т.е. высказывание о случаях, когда они истинные, и о случаях, когда они ложные). *A priori* правдоподобно, что введение атомарных предложений фундаментально для понимания всех других видов предложений. В действительности

понимание общих предложений очевидно зависит от понимания атомарных предложений.

Одна из причин считать старую систему записи ошибочной связана со значительной неправдоподобностью, что из каждого предложения должно следовать бесконечное число других предложений, таких как не-не- p , не-не-не-не- p и т.д. Сама возможность того, как Фреге объясняет «не- p » и «если p , то q », из чего следует, что «не-не- p » обозначает то же самое, что и « p », делает вероятным существование некоторого метода обозначения, в котором «не-не- p » соответствует тот же символ, что и « p ». Но если этот метод обозначения удовлетворяет логику, он должен быть правильным. Если $p = \text{не-не-}p$ и т.д., это показывает, что традиционный метод символизма ошибочен, поскольку он допускает многообразие символов с одним и тем же смыслом; отсюда следует, что при анализе таких предложений мы не должны руководствоваться расселовским методом символизации.

Наименование подобно указанию. Функция подобна линии, разделяющей точки на плоскости на правые и левые; тогда « p или не- p » не имеет значения, поскольку не делит плоскость. Но хотя частное предложение « p или не- p » не имеет значения, значение имеет общее предложение «Для всех p , p или не- p », потому что оно не содержит бессмысленную функцию « p или не- p », а содержит функцию « p или не- q » точно так же, как «для всех x , xRx » содержит функцию « xRx ».

Логические выводы действительно могут быть сделаны в соответствии с фрегевскими или расселовскими законами дедукции, но это не может оправдывать вывод; следовательно, они не являются примитивными предложениями логики. Если p следует из q , оно может также быть выведено из q , а «способ дедукции» – безразличен.

Причина, по которой « $\sim$ Сократ» ничего не обозначает, состоит в том, что « $\sim x$ » не выражает свойства x . Бессмысленны знаки, имеющие форму « $p \vee \sim p$ », но не предложение « $(p) p \vee \sim p$ ». Если я знаю, что эта роза либо красная, либо не красная, – я не знаю ничего. То же самое имеет силу для всех ab -функций. Допущение о существовании логических объектов, и это кажется замечательным, приводит к тому, что в науках предложения формы « $p \vee q$ », « $p \supset q$ » и т.д.

только тогда не являются преходящими, когда « $\vee$ » « $\supset$ » установлены в области действия знака всеобщности (мнимые переменные). То, что «или» и «не» и т.д. не являются отношениями в том же самом смысле, как «правое» и «левое» и т.д., очевидно простому человеку. Возможность перекрёстного определения старых логических неопределяемых, само по себе показывает, что они не являются настоящими неопределяемыми, и даже более убедительно – что они не обозначают отношений. Логические неопределяемые не могут быть предикатами или отношениями, потому что предложения, благодаря смыслу, не могут иметь предикатов или отношений. Ни «не», ни «или», как и суждение, не *аналогичны* предикатам и отношениям, потому что они не вводят ничего нового.

Вместо каждого предложения « p » будем писать « ${}_b^a p$ ». Пусть каждое соотношение предложений друг с другом или имен с предложениями устанавливается посредством корреляции их полюсов « a » и « b ». Пусть эта корреляция будет транзитивной. Тогда, соответственно, « ${}_{b-b}^{a-a} p$ » представляет собой тот же символ, что и « ${}_b^a p$ ». Пусть дано n предложений. Тогда «классом полюсов» этих предложений я называю всякий класс из n членов, каждый из которых является полюсом одного из n предложений так, что один член соответствует каждому предложению. Затем я соотношу с каждым классом полюсов один из двух полюсов (a и b). Я не могу определить смысл символизирующего факта, сконструированного таким образом, но я его знаю.

Смысл ab -функции p есть функция смысла p . ab -функции используют разбиение фактов, которое приносят их аргументы, для того чтобы порождать новые разбиения. ab -запись показывает зависимость *или* и *не*, и тем самым что они не употребляются как неопределяемые одновременно.

Каждой молекулярной функции соответствует TF (или ab)-схема. Следовательно, вместо функции мы можем использовать саму TF-схему. TF-схема устанавливает соответствие букв T и F с каждым предложением. Эти две буквы – полюса атомарных предложений. Таким образом, схема устанавливает соответствие других полюсов T и F с данными полюсами. Всё содержание этой записи сводится

к установлению соответствия внешних полюсов с полюсами атомарных предложений. Следовательно, не-не- p есть тот же символ, что и p . И, следовательно, мы никогда не получим два символа для одной и той же молекулярной функции. Так как ab (TF)-функции атомарных предложений вновь являются би-полярными предложениями, мы можем и на них осуществить ab -операции. Поступая подобным образом, мы установим соответствие двух новых внешних полюсов при посредстве предшествующих внешних полюсов с полюсами атомарных предложений.

Символизирующий факт в $a-p-b$ есть то, что *говорит* о том, что a находится слева, а b – справа от p . [Это совершенно произвольно, но коль скоро порядок, в котором должны располагаться полюса, однажды зафиксирован, мы должны придерживаться нашего соглашения. Если, например, « apb » говорит p , тогда bp не говорит *ничего* (оно не говорит $\sim p$). Но $a-apb-b$ есть тот же символ, что и apb (здесь ab функция исчезает автоматически), так как новые полюса относятся к той же стороне p , что и старые полюса. Всегда остаётся вопрос: каким образом новые полюса, соответствующие p , сравнимы со способом, которым старые полюса соответствуют p ?] Тогда для данного apb соответствие новых полюсов должно быть транзитивным, при этом символ не изменяется, вне зависимости от того, например, каким способом, т.е. через какие полюса, новый полюс a соответствует внутреннему a . Следовательно, возможно сконструировать все ab -функции повторным осуществлением одной ab -операции, и, следовательно, мы можем говорить о всех ab -функциях как о всех тех функциях, которые могут иметь место при повторном осуществлении этой ab -операции (ср. работу Шеффера).

Среди фактов, которые делают « p или q » истинным, имеются некоторые факты, делающие истинным « p и q »; но класс, который делает « p или q » истинным, отличается от класса, делающего истинным « p и q »; и только это имеет значение. Так как, фактически, мы вводим этот класс, когда вводим ab функции.

Поскольку ab функции предложения p вновь являются би-полярными предложениями, мы можем образовать из них ab -функцию и т.д. Таким образом, возникает последовательность предложений, в которой *символизирующие* факты в общем будут одними и теми же

в отдельных деталях. Если теперь мы находим ab -функцию такого вида, что всякая ab -функция может быть образована её повторным применением, тогда мы можем ввести общность ab -функций, как общность таких функций, которые образованы применением этой функции. $\sim p \vee \sim q$ является такой функцией. Легко предположить противоречие в том факте, что, с одной стороны, каждое возможное комплексное предложение является простой ab -функцией простых предложений, а с другой стороны, повторного применения одной ab -функции достаточно для образования этих предложений. Если можно, например, получить утверждение через двойное отрицание, то содержится ли тогда отрицание в каком-либо смысле в утверждении? Отрицает ли « p » «не- p » или утверждает « p », или и то, и другое? А как обстоит дело с определением « $\supset$ » через « $\vee$ » и « $\cdot$ » или с определением « $\vee$ » через « $\cdot$ » и « $\supset$ »? И каким образом мы введём, например, $p | q$ (т.е. $\sim p \vee \sim q$), если не скажем, что это выражение говорит нечто неопределяемое о всех аргументах p и q ? Но ab -функции должны вводиться следующим образом: функция $p | q$ есть просто механическое приспособление для конструирования всех возможных символов ab -функций. Символы, возникающие при повторном применении символа « $|$ », не содержат символа « $p | q$ ». Нам необходимо правило, в соответствии с которым мы можем образовать все символы ab -функций, для того чтобы быть в состоянии сказать о их классе; и теперь мы говорим о них, например, как о тех символах функций, которые могут быть образованы повторным применением операции « $|$ ». И теперь мы говорим: Для всех p и q , $p | q$ говорит нечто неопределяемое о смысле тех простых предложений, которые содержатся в p и q .

IV. АНАЛИЗ ОБЩИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Подобно тому как ранее люди боролись за то, чтобы приводить все предложения к субъектно-предикатной форме, теперь каждое предложение естественно рассматривается как выражение отношения, что также не корректно. То, что оправдано в этом стремлении, полностью удовлетворяется расселовской теорией искусственных отношений.

Если комплексными являются только те знаки, которые содержат имена собственные, тогда предложения, не содержащие ничего, кроме мнимых переменных, были бы простыми. Что тогда можно сказать об их отрицаниях? Предложения – всегда комплексны, даже если они не содержат имён.

Нет предложений, содержащих действительные переменные. Символы, называемые предложениями, в которых «встречаются переменные», на самом деле вообще не являются предложениями, но только схемами предложений, которые всё же не становятся предложениями, если мы не заменим переменные константами. Нет предложений, выраженных посредством « $x = x$ », так как « x » не имеет значения. Но есть предложение « $(x) x = x$ », и есть такие предложения, как «Сократ = Сократ», и т.д. В книгах по логике не должны встречаться переменные, но только общие предложения, оправдывающие использование переменных. Из этого следует, что так называемые определения в логике являются не определениями, но только схемами определений, и вместо них мы обязаны предлагать общие предложения. Сходным образом так называемые примитивные идеи (*Urzeichen*) логики являются не примитивными идеями, но их схемами. Ошибочная идея, что существуют *предметы*, называемые фактами или комплексами и отношениями, легко приводит к мнению, что к фактам должно быть отношение вопрошания, а тогда возникает вопрос: может ли иметь место отношение между произвольным количеством предметов, поскольку факты могут вытекать из произвольных причин? Фактически, $p, p \supset q, \supset_{p,q} q$, например, – это предложение, которое выражает, что q следует из p и $p \supset q$.

Перекрёстная определимость в области общих предложений приводит к проблемам, очень схожим с проблемами, возникающими в области *ab*-функций. В случае мнимых переменных по отношению к обычным неопределяемым имеют место те же самые возражения, что и в случае молекулярных функций. Применение *ab*-записи к предложениям с мнимыми переменными проясняется, если мы заметим, что предложение «для всех $x, \phi x$ », например, должно быть истинным, когда ϕx истинно для всех x , и ложным, когда ϕx – ложно для некоторого x . Мы видим, что *некоторый* и *все* одновременно

встречаются в записи, подходящей для мнимой переменной. Такая запись представляет собой

для $(x) \phi x : a - (x) - .a \phi x b. - (\exists x) - b$,

а для $(\exists x) \phi x : a - (\exists x) - .a \phi x b. - (x) - b$.

Старые определения становятся теперь тавтологиями.

Самое естественное возражение против способа, которым я ввёл, например, предложения формы xRy , заключается в том, что он не объясняет такие предложения, как $(\exists x, y)xRy$ и им подобные, которые тем не менее явно имеют общим с aRb нечто такое, что у cRd является общим с aRb . Но когда мы вводим предложение формы xRy , мы не упоминаем ни одного отдельного предложения этой формы; нам необходимо только ввести $(x, y)\phi(x, y)$ для всех ϕ любым способом, который делает смысл этих предложений зависимым от смысла всех предложений формы $\phi(a, b)$, и тем самым устанавливается оправдание нашей процедуры.

V. ПРИНЦИПЫ СИМВОЛИЗМА: ЧТО СИМВОЛИЗИРУЕТ В СИМВОЛАХ. ФАКТЫ ДЛЯ ФАКТОВ

Легко предположить, что комплексными являются только те символы, которые содержат имена объектов, и что, соответственно « $(x, \phi). \phi x$ » или « $(\exists x, y)xRy$ » должны быть простыми. Тогда первое выражение естественно назвать именем формы, а второе – именем отношения. Но что в таком случае представляет собой, например, значение « $\sim(\exists x, y)xRy$ »? Можем ли мы поместить «нет» перед именем?

Чередующаяся неопределяемость показывает, что до неопределяемых всё же нельзя дойти. Неопределяемые логики должны быть независимы друг от друга. Если вводится неопределяемое, оно должно вводиться во всех комбинациях, в которых может встречаться. Следовательно, мы не можем ввести его первоначально для одной комбинации, а затем для другой; например, если введена форма xRy , она должна впредь пониматься в предложениях формы aRb тем же самым образом, как в предложениях $(\exists x, y)xRy$ и других. Мы не

должны вводить её первоначально для одного класса случаев, а затем для другого; так как оставалось бы сомнительным, было ли её значение одним и тем же и в том и в другом случаях, и отсутствовало бы основание для использования одного и того же способа комбинирования символами в обоих случаях. Короче говоря, для введения неопределяемых символов и комбинаций символов имеет силу *mutatis mutandis*, – то же самое, что Фреге говорил о введении символов через определения.

Невозможно обойтись без предложений, в которых один и тот же аргумент встречается в различных позициях. Очевидно, бесполезно заменять $\phi(a, a)$ на $\phi(a, b).a = b$.

Общую характеристику двух объектов никогда нельзя выразить, обозначая их одним и тем же именем, но и наоборот её нельзя выразить с помощью двух различных способов обозначения, поскольку, так как имена произвольны, мы могли бы выбрать различные имена, и где тогда был бы общий элемент в обозначении? Тем не менее при затруднении всегда соблазнительно найти выход в различных способах обозначения.

Необходимо помнить, что имена являются классами, а не предметами: «А» есть та же самая буква, что и «А». Это имеет наиболее важные следствия для каждого символического языка.

В отношении записи важно заметить, что символическую нагрузку несёт не каждая особенность символа. В двух молекулярных функциях, имеющих одну и ту же Т-Ф схему, символизировать должно одно и то же. «не-р» не встречается в «не-не-р»; так как «не-не-р» есть то же самое, что и «р», а следовательно, если бы «не-р» входило в «не-не-р», оно должно было бы встречаться и в «р».

Комплексный символ никогда не должен вводиться как отдельное неопределяемое. Таким образом, например, предложение не есть неопределяемое. Так как если одна из частей комплексного символа имеет место также и в другой связи, оно должно быть здесь введено вновь. И разве это означало бы тогда одно и то же? Способ, которым мы вводим наши неопределяемые, должен позволять конструировать из *одних* этих неопределяемых все предложения, имеющие смысл. «Все» и «некоторый» легко вводятся способом, который делает возможным (например) сконструировать « $(x, y).xRy$ » из «все» и « xRy », как введённых ранее.

Нельзя говорить «Комплексный знак ' aRb '» говорит, что a находится в отношении R к b ; но то, что « a » находится в определённом отношении к « b », говорит, что aRb .

Только факты могут выражать смысл, а классы имён – нет. Это легко показать. В aRb символизирует не комплекс, а тот факт, что символ a находится в определённом отношении к символу b . Таким образом, факты символизируются фактами, или, если быть точными, то, что определённый предмет имеет место в символе, говорит о том, что определённая вещь имеет место в мире.

VI. ТИПЫ

Ни одно предложение ничего не может сказать о себе, потому что символ предложения не может содержаться в себе; это должно служить основой теории логических типов.

Легко предположить, что «индивид», «элемент», «комплекс» и т.д. являются примитивными идеями логики. Рассел, например, говорит, что «индивид» и «матрица» являются «примитивными идеями». Эта ошибка, по-видимому, объясняется тем фактом, что употребление переменных вместо знака всеобщности создаёт видимость, как если бы логика имела дело с предметами, лишёнными всех свойств, кроме комплексности. Мы забываем, что неопределяемые символы (*Urbilder von Zeichen*) встречаются только под знаком всеобщности и никогда вне его.

Каждое предложение, которое говорит нечто неопределяемое о предмете, является субъектно-предикатным предложением; каждое предложение, которое говорит нечто неопределяемое о двух предметах, выражает бинарное отношение между этими предметами; и так далее. Таким образом, каждое предложение, которое содержит только одно имя и одну неопределяемую форму, является субъектно-предикатным предложением и т.д. Неопределяемый символ может быть только именем, и, следовательно, по символу атомарного предложения мы можем знать, является ли оно субъектно-предикатным предложением.

Предложение не может встречаться в себе самом. Это – фундаментальная истина теории типов. В предложении все неопределяе-

мые переводятся в переменные; тогда сохраняется класс предложений, который не включает все предложения, но включает общий тип. Если мы заменяем конститuentу a в предложении $\phi(a)$ на переменную, тогда существует класс $\hat{p}(\exists x)\phi x = p$. Этот класс, в общем, всё ещё зависит от того, что, по произвольному соглашению, мы обозначаем посредством « ϕx ». Но если мы заменим на переменные все те символы, чьё значение определялось произвольно, такой класс всё ещё существует. Однако теперь это зависит не от какого-либо соглашения, а только от природы символа « ϕx ». Он соответствует логическому типу.

Имеются два способа, делающих знаки похожими друг на друга. Имена Сократ и Платон похожи: и то, и другое – имена. Но то, что они имеют общего, не должно вводиться до того, как вводятся Сократ и Платон. То же самое применимо к субъектно-предикатной форме и т.д. Следовательно, предмет, предложение, субъектно-предикатная форма и т.д. не являются неопределяемыми, т.е. типы не являются неопределяемыми.

Каждое предложение, которое говорит нечто неопределяемое об одном предмете, является субъектно-предикатным предложением и т.д. Следовательно, мы можем опознать субъектно-предикатное предложение, если знаем, что оно содержит только одно имя и одну форму и т.д. Это задаёт конструкцию типов. Отсюда тип предложения может быть опознан из одних его символов.

Сущностным в правильной записи мнимых переменных является следующее: 1) она должна упоминать тип предложения; 2) она должна показывать, какие компоненты (формы и конститuentы) предложения этого типа являются константами. Возьмём $(\phi).\phi!x$. Тогда, если мы описываем вид символов, для которых устанавливается ϕ , что, как следует из вышесказанного, достаточно для определения типа, то « $(\phi).\phi!x$ » автоматически не может подходить под это описание, потому что оно *содержит* « $\phi!x$ », а описание должно описывать *всё*, что символизирует символ вида $\phi!x$. Если описание составлено *таким образом*, возможность порочного круга столь же мала, как, например, в $(\phi).(x)\phi$, где $(x)\phi$ является субъектно-предикатным предложением.

Мы никогда не сможем отделить один логический тип от другого, приписывая то свойство членам одного типа, которое мы отрицаем у членов другого типа. Типы никогда не могут быть отделены друг от друга утверждением (как это принято в настоящее время), что один тип имеет эти, а другой – те свойства, так как это предполагает, что существует значение в утверждении всех этих свойств обоих типов. А из этого, по крайней мере, следует, что эти свойства могут быть типами, а определённо не объектами, которым они приписываются.

СЕНТЯБРЬ, 1913

⁴¹ В рукописи Рассела фраза выглядит именно так: «...я могу указать точку на бумаге, которая является и белой, и чёрной...». Однако сравнение с соответствующим местом в «Трактате» показывает, что в рукопись вкралась ошибка. Фразу, по-видимому, следует читать так: «...я могу указать точку на бумаге, не зная, белая она или чёрная...».

⁴² *mutatis mutandis* – «с соответствующими изменениями» (лат.).

⁴³ *ambulo* – Я иду (лат.).

⁴⁴ Абзац частично испорчен в рукописи.

⁴⁵ Абзац частично испорчен в рукописи.

⁴⁶ Здесь и далее: *Bedeutung* – значение; *Sinn* – смысл (нем.).

⁴⁷ Здесь в символическую запись для дизъюнкции вкралась ошибка. Четвёртый вывод должен выглядеть так: « $i[\sim \epsilon_1(x,y); \sim \epsilon_1(z,u); \sim \beta(x,y,z,u)]$ ». В дефиниендуме же порядок переменных должен быть следующим: « $\epsilon_1(z,u)$ ».

⁴⁸ Витгенштейн имеет в виду работу Рассела по теории познания, над которой последний работал в этот период. Были опубликованы только первые шесть её разделов (журнал *The Monist*, январь 1914 – апрель 1915). Остальные разделы после критики Витгенштейна Рассел публиковать отказался. (Подробнее см.: *Pears D. The Relation between Wittgenstein's Picture Theory of Propositions and Russell's Theories of Judgment // Wittgenstein: sources and perspectives. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1979.*)

⁴⁹ Под отпечатанными материалами Витгенштейн имеет в виду рукопись «Заметок по логике», которую он оставил Расселу перед отъездом в Норвегию. Письмо представляет собой ответы Витген-

штейна на вопросы Рассела, переданные ему вместе с отпечатанной копией. Интересна подпись, которую с немалой долей иронии поставил под этим письмом Витгенштейн: «(Эх).x=L.W».

⁵⁰ Предложения, о которых идёт речь, выглядят так:

* 9.1 $\vdash : \varphi x . \supset . (\exists z) . \varphi z \quad Pp$

* 9.11 $\vdash : \varphi x \vee \varphi y . \supset . (\exists z) . \varphi z \quad Pp$

⁵¹ В 1918 году Витгенштейн был переброшен с Восточного фронта на Южный, где после развала австро-венгерской армии был взят в плен итальянцами. Почти год он провёл в плену, большую часть времени – в лагере в Монте-Касино в Южной Италии. Здесь он закончил «Логико-философский трактат», копию которого удалось через Кейнса переправить Расселу. Данное письмо представляет собой ответ на вопросы последнего, касающиеся содержания книги.

⁵² Nc^cV – символ, используемый Расселом для обозначения кардинального числа универсального класса, т.е. всех объектов.

⁵³ Витгенштейн имеет в виду «Введение», которое Рассел написал к «Трактату» по его собственной просьбе (см.: *Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: ИЛ, 1958*), так как считал, что рекомендация известного английского философа поможет скорейшей публикации рукописи.

ДОПОЛНЕНИЯ 1

ТАЙНЫЕ ДНЕВНИКИ

1914–1916 гг.¹

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

9.8.1914 – 30.10.1914

9.8.14

Третьего дня был признан годным к воинской службе и прикомандирован ко 2-у полку крепостной артиллерии в Кракове. Вчера ещё до полудня покинул Вену. Сегодня утром прибыл в Краков. Свой объёмистый блокнот для записей сдал на хранение добродушному лейтенанту². Смогу ли я теперь работать?? С интересом ожидаю предстоящую мне жизнь! Военные власти в Вене были невероятно любезны. Люди, у которых ежедневно справлялись тысячи, давали дружественные и обстоятельные ответы. Подобное ободряет чрезвычайно; это напоминает мне английскую обстановку.

10.8.14

Обмундировали как рекрута. На то, что можно использовать мои технические знания, надежды мало. Нужно *очень* много хорошего расположения духа и философии, чтобы здесь сориентироваться. Когда я сегодня проснулся, всё было как в том сне, где человек совершенно бессмысленным образом неожиданно вновь оказывается в школе. В моём положении, конечно, много юмора, и я исполняю самую низкую службу почти с ироничной усмешкой. Не работал. Это – проба характера как раз потому, что так много сил требуется, чтобы не потерять хорошее настроение + энергию.

11.8.14

Плохо спалось (паразиты). После того, как я подмёл комнату, мы промаршировали к нескольким старым [...] и стали получать инструкции по использованию. Ужасно жарко. Пища несъедобна. Впредь, пожалуй, стану спать снаружи казармы. Написал Дэвиду⁴. Уже тоскую по письму от него, чтобы не утратить чувство связи со своим прошлым. Не работал.

13.8.14

Позавчера находился при капитане. [...] не трепетал + не изображал перед ним военного. В нём было что-то комичное и мне [...] довольно симпатичное. Результат = 0. Сегодня выяснилось, что я сдал экзамен на аттестат зрелости и т.д., после чего весь призыв одногодичников называл меня господин коллега + и толпился вокруг меня; пожалуй, я всё же должен предъявить права вольноопределяющегося. Это доставило мне удовольствие (It bucked me up). Вчера и сегодня – сильный кашель, часто чувствую себя неважно. Временами немного подавлен. Сегодня в столовой встретил лейтенанта, которого поразило, что я там обедаю. Он весьма любезно спросил меня, кем я был на гражданке; очень удивился, что меня не зачислили вольноопределяющимся одногодичником⁷ + был вообще очень приветлив, что для меня весьма и весьма⁸.

15.8.14

Часто случается⁹, что день тянется для меня столь же долго, как неделя. Со вчерашнего дня командирован для обслуживания прожектора на одно из суден, захваченных нами на Висле. Экипаж – сброд! Воодушевления – нет; невероятная грубость, глупость и злость! Всё-таки неверно, что общее большое дело должно облагораживать людей. Как следствие, также и самая докучливая работа становит-

ся подневольным трудом. Удивительно, что люди сами превращают свою работу в скверную тягость. При всех внешних обстоятельствах работа на судне могла бы быть прекрасной счастливой порой, и вместо этого! – Пожалуй, здесь будет совершенно невозможно найти взаимопонимание с людьми (кроме, разве что, лейтенанта¹⁰, который кажется вполне милым человеком). Стало быть, в *смирении* выполнять работу и самого себя, Бога ради, не терять!!!! Ведь легче всего потерять самого себя, если отдаешь себя другим людям.

16.8.14

На «Гоплане»¹¹. Ещё раз: глупость, наглость и злость этих людей не знает пределов. Любая работа превращается в мучение. Но сегодня я снова работал и не позволю себе опустить руки. Написал сегодня открытку дорогому Дэвиду. Небо, береги его и сохрани мне его дружбу! Сама ночь вдоль по Висле прекрасна, и я в хорошем настроении.
 $aRb \cdot aRc \cdot bSc = aR[bSc]$ Def.

17.8.14

Шайка мошенников! Лишь офицеры – милые люди и частью, действительно, *очень* чуткие. Приходится спать на голой земле и без одеял. Теперь находимся в России. Тяжелая работа сделала меня совершенно бесчувственным. Сегодня всё ещё не работал. G.S. На палубе холодно, а внизу слишком много людей, которые говорят, шумят, воют и т.д.

18.8.14

Ночью около 1 меня внезапно разбудили. Оберлейтенант трезует меня и говорит, что я сей же час необходим на прожекторе. «Не одеваться». Почти нагой я взбежал на капитанский мостик. Ледяной воздух, дождь. Я был уве-

рен, что тотчас же умру. Включил прожектор и назад, одеваться. Это было [...] ¹² всё. Я был страшно взволнован. Я ощутил ужас войны. Сейчас (вечером) я уже справился со своим страхом. Я не изменю своим чувствам и всеми силами буду стремиться сохранить свою жизнь.

21.8.14

Лейтенант ¹³ и я обсудили все, что только было возможно, – очень милый человек. Он может общаться с самым большим негодяем и оставаться дружелюбным, не роняя своего достоинства. Когда мы слышим китайца, его язык напоминает нам клёкот. Тот, кто понимает китайский, узнал бы в этом язык. Так и я часто не могу узнать человека в человеке. Немного, но безуспешно работал.

$\varphi(x)$

$(x).\varphi x$

$(\exists x).\varphi x$

Навсегда ли теперь покончено с моей работой?! Чёрт его знает! Неужели мне никогда ничего не придёт на ум? Я целиком и полностью «далёк» от всех понятий моей работы. Я не вижу вовсе!!!

22.8.14

Уже три дня стоим на песчаной отмели. Работаю, часто со значительными перерывами, и до сих пор совершенно безуспешно. Всё ещё не могу прийти к чему-то определённом. Всё растворяется в тумане. Так-то!!! ¹⁴

25.8.14

Вчера был ужасный день. Вечером возникли проблемы с прожектором. Когда я хотел осмотреть его, команда мешала мне криками, руганью и т.д. Я хотел осмотреть его более тщательно, но командир вырвал его у меня из рук. Даже и писать не могу дальше. Это было отвратительно.

Лишь одно я понял: Во всей команде нет ни одного приличного парня. Как же я впредь должен ко всем им относиться? Должен ли я просто терпеть? А если я не хочу этого делать? Тогда я должен жить в беспрестанной борьбе. Что лучше? Во 2-м случае я *навверняка* изнурую себя. В первом, *пожалуй*, нет. Сейчас для меня наступает *ужасно* тяжёлое время: ведь теперь я фактически снова продан и предан так же, как в своё время в школе в Линце¹⁵. Необходимо лишь одно: понять всё, что происходит. СОБРАТЬСЯ! Боже, помоги мне!

26.8.14

Вчера решил *не оказывать сопротивления*, – так сказать, совершенно облегчить своё внешнее, чтобы моё внутреннее осталось в неприкосновенности.

29.8.14

Каждую ночь я стою на капитанском мостике, примерно до 3¹/₂ п.п. Свое намерение совершенной пассивности я всё-таки исполнил не вполне. Низость товарищей для меня всё ещё ужасна. Но теперь остаться бы собой. Ежедневно немного работаю, ещё без надлежащего результата, хотя кое-что уже становится ясным.

2.9.14

Каждую ночь, за исключением вчерашней, – при прожекторе. Днём сплю. Эта служба мне приятна, ведь благодаря ей мне удастся избежать злобы сослуживцев. Вчера мы узнали о колоссальном сражении, которое идёт уже 5 дней¹⁶. Только бы уже все решилось! Вчера онанировал первый раз за три недели. Почти ничего не ощущал. Раньше я постоянно представлял себе беседу с другом, теперь же такого не происходит почти никогда. Работаю ежедневно совсем чуть-чуть. Но я слишком утомлён и меня отвле-

кают. Вчера начал читать «Краткое разъяснение Евангелия» Толстого. Великолепная работа. Но всё же не совсем то, что я ожидал¹⁷.

3.9.14

Вчера работал и не безуспешно. С большой пользой читал Толстого¹⁸.

5.9.14

Я на пути к большому открытию. Но удастся ли мне? Ощущаю больше, чем раньше. Сегодня снова о. На улице жуткий холод и очень ветрено. Я лежу на соломе на полу, пишу и читаю на деревянном чемоданчике (цена 2,50 крон).

6.9.14

Общение с сослуживцами по-прежнему доставляет мне большие мучения. Против этого я всё ещё не нашёл удовлетворительной манеры поведения. На совершенную пассивность ещё не решился, возможно, от злости; ведь я же совершенно бессилён против всех этих людей. Я *бесполезно* изнуряю себя, когда защищаюсь.

8.9.14

Сегодня утром узнал, что Лемберг занят русскими¹⁹. Теперь я знаю, что мы пропали! Ночи очень светлые и поэтому последние 4 дня ночных дежурств у меня нет. Каждый день много работал и много читал «Краткое разъяснение Евангелия» Толстого.

10.9.14

Очень занят. Изрядно поработал, но без определённого результата, тем не менее настроение не безнадежное.

12.9.14

Известия становятся всё хуже²⁰. Сегодня ночью должна быть полная готовность. Я работаю ежедневно и довольно

уверенно. Снова и снова я говорю в духе слов Толстого: «Человек безвластен над плотью, но *свободен* посредством духа». Дух да пребудет во мне! Во второй половине дня лейтенант услышал поблизости выстрелы. Я был очень взволнован. Вероятно, нас поднимут по тревоге. Как я поведу себя, если дело дойдёт до стрельбы? Я боюсь не того, что погибну, но того, что не выполню подобающе свой долг. Боже, дай мне силы! Аминь. Аминь. Аминь.

13.9.14

Сегодня на рассвете мы покинули корабль со всем, что на нём было. Русские наступают нам на пятки. Я стал очевидцем ужасных событий. Часов 30 не спал. Чувствую себя совершенно обессиленным и не вижу никакой надежды извне. Если мой конец близок, пусть я умру достойно, не потеряв голову от страха, в полном осознании себя. Пусть я никогда не потеряю себя самого.

15.9.14

Позавчера ночью ужасные сцены: почти все пьяны. Вчера вновь вернулись на Гоплан, который привели в Дунаец²¹. Вчера и позавчера не работал. Пытался, но тщетно; в голову не идет никакая работа. Русские наступают нам на пятки! Мы в непосредственной близости от неприятеля. В хорошем настроении, снова работал. Теперь лучше всего я могу работать, когда чищу картошку. На это всегда вызываюсь добровольно. Для меня это то же самое, чем для Спинозы была шлифовка линз. С лейтенантом²² держусь много прохладнее, чем раньше. Но мужайся! Если гений не оставит...! Со мной Бог! Теперь, когда я смотрю смерти в лицо, мне представляется случай быть порядочным человеком. Пусть Дух просветит меня.

16.9.14

Ночь прошла спокойно. В первой половине дня – сильный орудийный и ружейный огонь. По всей вероятности,

мы неизбежно проиграли. Дух всё ещё при мне, но не покинет ли он меня в трудную минуту? Надеюсь, нет! Теперь лишь взять себя в руки и быть молодцом! (9 п.п.) Проливной дождь. Человек безвластен над плотью и *свободен посредством Духа*. И лишь посредством него. Ночью не работал.

17.9.14

Эта ночь также прошла спокойно. Нёс вахту. Мы должны подняться по Висле до Кракова. Граница должно быть целиком занята казаками. Видимо, мы тоже направляемся туда. *Единственное*, что стоит отметить! Вчера утром лейтенант покинул судно и всё ещё не вернулся. Никто не знает, что мы должны делать, и недостаёт даже денег для закупки продовольствия. Но я всё ещё в хорошем настроении и надеюсь при нём остаться. Снова и снова думаю о том, как я могу поддержать себя.

18.9.14

Ужасная, полная волнений ночь. Должен был освещать и каждый момент опасаться, что прожектор погаснет. Мы оказались крайне в сомнительном положении. И если бы свет погас и что-то произошло, то вся ответственность пала бы на меня. Потом ложная тревога. Я сохранял полное спокойствие и вынужден был выслушивать, как взводный старается выставить меня трусом перед лейтенантом. Это страшно меня разволновало. С 1 до 3-х на посту. Очень мало спал. Вчера не работал. Бесконечно тяжело всё время сопротивляться злобе. Трудно на пустой желудок и не выспавшись служить Духу! Но кем бы я был, если бы и этого не смог. Начальники грубы и глупы, сослуживцы глупы и неотесанны (за редким исключением). По дороге в Краков – с гребными судами. День прошёл спокойно и не без приятности. Немного работал.

19.9.14

На пути в Краков. Вчера вечером до 11 часов работа на судне: я должен был светить. Ночью очень холодно. Мы вынуждены спать в сапогах. Спал скверно. Свою одежду и ботинки не снимал уже 4 дня. Но поделаться ничего не могу. ---- Я опасаюсь того, что может произойти со мной в Кракове. Я знаю, что не должен беспокоиться об этом, но чувствую себя таким усталым, что боюсь обессилеть.

20.9.14

Ещё раз: Бесконечно тяжело не противиться злобе людей. Ведь злоба всякий раз глубоко ранит. ---- Русские отброшены от границы так далеко, что мы уже не беспокоимся.

21.9.14

Сегодня чуть свет пришли в Краков. Всю ночь дежурил при отражателе. Вчера много работал, но без *особой* надежды; мне недостаёт целостного *видения* проблемы. Вчера объяснился с командиром взвода – это немного разрядило атмосферу. Сегодня несколько не в духе; многочисленные волнения меня совершенно ИЗМОТАЛИ! Из Вены никаких известий! Сегодня получил открытку от мамы, которую она написала 20.8. Вечером я получил ошеломляющее известие: лейтенант²³, который был нашим командиром, переведен. Это глубоко меня удручило. Хотя я и не отдаю себе отчета, но именно это настоящая причина моей подавленности. С тех пор я глубоко опечален. Хотя я и свободен посредством Духа, но Дух оставил меня! Вечером смог ещё немного *поработать*. От этого почувствовал себя лучше. ----

22.9.14

В первой половине дня был в казарме, для того чтобы получить деньги у капитана. Он сказал, что я должен на-

шить себе нашивки одногодичника²⁴. Купил необходимое — и назад на судно, где нашивки привлекли большое внимание. Получил множество открыток и писем, в том числе от Фикера²⁵ и Жоль²⁶. Не работал. ----

23.9.14

Немного работал.

24.9.14

Сравнительно много работал, но довольно безнадёжно. Во второй половине дня в городе.

25.9.14

Сравнительно много работал, но без подлинной уверенности: мне всё ещё недостаёт целостности видения, и из-за этого проблема кажется необозримой.

27.9.14

Вчера изрядно поработал, но без надлежащего результата. В последние дни вновь что-то осмысленное. Вчера послал домой телеграмму с просьбой о весточке.

28.9.14

Немного поработал. Ожидается осада Кракова. Если это произойдет, то нам предстоят ещё более трудные времена. Пусть Дух дарует мне сил!

29.9.14

Сегодня утром в госпиталь доставили капрала, который болен дизентерией. Сейчас здесь много случаев дизентерии. Мне становится не по себе, когда я думаю о том, что еще мне предстоит пережить на этой войне. Работал, но без результата. Мне все еще недостает ясности и целостности восприятия. Я вижу детали, но не знаю, как они впишутся

в [...] ²⁷целое. [...] каждую новую проблему я ощущаю как обузу. [...] [...] целостное видение показало бы, что любая проблема есть главная проблема, и вид главного вопроса (?) не утомляет, но укрепляет. Вечером работал и не без результата. Смелее! ----

30.9.14

Сегодня ночью я почувствовал себя плохо (желудок и голова). Да свершится воля Твоя.

1.10.14

Вчера утром я был вынужден лечь и весь день отлёживаться, поскольку мне сильно нездоровилось. Сравнительно много работал, но безрезультатно. Поговаривают, что завтра мы должны оставить корабль. Любопытно, что со мной будет. ---

2.10.14

Сравнительно много работал. И не безрезультатно. Всё ещё не ясно, что будет со мной, останусь я на корабле или же нет и т.д., и т.д.

3.10.14

Сегодня выяснилось, что вся старая команда, за исключением 4-х человек – включая *меня*, – должна покинуть судно. Мне это приятно. Сегодня получил из дома посылку, где были тёплое бельё, чай, сухари и шоколад; всё так, как сумели бы сделать только любящие руки матери; *но НИКАКОЙ* записки. Была ли это Мама? И почему отправлено без записки? Почти не работал.

4.10.14

Вчера вечером ещё немного поработал. Сегодня получил открытку, которую Мама написала мне 9 числа про-

шлого месяца. В ней не содержится ничего важного. После короткого подъёма сегодня моя работа снова застопорилась. Сравнительно много работал, но безнадежно. В ближайшие дни мы снова должны вернуться в Россию. Наш новый командир, оберлейтенант, мне совсем не нравится, хотя я и видел его лишь мельком.

5.10.14

Сегодня получил письмо от Кейнса²⁸, которое через Норвегию пришло здешнему командиру полка. Он написал только затем, чтобы узнать, что будет с деньгами Джонсона после войны²⁹. Письмо меня сильно задело, ведь очень больно получить деловое письмо от человека, с которым прежде у тебя были дружеские отношения, — и именно в это время --- Только что получил открытку от мамы, начала этого месяца. Всё хорошо. Так бы и впредь! --- В последние дни часто думал о Расселе³⁰. Думает ли он ещё обо мне? Всё же удивительно, что мы сошлись! Во времена показного благополучия мы и не думаем о бессилии плоти; о бедствии же думают тогда, когда его осознают. И обращаются к Духу. ---

6.10.14

Вчера сравнительно много работал. Человек не имеет права зависеть от случая. Ни от благоприятного, ни от неблагоприятного. Вчера на судно прибыл новый командир. --- На судно присланы люди из осветительного отряда, которые бестолково толкаются вокруг отражателя. Не тревожься!!! Только что пришёл приказ идти в Россию. Стало быть, дело принимает серьезный оборот! Со мной Бог.

7.10.14

Ночь напролёт шли в направлении России; почти совсем не спал: дежурство при прожекторе и т.д. Уже скоро

будет под огнём на передовой. Дух со мной. Здесь в [...] ³¹ Вислоки ³² (вечером). У меня все заледенело внутри. Одно простое желание: Хотя бы разок выспаться, прежде чем начнётся дело ---! Самочувствие улучшилось. Немного поработал. Я все еще не понимаю, как исполнить свой долг, поскольку это мой долг, и в то же время сохранить себя в целости для духовной жизни. Я могу умереть через час, два, через месяц или через несколько лет. Я не могу знать этого и ничего не могу с этим поделать: *Такова жизнь*. А как же я должен жить, чтобы пережить следующее мгновение? Жить в добре и красоте, пока жизнь не прекратится сама собой.

8.10.14

Идём дальше в направлении Сандомира ³³. Ночь была спокойной, я *очень* устал и спал крепко. Сейчас стоим у Тарнобжега ³⁴ и через полтора часа пойдём в направлении Сандомира. Увы, когда я устаю и мёрзну, я быстро теряю мужество переносить жизнь такой, какая она есть. Но я стараюсь не падать духом. --- Каждый час физического благополучия – милость.

9.10.14

Спокойная ночь. Вдали беспрестанная канонада. Все еще стоим у Тарнобжега. Здесь поблизости, очевидно, происходит огромное сражение, уже более двенадцати часов слышен непрекращающийся гром орудий. Наш новый экипаж *намного* лучше (приятнее и надежнее) старого. Приказ: в полной боевой готовности собраться на палубе. Со мной Бог! --- Отправились в Сандомир. Слышим постоянный, сильный гром орудий. Видим разрывы гранат. У меня очень хорошее настроение. --- Весь день сильнейшая канонада. Много работал. Мне не достает, по меньшей мере, основной идеи.

10.10.14

Спокойная ночь. Утром канонада вновь возобновилась. Сейчас должны отправиться дальше, в Завихост³⁵. Стоим в Набцесте. Я сплю прямо за стеной каюты нашего командира и подслушал его разговор с командиром взвода: мы должны помочь немцам переправиться через Вислу. Он сказал, что нам следует ожидать не артиллерийского обстрела, а лишь огня со стороны пехоты. Много работал. Но без видимого успеха. Мне кажется, как будто мысль уже вертится на кончике языка.

11.10.14

Спокойная ночь. --- Как талисман, *всегда* ношу с собой «Краткое разъяснение Евангелия» Толстого. Я опять слышал разговор нашего командира с командиром одного из других кораблей: Сегодня мы остаемся здесь, в Набцесте и только завтра, возможно, отправимся дальше. Только что узнал, что Антверпен пал! И где-то наши войска выиграли большое сражение. Милость неопишуемая, благодаря ей я могу сейчас думать и писать. Я должен научиться быть безразличным к трудностям *внешней* жизни. Сегодня ночью мы должны идти в Завихост, чтобы высадить воинские подразделения и снаряжение. Должны подойти прямо к русским позициям. Бог со мной.

12.10.14

В Завихост не отправились. Спокойная ночь. Вновь прислушиваюсь: оберлейтенант и лейтенант с нашим командиром; они еще точно не знают, что они будут делать, но весьма вероятно, что мы пойдём в Завихост. Оберлейтенант очень честолюбив и хочет непременно, чтобы мы попали на фронт. --- Период безразличия к внешним обстоятельствам сменяется у меня периодом, когда я снова стремлюсь к свободе и покою; я устал от того, что должен

безропотно выполнять любой приказ. Ближайшее будущее *совершенно* неопределенно! Одним словом: бывают моменты, когда я *просто* не могу смириться с настоящим. Лучшие часы жизни нужно принимать с благодарностью, как милость, или, напротив, нужно быть безразличным к жизни. Сегодня я долго боролся с депрессией, потом снова онанировал (после длительного перерыва) и наконец-то дописал предыдущее предложение. Только что услышал, что сегодня ночью мы выполним операцию, запланированную на вчера; о том, что мы двинемся на Краков, и речь не идёт! Итак, сегодня ночью! ---

Мы должны стрелять из пулеметов, которые, как я слышал, производят больше шума, чем попадают в цель. И я понял, что дело будет опасным. Если я должен светить прожектором, то я, *несомненно*, пропал. Но ничего не поделаешь, раз это необходимо! Через час мы выступаем. *Сомной Бог!*

13.10.14

В половине двенадцатого пришел приказ, что мы не идем, или пока еще не идем, в Завихост. Итак, спокойная ночь. Только что услышал, что наш корабль получил приказ *немедленно* идти вниз по течению Вислы. --- Сейчас выступаем. Я – Дух, и поэтому я свободен. Мы стоим у Лопица, повсюду свистят и рвутся снаряды. Отступили в Надбцевце и сейчас на основании нового приказа отправляемся в то же самое место. После полудня – сильнейший обстрел. От грома орудий вчера я все время был как пьяный. Вечером мы отправляемся в Сандомир, где должны остаться на ночь. --- Много работал.

14.10.14

Спокойная ночь. До вечера стояли в Сандомире; наверное, останемся здесь и на ночь. Но не очень обольщаюсь, так как снова трудно сосредоточиться. ---

15.10.14

Спокойная ночь. Теперь онанирую приблизительно раз в неделю. Немного работаю руками, но в этом так мало души; в 9 ложусь спать, в 6 встаю. С нынешним командиром отношения хорошие, как никогда. Он вовсе не так уж и плох. Весь день стояли в Сандомире и, наверное, останемся здесь также на ночь. Очень много работал и не без успеха. Мне даже кажется, что я вот-вот найду решение. ---

16.10.14

В 8 утра пошли в Щёцин, чтобы доставить пушки.

17.10.14

Вчера очень много работал. Узел еще больше затянулся, и я не нашел решения. Вечером стояли в Баранове³⁶, а сейчас, в 6, идем в Щёцин. --- Придет ли мне спасительная мысль, придет ли она?!! --- Вчера и сегодня онанировал. --- Вечером прибыли в Щёцин³⁷, где мы останемся на ночь. ОЧЕНЬ много работал. Кое-что уяснил. Накоплен ОЧЕНЬ большой материал, но не систематизирован. Этот наплыв материала я считаю хорошим знаком. Помни, какая великая милость работа! ---³⁸

18.10.14

В первой половине дня делаем покупки. В полдень отправляемся в Тарнобжег. 5 по полудни – в Тарнобжеге. Немного работал. Вечером на корабль пришли с осмотром офицеры. Я разговорился с одним, который обратил внимание на мои нашивки вольноопределяющегося. Говорили очень сердечно около часа. Он был очень приветлив и неглуп. Предложил мне «быть на ты», что меня порадовало. Немного поработал. Но ничего! --- На ночь остаемся в Тарнобжеге.

19.10.14

Утром пришли в Сандомир, где сейчас и стоим. Ночью снова онанировал (наполовину во сне). Это оттого, что я

мало, почти совсем не двигаюсь. После обеда вновь отправились в Тарнобжег. Со вчерашнего дня проблемы с пищеварением. --- Решение проблемы вертится на кончике языка! --- Вечером опять в Сандомир. Чувствую себя неважно, и такая жизненная апатия. ---! Очень много работал.

20.10.14

Нехорошо. *Очень* много работал. После обеда самочувствие улучшилось. Я очень несчастлив; тоскую по Дэвиду: если бы я мог ему, по меньшей мере, писать. Но мой Дух противится депрессии. Со мной Бог. ---

21.10.14

По приказу опять должны идти в Краков. Мне это пойдёт на пользу. --- Целый день стоим в Сандомире. Очень много и уверенно работал. Вечером несколько утомлен, а в этом состоянии я очень склонен к депрессии; смелее же! ---

22.10.14

Здесь, неподалеку, продолжаются бои. Вчера была сильная канонада. Много работал. Весь день простаивали. ---

23.10.14

Сейчас, после обеда, идем в Тарнобжег. *Очень* усердно работаю, но все еще безрезультатно. Вечером снова в Сандомире. Очень много работал. Много думаю о Дэвиде. Увижу ли его еще когда-то? --- ! ---

24.10.14

Плохо спал (слишком мало двигаюсь!). Наш командир очень заурядный, надменный, неприветливый и с каждым обращается как с прислугой. После обеда – в Тарнобжеге, где мы останемся на ночь. Очень много работал, хотя и безуспешно, но с большой уверенностью. Сейчас я *осаждаю* свою проблему. ---

25.10.14

Утром – в Сандомире. Вчера вечером получили нелепое известие: якобы Париж пал. Впрочем, сначала я даже обрадовался, пока не осознал невероятность происшедшего. Такие невероятные вести всегда плохой знак. Если нам действительно повезет, то *об этом* сообщат, и никому не придет в голову такой абсурд. Поэтому сегодня, как никогда прежде, чувствую ужасающую плачевность нашего – немецкой расы – положения! Мне кажется, совершенно *очевидно*, что мы не можем выстоять против Англии. Англичане – самая лучшая раса мира – не *могут* проиграть! А мы можем проиграть и проиграем, если не в этом году, то в следующем! Мысль, что наша раса должна быть повержена, меня страшно удручает, ведь я немец до мозга костей! Неожиданно пушки русских [...] ³⁹

Со мной Бог! --- Это было не что иное, как русский аэроплан. --- Очень много работал. Ночью стоим в Тарнобжеге, а завтра утром идем в Щецин. ---

26.10.14

Утром направляемся в Щецин. Весь день шли. Я *устал*, и у меня болит голова. Несмотря на это, много работал ⁴⁰.

27.10.14

Утром отправились дальше в направлении Щецина. Очень много работал. Сегодня ночью я дежурю. ---

28.10.14

По причине очень большой усталости до и после полудня почти не в состоянии работать. Ночью спал так хорошо, как никогда. Большая часть команды была пьяна, так что моя вахта была по-настоящему неприятной. Утром идем в направлении Сандомира. По дороге сломалась лопасть колеса. В Краков нас должен отбуксировать один из

других кораблей. По дороге в Краков. Сегодня получил большую почту, среди прочего – *печальное* известие, что Пауль⁴¹ тяжело ранен и находится в плену у русских – слава Богу, в хороших условиях. Бедная, бедная мама!!! --- --- . ---

Также получил письмо от Фикера и дружеское послание от Жолей. Наконец, письмо из Норвегии, от Дрэда с просьбой о 1000 крон. Но могу ли я послать их ему? Сейчас, когда Норвегия присоединилась к нашим врагам!!!⁴² Это, впрочем, тоже ужасно печальный факт. Снова думаю о бедном Пауле, который так внезапно *лишился своей профессии!* Как ужасно. Какая потребуется философия, чтобы пережить это! Если это вообще возможно, иначе нежели при помощи самоубийства!! --- Не мог много работать; но работал с уверенностью. --- Да свершится воля Твоя. ---⁴³

29.10.14

На пути в Краков. Стоим, потому что наш буксировщик должен был уйти обратно в Сандомир. Ждем его возвращения! До обеда – головные боли и усталость. Много думал о Пауле. По-прежнему штурмую свою проблему, так что уже многие укрепления взяты. Теперь вижу так ясно и спокойно, как в лучшие времена. Если бы только в этот раз мне удалось решить все самое главное, прежде чем благоприятный момент будет упущен!!

30.10.14

Сегодня получили немецкую газету. Хороших новостей нет, что как раз и означает самую плохую новость! Сложно работать, когда беспокоят такие мысли!! Несмотря на это, после обеда тоже работал. Тяжело осознавать, что здесь нет никого, с кем я могу что-то обсудить. Но, вопреки ВСЯКОМУ произволу, я хочу сохранить себя⁴⁴.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

30.10.1914–22.6.1915

30.10.14

Только что (вечером) получил приятную почту – очень сердечную открытку от Фреге⁴⁵! Открытку от Тракля⁴⁶ и Фикера, мамы, Клары⁴⁷, госпожи Клингенберг. Меня это очень порадовало. Очень много работал⁴⁸. ---

31.10.14

Сегодня утром – снова в направлении Кракова. Целый день работал. Штурмовал [---]⁴⁹ проблему! Но я не отступлюсь; скорее, буду биться до последней капли крови. Самая большая трудность – удержать однажды покоренную крепость до тех пор, пока в ней нельзя спокойно устроиться. И пока город не пал, нельзя спокойно сидеть в одном из укреплений.---

Сегодня ночью заступаю на вахту, но, увы, уже сейчас чувствую себя очень усталым от интенсивной работы. Моя работа все еще безрезультатна! Только вперед! --- Сегодня ночью стоим в Щецине.

1.11.14

До обеда – дальше в направлении Кракова. Ночью во время дежурства работал, и сегодня тоже очень много, но все еще безуспешно. Но я не падаю духом, потому как главная проблема всегда остается у меня перед глазами. --- Тракль лежит в гарнизонном госпитале в Кракове и просит меня навестить его⁵⁰. Как бы я хотел познакомиться с ним. Надеюсь, когда я приеду в Краков, мы встретимся! Возможно, это меня очень сильно приободрило бы. ---

2.11.14

Утром идем дальше в направлении Кракова. Я снова обрел способность чувствовать. Вечером опять сели на мель. Мучительно холодно. Истинное счастье, что всегда можно спастись бегством в себе самом. Много работал. Работа – это великое благо!! ---

3.11.14

Утром идем дальше по направлению к Кракову. Слышал, что русские снова выдвинулись вперед и стоят в 20 км от Опаковица; мы стоим в 10 км оттуда. --- Что будет со мной, когда я приеду в Краков?! Почти весь день работал. --- Возможно, сегодня ночью выступим. Слышим гром пушек и видим всполохи от взрыва снарядов. --- ! ---

4.11.14

Спокойная ночь. Утром пойдем дальше. Очень много работал. Завтра мы должны быть в Кракове. Слышал, что, вероятно, следует ожидать осады Кракова. Тогда мне понадобится много сил, чтобы сохранять присутствие духа. --- Только когда не зависишь от внешнего мира, тебе незачем опасаться того, что в нем произошло. Сегодня ночью заступаю в караул. Легче быть зависимым от обстоятельств, чем от людей. Но это тоже нужно уметь! ---

5.11.14

Утром идем дальше в Краков, куда должны прибыть поздно вечером. Весь в нетерпении: застану ли я Тракля? Очень на это надеюсь. Мне так нехватает человека, которому я мог бы выговориться. Приходится обходиться без этого. А это очень бы меня лоддержало. Весь день несколько утомлен и склонен к депрессии. Не очень много работал. В Кракове. Сегодня уже слишком поздно навещать Тракля. --- Молю Бога дать мне сил. ---

6.11.14

Утром отправился в город, в гарнизонный госпиталь. Там узнал, что несколько дней назад Тракль умер⁵¹. Это меня очень сильно ранило. Как печально, как печально!!! Я немедленно написал об этом Фикеру. Купил необходимое и около 6 вернулся на корабль. Не работал. Бедный Тракль. --- Да свершится воля Твоя. ---⁵²

7.11.14

Вчера в 9 вечера неожиданно пришел приказ обеспечить работу прожектора на одном из других кораблей. Итак, поднялся и до трех с половиной утра светил. Вследствие этого очень устал. После обеда ходил в город делать покупки. Теперь совершенно ясно, что предстоит осада Кракова. Я хочу добиться перевода со своего корабля. Не работал. Я тоскую по порядочному человеку, потому что здесь меня ОКРУЖАЕТ *непристойность*. Дух да не покинет меня и укрепитя во мне. ---

8.11.14

Нет настроения работать. Много читаю. Сегодня ночью дежурю. Почти не работал. Немного опасаясь за свое будущее. ---

9.11.14

Только что подслушал разговор нашего командира с одним из офицеров: что за подлые голоса. Вся низость мира вырвалась наружу. Подлость, куда ни посмотрю. Насколько хватает глаз, ни одного благородного сердца!!! ---

Получил очень сердечное письмо от дяди Пауля⁵³. Такое письмо должно приободрить и поддержать меня. А в последние дни я очень *подавлен*. Ничто мне не в радость, и я живу в страхе перед будущим! Потому что я не нахожу больше покоя в себе самом. Любое проявление не-

пристойности со стороны моего окружения, а такое бывает очень часто, ранит меня до глубины души, и прежде чем рана заживает, наносят новую! Даже тогда, когда меня ничто не гнетет, как сегодня вечером, я не ощущаю себя по-настоящему свободным. Желание работать возникает все реже и быстро сходит на нет, так как я не могу обрести нужное расположение духа. Я чувствую себя зависимым от мира, и это вынуждает меня бояться его даже тогда, когда мне не угрожает ничего плохого. Самого себя, место, где я мог бы найти успокоение, я вижу как далекий возжеленный остров, который удаляется от меня. --- Русские очень быстро продвигаются в направлении Кракова. Все гражданское население должно покинуть город. Наши дела очень плохи! *Да поможет мне Бог!!!* Немного работал.

10.11.14

Опять много работал. И в очень хорошем настроении. Сегодня узнал, что могу писать в Англию через Швейцарию. Завтра же напишу Дэвиду и, возможно, Расселу. Или, может быть, уже сегодня. - Надеюсь, теперь снова смогу работать! --- !!

11.11.14

Любезное письмо от Фикера. Довольно много работал. Уже слышен гром от взрывов орудий! Отправил письмо Дэвиду. Как часто я о нем думаю! Думает ли он обо мне хоть немного? (?) Сегодня в отличном настроении.

12.11.14

Только не теряй себя самого!!! Соберись с мыслями! Работай не для того, чтобы провести время, а смиренно, для того чтобы жить! Не допускай несправедливости по отношению к другим! --- Говорят о 6–7 месячной осаде. Все магазины закрыты и открываются лишь на очень ко-

роткий срок. Чем серьезнее положение, тем грубее становятся унтерофицеры. Они чувствуют, что теперь могут безнаказанно проявлять всю свою низость, так как командование потеряло голову и в хорошем смысле больше не контролирует ситуацию. Каждое слово, которое сейчас можно услышать, – грубость. Ведь приличия больше ничего не стоят, и люди отказываются от той малости, которой еще обладают. Все это очень печально. После обеда был в городе. Довольно много работал, *но подлинной ясности в видении проблемы нет!* Смогу ли еще работать дальше? (!) Неужели опять падёт завеса?? Было бы поразительно, ведь я нахожусь в сердцевине проблемы, на пике осады. --- . --- !

13.11.14

Все утро тщетно старался работать. Все еще нет ясности в видении проблемы. Очень много размышляю о своей жизни, а это тоже причина, почему я не могу работать. Или наоборот? Теперь я думаю, что все еще недостаточно отдалился от других на корабле. Я не могу общаться с каждым, мне недостает известной подлости, необходимой для этого, но совершенно непостижимым образом затворничество дается мне нелегко. Не то чтобы я чувствовал себя хоть сколько-нибудь привязанным к какому-то человеку. Но привычка вежливо разговаривать с людьми так сильна! Сегодня ночью дежурю. Каждый вечер хожу в кофейню и выпиваю пару чашек кофе, атмосфера добропорядочности идет мне на пользу. *Немного* работал! --- ! Боже, дай мне разума и сил!!! --- .

14.11.14

Ночью на посту почти все время обдумывал, как себя вести, чтобы сделать жизнь более-менее сносной. Сильно подавлен; по крайней мере, мне не хватает хоть какой-нибудь жизненной радости. И каждое услышанное мной

громкое слово причиняет мне боль. Без всякого основания!! --- Сегодня ночью на посту тоже работал. --- Как милость рассматриваю то, что могу спокойно находиться в своей каюте и даже имею возможность собраться с мыслями. --- Очень мало работал. За день очень устал; к сожалению, такое теперь случается часто!! После обеда сильная депрессия прошла, но я слишком утомлен, чтобы работать. Вечером, как обычно, вышел. --- !

15.11.14

Сейчас читаю «Опыты» Эмерсона⁵⁴. Может быть, они смогут благотворно на меня повлиять. Изрядно поработал.

16.11.14

Наступает зима. --- Вчера я получил от Фикера дружеское письмо. Поговаривают, что команду судна переведут отсюда, потому что зимой корабли не используются. Что же со мной будет?? В районе верфей слышится сильный орудейный грохот. Немного работал. Вечером был в городе. Опять нет ясности в видении проблемы, хотя совершенно очевидно, что я близок к решению глубочайшего вопроса, что решение почти у меня в руках!!! Просто в данный момент мой дух слеп к нему! Я чувствую, что стою НЕПОСРЕДСТВЕННО *перед* *вратами*, но недостаточно ясно вижу, чтобы открыть их. Это в высшей степени паразитическое состояние, которое я еще никогда не ощущал так остро, как теперь. --- !⁵⁵

17.11.14

Как трудно не сердиться на людей! *Как трудно* терпеть. Все, что было возможно, сделал до обеда и не пошел на работу. Каждый раз, когда я во время работы соприкасаюсь здесь с людьми, меня так ужасает их низость, что ярость во мне грозит победить и вырваться наружу. Снова

и снова я решаю спокойно терпеть, и снова нарушаю свое намерение. И как это происходит, я, собственно, и сам не знаю. Очень трудно работать с людьми и при этом не иметь с ними *ничего* общего. И снова нужно разговаривать с ними, что-то у них спрашивать; они не отвечают или их ответы неудовлетворительны. - Какая потеря сил все это терпеть. - А тебе нужен ответ; получаешь неясный приказ и т.д., и т.д., и т.д... А нервы и без того уже совсем расстроены. *Трудно жить, если не понимаешь, как можно изменить положение в лучшую сторону.* После обеда меня охватило страшное уныние. Как будто камень лежит на груди. Любая обязанность превращается в невыносимое бремя. Ближе к вечеру мое самочувствие улучшилось. В мою душу вернулось немного мужества. Почти не работал. Весь день, как теперь часто бывает, совсем нет настроения; только вечером обрел достаточное внутреннее равновесие. Не потому ли, что просто радуюсь предстоящему сну? -- Да, сегодняшняя депрессия была ужасна!!! ---

18.11.14

Сильный гром орудий. Говорят, что в ближайшие дни мы опять должны выступать. Наш командир уходит, и лейтенант опять должен вернуться на свое место. Меня это радует. Слышна пулеметная стрельба. Целый день сильнейший гром орудий. --- Довольно много работал. Настроение хорошее. Ношусь с идеей собственного перевода, но из этого может ничего не выйти. В моей работе наступило затишье; чтобы продвинуться *вперед*, мне опять нужно значительное потрясение. ---

19.11.14

Идет снег. Утром, как теперь часто бывает, – в подавленном настроении. Всю первую половину дня работал на судне. Во второй половине дня ожидается визит генерала.

В связи с этим все возбуждены. Ближе к вечеру опять немного работал. Опять сильнейшие бои под Краковом. ---

20.11.14

Сильная канонада. --- Немного поработал. Сегодня ночью вахта. После обеда был у врача, потому что во время дежурств я очень мучаюсь из-за своих глаз. Получу очки. Мое будущее все еще совершенно неясно. Завтра я, возможно поговорю с командиром о том, что со мной будет дальше.

21.11.14

Затяжная канонада. Сильный мороз. Почти не смолакающий гром орудий. Изрядно поработал. Но все еще не могу подобрать *решающее слово*. Хожу вокруг да около, но все же не смог его ухватить!! Никак не могу обрести покой, все время волнуюсь о своем будущем!

22.11.14

Свирепый мороз. В Висле плавает лед. Беспрестанный гром орудий. Не пришло в голову ни одной дельной мысли, очень устал и оттого мало поработал. Решающее слово так и не найдено. Вчера оно было почти у меня в руках. И все же снова ускользнуло. --- Настроение так себе. Скоро отправлюсь спать. ---

23.11.14

Затяжной гром орудий. --- Только что услышал, что пришла телеграмма: «Работу речного транспорта прекратить». Итак, скоро должно решиться, что с нами будет. --- Теперь мой день проходит в чтении и кое-какой работе, и я, естественно, все время провожу в своей каюте; каждый четвертый-пятый день вахта; время от времени чищу картофель, ношу уголь и тому подобное. Помимо вахты у ме-

ня нет никакой определенной работы (в ближайшие полтора месяца прожектор не потребуется). От этого я чувствую себя лентяем и даже в свое свободное время не могу по-настоящему расслабиться, потому что чувствую, что должен что-нибудь делать, но не знаю что. Наилучшим для меня была бы регулярная работа, которую я, разумеется, смог бы выполнять. Ведь работа, которая тебе не по плечу, самое большое зло. Сегодня попытаюсь поговорить с нашим командиром о возможном переводе. Это должно произойти, я должен надеяться, что меня переведут отсюда. Изрядно поработал, но все еще без успеха. Вечером – баня. ---

24.11.14

Свирепый мороз! Висла почти полностью покрыта дрейфующими льдинами. Сегодня прибыли в порт. Когда же я только окажусь подальше отсюда? Здесь царит постоянное смятение, и никто не знает, что он должен делать. Унтер-офицеры становятся все подлее, один подначивает другого, тем самым склоняя того еще к большей дерзости. Конечно, бывают и исключения. Сегодня ночью вахта. *Много* работал. Недостающее звено снова так и вертится на кончике языка. Это хорошо. Сегодня Фикер отправил мне стихи бедного Тракля, которые я не понимаю, но считаю гениальными. Они благотворно на меня повлияли. Бог со мной! ---

25.11.14

Со вчерашнего дня стоим в порту. Уборные на судне закрыты! А до отхожего места нужно далеко бежать. Очень холодно. Образ жизни становится все невыносимее. Немного работал. Только бы прочь отсюда! ---

26.11.14

Если кажется, что дело застопорилось, то нельзя больше думать о нем, иначе можно завязнуть. Напротив, нужно

начинать размышление с того места, где чувствуешь себя наиболее (?) уверенно. Только не сдаваться! Трудные проблемы должны разрешаться как бы сами собой. Сильный гром пушек. Что бы я ни делал, проблемы сгущаются как грозовые облака. И я не в состоянии занять по отношению к ним удовлетворительную позицию. Очень много работал, но ситуация ничуть не прояснилась. Напротив, когда я думаю, то всюду встают вопросы, на которые я не могу ответить. Сегодня мне показалось, что моя творческая способность себя исчерпала. Все, казалось, опять скрылось вдали. А, разумеется, прошли и 3–4 месяца моей жизни. И, увы, действительно без осязаемого результата! Но проживем – увидим! ---

Сейчас поговаривают, что мы должны переехать на зимние квартиры, и если это произойдет, то, возможно, должен буду спать вместе со всеми; избави Бог!! --- В любом случае не хотел бы потерять присутствие духа! Со мной Бог! --- ! --- !

27.11.14

Сегодня вахта. ---

28.11.14

Вчера очень много работал. Сутки провел на посту, в караулке, в обществе семи человек. Сегодня особенно чувствовал себя очень несчастным. Всеми способами добиваюсь своего перевода. Я думаю, что погибну самым жалким образом в окружении этих жестоких и низких людей, которым все нипочем, если не произойдет чудо и я не обрету больше сил и мудрости, нежели имею сейчас! Да, должно случиться *чудо*, если мне суждено пережить это! Боюсь за свое будущее. Немного работал. Чудо! Чудо. --- ⁵⁶

29.11.14

Довольно много работал. --- !

30.11.14

Утром был в штабе корпуса. Разговаривал с нашим командиром о себе. Для перевода мне нужно обратиться в кадровое управление. При расквартировке на зиму он позаботится о том, чтобы я получил отдельную комнату. В ближайшее время опять понадобится прожектор, и поэтому все же я должен остаться здесь. --- Вечером, когда я вернулся из города, застал здесь большую суматоху, потому что судно должно уходить. Идет речь и о том, что прожектор должен отправиться на нем. --- Мне это было бы очень досадно. Таким образом, наши планы могут расстроиться в любой момент, и я должен сохранять самообладание, чтобы *все-таки* продолжать жить дальше. Сегодня во второй половине дня был в кадрах и говорил с одним пиротехником о том, нельзя ли мне поступить в отделение воздушных транспортных средств. Он ответил, что мне нужно поговорить об этом с пиротехником этого отдела Волчком. Надеюсь, удастся это сделать. --- Поработал немного, но не без воодушевления. Опять что-то ощущаю. Доверься движению собственного Духа, а все остальное предоставь Богу! --- .

1.12.14

Вот уже и декабрь! А о мире все еще не сказано ни слова. Сегодня ночью – сильнейший гром орудий; слышен свист снарядов. --- Вчера вечером судно отправилось вниз по течению Вислы. Каждый день вахту несет другая команда; например, завтра – *наша*! Что со мной будет?! С такими сослуживцами и такими начальниками! --- После обеда пошел искать пиротехника Волчека; не нашел. Меня прикомандировали к штабу артиллерийского дивизиона. Уже послезавтра пойду туда дежурить. Очень мало работал. Храни меня Дух, что бы ни случилось! ---

2.12.14

Сегодня в полдень мы будем нести караульную службу. Слава Богу, с нами отправляется наш командир, так что будет, по меньшей мере, хоть один порядочный человек. Ночью – ужасный гром орудий. И сейчас, в 8 утра, он снова возобновился. Сегодня ночью мы должны спать под открытым небом. Поработать, вероятно, не удастся. Только не забывать Бога. ---

3.12.12

Не работал, но много пережил. Сейчас слишком утомлен, чтобы записать это.

4.12.14

Позавчера на дежурстве не произошло ничего примечательного, разве что только я в суматохе упал на палубе и еще сегодня хромаю. Со всех сторон сильнейший гром орудий – оружейная стрельба, пожары т.п. Вчера вечером по личному делу был на командном пункте крепости. Один оберлейтенант⁵⁷ узнав, что я изучал математику, предложил мне прийти к нему на фабрику. Он, кажется, очень славным. Я согласился и сегодня был откомандирован с судна. Полон надежд. Гром орудий близко, очень близко. После обеда был в городе. Немного поработал. Весь день несколько утомлен, потому что в последнюю ночь тоже мало спал. Как можно раньше в постель! ---

5.12.14

Завтра или послезавтра я уйду отсюда. Где я буду жить, еще не ясно. В любом случае, я не хочу зависеть от таких вещей. Работал не много, но все-таки работал. Много думаю о дорогом Дэвиде! Боже храни его! И меня! ---

6.12.14

Ночью пушки палили так близко, что сотрясалось судно. Много работал и успешно. Еще не знаю, когда я покину

судно. Завтра оно снова несет боевое дежурство, и если меня не отзовут, то и мне придется в нем участвовать, что очень неприятно, потому что моя нога все еще не оправилась от ушиба. Дождливо, и ходить по глиняным дорогам здесь ужасно трудно. Храни меня Дух! --- .

7.12.14

С ногой стало хуже. Вероятно, не пойду на службу. Приказ, касающийся моего переселения, еще не пришел. Неподалеку слышен сильный гром. --- . Только что узнал, что завтра я ухожу отсюда. Из-за моей ноги не могу идти на дежурство. Немного поработал. Поговорил с нашим командиром; он *очень* славный. Устал. Все в руках Божьих. --

8.12.14

В первой половине дня из-за своей ноги «не мог пошевелиться»: растяжение мышц. Немного поработал. Купил и прочел тут 8 том⁵⁸ Ницше. Его вражда с христианством сильно меня задела. Ведь в его работах есть и доля правды. Несомненно, христианство – единственная надежная дорога к счастью. Но как быть, если стыдишься этого счастья?! Не лучше ли погибнуть в безнадежной борьбе с внешним миром? Но такая жизнь бессмысленна. А почему бы не вести бессмысленную жизнь? Недостойно уважения? Как это уживается со строгой солипсистской точкой зрения? Что же я должен делать, чтобы моя жизнь не прошла напрасно? Я должен это выяснить для себя. --- .

9.12.14

В первой половине дня был в командном пункте корпуса и забрал документ на обеспечение довольствием. Не работал. Много чего произошло, но слишком утомлен, чтобы записать это. --- .

10.12.14

Вчера во второй половине дня был в канцелярии моего нового шефа. Долго его дождался. Наконец, он пришел и сразу же дал мне работу. Я должен был составить здесь список моторных лодок в казарме. Одновременно он пригласил меня к себе домой к 8 часам вечера; там будет капитан, которому он рассказал обо мне и который хотел бы меня видеть. Пришел к нему и встретил у него 4-х офицеров, с которыми я ужинал. Капитан чрезвычайно симпатичный человек (остальные тоже были по-настоящему любезны). Мы проговорили до 10^{1/2} и расстались необычайно сердечно. --- Сегодня утром искал и нашел квартиру. С 10 до 5 вечера – в бюро. Потом перенес свои вещи с судна на новую квартиру: очень милая, большая комната. Первый раз за четыре месяца один в настоящей комнате!! Я наслаждаюсь этой роскошью. К работе не приступал. Но возможность для этого еще будет. Очень устал, потому что очень много бегал. Какая милость иметь возможность снова спать в постели! Какая милость факта. ---- . ---- .

11.12.14

В первой половине дня в канцелярии, писал. Поработать не удалось. Весь день канцелярия. Оберлейтенант необычайно мил. Работать так и не начал.

12.12.14

Немного поработал. Весь день провел в канцелярии, но занят был не особенно. Завтра, надеюсь, поработать побольше. Принял ванну.

13.12.14

Весь день провел в канцелярия. *Мои мысли* скованы. Нога опять причиняет мне беспокойство, и кажется, как будто мой мозг тоже *хромает*. Тем не менее немного пора-

ботал. От Дэвида все еще нет ответа! Получил ли он мое письмо? Принимает ли он войну так же близко к сердцу, как я?! --- Да здравствует же Дух! Он – надежная гавань, которая защищена в стороне от безотрадного, бесконечно серого моря событий. --- .

14.12.14

Весь день канцелярия. Не работал. Но возможность для этого еще будет! Дружеское послание от Жолей. --- .

15.12.14

Весь день канцелярия. Немного поработал. Но мои мысли неповоротливы, как бывает в дороге, в поезде или на корабле, где тоже плохо думается.

16.12.14

Весь день канцелярия. Слышал, что мы, возможно, скоро перебазировемся в Лодзь. Немного поработал, но без настоящего воодушевления.

17.12.14

В.д.к.⁵⁹ Не работал. Сильно раздражен. --- . Очень мало свободного времени --- .

18.12.14

Как обычно. Не работал.

19.12.14

Работал самую малость. --- .

20.12.14

Немного поработал. Почти до 5 часов в канцелярии, потом в городе. Приятно до дрожи наслаждаться своим одиночеством. --- .

21.12.14

Письмо от Дэвида!! Я его поцеловал. Сразу же написал ответ. Немного работал. --- .

22.12.14

Не работал. До 6 – канцелярия. --- . Совсем мало работал. Вечером принял ванну. --- .

24.12.14

Сегодня, к моей большой радости, был зачислен в военнослужащие, правда без звезд. --- . Не работал. --- .

25.12.14

Обедал в офицерской столовой. Немного работал.

26.12.14

Почти не работал. Познакомился еще с одним молодым человеком, который некогда был учащимся высшей школы в Лемберге, а здесь он теперь шофер. Вечером, в кофейне, мы с ним хорошо провели время. --- .

27.12.14

До 9¹/₂ после полудня – канцелярия. НЕ работал. Назначен адъютантом оберлейтенанта Гюрта. --- .

28.12.14

До 10 вечера канцелярия. Не работал. *ОЧЕНЬ занят.* --.

29.12.14

Работал самую малость. Много дел помимо этого. Вечером ванна.

30.12.14

Не работал. Только не терять себя. --- .

2.1.15

Позавчера во второй половине дня я вдруг узнал, что немедленно еду в Вену вместе с моим командиром. Вчера утром мы прибыли в Вену. Большая неожиданность и радость для мамы и остальных. Вчера не работал, посвятил себя исключительно семье. Сегодня в первой половине дня делал покупки. В полдень ожидаю Гюрта, с которым должен уладить служебные дела. Я хочу лишь отметить, что мое душевное состояние сейчас намного спокойнее, чем где-либо на востоке.

3.1.15

Вчера после полудня – с Гюртом в Клостернойбурге. Потом с мамой дома.

6.1.15

Вена. Утром в обратный путь. Позапозавчера и позавчера – у Лабора⁶⁰. Вчера с Гюртом – в Винер Нойштадте, на обратной дороге в Мёдлинге. Обедали с капитаном Ротом, который мне был бесконечно неприятен. Поэтому, сразу же после обеда один вернулся железной дорогой в Вену.

10.1.15

Сегодня поздно вечером прибыли в Краков. Устал. Очень приятно провел время с Гюртом. Хотел бы я знать, какой будет моя будущая жизнь. --- .

11.1.15

Получил открытку от Фреге! Немного работал.

12.1.15

Немного работал. --- .

13.1.15

Немного работал. Работаю еще без большого воодушевления. Мои мысли устали. Я не вижу подлинной сути,

а скольжу по поверхности вещей! Словно пламя погасло и я должен ждать, пока оно снова не начнет гореть само собой. Но мой дух жив. Я думаю... --- .

14.1.15

Немножко работал. Но ничего хорошего. Очень часто думаю о Дэвиде и с нетерпением жду от него письма.

15.1.15

Немного работал; с большим воодушевлением. Вечером принял ванну.

16.1.15

Много работал и с воодушевлением. Со специальным подразделением почти не связан, что мне очень приятно. Известий от Дэвида еще нет. В последние недели более чувствен.

17.1.15

Снова работал. --- .

18.1.15

Почти не работал. Чувствовал себя вяло и безо всякого воодушевления. Но это, пожалуй, пройдет. --- .

19.1.15

Очень мало работал. В этом отношении совершенно мертв. Только ни к чему себя не принуждать!!! Когда же я получу известия от Дэвида?!! ---

20.1.15

Не работал, но этот покой – как освежающий сон.

21.1.15

Немного работал. Отправил письмо Дэвиду. Ходил с ним прямо к цензору здешней главной почты, он очень милый человек.

22.1.15

Работал.

23.1.15

Немного работал. Столкнулся с трудностями в своей, еще не сформулированной установке. Нужно победить самого себя! --- .

24.1.14

Немного работал. --- .

25.1.15

Письмо от Кейнса!⁶¹ Малоприятное. В последние дни очень чувствен. --- Безуспешно работал. Я в полнейшем неведении, как моя работа пойдет далее. Только чудом она может наладиться. Только благодаря этому ВНЕШНЯЯ пелена спадет с моих глаз. Я должен *полностью* покориться своей судьбе. Что мне суждено, то и случится. Я в руках судьбы (только не сдаваться). И я не могу сдать.

26.1.15

Получил сердечную открытку от Арни. Немного, но безрезультатно, работал.

27.1.15

Не работал. Вечером – с офицерами в кафе. Большинство вели себя, как свиньи. Даже я выпил несколько больше обычного.

18.1.15

Не работал, хотя, если мне что полезно, так это работа. Очень чувствен, даже странно: ведь я практически совсем не двигаюсь. Сплю неважно.

29.1.15

Почти не работал.

30.1.15

Не работал. Пришлось много поволноваться из-за своего неясного положения на службе, и, возможно, вскоре придется сделать в этом деле решающий шаг. --- .

31.1.15

Не работал.

1.2.15

Не работал; в обед собрались у Щольца, было приятно.

2.2.15

Работал совсем немного.

3.2.15

Не работал. Идей нет. Теперь должен наблюдать за нашей кузницей. Как это будет? Да поможет мне Дух! Будет очень трудно. Но: мужайся! --- . --- .

5.2.15

Не работал. Теперь я в кузнице. --- .

6.2.15

Сердечное письмо от Дэвида (от 14.1.)

7.2.15

Не работал. --- . --- .

8.2.15

Получил от Фикера последнее сочинение Тракля⁶². Действительно, очень хорошо. --- . Чувственен\|. Сейчас совершенно нет времени для своей работы. --- .

9.2.15

Не работал. --- .

10.2.15

Не работал. Любезное письмо от Фикера. Посвящение от Рильке⁶³. Смогу ли я снова работать!!! Все другое приложится. Когда же мне снова что-то придет в голову??! Все в руках Божьих. Только желай и надейся! И ты не потеряешь время напрасно. --- .

11.2.15

Не работал. --- . С одним из офицеров – кадетом Адамом – в очень напряженных отношениях. Возможно, между нами будет дуэль. Живи поэтому всегда праведно и согласен своей совести; Дух да пребудет со мной! Ныне и во веки веков! ---!

13.2.15

Не работал. Дух да пребудет со мной. --- .

15.2.15

Вчера немного поработал. Теперь не проходит и дня, когда я хотя бы раз даже мимоходом не думал о логике, и это хороший знак. Все возможное доступно моему пониманию! --- Вчера вечером у капитана Шольца музицировали (до 10 п.п.). Очень приятно.

17.2.15

Вчера и сегодня немного работал. Мое положение в особом подразделении в настоящее время из рук вон плохое; с этим непременно и немедленно нужно что-то делать. --- Я вынужден волноваться и огорчаться по пустякам и попусту растрчивать себя на это. Моя чувственность обострена до предела и онанирую почти каждый день; так больше не может продолжаться. --- --- --- --- --- --- --- ---

18.2.15

Почти не работал. Очень много размышлял о своем положении. Любопытно, что ждет меня в будущем. ---

19.2.15

Новые неприятности на фабрике. Долгий разговор с командиром, который ничего не прояснил и не дал никакого результата. Почти не работал. Эти неприятности мешают мне думать. Эту ситуацию нужно менять. --- . --- .

20.2.15

Жалость – притворна,
Трусость – позорна,
Нежность опасна,
Гибкость – для дам!⁶⁴
Не работал. Много думал. --- .

21.2.15

Не работал. В хорошем настроении. Чувствен. Только бы удалось снова работать!!! --- ! --- .

22.2.15

Не работал. Ночь полная тревог, но спал неплохо. Много неприятностей с командой. Гнев и волнение, даже [...] ⁶⁵
и т.п., и т.п. --- . --- .

23.2.15

Не работал. Мои затруднения все еще не улажены. --- .

26.2.15

Не работал! Буду ли я когда-нибудь снова работать?!? Настроение подавленное. Никаких известий от Дэвида. Совершенно одинок. Думаю о самоубийстве. Буду ли я когда-нибудь снова работать??! --- .

27.2.15

Не работал. Мрачное настроение. Очень чувствен. Ощущаю себя одиноким. Мне кажется, цель моей работы больше чем когда-либо скрылась в необозримой дали! Мне

недостает уверенности в победе и настойчивости. Мне кажется, как будто я никогда больше не смогу совершить большого открытия. Уже давно у меня не было такого скверного расположения духа, как сейчас. Только не теряй самого себя!! --- . --- .

28.2.15 / 1.3.15

Не работал. От Дэвида никаких известий! В нерешительном и переменчивом настроении.

2.3.15 / 3.3.15

Не работал. Вчера вечером что-то промелькнуло, словно вспышка молнии. От Дэвида никаких известий! --- Приятный вечер у Шольца. А вообще настроение унылое.

4.3.15

Не работал. Нравственно утомлен, но осознаю громадную трудность своей ситуации. И до сих пор мне все еще совершенно неясно, как ее можно исправить. ---

5.3.15

Сегодня говорил с Гюртом о своем недостойном положении. Решения еще нет. Наверное, я уйду на фронт пехотинцем. --- . --- .

6.3.15

--- . --- . Моя ситуация все еще не разрешилась, настроение очень переменчивое --- .

7.3.15

--- . Ситуация без изменений. Неприятно. Все еще [...] ⁶⁶ не могу найти подходящего решения. Снова ударил сильный мороз! Очень некстати! Чувствую себя неважно. Так сказать – душевно утомлен, очень утомлен. Как с этим бороться?? Отвратительные обстоятельства съедают меня.

Внешняя жизнь со всей ее низостью и подлостью обрушилась на меня. И я внутренне переполнен ненавистью и не могу допустить к себе Дух. Бог – это любовь. --- Я, как выгоревшая печь, полон шлаков и мусора. --- --- --- --- --- .

8.3.15

Ситуация не разрешилась. Без изменений! Депрессия. --

9.3.15

Ситуация без изменений! --- . --- . Настроение настороженное, но скверное. --- --- --- ---

10.3.15

ОЧЕНЬ чувствен. Нерешительный, беспокойный дух. --

11.3.15

Не работал. Ситуация без изменений. Ничего, кроме неприятностей. --- . --- .

12.3.15

Не работал. Много думал. Ситуация еще не разрешилась. --- .

13.3.15

Ситуация все та же. Совершенно нерешителен. --- .

14.3.15

Ситуация без изменений! --- . Не работал, депрессия. На душе тяжело. --- . --- .

15.3.15

Встретил одного знакомого одногочника и обсудил с ним мои обстоятельства, завтра еще об этом поговорю. По-

лучил оценку со стороны (?). Все еще не работаю. Буду ли я когда-нибудь снова работать??! ---- .

16.3.15

18.3.15

Вчера – *сердечное* письмо от Дэвида! --- Переехал на фабрику. Ответил Дэвиду. *Очень* чувствен.

19.3.15

Сегодня говорил с Гюртом о своем будущем. Безрезультатно. *Очень* чувствен.

21.3.15

Думаю пойти в королевские егеря, ведь и Фикер тоже там⁶⁷. Неважно себя чувствую. Не работал. Постоянно нездоровится. --- ----

22.3.15

Нездоровится. Ближе к вечеру получше.

23.3.15

Очень чувствен.

24.3.15

--- . Не работал! Буду ли я когда –нибудь снова работать??! --- .

27.3.15

29.3.15

Надоело! Окружен низостью! Как я устал! --- --- . ---

31.3.15

Переменчивое настроение.

4.4.15 / 5.4.15

Переменчивое настроение.

15.4.15

На ум не приходит ничего нового! (Гюрт откомандирован отсюда.) Я не могу думать ни о чем новом. Но нельзя же, пожалуй, целиком зависеть только от этого.

16.4.15

Очень чувствен. О. каждый день. От Дэвида уже давно нет никаких известий. Я работаю. --- .

17.4.15

Я работаю.

18.4.15

Сильно простужен!

22.4.15

Теперь должен осуществлять главный надзор над всеми мастерскими. Новые неприятности.

24.4.15

Я работаю. --- .

26.4.15

Работаю. Прочая моя деятельность неудовлетворительна.

27.4.15

Работаю. Теперь приходится понапрасну растрчивать свое время на фабрике!!! ---

28.4.15

Снова работаю! --- .

29.4.15

Работаю. В остальном дела неважные. Только не позволяй низким людям влиять на себя.

Дружеское письмо от Дэвида!

1.5.15

О, милость работы!⁶⁸ ---

5.5.15 / 7.5.15

Звание все еще не присвоено! Из-за моего неясного положения опять неприятности. Если так будет продолжаться и дальше, то буду добиваться возможности уйти отсюда.

8.5.15 / 10.5.15

МНОЖЕСТВО волнений! Был близок к СЛЕЗАМ!!!!
Чувствую себя сломленным и больным! Низость повсюду.

11.5.15

Не работал.

22.5.15

Дружеское письмо от Рассела!

24.5.15

Сегодня познакомился с пожилым логиком Дзивицким⁶⁹, о котором мне писал в своем письме Рассел. Приятный пожилой человек.

25.5.15 / 8.6.15

Новые трудности с присвоением звания. Наверное я уйду отсюда. Чрезвычайно подавлен низостью окружающих меня людей, которые гнусным образом меня используют. --

22.6.15

Очень много работаю! Вопреки отвратительному окружению!⁷⁰

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ

28(?) .3.1916—19.8.1916

[28.3.16]⁷¹

[...] ⁷² и должен был бы лишиться себя жизни⁷³. Я претерпел адовы муки. И все же образ жизни так соблазнителен, что я снова захотел жить. Я расстанусь с жизнью только тогда, когда действительно пожелаю этого.

29.3.16

Вынужден заниматься непривычными делами. Нужно много сил, чтобы выдержать это. Часто я близок к отчаянию. Уже более недели, как не работал. У меня *нет времени!* О, Боже! Но это же естественно, ведь если я умру, у меня тоже не будет времени для работы. В данный момент инспекция. Моя душа сжимается. Господи⁷⁴, просвети меня! Господи, просвети меня! Господи, просвети мою душу.

30.3.16

Делай все наилучшим образом! Большого ты сделать не можешь, и пребывай в радости. Дай другим быть самими собой. Ведь другие не поддержат тебя, а если и поддержат, то только лишь на короткое время. (И скоро ты станешь им в тягость.) Помогай себе сам и помогай другим всеми своими силами. И будь весел при этом! Но сколько же сил нужно для себя и сколько же потребуется для других? *Трудно жить праведно!!* Но праведная жизнь прекрасна. И да свершится воля Твоя, а не моя!

2.4.16

Был болен. Сегодня все еще очень слаб. Мой командир сказал мне сегодня, что он отправит меня в тыл. Если это произойдет, я покончу с собой.

6.4.16

Жизнь – это

7.4.16

пытка, которая временами ослабевает, лишь для того, чтобы сделать нас более восприимчивыми к другим мукам. Ужасный набор мучений. Изнуряющий переход, всю ночь меня мучил кашель, общество пьяных, подлых и тупых людей. Твори добро и радуйся своей добродетели. Болен, и у меня скверная жизнь. Господи, помоги мне. Я бедный, несчастный человек. Услышь меня, Господи, и пошли мне покой! Аминь.

10.4.16

Живу из последних сил. Просветление еще не снизошло на меня. Сегодня увидел свое отражение в зеркале; я *совершенно* раздавлен! Уже долгое время я больше не могу работать.

13.4.16

Все еще блуждаю во тьме. Еще не пробудился к жизни.

15.4.16

Через 8 дней мы выходим на огневую позицию. Стало быть, мне суждено поставить на карту свою жизнь в этом суровом испытании!

16.4.16

С 22.03 *совершенно* асексуален. Последние 2 дня передышка.

18.4.16

Завтра или послезавтра – на передний край. И так, смелее! Бог поможет.

20.4.16

Господи, сделай меня лучше! И тогда я возрадуюсь. Возможно, уже сегодня – на огневую позицию. Господи, помоги мне.

23.4.16

Уже несколько дней на новой позиции. Целый день *тяжелая* физическая работа; не в состоянии думать. Господи, помоги мне. Я ужасно страдаю. Сегодня вызвался идти на наблюдательный пункт. В отделении все ненавидят меня, потому как никто из них не в состоянии меня понять. И потому что я не святой! Господи, помоги мне!

26.4.16

Офицеры батареи, кажется, относятся ко мне хорошо. Это избавляет меня от некоторых неприятностей. Благодаря Богу. Да свершится воля Твоя! Не сворачивай со своего пути! Да свершиться воля *Твоя!*

27.4.16

Рядовой состав, за редким исключением, ненавидит меня как вольноопределяющегося. Так что почти всегда я теперь окружен людьми, которые меня ненавидят. И это единственное, с чем я еще не могу примириться. Но здесь злые, бессердечные люди. Почти невозможно отыскать в них следы человечности. Господи, помоги мне жить. Сегодня у меня было предчувствие, что ночью что-то случится. И действительно, сегодня ночью объявили боевую готовность. Господи, будь со мной! Аминь.

28.4.16

Ночью спокойно. Написал Расселу. Сегодня ночью видел скверный сон. Господи, защити меня.

29.4.16

Во второй половине дня в разведке. Попали под обстрел. Думал о Боге. Да свершится воля *Твоя!* Господи, будь со мной.

30.4.16

Сегодня разведка боем. Человеку нужен *только* Бог.

2.5.16

Постоянно должен защищаться от человеческой низости.

3.5.16

Это так тяжело! Спаси и сохрани меня, Господи. Аминь. Пусть минует меня чаша сия. Да свершится воля *твоя.* Работа не идет на ум.

4.5.16

Вызвался пойти в разведку, возможно, завтра. Только тогда для меня начнется война. И может быть – жизнь! Возможно, близость смерти откроет мне свет жизни. Пусть Господь просветит меня. Я червь, но с Божьей помощью стану человеком. Господи, помоги мне. Аминь.

5.5.16

На разведывательном пункте чувствую себя, как принц в проклятом замке. Сейчас, днем, все спокойно, но ночью должно быть будет *ужасно!* Выдержу ли я это???? С сегодняшняя ночь покажет. Господи, помоги мне!!

6.5.16

Жизнь в постоянной опасности. Ночь, милостью божьей, прошла хорошо. Время от времени на меня нападает уныние. Это школа того, как не нужно понимать жизнь!

Пойми людей! Каждый раз, когда ты готов их возненавидеть, вместо этого постарайся их понять. Живи в согласии с самим собой! Но как его обрести? ТОЛЬКО в том случае, если я живу угодно Господу! *Только* так возможно вынести жизнь.

7.5.16

Ночь прошла спокойно. Слава Богу. Лишь я бесконечно несчастен.

8.5.16

Спокойная ночь. Со мной Бог! Люди, которые меня окружают, не столь низки, сколь ужасающе ограничены. Это делает общение с ними почти невозможным, потому что они все меня бесконечно неправильно понимают. Люди не глупы, но ограничены. Для своего круга они довольно умны. Но им не хватает определенности характера и к тому же широты суждений. «Праведная душа поймет все». Сейчас не могу работать.

9.5.16

Иметь бы достаточно времени и покоя для работы. Но никаких перемен. Предмет моих помыслов очень далек от меня. Только смерть придает жизни ее значение.

10.5.16

Милостью Божьей сейчас у меня все хорошо. Вот только работать, к сожалению, я не могу. Да свершится воля Твоя! Аминь. Он не покинет меня в опасности!! --- .

11.5.16

Послезавтра меняем позицию. *Очень* неприятно! Но да свершится воля Твоя.

16.5.16

На третьей позиции. Как всегда, очень много тягот. Но и большая милость. Как всегда утомлен! Не могу работать.

Сегодня ночью в окопах под непрекращающимся огнём; возможно, погибну. Господи, будь со мной! На веки веков аминь! Я слабый человек, но доньше Он хранил меня. Слава тебе, Господи, на веки вечные, аминь. Предаю душу свою в Твои руки, Господи.

21.5.16

Господи, сделай меня лучше!

25.5.16

Обстреляны. На все Божья воля!

27.5.16

Письма от Мины⁷⁵ и мамы. Сегодня или завтра, возможно, будет наступление русских⁷⁶. Ну, на все Божья воля. Я страшно глубоко погряз в грехе. Но Бог простит меня.

28.5.16

Последние недели очень беспокойный сон. Все время во сне вижу службу. Сны, от которых я просыпаюсь. За последние 2 месяца только три раза о. Мое окружение невольно вызывает у меня отвращение. Не человеческими лицами, а искаженными рожами часто представляются они мне. Подлый сброд. Я не ненавижу их, но они внушают мне отвращение. Сегодня полная готовность. Мой командир очень любезен со мной. Думаю о цели жизни. Это самое лучшее, что ты можешь сделать. Я должен был быть счастливее. О, если бы мой дух был сильнее!!! Ныне со мной Бог! Аминь.

29.5.16

Со мной Бог.

6.7.16

Колоссальные лишения в последний месяц. Размышлял о чем угодно, но странным образом не могу восстановить связи со своим математическим ходом мысли.

7.7.16

Но я сделаю это! То, о чем невозможно сказать, сказать *нельзя!*

8.7.16

Увы, увы! У меня нет времени для работы!

9.7.16

Не сердись на людей. Люди никчемные негодяи. И все же ты не должен сердиться на них. Их слова не должны затрагивать тебя. Если они не общаются с тобой, еще легче сохранить спокойствие. Если же они в отношении тебя наглы и грубы, то эти чувства вскипают и в тебе. Не сердись. Злость ничем тебе не поможет.

14.7.16

Работа – это милость.

16.7.16

Ужасная погода. В горах мы совершенно беззащитны: ледяной холод, дождь и туман. Жизнь, полная мучений. Страшно тяжело не потерять себя. Ведь я же слабый человек. Но Дух поможет мне. Самым лучшим для меня было бы заболеть, по крайней мере тогда у меня была бы хоть минута покоя.

19.7.16

Все еще сержусь. Я слабый человек.

20.7.16

Только продолжай работать и станешь лучше.

24.7.16

Обстреляны. И при каждом выстреле моя душа сжимается. Мне так страстно хочется жить!

26.7.16

Трогательное письмо от Дэвида. Он пишет, что его брат погиб во Франции. Ужасно! Это сердечное дружеское письмо открыло мне глаза на то, что я живу здесь, как в *изгнании*. Возможно, это изгнание во спасение, но я ощущаю его как изгнание. Я изгнанник среди шумных масок и вынужден жить в отвратительных обстоятельствах. И в этом окружении я должен вести добродетельную жизнь и очиститься. А это СТРАШНО трудно! Я слишком слаб. Я слишком слаб! Господи, помоги мне.

29.7.16

Вчера нас обстреляли. Я в отчаянии. Я боялся смерти. Теперь у меня только одно желание – жить! А очень трудно отказаться от жизни, если так ее любишь. Как раз это и есть «грех» – неблагоприятная жизнь, ошибочное понимание жизни. Временами я превращаюсь в зверя. Тогда я не могу думать ни о чем, кроме еды, питья, сна. Ужасно! Я и страдаю тогда тоже, как зверь без возможности внутреннего спасения. И тогда я отказался от своих прихотей и пристрастий. Не нужно оставлять думы о правильной жизни на потом.

30.7.16

Смешно: сегодня меня рассердило то, что в пехоте, где я теперь нахожусь на содержании, я получаю не офицерское довольствие, как мне было вначале обещано. Я веду себя в высшей степени скверно и по-детски. Но, несмотря на это, я не могу преодолеть досаду на перенесенную несправедливость. Я все еще думаю, как это можно было бы исправить. Человек так глуп.

6.8.16

Три дня в пути по железной дороге на передний край. Состояние здоровья не самое лучшее, душевно подавлен

низостью и тупостью своего окружения. Господи, дай мне сил и внутренней стойкости, чтобы противостоять душевной болезни. Господи, придай мне радости.

11.8.16

Живу в грехе, а это значит – несчастлив. Недоволен, печален. Живу в разладе со всем своим окружением.

12.8.16

Ты знаешь, что должен делать, чтобы жить счастливо. Почему же ты не делаешь этого? Потому что ты неблагоразумен. Скверная жизнь есть следствие неблагоразумия. В том-то и дело, чтобы не сердиться.

13.8.16

Тщетно борюсь со своей скверной натурой. Господи, укрепи меня! ---

19.8.16

Низость повсюду! В недалеком будущем уезжаю в тыл, где поступлю в распоряжение кадрового управления⁷⁷. Рад этому. Окружен низостью. Да поможет Бог⁷⁸.

КОММЕНТАРИИ

¹ Перевод И.А. Эннс и В.А. Суровцева по изданию: *Wittgenstein L. Geheime Tagebücher 1914–1916* (ed. W. Baum). Turia and Kant. Wien, 1991. Из этого же издания частично взяты примечания, раскрывающие биографические, исторические и географические реалии. Кроме того, мы следуем редактору *Тайных дневников* Вильгельму Бауму, обозначая места, которые не имеют точного прочтения, вопросительными знаками в скобках (?), заменяя простое подчёркивание курсивом, а двойное подчёркивание – заглавными буквами.

² Речь определенно идет о докторе Войславе Моле. Родился в 1886 году в местечке Каналтал в Словении, посещал гимназию в Рудольфсвертсе (Ново Место), южнее Лайбаха. Изучал право и историю искусств в Вене, Кракове и Риме, защитил кандидатскую диссертацию в 1912 году в Вене. С 1913 по 1914 год был ассистентом в управлении по охране памятников в Сплите; в 1914 поступил на военную службу и попал в русский плен и был этапирован в Красноярск и Томск. В 1919 году защитил докторскую диссертацию в Томске и в этом же году стал доцентом кафедры археологии и истории византийского искусства в Кракове, где в 1926 году стал профессором истории славянского искусства. После нападения Гитлера на Польшу вернулся в Лайбах, где был профессором истории византийского искусства. Публикации: «История раннехристианского и византийского искусства», «Русское искусство до 1914 года», «Славянское народное искусство», «Искусство, его образ и выражение». В юности публиковал свои стихотворения в журнале «Люблянский звон» и в газете «Слован». В 1910 году издал поэтический сборник «Когда цвели цветы».

³ Слово отсутствует.

⁴ Дэвид Пинсент (1891–1918), студенческий друг Витгенштейна в Кэмбридже.

⁵ Слово отсутствует.

⁶ Слово отсутствует.

⁷ Кандидат в офицеры, сдавший выпускные экзамены в гимназии.

⁸ В письме от 14.08 Витгенштейн писал Фикеру, что теперь он во втором полку крепостной артиллерии в Кракове. В ответном письме от 21.08 из Инсбрука Фикер поздравил Витгенштейна с решением пойти на войну добровольцем. Он сообщил ему, что Тракль прохо-

дит службу армейским аптекарем в Галиции и предложил разделить назначенную Витгенштейном стипендию между несколькими получателями. (Ludwig von Ficker: Briefwechsel 1914 – 1925, hg/ v/ Ignaz Zangerle, Walter Methlagl, Franz Seyer u. Anton Unterkircher, (Brenner – Archiv VIII). Innsbruck, 1988. S. 11 – 14. Nr. 266 f) Фикер еще раз сообщает об этом же деле в письме от 15.09, см. там же: S. 15. Nr. 72.

⁹ До сих пор используется нормальная запись, начиная с этого места идёт тайнопись.

¹⁰ См. прим. 1.

¹¹ Сторожевое судно, на котором Витгенштейн служил в годы войны.

¹² Слово невозможно прочесть.

¹³ См. прим. 1.

¹⁴ Здесь начинается первая запись от 22.08.1914. сделанная нормальным шрифтом. Этой записью открывается философский дневник Витгенштейна (русский перевод см.: *Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916*. Томск: Водолей, 1998. С. 17.) Данное издание ограничивается только «Тайными дневниками», где записи сделаны тайнописью.

¹⁵ Государственная высшая школа в Линце, которую Витгенштейн посещал в 1903–1906 годах.

¹⁶ Победа 1-й армии Данкля у Красника и 4-й армии Ауфенберга у Комарова.

¹⁷ Здесь начинается вторая запись опубликованных дневников, написанных нормальным почерком. (*Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916*. Томск: Водолей, 1998. С. 17.)

¹⁸ Здесь начинается третья запись опубликованных дневников, написанных нормальным почерком. (*Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916*. Томск: Водолей, 1998. С. 17 и далее.) С этого места текст, написанный нормальной записью, находится, соответственно, на правой странице разворота тетради, а текст, написанный тайнописью, – на левой.

¹⁹ Поражение 3-й армии Брудермана у Лемберга (ныне г. Львов).

²⁰ Второе сражение у Лемберга или сражение у Гродека (4.09 – 11.09.1914), которое повлекло отступление австрийских войск.

²¹ Приток Вислы, который берет свое начало в Карпатах и впадает в Вислу приблизительно 25 км севернее Тарнува, около 60 км восточнее Кракова.

²² См. прим. 1.

²³ См. прим. 1.

²⁴ Знак отличия однодичноков-вольноопределяющихся в армии.

²⁵ 22.08 Витгенштейн получил два письма Фикера от 21.08 и от 15.09 и согласился со всеми его предложениями относительно распределения стипендии журнала «Бренер» (для Рильке и т.д.). Во второй открытке от того же числа он выражает надежду на встречу с Траклем. См.: *Ludwig von Ficker: Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier. S. 17f. Nr. 274 f.*

²⁶ Адель Жоль, супруга Станислава Жоля (1856 – 1942), который был учителем Витгенштейна в 1906–1908 годах в высшей технической школе в Берлине – Карлотенбурге. Оба состояли в переписке с Витгенштейном до 1939 года.

²⁷ Слово прочесть невозможно. Весь абзац, по-видимому, был затёрт.

²⁸ Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), английский экономист. Витгенштейн познакомился с ним в Кембридже в 1911–1912 годах.

²⁹ У.Е. Джонсон (1858–1931), логик из Кембриджа, для которого Витгенштейн учредил ежегодную стипендию в размере 200 фунтов.

³⁰ Бертран Рассел (1872–1970) – известный английский философ.

³¹ Слово невозможно прочесть.

³² Река, исток которой в Карпатах, впадает в Вислу приблизительно в 100 км севернее Кракова. До конца Первой мировой войны по ней проходила австрийская граница.

³³ Русский приграничный город на западном берегу Вислы, 15 км севернее Тарнобжега.

³⁴ Австрийский приграничный город на восточном берегу Вислы.

³⁵ Русский приграничный город на западном берегу Вислы.

³⁶ Австрийский приграничный населенный пункт на восточном берегу Вислы, приблизительно 15 км юго-западнее Тарнобжега.

³⁷ Австрийский приграничный населенный пункт приблизительно посредине между Краковом и Сандомиром.

³⁸ 04.10 Фикер послал Витгенштейну письмо Рильке с благодарностью за помощь. В письме от 17.10 Фикер сообщил Витгенштейну, что Тракль лежит в гарнизонном госпитале в Кракове, и что он намерен посетить его. См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 23. Nr. 282.*

³⁹ Витгенштейн прерывает предложение посредине и начинает после тревоги с новой строки.

⁴⁰ В этот день лейтенант Моле, в дополнение к письму, написанному Фикером во время своего посещения Кракова, писал Витгенштейну: «Дорогой Витгенштейн! Надеюсь, вы получили письмо, которое я вам отправил. Вчера (в воскресенье) у меня был господин Фикер и справлялся о Вас. К сожалению, я смог сообщить ему лишь то, что Вы находитесь в Щёцине и письма Вам отправлены. Как Вы поживаете? Мои дела идут довольно хорошо. Передайте мои наилучшие пожелания доблестному Шубинскому и скажите ему, пусть он как можно быстрее отправит мне точные данные о своих наградах, продвижении по службе и т.п. С наилучшими пожеланиями, Ваш покорный слуга доктор Моле. Краков, 26.10.1914».

Моле не сопровождал Витгенштейна во время его плавания по Висле, а оставался в Кракове, где его разыскал Фикер. В разговоре с Фикером Моле рассказал, «какую прекрасную летнюю ночь однажды, вскоре после начала войны, он провел в увлекательной философской беседе с Витгенштейном на палубе корабля, в то время как тот чистил картофель для корабельной кухни». (*Ludwig von Ficker. Rilke und der unbekannte Freund // in: Der Brenner, 18. Folge, 1954. S. 237*). В своем письме от 26.10 Фикер сообщил Витгенштейну о положении Тракля, который надеется с ним познакомиться, и о своей встрече с его бывшим командиром лейтенантом Моле. «Он очень тепло и сердечно о вас отзывался и отдавал должное вашему служебному усердию и рассказал мне, как по ночам на корабле – в то время как вы обслуживали прожектор – вы вместе часто философствовали». (*Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 29 f. Nr. 292, Beilage.*)

⁴¹ Пауль Витгенштейн (1887–1961), брат Людвига. В 1914 году на русском фронте потерял левую руку.

⁴² Заблуждение. В Первой мировой войне Норвегия сохраняла нейтралитет.

⁴³ Вероятно, в этот день Витгенштейн подтвердил Фикеру получение открытки от 04.10 и письма от Рильке; См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 31/ Nr. 294.*

⁴⁴ Намёк на музыкально-поэтическую драму Гёте «Lila» (1777) (*J.W.v.Goethe. Gedichte / Hrsg. u. kommentiert von E.Trunz // in: Hamburger Ausgabe. Bd. 1. München 1974. S. 134 und 530*):

Feiger Gedanken
Bangliches Schwanken
Weibisches Zagen
Angstliches Klagen
Wendet kein Elend
Macht Dich nicht frei.

Allen Gewalten
Zum Trotz sich erhalten
Nimmer sich beugen
Krafftig sich zeigen
Rufet die Arme der
Götter herbei.

Жалость – притворна,
Трусость – позорна,
Нежность опасна,
Гибкость – для дам!

Не верь, не меняйся,
И сопротивляйся
Любому напору.
Для воина впору –
С открытым забралом,
Взяв сырых и малых,
Шагать через скалы
Навстречу богам!

(перевод Н. Новодворского)

⁴⁵ Готлоб Фреге (1884–1929), логик и философ в Йене. Среди писем к Витгенштейну, обнаруженных в 1988 году в Вене, было 21 письмо от Фреге, а среди прочих – и письмо от 11.19, в котором Фреге благодарит Витгенштейна за письмо. См: *Gotlob Frege: Briefe an Ludwig Wittgenstein*. Hg. v. Allan Janik // in: *Grazer Philosophische Studien*. Bd. 33 / 34, 1989. S. 5–33. Hier S. 8f. Nr. 1.

⁴⁶ Георг Тракль (1887–1914) – австрийский поэт, перед началом войны получил от Витгенштейна помощь в 20000 крон. Тракль был единственным, кому Людвиг фон Фикер, распорядившийся деньгами, открыл имя дарителя.

⁴⁷ Клара Витгенштейн (1850–1935), тётя философа.

⁴⁸ Вероятно, в этот день Витгенштейн написал Фикеру, что получил его письмо от 26.10 и письмо от лейтенанта Моле. См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel*. S. Anm. 7. Hier S. 32. Nr. 296 u. S. 462f (Karte Trakls).

⁴⁹ Слово пропущено.

⁵⁰ Среди писем, адресованных Витгенштейну, которые были обнаружены в Вене в 1988 году и теперь находятся в Инсбруке (Brenner-Archiv), сохранилось также упомянутое письмо: «Милостивый государь! Я буду вам очень признателен, если вы удостоите меня своим посещением. Уже почти 14 дней я нахожусь в здешнем гарнизонном госпитале, в пятом отделении душевных и нервных болезней. Возможно, в ближайшие дни я смогу покинуть госпиталь, чтобы снова вернуться на фронт. Я очень хотел бы поговорить с вами, прежде чем решение об этом будет принято. С наилучшими пожеланиями, ваш покорный слуга Георг Тракль».

⁵¹ Фикер навешал Тракля в Кракове с 24.10–26.10.1914 и справлялся при этом также и о Витгенштейне, который в это время был на пути в Краков на «Гоплане». Тракль пережил сражение под Гродком и под его впечатлением был совершенно сломлен. После оставшейся не прояснённой попытки самоубийства, он умер 03.11.1914 в гарнизонном госпитале Кракова.

⁵² Возможно, в этот день Витгенштейн написал Фикеру, что он только что узнал о смерти Тракля. Фикер получил письмо 09.11 и попросил Витгенштейна сообщить подробности. См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 35f. Nr. 300 u. 302.*

⁵³ Пауль Витгенштейн (1842–1920), дядя философа. Ему и Дэвиду Пинсенту Людвиг Витгенштейн посвятил в 1918 году свой «Трактат».

⁵⁴ Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882), глава американских философов-трансценденталистов; в своих работах, среди которых и «Опыты», представлял веру в силу воздействия духа.

⁵⁵ 16.11 Витгенштейн поблагодарил Фикера за его письмо от 9.11. и сообщил ему, что 30.10 получил письмо Тракля. См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 42. Nr. 316.*

⁵⁶ В этот день Витгенштейн благодарил Фикера за стихи Тракля, которые тот ему прислал; «Голос поистине гениального человека» сделал его счастливым. См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. s. Anm. 7. Hier S. 53. Nr. 32.*

⁵⁷ Речь идет о оберлейтенанте Оскаре Гюрте, который в дальнейшем очень покровительствовал Витгенштейну и пытался помочь ему получить воинское звание.

⁵⁸ *Nietzsches Werke. Bd. 8. Leipzig, 1904* (Содержание: 1. Случай Вагнера, 2. Сумерки богов, 3. Ницше против Вагнера, 4. Переоценка всех ценностей, книга 1: Антихрист, 5. Стихотворения)

⁵⁹ Сокращение: Весь день канцелярия.

⁶⁰ Джозеф Лабор (1842–1924), слепой органист и композитор, с которым была очень дружна семья Витгенштейна.

⁶¹ Это письмо от 10.01.1915 года также находится среди писем к Витгенштейну, обнаруженных в 1988 году: «Дорогой Витгенштейн, я удивился, получив от тебя письмо. Ты думаешь, оно доказывает, что ты был жив, в то время когда я его получил? И все-таки я верю в это. Я надеюсь, тем временем тебя захватили в плен. Рассел и я временно отказались от философии: я – чтобы предложить свои услуги правительству в финансовых вопросах, он – чтобы бороться за мир.

Но Мур и Джонсон занимаются тем же, что и прежде. Впрочем, Рассел незадолго до начала войны опубликовал хорошую книгу. К середине октября Пинсент еще не ушел в армию, но с тех пор я о нем ничего больше не слышал. Твой лучший друг Бекаши – в вашей армии, а твой самый лучший друг Блисс – в нашей, на общественных работах. Наверное намного приятнее находиться на войне, чем размышлять о пропозициях в Норвегии. Но я надеюсь, скоро ты положишь конец этой изнеженности. Твой ДМ Кейнс» (Merkel, s. Anm. 56). Венгр Бекаши погиб на Первой мировой войне; его имя, в отличие от погибших англичан, отсутствует на мемориальной доске в Тринити Коледже в Кембридже.

⁶² Предположительно поэтический сборник «Себастьян во сне», который вышел в конце 1914 года (См.: *L. Wittgentstein. Briefwechsel. S. 69*). 29.12.1914 Фикер получил от Витгенштейна открытку с его новым адресом. На этот адрес Фикер переслал документы к стипендии и последнее желание Тракля, чтобы часть стипендии досталась его сестре Грете. Фикер попросил Витгенштейна узнать о месте захоронения Тракля, так как он хотел бы перевезти его в Инсбрук. 10.01.1915 Фикер написал Витгенштейну, что письмо вернулось с пометкой: адресат неизвестен. 03.02. Фикер во второй раз обратился к Витгенштейну с этой же просьбой и отправил то же самое письмо. Он также сообщил ему, что вступил в королевский егерский полк. 9.2 Витгенштейн поблагодарил за поэтический сборник Тракля «Себастьян во сне». См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 72f. Nr. 347; 78, Nr. 353; 83, Nr. 359 u. 89, Nr. 365 (Brief Wittgensteins vom 9.2. 1915.*

⁶³ 13.02.1915 Витгенштейн поблагодарил Фикера за послание Рильке, которое не обнаружено. (См.: *Briefwechsel. S. 70; Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 89f. Nr. 366*).

⁶⁴ Витгенштейн цитирует стихотворение Гёте «Lila», см. прим. 43.

⁶⁵ Слово прочесть невозможно.

⁶⁶ Слово прочесть невозможно.

⁶⁷ 13.02.1915 Витгенштейн поблагодарил Фикера за письмо от 21.12.1914, в котором он сообщил ему, что поступает во второй тирольский стрелковый полк в Бриксене. Это произошло 15.02.1915. (См.: *L. Wittgentstein. Briefwechsel. S. 70*)

⁶⁸ В этот день австрийская армия одержала решительную победу над русскими в битве при Тарнуве-Горлице, которая привела к освобождению Галиции и завоеванию всей Польши.

⁶⁹ Логик М.Н. Дзивицкий из Кракова был знаком с Расселом

и после войны сообщил ему о визите Витгенштейна: «Я рад [...] услышать о Витгенштейне, в высшей степени приятный молодой человек, знакомство с ним доставило мне большое удовольствие. Скажите ему, я очень рад, что его мрачные предчувствия не сбылись». На полях, рядом с последним предложением письма, Рассел поместил: «Он полагал, что погибнет в России». (См: *L. Wittgenstein. Briefwechsel. S. 72*).

⁷⁰ Дзивицкий написал Витгенштейну 07.06.1915. Письмо находится в Brenner-Archiv в университете Инсбрука. В период времени между второй и третьей тетрадью «Тайных дневников» там имеются еще письмо сестры Германы от 3.11 и письмо Рассела от 25.11. В письме от 12.1.1916 Германа, помимо всего прочего, пишет: «Я взяла с собой Карамазовых и время от времени читаю. Только сейчас я начала понимать смысл, в котором нужно читать эту книгу; ты не поверишь, как далеко можно зайти при её простом чтении. Я очень радуюсь, ведь она всегда напоминает мне о тебе и я часто даже думаю, что слышу тебя и разговариваю с тобой». (Innsbruck, Universitact, Forschungsinstitut «Brenner-Archiv»).

Людвиг фон Фикер после своего вступления в стрелковый полк справлялся у матери Витгенштейна Леопольдины об адресе ее сына, которая сообщила его ему 05.07.1915. Фикер в письме от 11.07.1915 сообщил Витгенштейну из Beneschau о своей солдатской жизни. 24.07.1915 Витгенштейн написал Фикеру из артиллерийских мастерских в Кракове: «Знаете ли Вы “Краткое разъяснение Евангелия” Толстого? Эта книга последнее время спасает мне жизнь. Не могли бы Вы купить и прочесть эту книгу? Если она Вам неизвестна, то Вы не можете также и знать, как она может повлиять на человека!» См.: *Ludwig von Ficker. Briefwechsel. S. Anm. 7. Hier S. 98f. Nr. 384*. 02.11.1915 Витгенштейн написал Фикеру из Кракова, что он часто преисполнен отвращения (подвержен депрессии). «Бог с вами». (там же. S. 105. Nr. 392). Фикер ответил 14.11.1915 : «Как часто в последнее время я скучаю о Вас, ведь никто не скажет мне: Храни тебя Бог! Единственное слово, которое так необходимо в трудной ситуации и которое сегодня тебе не скажет ни один человек. Нет ни одного сочувствующего сердца твоим напастям. И только Вы, который так бесконечно далек от меня, что часто я боюсь, действительно ли Вы тот, к кому я взываю в своем молчании, Вы вдруг склоняетесь ко мне так близко, что мне кажется даже, будто бы я слышу удары вашего сердца и Вы говорите то, что я никогда не забуду: «Храни тебя

Бог!» Все это так таинственно и пугающе! Пусть у вас все будет хорошо, вы слышите – пусть Бог тоже не покинет вас! Возможно, сила моего желание так велика, что оно будет услышано.» (там же. S. 106. Nr. 394).

⁷¹ Дата указана приблизительно.

⁷² Тетрадь начинается с середины предложения.

⁷³ После отклонения прошения Гюрта о присвоении Витгенштейну воинского звания, Витгенштейн ушел на фронт. 21.03.1916 он был направлен в 4 батарею 5 полка полевой артиллерии, которая располагалась в Саноке в верховьях реки Саны. Очевидно, начало новой тетради связано с переменой места службы.

⁷⁴ Остаток записи сделан нормальным шрифтом.

⁷⁵ Старшая сестра Витгенштейна Гермина Витгенштейн (1874–1850).

⁷⁶ 04.06.1916 началось наступление русских войск в Волыни, под руководством генерала Брусилова, которое в последствие было названо в его честь «Брусиловским прорывом».

⁷⁷ 01.09.1916 после тяжелых боев под Окной Витгенштейну было присвоено звание капрала и он поступил в офицерскую школу в Ольмюце в Мэрне; кроме того, он был награжден медалью за отвагу.

⁷⁸ Среди писем к Витгенштейну, найденных в 1988 году, которые хранятся сегодня в Brenner-Archiv в университете Инсбрука, некоторые дают разъяснения литературным аллюзиям. Сестра Гермина настоятельно рекомендует Витгенштейну в письме от 18.11.1916 года прочесть Гельдерлина. Потом пишет: «Получила твоего Вейнингера». В письме от 21.04.1917 она упоминает «Записки из мертвого дома» Достоевского, а в письме от 20.11.1917 «Дневник соблазителя» Кьеркегора. Друг Пауль Энгельман в письме от 08.01.1918 цитирует «Стадии жизненного пути» Кьеркегора: «Если бы у меня была вера, то я бы остался при ней. Слава Богу, что я понял это... Мне кажется, как будто у Вас отсутствует вера». В письме от 16.01.1918 Витгенштейн ответил: «Когда Вы говорите, что у меня отсутствует вера, Вы совершенно правы; у меня не было ее и раньше. Это же очевидно, что у человека, который, так сказать, хочет изобрести приспособление, чтобы стать порядочным, у этого человека нет веры. Но что же мне делать? *Одно мне ясно*: Я слишком плох, чтобы впадать в фантазии по собственному поводу; напротив, я или останусь паршивой овцой, или исправлюсь, и точка! Только не нужно трансцендентальной болтовни, когда все и так предельно ясно, как пощечина». (*Paul Engelmann. Ludwig Wittgenstein. Briefe und Begegnungen. Wien–München. 1970. S. 18f. Nr. 12.*)

ИЗ «ПРОТОТРАКТАТА»¹

2.0122

А это сводится к тому, что если бы имена имели значения, и когда они комбинируются в предложениях и вне них, было бы, так сказать, невозможно гарантировать, чтобы в обоих случаях они действительно имели одно и то же значение в одном и том же смысле².

2.013

Если я могу вообразить вещь в ситуации, то я не могу вообразить её вне этой ситуации³.

2.171

Бывают разные формы отображения⁴.

3.16021

Музыкальная тема – это предложение⁵.

3.2

Предложение – это знак предложения с его образом отображения⁶.

3.20102

Анализ знаков должен где-то заканчиваться, потому что если знаки вообще должны нечто выражать, значение должно принадлежать им способом, который сразу же и во всём завершён⁷.

3.20103

Требование определённости можно было бы также сформулировать следующим образом: если предложение должно иметь смысл, должно быть сразу же установлено

синтаксическое использование каждой из его частей. Например, не может лишь впоследствии оказаться, что из него следует определённое предложение. До того как предложение сможет обрести смысл, должно быть полностью установлено, какие предложения следуют из него⁸.

3.201412 (1)b, (2)

С каждым предложением мысленно прилагается много такого, что не помещается в слова.

Если 'А' используется для обозначения человека, то допустимо предложение 'А сидит', но не в том случае, если 'А' обозначает эту книгу. – Но как только предложение полностью проанализировано, всё, что зависит от понимания его формы, не должно затрагиваться значением его частей⁹.

3.202111

Хотя каждое слово имеет значение посредством своих определений, это подразумевает только то, что эти определения необходимы, для того чтобы представить в нашем знаковом языке полное языковое отображение мысли, выражению которой содействует это слово. Но эти определения могут оставаться не выраженными, но данное слово вследствие этого не утрачивает своего значения, поскольку оно всё ещё находится в том же самом отношении к предметам, которые отображаются посредством определений, – только мы особо не отображаем эти отношения. Естественно, это часто упрощает знаковый язык и всё более затрудняет его понимание, потому что решающий фактор находится теперь вне знаков, в чём-то таком, что не выражено в их отношении к их предметам¹⁰.

3.21

Предложение – это проекция вместе с методом управления ею¹¹.

4.0015

Таким образом, внешний аспект обыденного языка создаёт возможность любого вида иллюзии и путаницы¹².

4.1001

Совокупность истинных предложений есть отображение мира¹³.

4.10221

Так логическая структура ситуации отражается в предложении – мы не можем выразить её посредством языка – предложение её *показывает*¹⁴.

4.102234

Черта характеризует класс фактов, если они, и только они, обладают ею¹⁵.

4.1022511

Члены формальных рядов конструируются согласно формальному закону¹⁶.

4.11

Предложение утверждает существование ситуации, возможность которой оно представляет¹⁷.

4.22131

Ради краткости я так же выражаю взаимозаменяемость двух любых частей предложений одним и тем же способом¹⁸.

4.432

Ради ясности, мы теперь записываем этот знак следующим образом:

<i>p</i>	<i>q</i>	
<i>Л</i>	<i>Л</i>	<i>И</i>
<i>И</i>	<i>Л</i>	<i>И</i>
<i>Л</i>	<i>И</i>	<i>Л</i>
<i>И</i>	<i>И</i>	<i>И</i>

Знаки предложения, которые, согласно §4.43, конструируются этим способом, мы называем знаками предложения первого рода¹⁹.

4.442

Поэтому *TTFT* являются условиями истинности этого предложения²⁰.

4.44602

Аналитические предложения суть тавтологии²¹.

4.4484

Конечно, в тавтологии элементарное предложение всё ещё отображает, но оно столь свободно связано с действительностью, что оставляет ей *неограниченную* свободу. Границы, установленные противоречием, таковы, что действительность не может существовать в его рамках²².

5.00

Теперь становится ясной Теория типов²³.

5.0011

Сходным образом мы можем говорить об операции с несколькими основаниями. « $(F)(p)$ » есть результат операции « $(F)( )$ » на основании *p*; $(FTTF)(p, q)$ есть результат операции на двух основаниях²⁴.

5.0014

Если мы конструируем $(F)(p)$ как результат операции, мы записываем его как « (F) » « (p) »; и в общем случае

операция на 'a', 'b', 'c' и т.д. записывается как 'O'(a, b, c, и т.д.)²⁵.

5.0015

'O'(a, b, c, и т.д.)' есть результат операции. Саму операцию я обозначаю 'O'(ξ, η, ζ, и т.д.)', где греческие буквы указывают на места аргументов²⁶.

5.0054

То, что обозначает переменная, должно быть видно по самой переменной²⁷.

5.042

Каждое предложение следует из самого себя²⁸.

5.1

Если все предложения – это функции истинности (T-функции) элементарных предложений, отсюда следует, что они также являются функциями истинности друг друга²⁹.

5.2

Каждая T-функция T-функций является T-функцией элементарных предложений, предложений³⁰.

5.41

Однако разложим ли знак вроде $F(a, b, c, \dots)$ или нет, не обнаруживается в этом знаке. Скорее, если он разложим, это обнаруживается в отношении обозначения и поэтому в наличии у знака определения, которое его разлагает и которое имеет смысл³¹.

5.42

Мы можем оставить этот вопрос открытым: язык решит его сам³².

5.422

Для элементарных предложений мы используем знаки 'p₀', 'q₀', 'r₀' и т.д. или $f_0(a)$, $f_0(a, b)$ и т.д., оставляя открытым $a = b$ или же нет³³.

6.212

Ибо мы конструируем выражения посредством операций и утверждаем, что они имеют одно и то же значение³⁴.

НЕПРОНУМЕРОВАННЫЕ АФОРИЗМЫ³⁵

Мы можем сказать, что причина, по которой '~Сократ' не обозначает ничего, заключается в том, что не существует свойства, называемого $\sim(x)$.

Общая форма не является общей конституентой.

Действительность, которая соответствует смыслу предложения, не может быть ничем другим, чем её конституентами; поскольку мы, конечно, игнорируем всё иное.

То, как всё обстоит, есть Бог.

Бог есть то, как всё обстоит.

В том смысле, в котором существует иерархия предложений, мы, также не сомневаясь, можем говорить об иерархии истин, отрицаний и т.д. Но в том смысле, в котором существуют просто предложения, есть только одна истина и одно отрицание.

Низший уровень и операция могут служить представителями всей иерархии.

Правило, позволяющее мне найти положение точки в пространстве из положения её проекций, так же как в описательной геометрии, есть нечто иное, как выражение подразумеваемого закона проекции.

КОММЕНТАРИИ

¹ Перевод В.А. Суровцева по изданию: *Wittgenstein L. Prototractatus.* – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1971.

В нижеследующих ПРИМЕЧАНИЯХ указано, в каком отношении афоризмы «Прототрактата», отсутствующие в «Логико-философском трактате», находятся к афоризмам последнего.

² Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими первому и второму абзацам афоризма «Трактата», идущего под номером 2.0122.

³ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 2.0124 и 2.013 «Трактата».

⁴ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 2.17 и 2.171 «Трактата».

⁵ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими первому и второму абзацам афоризма 3.141 «Трактата».

⁶ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими второму абзацу афоризма 3.1431 и афоризму 3.202.

⁷ Этот и следующий афоризмы находятся между афоризмами, соответствующими афоризму 3.23 и первому абзацу афоризма 3.24.

⁸ См. предыдущее примечание.

⁹ Обозначения (1)б и (2) указывают на то, что этот текст является вторым предложением первого абзаца и вторым абзацем данного афоризма. Текст расположен между афоризмами, соответствующими пятому абзацу афоризма 4.002, который в «Прототрактате» следует за афоризмом, соответствующим афоризму 3.23, и афоризмом 3.324 «Трактата».

¹⁰ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 3.261 и 3.263 «Трактата».

¹¹ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 3.263 и 3.4 «Трактата».

¹² Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими четвёртому абзацу афоризма 4.002 и второму абзацу афоризма 3.323, после которого следует афоризм 4.003 «Трактата».

¹³ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 4.1 и 4.11 «Трактата».

¹⁴ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 4.121 и 4.1211 «Трактата».

¹⁵ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 4.123 и 4.124 «Трактата».

¹⁶ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими первому и второму абзацу афоризма 4.1252 «Трактата».

¹⁷ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими второму абзацу афоризма 4.12 и афоризму 4.2 «Трактата».

¹⁸ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими первому абзацу афоризма 4.241 и афоризмом 4.242 «Трактата».

¹⁹ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими второму абзацу афоризма 4.442 и первому абзацу афоризма 4.463 «Трактата».

²⁰ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими второму предложению третьего абзаца афоризма 4.442 и первым абзацем афоризма 4.45 «Трактата».

²¹ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими четвёртому абзацу афоризма 4.46 и пятому абзацу афоризма 4.461 «Трактата».

²² Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими второму абзацу афоризма 4.462 и третьим абзацем афоризма 4.463 «Трактата».

²³ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими первому абзацу афоризма 5 и афоризмом 5.21 «Трактата».

²⁴ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризму 5.21 и второму абзацу афоризма 5.2341 «Трактата».

²⁵ Этот и следующий афоризмы находятся между афоризмами, соответствующими афоризмам 5.234 и первому абзацу афоризма 5.2521 «Трактата».

²⁶ См. предыдущее примечание.

²⁷ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризму 5.2522 и второму абзацу афоризма 5.

²⁸ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 5.133 и 5.134 «Трактата».

²⁹ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 5.133 и 5.134 «Трактата».

³⁰ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими второму параграфу афоризма 5.31 и третьим параграфом афоризма 5.3 «Трактата».

³¹ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими третьему абзацу афоризма 5.555 и первому абзацу афоризма 4.221 «Трактата».

³² Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризму 5.5563 и первому абзацу 5.557 «Трактата».

³³ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими пятому абзацу афоризма 5.557 и первому абзацу афоризма 5.555 «Трактата».

³⁴ Данный афоризм находится между афоризмами, соответствующими афоризмам 6.2341 и 6.234 «Трактата».

³⁵ Непронумерованные афоризмы находятся на стр. 29, 35, 43, 84, 86, 93 рукописи «Прототрактата».

ИЗ ПИСЕМ ВИТГЕНШТЕЙНА К Л. ФИККЕРУ¹ (1919–1920)

* * *

Октябрь, 1919

... Во-первых, у меня нет денег, чтобы самому оплатить издание моей работы, потому что я избавился от всего своего состояния... Во-вторых, даже если бы у меня была возможность раздобыть деньги, я этого делать не хочу, так как считаю, что навязывать произведение миру, которому принадлежит издатель, таким способом неприлично и пошло. *Моё* дело было написать книгу, но мир должен принять её обычным способом.

... Наконец, мне пришлось в голову склонить Вас на свою сторону; не могли бы Вы взять бедное создание под свою защиту, Я хотел бы попросить Вас *вот о чём*: я отправлю Вам рукопись только в том случае, если Вы, в принципе, считаете возможной публикацию в *Brenner*. Пока же я хотел бы сказать только следующее: работа строго философская и одновременно литературная, но в ней нет болтовни...

* * *

Осень, 1919

... Вам, возможно, поможет, если я напишу пару слов о моей книге; я полагаю, о такой литературе Вы знаете не так много. Вы же можете не понять её; материал может показаться вам совершенно чуждым. На самом деле это не так,

---

¹ Перевод И.А. Эннс по изданию: *Wittgenstein L. Briefe an Ludwig von Ficker*. Salzburg: Verlag Otto Müller, 1969.

поскольку смысл книги этический. Я даже хотел вставить в предисловие одно предложение, которого там на самом деле нет и которое я сейчас напишу, потому что оно, возможно, будет для Вас ключом. А именно, я хотел написать: моя работа состоит из двух частей – из той, что находится перед вами, и той, которую я *не написал*. И именно эта вторая часть самая важная. Моя книга как бы проводит границы этического изнутри; и я убежден, что оно *строго* ограничивается ТОЛЬКО так. Короче, я полагаю, что всё то, о чём многие сегодня болтают, я устанавливаю в своей книге тем, что я об этом молчу. И поэтому эта книга, если я не слишком ошибаюсь, говорит многое из того, что Вы сами хотите сказать, но Вы, возможно, не увидите, что об этом в ней говорится. Я мог бы только рекомендовать Вам прочесть *предисловие* и *заключение*, т.к. они непосредственно выражают этот смысл...

* * *

22.11.1919

... Ваше письмо, разумеется, произвело на меня неприятное впечатление, хотя я и ожидал приблизительно такого ответа. Я ведь и сам не знаю, где можно разместить мою работу. Если бы я только мог поместить её где-нибудь в другом месте, а не в этом отвратительном мире. Пожалуй, Вы можете показать рукопись профессору философии (хотя показывать философскую работу профессору философии – это то же самое, что метать бисер...). Впрочем, он не поймет ни слова...

* * *

4.12.1919

...Очень мило с вашей стороны, что ответили на крайне важное для меня письмо такой дружеской телеграммой. Конечно, для меня было бы приятнее, если бы Вы взяли

мою книгу потому, что в ней что-то поняли, а не для того, чтобы просто сделать мне одолжение. Да и как я могу советовать Вам своё собственное сочинение? – Я полагаю, в таких случаях поступают так: Книга, даже если она написана совершенно искренне, с *определённой* точки зрения абсолютно ничего не стоит; ведь, собственно говоря, не нужно писать книгу, потому что в мире есть совершенно другие вещи, которые нужно сделать. С другой стороны, я полагаю, что могу сказать: раз уж Вы печатаете Даллаго, Хекера и т.п., *то* можете напечатать также и *мою* книгу. Вот и всё, что я могу сказать в оправдание моего желания, ибо если мою книгу измерять *абсолютным* масштабом, тогда только Бог знает, чего она стоит.

* * *

5.12.1919

... Конечно, я не могу принять жертву, которую Вы, на худой конец, хотите принести. Я не смогу простить себе, если существованию кого-то будет угрожать публикация моей книги. Хотя должен допустить, что я не вполне в этом убеждён. Ведь довольно часто люди писали книги, которые не совпадали с общим жаргоном, и эти книги были изданы, и издатели из-за этого не пошли ко дну. (Совсем наоборот.) – Вы вовсе не обманули моего доверия, ведь моё доверие, или, скорее, надежда, относилась только к тому, что Ваш нюх подсказал бы вам, что это сочинение не ерунда – если конечно я сам себя не обманываю, – а не к тому, что Вы его возьмете, будучи невысокого мнения о нем, вопреки своим интересам, только из-за хорошего отношения ко мне. – Короче говоря, я буду Вам *очень* признателен, если Вы сможете чего-то добиться в моём деле при помощи Рильке; но если ничего не получится, то пусть всё быльем порастет. – (Кстати сказать, десятичную нумерацию моих предложений нужно непременно напечатать, потому что

только она делает книгу ясной и понятной, а без этой нумерации она была бы беспорядочным нагромождением.)...

* * *

28.12.1919

... Позавчера я вернулся из Голландии, где встречался с проф. Расселом и говорил с ним о моей книге. Если я не смогу издать её ни в Австрии, ни в Германии, то Рассел напечатает её в Англии. (Он хочет её перевести.) Я, конечно, рассматривал бы это как самый последний вариант. Дело обстоит следующим образом: Рассел хочет написать введение к моему сочинению, и я с этим вполне согласен. Это введение должно составлять по объёму приблизительно половину самого сочинения и прояснять самые трудные места работы. Для издателя книга с этим введением – гораздо меньший риск или, возможно, вообще никакого риска, так как имя Рассела очень известно и гарантирует книге совершенно определённый круг читателей. Конечно, этим я не хочу сказать, что она попала в правильные руки, но все-таки это исключительно благоприятный случай...

* * *

19.01.1920

... Пожалуйста, будьте так любезны, с обратной почтой верните мне мою рукопись, так как я должен отправить её в Лейпциг в *Reclam*, которое, по всей вероятности, хочет издать мою книгу. Мне любопытно, как много лет ещё пройдет, прежде чем она появится. Надеюсь, это случится ещё до моей смерти...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЕ¹ (1929)

Каждое предложение [proposition] имеет содержание и форму. Мы получаем образ чистой формы, если абстрагируемся от значения отдельных слов или символов (насколько они имеют независимые значения). То есть – если мы подставляем переменные вместо пропозициональных констант. Правила синтаксиса, которые применяются к константам, должны применяться также и к переменным. Под синтаксисом в этом общем смысле слова я подразумеваю правила, говорящие о том, в каком соединении слово единственно приобретает смысл, исключая, таким образом, бессмысленные структуры. Синтаксис обычного языка, как хорошо известно, не вполне соответствует этой цели. Он не во всех случаях предотвращает появление бессмысленных псевдопредложений (таких как «красное выше зелёного» или «действительность, будучи действительностью *в себе*, должна также обладать способностью стать действительностью *для меня*» и т.д.).

Если мы попытаемся проанализировать любые заданные предложения, мы обнаружим, что они являются логическими суммами, логическими произведениями или другими истинностными функциями более простых предложений. Но если продвинуться достаточно далеко, наш анализ должен дойти до такого пункта, где он достигает пропозициональных форм, которые сами не составлены из более простых пропозициональных форм. В конечном

---

¹ Перевод В.А. Суровцева по изданию: *Wittgenstein L. Some Remarks on Logical Form // Essays on Wittgenstein's Tractatus / ed. I.M. Copi and R.W. Beard. New York, 1966.*

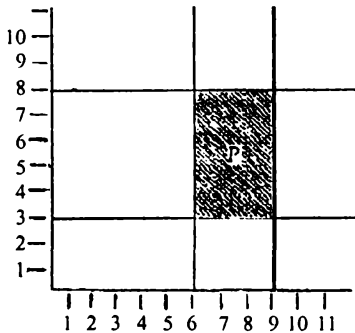
счёте, мы должны достигнуть первичного соединения терминов, непосредственного соединения, которое нельзя разорвать, не разрушая пропозициональную форму как таковую. Предложения, представляющие эту первичную связь, я, вслед за Расселом, называю атомарными предложениями. Они, таким образом, являются ядром каждого предложения, они содержат материал, а всё остальное суть только развитие этого материала. Именно в них мы должны искать существо предложений. Цель теории познания – обнаружить их и понять, как они конструируются из слов или символов. Эта очень трудная задача, и философия до сих пор едва ли принималась за её решение хоть в каких-то пунктах. Какой метод есть у нас для её решения? Идея заключается в том, чтобы в подходящем символизме выразить то, что в обычном языке ведёт к бесконечным недоумениям. То есть там, где обычный язык искажает логическую структуру, где он допускает образование псевдопредложений, где он использует один термин в бесконечно различных значениях, мы должны заменить его символизмом, который задаёт ясный образ логической структуры, исключает псевдопредложения и использует свои термины недвусмысленным образом. И мы сможем поставить ясный символизм на место нечёткого, только исследуя феномены, которые хотим описать, пытаюсь, таким образом, понять их логическое многообразие. То есть, мы можем прийти к корректному анализу только посредством того, что можно было бы назвать логическим исследованием самих феноменов, т.е. в определённом смысле *a posteriori*, а не строя предположения о возможностях *a priori*. Часто пытаются ставить вопрос с точки зрения *a priori*: «Какими, в конечном счёте, *могут* быть единственные в своём роде формы атомарных предложений?», и отвечать, например, субъектно-предикатными или реляционными предложениями с двумя или более членами отношений, далее, вероятно, предложениями, соотносящими друг с другом предикаты и отношения и т.п. Но это, я полагаю,

просто игра словами. Атомарную форму нельзя предвидеть. И было бы удивительно, если бы реальные феномены не научали нас ничему большему относительно своей структуры. К таким предположениям относительно структуры атомарных предложений нас приводит наш обычный язык, использующий субъектно-предикатную и реляционную формы. Но в этом наш язык вводит в заблуждение. Я попытаюсь объяснить это с помощью сравнения. Представим себе две параллельные плоскости I и II. На плоскости I нарисованы фигуры, например эллипсы и прямоугольники различной величины и различной формы, и наша задача состоит в том, чтобы отобразить эти фигуры на плоскости II. Тогда мы можем, среди прочих, вообразить два способа сделать это. Во-первых, мы можем установить закон проекции – скажем, закон ортогональной или какой-то другой проекции – и затем продолжить отображать все фигуры из I в II согласно этому закону. Во-вторых, мы можем продолжить следующим образом. Мы устанавливаем правило, что каждый эллипс из плоскости I должен оказаться окружностью на плоскости II, а каждый прямоугольник – квадратом. Такой способ репрезентации может быть удобен для нас, если по какой-то причине мы предпочитаем на плоскости II рисовать только окружности и квадраты. Конечно, из этих изображений нельзя непосредственно вывести точные формы первоначальных фигур на плоскости I. На их основании мы можем лишь прийти к заключению, что оригинал был эллипсом или прямоугольником. Для того чтобы в единственном примере получить определённую форму оригинала, мы должны были бы знать индивидуальный метод, посредством которого, например, отдельный эллипс отображается в окружность, находящуюся передо мной. Случай обычного языка вполне аналогичен. Если факты реальности суть эллипсы и прямоугольники на плоскости I, то субъектно-предикатные и реляционные формы соответствуют окружностям и квадратам на плоскости II. Эти формы суть нормы нашего особ-

го языка, в который мы отображаем *многими различными* способами *немного различных* логических форм. И по этой самой причине из употребления этих норм мы не можем делать выводы – кроме самых неопределённых – относительно действительной логической формы описываемого феномена. Такие формы, как «Эта статья – скучная», «Погода – прекрасная», «Я ленив», которые не имеют ничего общего друг с другом, представляются как субъектно-предикатные предложения, т.е., по-видимому, как предложения одной и той же формы.

Если же мы пытаемся получить действительный анализ, мы обнаружим логическую форму, которая имеет очень мало сходства с нормами обычного языка. Мы встретимся с формами пространства и времени, со всем многообразием пространственных и временных объектов, вроде цветов, звуков и т.д. с их градациями, непрерывными переходами и соединениями в различных пропорциях, все из которых мы не можем охватить нашими обычными средствами выражения. И здесь я хочу сделать своё первое конкретное замечание о логическом анализе действительных феноменов. Оно заключается в том, что для их репрезентации в структуру самих атомарных предложений нужно ввести числа (рациональные и иррациональные). Я проиллюстрирую это на примере. Представим себе систему перпендикулярных осей, пересекаемую в видимом нами поле линиями и с произвольно установленной шкалой. Ясно, что мы тогда можем описать форму и положение любого цветового пятна, находящегося в нашем визуальном поле посредством констатации чисел с их значением относительно системы координат и избранной единицы измерения. Опять-таки ясно, что это описание будет иметь правильную логическую сложность и что описание, имеющее меньшую сложность, не будет обладать правильной логической сложностью. Простым примером была бы репрезентация пятна Р посредством выражения «{6–9, 3–8}» и репрезентация предложения об этом пятне, например Р есть красное,

посредством символа «[6–9, 3–8] R», где R – это ещё не проанализированный термин («6–9» и «3–8» обозначают непрерывные интервалы между соответствующими числами).

Система координат здесь – это часть способа выражения; она является частью метода проекции, посредством которого реальность отображается в наш символизм. Отношение пятна, располагающегося между двумя другими, может быть выражено аналогично с помощью использования мнимых переменных. Мне не нужно говорить, что этот анализ никоим образом не претендует на полноту. Я не упоминал о времени, а использование двумерного пространства не оправдано даже в случае монокулярного зрения. Я только хочу указать направление, в котором, я полагаю, нужно искать анализ визуальных феноменов, и то, что в этом анализе мы встречаемся с логическими формами, совершенно отличными от форм, ожидать которые заставляет обычный язык. По моему мнению, вхождение чисел в формы атомарных предложений – это не просто особенность специального символизма, а сущностная и, следовательно, неизбежная черта репрезентации. И числа должны будут входить в эти формы, когда – как мы сказали бы в обычном языке – мы имеем дело со свойствами, которые допускают градацию; т.е. с такими свойствами, как длина расстояния, высота тона, яркость или краснота цветового оттенка и т.д. Отличительная черта этих свойств именно

в том, что одна их степень исключает любую другую. Один цветовой оттенок не может одновременно иметь две различные степени яркости или красноты, тон не имеет две различные силы и т.д. И важный пункт здесь заключается в том, что эти замечания не выражают опыт, но в некотором смысле являются тавтологиями. Каждый из нас знает, что в обыденной жизни, если кто-нибудь спрашивает нас «Какая на улице температура?», и мы отвечаем «Восемнадцать градусов», а он снова спрашивает нас «А разве не девятнадцать?», мы бы ответили: «Я же сказал, восемнадцать». Мы рассматриваем высказывание о степени (о температуре, например) как *полное* описание, не нуждающееся в дополнении. Так, будучи спрошенными, мы отвечаем, сколько времени, ничего к этому не добавляя.

Можно подумать – и не так давно я сам так считал, – что высказывание [statement], выражающее степень качества, можно было бы разложить на логическое произведение единичных высказываний о качестве и завершающее дополнительное высказывание. Так, я мог бы описать содержимое моего кармана, говоря: «Он содержит пенни, шиллинг, два ключа и более ничего». Выражение «и более ничего» является дополнительным высказыванием, завершающим описание. Но оно не работает при анализе высказываний о степени. Ибо назовём единицу измерения, например, яркости как b , и пусть $E(b)$ – это высказывание, что сущность E обладает этой яркостью, тогда предложение $E(2b)$, говорящее, что E обладает двумя степенями яркости, следовало бы разлагать на логическое произведение $E(b) \& E(b)$, но оно равно $E(b)$; если, с другой стороны, мы пытаемся провести различие между единицами измерения и, следовательно, пишем $E(2b) = E(b') \& E(b'')$, то мы предполагаем две разные единицы измерения яркости; и тогда, если сущность предполагает одну единицу измерения, мог бы возникнуть вопрос, а какую из двух – b' или b'' , что, очевидно, абсурдно.

Я утверждаю, что высказывание, приписывающее каче-

ству некую степень, не может разлагаться далее и, кроме того, что отношение различия степеней есть внутреннее отношение и что оно, таким образом, представимо *посредством* внутреннего отношения между высказываниями, приписывающими различные степени. То есть атомарное высказывание должно иметь ту же самую множественность, что и степени, которые оно приписывает, откуда следует, что числа должны входить в формы атомарных предложений. Взаимное исключение неразложимых высказываний о степени противоречит мнению, которое было опубликовано мной несколько лет назад и которое с необходимостью обуславливало, что атомарные высказывания не могут исключать друг друга. Я здесь сознательно говорю «исключать», а не «противоречить», поскольку между этими двумя понятиями существует различие, и атомарные предложения, хотя они и не могут противоречить друг другу, могут исключать друг друга. Я попытаюсь это объяснить. Существуют функции, которые могут дать истинное предложение только для одного значения их аргумента, поскольку – если можно так выразиться – в них есть место только для одного. Возьмём, например, высказывание, утверждающее существование цвета R в определённое время T в определённом месте P нашего визуального поля. Я буду записывать это высказывание «RPT», абстрагируясь в этот момент от любого рассмотрения того, каким образом такое высказывание должно разлагаться далее. Тогда «BPT» говорит, что цвет B находится в месте P во время T, и для большинства находящихся здесь и для всех в повседневной жизни будет ясно, что «RPT & BPT» есть своего рода противоречие (а не просто ложное высказывание). Теперь, если высказывания о степени разложимы – как я предпочитал думать, – мы могли бы объяснить это противоречие, говоря, что цвет R содержит все степени R и ни одну из B, и что цвет B содержит все степени B и ни одну из R. Но из вышесказанного следует, что никакой анализ не может устранить высказывания о степени. Тогда каким

образом работает взаимное исключение RPT и BPT? Я полагаю, что оно состоит в том факте, что RPT, как и BPT, в определённом смысле являются *завершёнными*. То, что в реальности соответствует функции «( ) PT», оставляет место только для одной сущности – фактически, в том же самом смысле, в котором мы говорим, что на стуле есть место только для одного человека. Наш символизм, позволяющий нам образовывать знак логического произведения «RPT» и «BPT», не даёт здесь правильного образа реальности.

В другом месте я говорил, что высказывание «достигает реальности», и под этим я подразумевал, что формы сущностей содержатся в форме предложения, которое говорит об этих сущностях. Ибо предложение, вместе со способом проекции, который отображает реальность в это предложение, определяет логическую форму сущностей так же, как наше сравнение *некоего* образа на плоскости II, вместе с его способом проекции, определяет форму фигуры на плоскости I. Это замечание, я полагаю, даёт нам ключ к объяснению взаимного исключения RPT и BPT. Ибо если предложение содержит форму сущности, о которой оно говорит, тогда возможно, чтобы этих два предложения сталкивались в самой этой форме. Каждое из предложений «Браун сейчас сидит на этом стуле» и «Джонс сейчас сидит на этом стуле» пытаются, в некотором смысле, посадить своё подлежащее на этот стул. Но логическое произведение этих предложений усаживает их обоих здесь и сейчас, а это ведёт к столкновению, к взаимному исключению этих терминов. Каким образом это исключение представляет себя в символизме? Мы можем записать логическое произведение двух предложений p и q следующим образом:

p	q	
<i>И</i>	<i>И</i>	<i>И</i>
<i>И</i>	<i>Л</i>	<i>Л</i>
<i>Л</i>	<i>И</i>	<i>Л</i>
<i>Л</i>	<i>Л</i>	<i>Л</i>

Что произойдёт, если этими двумя предложениями являются RPT и BPT? В этом случае верхняя строчка должна исчезнуть, поскольку она представляет невозможную комбинацию. Истинностными возможностями здесь будут:

<i>RPT</i>	<i>BPT</i>
<i>И</i>	<i>Л</i>
<i>Л</i>	<i>И</i>
<i>Л</i>	<i>Л</i>

То есть не существует логического произведения RPT и BPT в первом смысле, и в этом заложено противостояние исключения противоречию. Это противоречие, если бы оно существовало, должно было бы записываться так:

<i>RPT</i>	<i>BPT</i>	
<i>И</i>	<i>И</i>	<i>Л</i>
<i>И</i>	<i>Л</i>	<i>Л</i>
<i>Л</i>	<i>И</i>	<i>Л</i>
<i>Л</i>	<i>Л</i>	<i>Л</i>

Но это бессмысленно, поскольку верхняя линия «ИИЛ» придаёт этому предложению бóльшую логическую множественность, чем множественность действительных возможностей. Недостаток нашего способа записи, разумеется, заключается в том, что он не предохраняет от образования таких бессмысленных конструкций, а совершенный способ записи должен будет исключить такие структуры посредством определённых правил синтаксиса. Эти правила должны говорить нам, что то, что в случае определённых видов атомарных предложений описывалось с точки зрения определённых символических черт некоторых комбинаций «Истина» и «Ложь», должно быть отброшено. Такие правила, однако, не могут быть установлены, пока мы на самом деле не достигнем окончательного разложения рассматриваемого феномена. А это, как мы все хорошо знаем, пока ещё не достигнуто.

ЛЕКЦИЯ ОБ ЭТИКЕ¹ (1929 или 1930)

Прежде чем начать говорить непосредственно по теме моего выступления, позвольте сделать несколько вводных замечаний. Я предчувствую, что у меня возникнут немалые затруднения в изложении своих мыслей, и потому полагаю, что некоторые из трудностей можно устранить, если упомянуть о них заранее.

Первая из них та (впрочем, о ней я мог бы и не упоминать), что английский не является моим родным языком, и поэтому моей форме выражения недостает точности и утонченности, которая желательна, когда говорят на сложную тему. Все, что я могу сделать, – это попросить вас облегчить мою задачу и попытаться понять смысл, несмотря на нарушения английской грамматики, которые я наверняка буду постоянно допускать.

Вторая трудность, которую упомяну, состоит в том, что, вероятно, многие из вас пришли на эту лекцию, движимые не совсем адекватными ожиданиями. Для того чтобы правильно ориентировать вас в данном отношении, скажу несколько слов о причине выбора мною данной темы. Когда прежний секретарь оказал мне честь, предложив выступить с докладом перед вашим обществом, то моя первая мысль была – я обязательно сделаю это, а вторая – если у меня окажется подобная возможность, то это будет тема, о которой мне самому интересно говорить.

Не стану, однако, злоупотреблять данной возможностью и читать лекцию, скажем, по логике. Я говорю «зло-

---

¹ Перевод А.Ф. Грязнова по изданию: *Wittgenstein L. A Lecture on Ethics // Philosophical Review. Vol. LXXIV. № 1. 1968. P. 4–14.*

употреблять», ибо для объяснения чисто научного вопроса потребуется целый курс лекций, а не часовой доклад. Другой альтернативой было бы прочитать лекцию, которую обычно называют научно-популярной, а именно лекцию, предназначенную для убеждения вас в понимании того, чего вы на самом деле не понимаете, и также для удовлетворения того, что я считаю одним из самых низменных желаний современных людей – противоестественного любопытства в отношении последних научных открытий. Я отверг данные альтернативы и решил побеседовать с вами на тему, которая мне представляется в целом важной, надеясь при этом, что лекция будет способствовать прояснению ваших собственных мыслей (даже если вы окажетесь совершенно несогласны со мной). Моя третья и последняя трудность относится к типичным для большинства продолжительных философских лекций, когда слушатель становится неспособным увидеть одновременно и ту дорогу, по которой его веди, и ту цель, к которой эта дорога ведет. То есть либо думают: «Я понимаю все, что он говорит, но для чего это делается?», либо: «Я понимаю, к чему он клонит, но как же он собирается этого достичь?» Все, на что я способен, – так это еще раз попросить вас быть терпеливыми и надеяться, что в конце концов вам удастся увидеть и сам путь, и то, куда он ведет.

Итак, я начинаю. Моя тема, как вы знаете, – «Этика», и я позаимствую объяснение данного термина из книги профессора Мура *Принципы этики*. Он говорит: «Этика – это общее исследование того, что есть добро». Я же собираюсь использовать термин «этика» несколько в более широком смысле, а именно в смысле, включающем то, что считаю наиболее существенной частью эстетики. И чтобы вы ясно увидели (насколько это возможно) то, что я понимаю под предметом этики, приведу несколько более или менее синонимичных выражений, каждое из которых может подме-

нить вышеприведенное определение; перечислив их, я собираюсь вызвать тот же эффект, что и Гальтон, когда он расположил на одной фотографической пластинке ряд фотографий различных лиц для получения образа типичных черт, присущих этим лицам. И, показав такое коллективное фото, я смогу помочь вам увидеть, каковым является, скажем, типичное лицо китайца. Сходным образом, если вы просмотрите ряд предложенных вам синонимов, то, надеюсь, сможете обнаружить характерные общие черты, относящиеся к этике.

Итак, вместо того чтобы сказать: «Этика – это исследование того, что есть добро», я мог бы сказать, что этика является исследованием того, что ценно, или того, что важно. Либо же я мог сказать, что этика – это исследование смысла жизни, всего того, что делает жизнь стоящей; или же исследование правильного образа жизни. Надеюсь, что когда вы рассмотрите все эти фразы, у вас появится приблизительное представление о том, чем занимается этика. При этом первое, что привлекает внимание во всех данных выражениях, заключается в том, что каждое из них в действительности употребляется в двух сильно различающихся смыслах. Один из смыслов я назову тривиальным, или относительным, а другой – этическим, или абсолютным, смыслом. Если я, например, говорю, что это *хороший* (good) стул, – это означает, что стул служит определенной, заранее известной цели, и слово «хороший» здесь имеет только одно значение, поскольку данная цель уже была установлена.

Фактически слово «хороший» в относительном смысле просто означает соответствие определенному установленному стандарту. Так, когда мы говорим, что этот человек хороший пианист, мы подразумеваем, что он может играть вещи разной степени сложности, проявляя при этом определенное умение. Сходным образом, если я скажу, что мне важно не простудиться, я буду подразумевать, что простуда вызывает в моей жизни определенные, доступные описанию последствия; и если я скажу, что это *правильная до-*

рога, то буду иметь в виду, что данная дорога правильна по отношению к определенной цели. Используемые подобным образом, эти выражения не создают каких-либо сложных или глубоких проблем. Но в этике они употребляются иначе. Предположим, что я способен играть в теннис, и один из вас, увидев меня играющим, говорит: «Ну, Вы играете очень плохо». И представьте, что если я отвечаю «Я знаю, что играю плохо, но отнюдь не хочу играть лучше», то все, что он может на это сказать, будет: «А, тогда все в порядке». Но представьте, что я откровенно соврал одному из вас, и он, подойдя ко мне, сказал: «Вы ведете себя, как скотина». Я же на это отвечаю: «Я знаю, что веду себя плохо, но тем не менее не хочу вести себя лучше». Смог ли бы он в таком случае сказать: «А, тогда все в порядке»? – Конечно, нет. Он сказал бы: «Но Вы *должны* стремиться вести себя лучше». В данном случае перед вами суждение об абсолютной ценности, в то время как в первом случае было относительное суждение. В сущности, это различие, очевидно, таково: каждое суждение об относительной ценности есть просто суждение о фактах, и его можно сформулировать так, что оно вообще перестанет казаться суждением о ценности. Вместо того чтобы сказать «Это правильный путь к Гранчестеру», я мог бы также сказать: «Это правильный путь, который вам предстоит пройти, если вы хотите добраться до Гранчестера в кратчайшее время». «Этот человек хороший бегун» – просто означает, что он пробегает определенное количество миль за определенное количество минут и т.д.

Итак, я собираюсь настаивать на том, что хотя все суждения об относительной ценности можно представить просто утверждениями о фактах, никакое утверждение о фактах никогда не может быть (или же означать) суждением об абсолютной ценности. Позвольте мне пояснить это следующим образом. Вообразите себе, что, кто-то из вас стал всеведущей личностью и потому познал все движения всех

тел в живом или неживом мире, и что он также познал все состояния сознания всех когда-либо живших человеческих существ; а потом представьте, что этот человек написал обо всем, что он узнал, в большой книге, содержащей полное описание мира. А теперь я хочу сказать, что в этой книге не будет ничего такого, что бы мы назвали *этическим* суждением, или же того, что логически подразумевает подобное суждение. Конечно, она будет содержать все относительные суждения о ценностях и все истинные научные предложения, да и вообще все возможные истинные предложения. Но все описанные факты будут как бы находиться на одном и том же уровне. То же самое произойдет и с предложениями. Нет таких предложений, которые были бы в абсолютном смысле возвышенными, важными или тривиальными. Возможно, некоторые из вас согласятся с этим и вспомнят слова Гамлета: «Ничто само по себе не является ни хорошим, ни плохим, но лишь мысль делает его таковым». Однако эти слова могут привести к недоразумению. Гамлет, по-видимому, подразумевает то, что хорошее и плохое, хотя они и не являются свойствами внешнего мира, суть атрибуты наших состояний сознания. Я же хочу сказать, что любое состояние сознания (поскольку мы под этим подразумеваем факт, который может быть описан) в этическом смысле ни хорошо, ни плохо. Если, например, мы в нашей книге-о-мире найдем описание убийства, содержащее все физические и психологические подробности, то само описание этих фактов не будет содержать ничего, что мы могли бы назвать *этическим* предложением. Данное убийство окажется на том же самом уровне, что и любое другое событие – падение камня, например. Безусловно, знакомство с этим описанием способно вызвать у нас с вами сострадание, гнев или любую другую эмоцию. Или же мы можем узнать из книги о том сострадании или гневе, что были вызваны данным убийством в других людях, услышавших о нем. Но все это будут лишь

факты, факты и факты, а не этика. Должен сказать, что когда я размышляю, чем же могла бы быть этика, если бы имелась такая наука, то указанный результат представляется вполне очевидным. Для меня очевидно, что ничто из того, о чем мы могли бы подумать или сказать, не будет этикой; что мы не сможем написать научную книгу, предмет которой окажется внутренне возвышенным и потому будет превосходить все другие предметы.

Свое чувство я могу описать только с помощью метафоры, а именно: если бы человек был способен написать настоящую книгу по этике, то эта книга, подобно взрыву, уничтожила бы все другие книги в мире. Наши слова, используемые по-научному, – это просто сосуды, способные сохранять и передавать значение и смысл, *естественное* значение и смысл. Этика же, если таковая возможна, сверхъестественна, в то время как слова могут выражать лишь факты. Это похоже на случай, когда в чайную чашку, рассчитанную на ограниченный объем воды, я бы захотел залить целый галлон. Как я сказал, пока мы рассматриваем факты и предложения, имеется только относительная ценность и относительное добро, правильность и т.д. И позвольте до того, как я пойду дальше, проиллюстрировать сказанное одним достаточно очевидным примером. Правильная дорога – это дорога, ведущая к заранее определенной цели, и нам совершенно ясна бессмысленность разговоров о правильной дороге отдельно от такой цели.

А сейчас давайте посмотрим, что же мы, вероятно, могли бы подразумевать под выражением «абсолютно правильная дорога». Полагаю, что это будет дорога, увидев которую *каждый* с логической необходимостью либо пойдет по ней, либо же будет стыдиться, что по ней не пошел. Сходным образом *абсолютное добро*, если это некоторое описуемое положение дел, будет тем, что каждый, независимо от его вкусов и пристрастий, с *необходимостью* попытается делать (в противном случае он почувствует вину

за то, что этого не делает). Но я, однако, должен сказать, что подобное положение дел есть химера. Никакое положение дел не обладает само по себе тем, что я хотел бы назвать принудительной силой абсолютного судии. Тогда что же все мы (включая и меня самого), до сих пор склонные использовать выражения типа «абсолютное добро», «абсолютная ценность» и т. д., имеем в виду и что пытаемся выразить? Итак, всегда, когда я стараюсь прояснить это самому себе, я вполне естественно вспоминаю случаи, в которых наверняка употребил бы данные выражения. В результате я оказываюсь в ситуации, в которой оказались бы вы сами, если бы я собирался прочесть вам лекцию о психологии удовольствия. В этом случае вы попытались бы вспомнить типичные ситуации, в которых вы всегда чувствовали удовольствие. Если иметь в виду подобную ситуацию, то все, что я вам скажу, станет конкретным и как бы поддающимся проверке. Вероятно, в качестве типичного примера можно было бы избрать ощущение, получаемое от прогулки в прекрасный летний день. В подобной же ситуации я нахожусь, когда стараюсь зафиксировать в сознании то, что понимают под абсолютной, или этической, ценностью. В моем случае всегда идея одного определенного опыта представляется мне так, словно это мой опыт *par excellence*, и поэтому, разговаривая с вами, я буду прибегать к данному опыту в качестве первого и главного примера. (Как я уже говорил, это сугубо личный вопрос, и другие найдут более поразительные примеры.) Я опишу этот опыт для того, чтобы вы, насколько возможно, вспомнили такой же или похожий опыт, так что у нас появилось бы общее основание для исследования. Полагаю, что лучшим способом описать опыт было бы сказать, что, когда он имеет место, я *удивляюсь существованию мира*. Я тогда склоняюсь к использованию фраз: «Как необычно, что нечто должно существовать» или «Как необычно, что мир должен существовать».

Сейчас же я упомяну и другой известный мне опыт, с которым вы должны быть знакомы, – его можно было бы назвать опытом переживания *абсолютной* безопасности. Я имею в виду то состояние сознания, находясь в котором обычно склонны говорить: «Я в безопасности, и ничто происходящее не может мне повредить». Итак, позвольте рассмотреть указанные виды опыта, ибо, полагаю, им присущи как раз те характеристики, которые мы пытаемся понять. И первое, что мне хочется сказать, так это то, что само словесное выражение подобного опыта есть бессмыслица. Если я говорю «Я удивляюсь существованию мира», то просто неправильно пользуюсь языком.

Позвольте это объяснить. Вполне правильный и ясный смысл будет иметь утверждение о том, что я удивляюсь существованию чего-то, имеющего место. Мы все понимаем, что означает сказать, что я удивляюсь размеру собаки, которая больше любой другой, виденной мной до сих пор; или же вообще удивляюсь любой вещи, которая в общепринятом смысле слова необычна. В каждом подобном случае я удивляюсь чему-то, имеющему место, и что я в то же время *могу* представить себе *не* имеющим место. Я удивляюсь размеру этой собаки, ибо способен представить собаку другого, а именно обычного, размера, который не вызывает удивления. Слова «Я удивляюсь тому-то и тому-то, имеющему место» будут осмысленными лишь тогда, когда я смогу вообразить, что это может и не иметь места. В подобном смысле некто способен удивляться, скажем, существованию дома, созерцаемого после долгого перерыва, в продолжение которого он воображал, что дом уже снесен. Но бессмысленно говорить, будто я удивляюсь существованию мира, ибо не могу вообразить его не существующим. Конечно, я мог бы удивляться тому, что мир вокруг меня именно таков, каков есть. Если, например я при-

обрел подобный опыт, наблюдая голубое небо, то мог бы удивляться голубизне неба в настоящий момент в противоположность тому моменту, когда небо было затянуто тучами. Но отнюдь не это я имею в виду. Я-то удивляюсь небу, *каково бы оно ни было*. Появляется желание сказать, что то, чему я удивляюсь, есть всего лишь тавтология: небо голубое или не голубое. И тогда оказывается просто бессмысленным говорить, что кто-то удивляется тавтологии. Подобное относится и к другому упомянутому мной опыту – опыту абсолютной безопасности. В нашей повседневной жизни мы все знаем, что означает находиться в безопасности. Я в безопасности в своей комнате, когда меня не может переехать омнибус. Я в безопасности, если ранее переболел коклюшем, – ведь теперь я больше уже не заболею этим недугом. Быть в безопасности, в сущности, означает, что в отношении меня физически невозможны определенные вещи, и потому абсурдно говорить, что я в безопасности, *что бы ни произошло*. Так что это – образец неправильного использования слова «безопасный», равно как и в предшествующих случаях были неправильно употреблены слова «существование» и «удивление». И сейчас я постараюсь убедить вас, что характерное неправильное употребление нашего языка присуще всем этическим и религиозным выражениям.

Прежде всего, эти выражения представляются лишь *сравнениями*. Так, представляется, что когда мы употребляем слово *правильный* в этическом смысле, то хотя подразумеваемое нами и не есть *правильное* в обычном смысле, все же это нечто на него похожее. А когда мы говорим «Это хороший парень», то хотя слово «хороший» здесь и не обозначает того же самого, что и в предложении «это хороший футболист», однако кажется, будто имеется сходство. И когда мы говорим «Жизнь этого человека была

ценной», мы имеем в виду не тот же самый смысл, который был бы присущ нашим разговорам о ценных ювелирных изделиях, но все же нам представляется, будто имеет место определенная аналогия. В этом смысле кажется, что все религиозные термины употребляются как сравнения или аллегории. Ибо, когда мы говорим о всевидящем Боге, становимся на колени и молимся ему, то все наши слова и действия представляются частью великой и тщательно разработанной аллегории, которая показывает Бога как человеческое существо огромной силы, чью благосклонность мы надеемся завоевать, и т.д. и т.п. Но эта аллегория также описывает опыт, на который я только что указал. Итак, первый опыт подобного рода – это как раз то, на что люди указывают, говоря, что бог сотворил наш мир. А опыт абсолютной безопасности описывался ими как ощущение безопасности в руках божьих. Третий вид опыта подобного рода – это чувство вины, которое, опять же, обозначалось фразой, что Бог осуждает наше поведение. Таким образом, представляется, что в этическом и религиозном языках мы постоянно используем сравнения. Но любое сравнение должно быть сравнением *чего-то*. И если я могу описать факт с помощью некоторого сравнения, то я также могу быть способен отбросить данное сравнение и описать факт без него. Но в нашем случае как только мы попытаемся отбросить сравнение и прямо утверждать стоящие за ним факты, то обнаружим, что таких фактов нет. И то, что вначале показалось сравнением, теперь окажется просто бессмыслицей.

Итак, три вида опыта, о которых я упомянул (а мог бы добавить и другие), покажутся тем, кто их пережил (мне, например), обладающими в некотором смысле внутренней, абсолютной ценностью. Хотя я и назвал это опытом, речь, конечно, идет о фактах: они происходили тогда-то и там-

то, продолжались определенное время, и, следовательно, они описуемы. Поэтому, отталкиваясь от сказанного несколько минут назад, я должен признать бессмысленными попытки утверждать, что факты имеют абсолютную ценность. Я еще более заострю это, сказав: «Парадоксально, когда некоторый опыт, некоторый факт должны, казалось бы, обладать сверхъестественной ценностью». К разрешению данного парадокса ведет определенный путь. Позвольте мне вначале еще раз рассмотреть наш первый опыт – опыт удивления существованию мира, – но описать его несколько иным образом. Мы все знаем то, что в повседневной жизни назвали бы чудом. Очевидно, что это – событие, подобного которому мы еще никогда не видели. И представьте себе, что подобное событие произошло. Взять, скажем, случай, если бы у одного из вас неожиданно выросла львиная голова и он стал бы рычать. Конечно, это будет самой необычной вещью, какую я только могу вообразить. И как только мы отделаемся от удивления, я бы сразу же посоветовал привести врача и исследовать данное происшествие научным образом. Если это не повредит человеку, я бы подверг его вивисекции. Но куда же в таком случае денется чудо? Ибо ясно, что, когда мы взглянем на чудо подобным образом, все чудесное исчезнет. Если только мы не называем словом «чудо» то, что некоторый факт еще не был объяснен наукой, а это, в свою очередь, означало бы, что мы до сих пор не сумели сгруппировать данный факт с другими фактами в научной системе. Это свидетельствует об абсурдности фразы «наука доказала, что нет чудес». Истина в том, что научный взгляд на факт совсем не есть способ рассмотрения факта в качестве чуда. Ибо какой бы вы ни вообразили факт, сам по себе он не является чудесным в абсолютном смысле этого слова.

Итак, мы сейчас видим, что ранее использовали слово «чудо» в относительном и абсолютном смысле. И теперь я опишу опыт удивления существованию мира, сказав, что это опыт видения мира как чуда. Я склонен считать, что верным обозначением в языке чуда существования мира будет само существование языка (хотя это и не является предложением в языке). Но тогда что же означает быть осведомленным об этом чуде в одно какое-то время и быть неосведомленным в другое? Ибо все, что я сказал, переносится описание чудесного [опыта] из выражения «с помощью языка» в выражение «благодаря существованию языка», — это опять же сводится к тому, что мы неспособны выразить все что хотим. Все, что мы говорим об абсолютно чудесном, остается бессмысленным. Так вот ответ на этот вопрос покажется многим из вас совершенно ясным. Вы скажете: «Ну, если определенные виды опыта постоянно склоняют нас к приписыванию им того качества, которое мы называем абсолютной, или этической, ценностью, то это просто свидетельствует о том, что под данными словами мы отнюдь не подразумеваем бессмыслицу; что в конце концов, говоря об обладании опытом абсолютной ценности, мы подразумеваем, что это *есть лишь факт, подобный другим фактам*, и что мы до сих пор не преуспели в обнаружении правильного логического анализа того, что подразумеваем в наших этических и религиозных выражениях». И когда на этом настаивают, я сразу же, как будто при вспышке света, начинаю ясно видеть, что никакое описание не окажется способным выразить то, что я подразумеваю под абсолютной ценностью; и что я постольку *ab initio* отвергну любое описание, поскольку оно обладает значением.

То есть сейчас я понимаю, что данные предложения оказались бессмысленными не в силу того, что я не подоб-

рал для них правильного [лингвистического] выражения, а потому, что бессмысленность была самой их сущностью, и все, что я хотел сделать с ними, так это просто выйти за пределы мира, т.е. *за пределы* обладающего значением языка. Мое основное стремление, да и стремление всех, кто когда-либо пытался писать и говорить об этике или религии, – вырваться за пределы языка. Этот прорыв сквозь решетку нашей клетки абсолютно безнадежен. Этика, поскольку она проистекает из стремления сказать нечто об изначальном смысле жизни, об абсолютно добром и абсолютно ценном, не может быть наукой. То, что она говорит, ни в коем случае ничего не добавляет к нашему знанию. Но она все же является свидетельством определенного стремления человеческого сознания, которое я лично не могу перестать глубоко уважать и которое никогда в жизни не стану осмеивать.

ДОПОЛНЕНИЯ 2

ЭКЗАМЕН ВИТГЕНШТЕЙНА НА Ph.D. ВОССОЗДАНИЕ СОБЫТИЯ¹

(18 июня, 1929 года; комната в Кембридже. Дж. Мур курит трубку, шагая по комнате. Входит Бертрам Рассел.)

Рассел: Добрый вечер, Мур. Эта работа – никогда не видел ничего более абсурдного в своей жизни².

Мур: И я не встречал, но я верю, что встречал³.

---

¹ Перевод В.В. Целищева по изданию: Philosophy. Vol. 74. № 290, 1999. P. 499–513. При переводе опущены некоторые примечания библиографического характера.

² Хотя эта статья представляет вымысел, некоторые из предложений, включая приведенное выше, действительно, согласно воспоминанию Рассела, было произнесено на экзамене.

³ С именем Мура ассоциируется с парадоксом произнесения фразы формы «не имеет места р, но я верю, что р» (оно парадоксально потому, что любое такое произнесение должно казаться истинным, но все же есть некоторая абсурдность в искреннем произнесении этой фразы индивидом). Этот парадокс обсуждался Муром в Клубе Моральных Наук в Кембридже в 1944 году. На следующий день Витгенштейн написал Муру: «Указание на то, что «абсурдность» на самом деле в чем-то *похожа* на противоречие, хотя и не является им, столь важно, что я надеюсь, что вы опубликуете свою статью. Между прочим, не удивляйтесь, что я говорю о «подобии» противоречию. Грубо говоря, это означает следующее: абсурдность играет подобную роль в логике. Вы что-то говорили о логике утверждения, а именно: имеет смысл говорить «Давайте предположим: р имеет место, и я не верю, что р имеет место», в то время, как не имеет смысла говорить, что «р имеет место, и я не верю, что р». Это утверждение должно быть исключено, и исключено на основании «здравого смысла» точно так же, как это сделано с противоречием.

Рассел: Вы сядете здесь или там?

Мур: Да¹.

(Рассел закатывает глаза и занимает кресло. Затем садится Мур.)

Рассел: Я полагаю, мы готовы. М-р Витгенштейн, пожалуйста, заходите.

(Входит Витгенштейн.)

Рассел: Пожалуйста, садитесь.

(Витгенштейн садится.)

Рассел: Как вы знаете, мы здесь для того, чтобы обсудить ваш *Трактат*, который вы представили в качестве докторской диссертации². Я полагаю, что нам не нужно говорить по всему тексту. Мы уже делали это в Гааге вскоре после войны³, и вы объяснили мне ее содержание, но

И это просто показывает, что логика просто не является тем, чем ее воображают логики. В частности: это противоречие не единственное, как это полагают. Это не *единственная* логически недопустимая форма». «Логика», о которых говорит Витгенштейн, включает его самого на раннем этапе. Обсуждение Мура натолкнуло Витгенштейна на логическое различие между использованием глагола «верить» в случае первого лица и его использованием в других временах и других лицах. Исследование концепции *веры* в поздних сочинениях Витгенштейна превосходит неясный и неправдоподобный анализ этого понятия, предложенный им в *Трактате*.

¹ Мур известен своей шуткой относительно этой формы, которая, хотя она кажется хилой, ведет к интересному анализу терминов в косвенных речевых актах, и «conversational implicature» Грайса.

² За семь лет, прошедшие со времени публикации книги, она была признана классикой, – и отсюда как раз и замечание Рассела об абсурдности в начале статьи. Заключение о том, что Витгенштейн достоин доктора наук, было уже давно готово.

³ В середине декабря 1919 года в письме леди Оттолин Морелл из Гааги от 20 декабря, после ежедневного обсуждения книги с Витгенштейном в течение недели, Рассел написал «Я думаю сейчас о ней даже лучше, чем до того. Я чувствую, что это действительно великая книга, хотя я не уверен, что она верна».

ваши идеи столь тонки, что я забыл их. Вы полагаете, что мое введение к книге проявило полное ее непонимание¹, и, быть может, вы правы в этом. И все же я озадачен, так как есть в тексте такие места, например, метафизические разделы в начале теории и теория суждений, которые прямо следуют из моих собственных работ. Далее, есть положения, которые кажутся мне абсолютно ясными. И такие, которые кажутся мне явно ошибочными.

Витгенштейн: Это невозможно. Мои взгляды совершенно неуязвимы и четки².

Рассел: Я полагаю, что мы не продвинемся далеко, если вы будете занимать такую позицию. (Обращаясь к Муру.) Продолжайте, задайте ему несколько вопросов – ведь руководитель же вы³.

Мур: Все правильно. До того, как я предложил Спинозистское название для вашей книги⁴, вы хотели назвать ее *Der Satz*⁵. Это потому, что вы считаете свою работу исследованием природы утверждений – в частности, условий, при которых цепочка слов (то, что вы называете *Satzzeichen*) не составляет подлинного утверждения – и является бессмысленным. Важность этого исследования, с моей

¹ «Поверхностность и непонимание» – это все, что, согласно Витгенштейну, осталось от расселовского *Введения*, поскольку тонкости расселовского стиля исчезли при переводе *Трактата* на немецкий язык.

² *Трактат*. С. 4. (здесь и далее цитируется по изданию: Людвиг Витгенштейн. *Философские работы*. Часть 1. М.: Гнозис, 1994).

³ Подлинная цитата во время экзаменов.

⁴ Напоминание о *Богословско-политическом Трактате* Спинозы.

⁵ Существует проблема с английским переводом термина *Satz*. В большей части *Трактата* лучше всего переводить этот термин как «утверждение». *Satz* есть *Satzzeichen* (perceptible sign – например, написанное предложение) в применении, как, например, использованное для того, чтобы сказать, что нечто истинно или ложно. (*Трактат*. 3.1–3.14326 3.5).

точки зрения, состоит в том, что сама философия полна таких озадачивающих псевдоутверждений, маскирующихся под утверждения, и в книге выявляется этот факт¹.

Витгенштейн: Это верно.

Мур: Есть и другие ошибочные утверждения – что существуют тавтологии и противоречия. Они в определенном смысле важны, из-за их отношения к значимому выводу (Трактат 6.12–6.1224), но они не имеют содержания, они ничего не утверждают (5.142, 5.143, 6.121). Вы считаете их бессмысленными? (4.461, 5.143)²

Витгенштейн: Да, да – я говорил вам об этом 15 лет назад.

Мур: Вспоминаю. Когда вы попросили меня навестить вас в Норвегии в конце зимы. Вместо приветствия «Как дела, Мур, как мило, что вы навестили меня», вы начали с того, что сказали: «Логика так называемых суждений *показывает* логические свойства языка и, следовательно, Вселенной, но не *говорит* ничего». Это очень странное утверждение в качестве приветствия.

---

¹ Достижение в философии ясности через использование ясного языка было установлено в качестве цели Фреге и Расселом под влиянием Пеано. Хотя Витгенштейн защищал Трактат в июне 1929, уже через месяц он назвал бесполезными «Заметки» и отказался читать ее на встрече 12–15 июля, для которой статья была написана – вместо этого он прочитал статью о бесконечности. Можно гадать: быть может возражения на защите заставили Витгенштейна взять серьезную паузу, или же он стал сомневаться (сомнения он сумел подавить на защите), и эти сомнения уже были видны на ранних стадиях его философствования.

² Тавтологии и противоречия объявляются Витгенштейном бессмысленными, хотя они не похожи на псевдофилософские утверждения или неграмматическое нагромождение слов (4.461, 4.4611). Р. Карнап был высокого мнения о Трактате, говоря, что убеждение, согласно которому традиционная концепция тавтологии состоит в трактовке ее как в высшей степени обобщенной истины о мире, – ошибочно.

Витгенштейн: Это верно, а что? Фундаментальная мысль *Трактата* состоит в том, что некоторые вещи не могут быть высказаны, но могут быть показаны. Мы используем предложения как картины реальности, истинные утверждения показывают возможные состояния дел (3.001, 3.1–3.1432, 4.01). Тавтологии и противоречия не являются картинами реальности; они не представляют возможных состояний дел (4.462), и они ничего не говорят (6.11), но они *показывают* формальные свойства языка и мира (6.12). Они не показывают реальность и не являются ни истинными, ни ложными.

Мур: Ну, я теперь могу понять, почему вы не хотите считать противоречия ложными. Вы говорите, что противоречие ничего не говорит а fortiori, оно не говорит ничего ложного и поэтому не может даже называться утверждением. Но ситуация с тавтологией совсем другая. В вашей собственной системе истинностных таблиц тавтология *истинна* во всех возможных ситуациях. И вы даже говорите, что истинность тавтологии достоверна (4.464) и может быть распознана уже из одного лишь символа (6.113).

Витгенштейн: Не путайте две эти вещи. Тавтологии и противоречия совершенно отличны от существенных утверждений. Они образуют логический остров¹. Позвольте мне напомнить вам, что в тексте я утверждаю, что каждое утверждение имеет смысл (4.064), и затем утверждаю, что тавтологии и противоречия не имеют смысла. Вы можете сделать вывод, что тавтологии не являются подлинными

---

¹ Термин «логический остров» принадлежит Гичу, который отрицает, что для Витгенштейна тавтологии, таким образом, изолированы. В поздних работах Витгенштейн пришел к мысли, что форма слов не может быть объявлена бессмысленной априори. Есть контексты, в которых утверждения, противоречивые по форме, могут быть использованы для того, чтобы делать истинные или ложные утверждения.

утверждениями. То же самое заключение может следовать из пары тезисов – что утверждение есть картина реальности (4.01), и что тавтология и противоречия не есть картины реальности (4.462). Поэтому вы видите, что я придерживаюсь взгляда, что тавтологии не являются *bona fide* утверждениями, – они не имеют смысла и поэтому не могут быть истинными.

Рассел: Позвольте мне кое-что зачитать. (Рассел вытаскивает письмо из кармана и читает:) «Либо моя рукопись представляет работу высочайшего ранга, или же это не так. В последнем случае (более вероятном) я не смогу быть напечатанным. А в первом случае неважно, когда она будет напечатана, – через двадцать или сотню лет. В конце концов, кого интересует, когда Кант написал *Критику чистого разума?*» Это напоминает вам что-нибудь? Это из письма, которое вы написали мне 9 лет назад, в котором вы говорите, что «аргумент кажется мне неопровержимым»¹. Но вы заметите, что уже первая ваша посылка этого «неопровержимого аргумента» есть нечто иное, как тавтология. Поэтому на самом деле не говорите ли вы мне, что ваш «неопровержимый аргумент» бесполезен, потому что его посылка не имеет смысла?

Витгенштейн: Мне нечего ответить на этот вопрос.

Рассел: Ну, вероятно, у вас есть ответ на такой вопрос: когда все-таки была написана *Критика чистого разума?*

Витгенштейн: Она была опубликована в 1781 году – вы превосходно знаете это.

Рассел: 1781 год... А не родился ли в этом году один известный философ?

Витгенштейн: Что вы имеете в виду?

Рассел: Я полагаю, вы знаете, кого я имею в виду. Бернхард Больцано родился в этом году. Я сам долгое время

---

¹ Это письмо было написано, когда Витгенштейн имел трудности с печатанием *Трактата*.

восхищался Больцано; вы знаете, что я использовал его трактовку понятия бесконечности из *Paradoxien des Unendlichen* в моих *Принципах математики*. Вы также должны восхищаться им, учитывая степень заимствования у Больцано, точнее – ваш плагиат в его отношении. Я не знаю, читали ли вы его сочинения или же вы знакомы с ним из вторых рук, из школьного учебника Циммермана «Философская пропедевтика», но вам определенно помогли его сочинения: что суждение имеет уникальный анализ (3.25), или тезис о том, что необходимость является логической (6.375). Классификация тавтология\противоречие\ контингентность принадлежит Больцано как в его теории вероятностей, которую вы принимаете (5.152), так и в его определении логического следствия (5.12–5.122). Даже в деталях ваш оператор отрицания N (5.502) принадлежит Больцано, и это же относится к понятию переменного предложения, получаемого превращением конститутенты (Bestandteil) предложения в переменную (3.315).

Витгенштейн: Да, я использовал некоторые идеи Больцано. Но я настаивал в предисловии к моей книге, что излагаемое мною не имеет характера новизны в деталях...

Рассел: Тут речь идет не о *деталях*, а о центральном вкладе в вашу конструкцию, и совсем не принято столь сильно использовать идеи других авторов, не указывая их происхождение. Вы говорите, что вы не претендуете на новизну, но правила о диссертациях в Кембридже ясно говорят...

Мур: (торопливо шепча Расселу) Не упоминайте при нем о правилах; он пошлет вас к черту¹. (Обращаясь к Вит-

---

¹ Во время своего первого визита в Норвегию Витгенштейн составил «Логика» и написал Муру, может ли он представить ее а качестве диссертации. Когда Мур ответил, указывая, что это было бы возможно, но при этом должны быть выполнены определенные правила, Витгенштейн ответил ему очень милым письмом:

генштейну): Вы только что сказали нам, а также писали об этом Расселу, что главное положение вашей диссертации касается логической доктрины того, что может быть показано, но не сказано – вы назвали это кардинальной проблемой философии (5.2–5.441, 5.46–5.47), а Энгельману вы сказали, что ваша книга посвящена этике. В предисловии к книге вы говорите, что весь смысл ее состоит в том, что «То, что можно сказать, надо сказать точно. О том, чего нельзя сказать, нужно умолчать». И в то же время вы говорите, что ваша фундаментальная мысль состоит в том, что логические константы не репрезентирует (4.0312). У вас большая путаница по вопросу о главном содержании книги. Можете ли вы объяснить мне эту «фундаментальную мысль» о том, что логические константы не являются репрезентациями?

Витгенштейн: Да. Два доказательства даны в книге (5.2–5.441, 5.46–5.47), но я могу объяснить теорему просто, без использования техники. Рассмотрим операцию конъюнкции. Если я верю, что ваша жена положила рубашку и носки в ящик шкафа, я мог бы сказать: «В ящике шкафа есть носки, и в ящике шкафа есть рубашка». Тогда

Ваше письмо рассердило меня. Когда я писал «Логику», я не учитывал ваших правил, и, следовательно, было бы только справедливо, если бы вы дали мне степень без консультации с правилами. Что касается *Предисловия* и *Заметок*: Я полагаю, что мои экзаменаторы легко увидят, как много я украл у Бозанкета – Если я не достоин того, чтобы вы сделали для меня исключение, *даже в некоторых ГЛУПЫХ деталях*, тогда я могу прямо идти к черту; а если я достоин степени, а вы не дадите мне ее, тогда и вас можно послать туда.

Мур решил не отвечать на этот сумасшедший выпад – не он писал правила, и не в его силах было изменить их, – и он избегал дальнейших контактов с Витгенштейном. На самом деле, оба возобновили отношения, случайно встретившись в поезде, через несколько минут после защиты диссертации.

для каждого предложения – конъюнкции – есть соответствующее возможное состояние дел, а именно пребывание рубашки в ящике и пребывание носков в ящике. Но нет никакой возможной ситуации, соответствующей «и»; и слово «и» ничего не репрезентирует. В ящике нет носков, рубашки и «и». То же самое приложимо, конечно, к импликации и дизъюнкции. Я могу сказать «Дом Рассела находится на улице Трампингтон, или же его дом находится на Кавендиш Стрит», и если один из членов дизъюнкции истин, тогда это утверждение будет соответствовать сложному состоянию дел в мире. Но это не означает, что слово «или» обозначает какой-то объект в мире. Как бы ни старался Рассел, он не найдет «или» на улицах Кембриджа, никто не положит «и» в ящик миссис Мур.

Рассел: Все это так, но это вряд ли новая идея. Средневековые логики различали категорематические выражения, которые стоят для чего-то, и синкатегорематические, которые ни для чего не стоят, и это различие появляется у многих других авторов. Например, оно есть в явном виде у Джона Локка....

Витгенштейн: Какого Джона?

Рассел: Локка – он был знаменитым философом 17-го века.

Витгенштейн: А-а¹.

Рассел: Нам, вероятно, лучше перейти к другой теме. Основная тема вашей книги состоит в том, что мы можем избежать философской путаницы и парадоксов, если примем ясную нотацию. Я знаю также, что вас долгое время интересовал открытый мною парадокс, и я помню, вы го-

---

¹ Случаям незнания Витгенштейном классических философов или же неприятия их – имя легион. Он никогда не читал ни строчки из Аристотеля и однажды заметил, что ни один ассистент философии не читал меньше, чем он. Он говорил, что не читал Юма, потому что для него это сплошная мука.

ворили мне, что размышление над ним привело вас к философии, и, когда вам было только 18 лет, вы предложили Журдену решение парадокса. Вы полагали, что от парадокса легко избавиться, если вы вооружитесь ясной нотацией, и вы уделяете моему решению очень мало места в книге (3.331-3.333). Ключ к решению проблемы состоит в том, что функция не может быть своим собственным аргументом, потому что они принадлежат различным типам.

Витгенштейн: Да, точно, – аргумент, хотя в этом случае сам является функцией, имеет отличный тип от функции.

Рассел: Но не то же ли это самое, что моя теория типов?

Витгенштейн: Нет, в вашей теории вы говорите, что эти две вещи имеют различные типы, но в моей теории это не может быть сказано: то, что они принадлежат различным типам, *показывается* в символах.

Рассел: Но как вы можете говорить, что вы не можете сказать, если вы только что сказали это?

Витгенштейн: Вы не можете; вы не можете сказать этого.

Рассел: Что? Вы имеете в виду, что я не могу сказать, а вы можете?

Витгенштейн: Нет, и я не могу. Когда я говорил в прошлый раз, я, строго говоря, говорил бессмыслицу.

Мур: Слушайте, Витгенштейн, мы здесь не для того, чтобы слушать, как вы несете бессмыслицу.

Витгенштейн (в бешенстве): Слушайте, я имею в виду, что это бессмыслица, но это полезная бессмыслица. Есть определенные вещи... я произношу их, и они имеют смысл... но они на самом деле не... я не могу выразить их¹.

---

¹ Витгенштейн, судя по всему, придерживался взгляда, что бессмыслица является результатом «стремления нарушить пределы языка», активности, которую он идентифицирует с этикой, – активности, которая имеет ценность, несмотря на то что он полагает «важ-

(*Рассел начинает свистеть*).

Мур (*Расселу*): Как вы думаете, что вы делаете?

Рассел: Он говорит, что не может сказать этого, и что мы не можем сказать этого, и я решил, что я смогу просвистеть это¹.

(*Рассел и Мур хохочут, но*)

Витгенштейн (стуча костяшками по столу): Это невыносимо.

Мур: Ну, я хочу сказать, что я тщательно пытался понять ваши взгляды по этому поводу, но я все еще считаю их таинственными. Лежащая в основе идея состоит в том, что так как после Гегеля философы не считают мир противоречивым или парадоксальным, точный язык, структура которого отражают структуру мира, гарантирован от противоречий и парадоксов. И все же такой разговор – «структура мира» и правильный синтаксис «отражения» или «изображения» – все это кажется мне в высшей степени метафорическим и неудовлетворительным². И идея, что ваш

ным положить конец всем дешевым трюкам в этике». Он говорит, что «склонность идти против чего-то, указывает что-то. Уже Св. Августин знал это, когда он говорил: «Так ты, свинья, не хочешь говорить бессмыслицы? Иди, и говори бессмыслицу, она не имеет значения». Эти мысли Витгенштейна были записаны Вайсманом после разговора с Витгенштейном в декабре 1929 года.

¹ Рамсей сказал, что того, что мы не можем сказать, мы не можем сказать, и не можем просвистеть этого.

² Витгенштейн сам позднее пришел к мысли о ясности метафоры. Норман Малькольм вспоминает такую историю: «Витгенштейн и П. Сраффа, лектор по экономике в Кембридже, спорили много по поводу идей *Трактата*. Однажды в поезде, когда Витгенштейн настаивал на том, что суждение и то, что оно описывает, имеет одну и ту же «логическую форму», ту же самую «логическую множественность», Сраффа сделал жест, знакомый неаполитанцам как жест презрения или отвращения, почесав подбородок расставленными пальцами одной руки. И затем он спросил: Какова логическая форма *этого*? Пример Сраффы привел Витгенштейна к ощущению, что абсурдно настаивать, что суждение и то, что оно описывает, имеет одну и ту же форму.

символизм лежит под поверхностью, или же превосходит наш повседневный язык (4.003)¹, насколько я могу понять ее, выражает того же рода благочестивый оптимизм, что сам символизм покажет, что такие философские загадки, как парадокс Рассела, являются бессмысленными. Я нахожу, что все это сбивает с толку. Но все это дело с тем, что не может быть сказано, но может быть только показано, значит для вас много. Не заключается ли ваша теория в том, что религия, этика и эстетика столь разочаровывают нас, потому что мы пытаемся говорить о том, что по своей природе невыразимо? Действительно ли именно это обстоятельство лежит в основе вашей теории?²

Витгенштейн: Нет, невыразимость этики есть следствие теории. Сама теория касается логического синтаксиса. Это – решение проблемы Фреге относительно концепции выражений, которые являются субъектами предложений и которые стоят для объектов вопреки тому факту, что как концепции-выражения они должны стоять для концепций.

Мур: Но не является ли это неизбежным следствием фрегевской теории? Ничего не запрещает нам использовать выражения типа «Концепция лошади» в качестве субъекта предложения, так что если вы принимаете (а вы так и делаете (3.318)) анализ Фреге структуры предложений за функцию и аргумент, стоящих соответственно для концепции и объекта, а также то, что сингулярный термин типа

---

¹ Я заимствую эту формулировку от Dale Jacquette, недавнего комментатора, который, кажется, принимает метафоры без всякой растерянности и также считает, что логический символизм Витгенштейна «автоматически гарантирует» защиту против парадокса Рассела. В более поздних сочинениях Витгенштейн отвергает понятие логической структуры, скрытой за поверхностью обыденного языка.

² Сам Мур питал симпатию к таким взглядам. Его собственная позиция в *Принципах этики* состоит в том, что благо действия может быть предметом интуиции, но само невыразимо.

«концепция лошади» может быть аргументом функции, тогда вы обязаны сказать, если строго интерпретировать вашу доктрину, что концепции являются объектами – что подрывает саму теорию. Именно по этой причине Фреге просит читателя не интерпретировать его строго, и отнестись к этому скептически.

Витгенштейн: Концепция *концепции* является формальной концепцией и, следовательно, не может играть той же самой роли в утверждении, какую играет сама концепция (4.126). Поэтому предложение Фреге «Концепция лошади есть концепция» есть псевдопредложение (4.1272).

Мур: Предположим, что я просто сказал: «Концепцию лошади нетрудно понять». Для объекта стоит определенная дескрипция, и поэтому весьма озадачивает заключение, что концепция лошади является не концепцией, а объектом.

Витгенштейн: Вы не можете даже использовать фразы «Концепция лошади» – вам это не позволено логическим синтаксисом.

Мур: Но я хочу сказать, что нетрудно понять концепцию лошади, потому что я полагаю это истинным.

Витгенштейн: Но вы не можете сказать это.

Мур: Тогда вы не можете сказать большей части вещей, которые вы хотите сказать в своей книге.

Витгенштейн: Я знаю. Не беспокойтесь, я знаю, что вы никогда не поймете этого¹.

Мур: Я полагаю, что я понял вполне хорошо, что, для того чтобы избежать тех проблем, ваша теория разделяет с фрегевской теорией, вы постулируете невыразимость множества вещей, которые говорятся обычными людьми.

---

¹ Эта фраза была произнесена на действительной защите. Витгенштейн сказал эту фразу, отчески положив руки на плечи экзаменаторов.

ми вроде меня. Заявить, что нечто есть формальная концепция, – это просто поименовать проблему, а не решить ее.

(Витгенштейн выглядит озадаченным, чувствует себя неприятно задетым, но ничего не отвечает.)

Рассел: Можем ли мы обратиться к другой теме, которая спровоцировала множество дискуссий за последние полвека: определение числа. Теория, которую вы предлагаете, насколько я знаю, является новой. Вы говорите, что число есть показатель операции (6.021); показатель указывает, сколько раз выполняется операция.

Витгенштейн: Правильно. Не делайте ничего (0 раз) с x , и он останется прежним. Делайте с x что-нибудь, что вы уже делали с ним n раз, и вы сделали это с ним $n + 1$ раз.

Рассел: Так что главное понятие в этих определениях – это повторение операции n раз?

Витгенштейн: Да.

Рассел: Но ясно, что определить $+1$ в терминах повторения операции не очень полезно, так как повторить операцию, – значит сделать ее еще один раз, так что определение является круговым.

Витгенштейн: Я никогда не задумывался об этом¹.

Рассел: Вероятно, вам надо подумать об этом. *(Муру)* У вас есть еще вопросы?

Мур: Нет, благодарю. *(Мур начинает писать на листке бумаги.)*

Рассел (Витгенштейну): Это конец экзамена. Вы можете идти.

Витгенштейн уходит.

---

¹ Начиная с 1929 года, Витгенштейн говорил, что искать определение числа – значит проявлять непонимание, и он критиковал Рассела за такие попытки.

Рассел: Ну, мы спрашивали его по поводу центральных доктрин его книги и обнаружили, что он не способен адекватно защитить их. (Мур перестает писать.) Я упоминал Больцано, но легко мог бы привести и других, у кого он заимствовал свои идеи, не признавая этого¹, а я считаю это серьезным делом. Он определенно не одобрил бы плагиат в отношении себя². Мы должны представить наше заключение, и что вы думаете по этому поводу?

Мур: Я уже написал решение. (Читает свою записку.) «Некоторые люди полагают, что диссертация м-ра Вит-

---

¹ Витгенштейн признавался в своей записной книжке в 1931 г.: «Я не верю, что изобрел что-нибудь в области мысли, я всегда заимствовал у кого-нибудь. Я просто набрасывался на это с желанием прояснить уже написанное. Именно таким образом Больцманн, Герц, Шопенгауэр, Фреге, Рассел, Краус, Лус, Вайнингер, Шпенглер и Сраффа повлияли на меня». Пассаж, в котором Витгенштейн считает отсутствие оригинальности чертой евреев, – вероятно, тех евреев в вышеупомянутом списке, чьи идеи Витгенштейн считает заимствованными у неевреев! (Есть множество подобных антисемитских глупостей, рассеянных по дневникам Витгенштейна в 1931 году, но после этого года они исчезают). Даже литературный стиль Витгенштейна заимствован и во многом обязан Гёте и Лихтенбергу. Г. фон Вригт пишет: «Автор, напоминающий стиль Витгенштейна, – это Лихтенберг. Следует упомянуть, что некоторые из идей Лихтенберга по поводу философских вопросов поразительно сходны с идеями Витгенштейна. Почему фон Вригт изложил все дело в обратном порядке – ведь Лихтенберг жил за двести лет до Витгенштейна, – я не знаю.

² Я узнал от Майкла Недо, что в разговоре со Шликом Витгенштейн самым сильным образом жаловался на плагиат Карнапа. Витгенштейн сказал Шлику, что человек должен быть тщательным в упоминании других людей в качестве источников своих взглядов, (как это делал Шлик), или же вообще не заботиться о том, чтобы цитировать их, и это была практика его самого (Витгенштейна). Но что морально неприемлемо, так это выборочное цитирование.

генштейна представляет собой работу гения; но даже если это и так, она определенно не удовлетворяет требованиям, предъявляемым в Кембридже к докторским диссертациям по философии¹.

---

¹ На самом деле, Мур написал: «Мое личное мнение, что работа м-ра Витгенштейна гениальна; но даже если это и так, она определенно удовлетворяет требованиям, предъявляемым в Кембридже к докторским диссертациям». Общее мнение состоит в том, что *Трактат* есть образцовый труд с некоторыми изъянами. Тем не менее мое мнение таково: если бы на современников не повлияла в такой степени личность Витгенштейна и если бы диссертация судилась по обычным стандартам оригинальности и качества философской аргументации, защита определенно провалилась бы. Витгенштейн был в свои двадцать лет просто зеленым салагой (хотя и дал интересные идеи в логике). Впоследствии, после многих лет борьбы со своими личными пороками и против наивных незрелых концепций, изложенных в *Трактате*, он пришел воистину к великим и оригинальным мыслям. Я согласен с мнением М. Даммита, что «Всякий, способный к осознанию глубокой философии, открыв *Философские исследования*, поймет, что это работа гения».

В КАКОЙ СТЕПЕНИ ОРИГИНАЛЕН
«ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
ТРАКТАТ»?¹

Взгляд юнца

Мой опыт первого прочтения *Трактата*² был, я полагаю, сходен с опытом многих других. Я был юн и впечат-

---

¹ Goldstein L. How Original a Work is the Tractatus Logico-Philosophicus? // Philosophy. № 77. 2002. P. 421–446.

² При цитировании работ Витгенштейна я буду использовать следующие сокращения:

N – *Notebooks 1914–1916*, G.E.M. Anscombe (trans.) (Oxford: Blackwell, 1961).

CV – *Culture and Value, Revised Edition*, G.H. von Wright (ed.) (Oxford: Blackwell, 1998).

P – *Prototractatus*, B.F. McGuinness, T. Nyberg, G.H. von Wright (eds) (London: Routledge and Kegan Paul, 1971).

T – *Tractatus Logico-Philosophicus*, C.K. Ogden and F.P. Ramsey (trans.) (London: Routledge and Kegan Paul, 1922). Я также ссылаюсь на перевод: D. Pears and B.F. MacGuinness (London, Routledge and Kegan Paul, 1961).

RLF – ‘Some Remarks on Logical Form’, *Proceedings of the Aristotelian Society*, supp. Vol. 9 (1929), 162–171.

LE – ‘A Lecture on Ethics’ (Heretics Club, Cambridge, 1930) *Philosophical Review* 74 (1965), 3–12; перепечатано в J. Klagge and A. Nordmann (ed.), *Philosophical Occasions 1912–1951* (Indianapolis: Hackett, 1993), 36–44.

PR – *Philosophical Remarks*, R. Rhees (ed.) (Oxford: Blackwell, 1965).

WVC – *Wittgenstein and the Vienna Circle*, B.F. McGuinness (ed.) (Oxford: Blackwell, 1967).

лителен; текст казался не похожим на всё то, что я когда-либо читал, и совершенно непохожим на любые другие философские штудии, с которыми я сталкивался. Его афоризмы казались эфемерными, каждый многозначителен, исключительно важен и обескураживающе непроницаем; однако целое было строго организовано, а элегантная структура обнаруживалась системой нумерации, которая показывала логическую роль каждого афоризма в структуре.

Моё первоначальное мнение укрепилось после того, как я поработал некоторое время над книгой и пришёл к выводу об исторической важности взглядов Витгенштейна как реакции на логико-математические доктрины Фреге и Рассела – здесь была классическая философия двадцатого века, текст, обнаруживающий силу логического анализа и одновременно обрисовывающий богатство австро-германской традиции в философии сознания и языка. Я полагаю, эта точка зрения разделялась большинством философов. Теперь кажется поразительным, что Витгенштейн испытывал значительные затруднения в поисках издателя¹, ибо как только монография вышла из печати, её восторженно приветствовали и ей рукоплескали блестящие современники в Кембридже, Вене и других местах. Рассел заключил своё введение к этой книге рекомендацией: «По-

---

LA – Lectures and Conversation on Aesthetic, Psychology and Religious Belief, C. Barrett (ed.) (Berkeley: University of California Press, 1970).

LRKM – Letters to Russell, Keynes and Moore, G.H. von Wright (ed.) (Oxford, Blackwell, 1974).

PI – Philosophical Investigation (Oxford: Blackwell, 1953).

[Здесь цитаты из Витгенштейна и Рассела в основном приводятся по переводам, существующим на русском языке. – прим. переводчика.]

¹ См. 'Historical introduction' фон Вригта к *P* (P. 11–29).

строить теорию логики, которая ни в одном пункте не является очевидно ложной, – значит выполнить работу необычайной трудности и важности. Книга м-ра Витгенштейна, по-моему мнению, обладает этим достоинством, так что ни один серьёзный философ не может позволить себе пренебречь ею» (Т, 23). За восемьдесят лет после публикации *Трактат* породил огромное количество экзегетической литературы, большинство нынешних контроверз касается того, что она должна прочитываться либо безоговорочно, либо со значительными сомнениями¹. То, что такой короткий текст породил столь длительные споры, есть, разумеется, свидетельство непреходящей ценности работы. Почти никто не расходится во взглядах с вердиктом Питера Хакера, что эта книга – шедевр, несмотря на отдельные изъяны².

¹ Все исследования, кроме одного, представленные в сборнике *The New Wittgenstein*, eds. A. Carty and R. Read (London: Routledge, 2000), принимают этот текст безоговорочно. Исключение – статья Р. Хакера ‘Was he Trying to Whistle it?’ (Р. 353–388); этот же автор добавляет несколько направленных против безоговорочного принятия пунктов в своей статье ‘Philosophy’, опубликованной в Н.-Ж. Слок (ed.): *Wittgenstein. A Critical Reader*. Oxford: Blackwell, 2001. 322–347, особенно 327–331. Другая пронизательная критика безоговорочного прочтения содержится в статье: Р. Салливан. On trying to be resolute: a response to Kremer on the Tractatus. *European Journal of Philosophy*. April. 2002. Безоговорочное прочтение – это прочтение, которое не уклоняется от затруднений; оно совершенно серьёзно принимает заявление Витгенштейна в Т 6.54, что все предшествующие предложения в структуре книги являются бессмысленными. Безоговорочно настроенные читатели скажут, что здесь нет явной или глубокой бессмыслицы, но только обычная невнятность, поэтому Витгенштейн, когда писал *Трактат*, с суровой иронией проиллюстрировал трясицу, в которой тонет Философия, когда продолжает в традиционном ключе.

² Р. Хакер. *Wittgenstein’s Place in Twentieth Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. P. 22–38.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НЕКОТОРЫХ ИДЕЙ ТРАКТАТА

Но так ли это? Насколько велик, насколько оригинален *Трактат*? Стиль и подача, конечно, неотразимы, но пузырь первоначального энтузиазма лопается, когда обнаруживается, что у системы нумерации есть предшественник в лице *Principia Mathematica* Рассела и Уайтхеда, а также что стиль записей перекликается со стилем предшественников, чьи работы читал Витгенштейн. Относительно последнего пункта Брайан МакГинесс отмечает, что «в деталях *Трактат* сохраняет многие черты *Дзибалдоне*, чреды дневников, где записывались афоризмы, из которых было отобрано его содержание. В них, как и в собраниях афоризмов Шопенгауэра и Лихтенберга, должных в некоторой степени служить моделью, есть только расплывчатая связь между темами, рассматриваемыми в течение дня или раздела»¹. Однако МакГинесс далее делает важное утверждение, что Витгенштейн рассматривал эту работу не только как литературную, но и как философскую, и что «один из аспектов её литературного характера состоит в том, что, подобно поэме, она не является безразличным средством для чего-то, выразимого другими способами, но показывает или передаёт нечто уникальное своей собственной формой выражения»². Для незрелых юношей может стать разочаровани-

---

¹ B. F. McGuinness, Wittgenstein: A Life. Young Ludwig (1889–1921). London: Duckworth, 1988. 300 p. Витгенштейн сам указывает влияние на свой стиль записей. В Z §712 он отмечает в скобках «На стиль моих предложений в высшей степени сильно повлиял Фреге. И при желании я мог бы установить это влияние там, где, на первый взгляд, никто его не установил бы».

² МакГинесс. Op. cit. 302. Развивая это утверждение, МакГинесс предлагает «решительное» прочтение этого текста. Он говорит, что всю философию раннего Витгенштейна можно рассматривать «как разновидность мистического откровения» и что текст обеспечивает нечто «подобное инициации в мистерии, которые по достижению

ем открытие того, что литературный стиль, идеальный для собственных целей Витгенштейна, был разработан более ранними авторами, или что система нумерации *Трактата* имела предшественников; но такие наблюдения не являют-

могут быть забыты» (р. 303). Эта интерпретация, по-видимому, может быть оправдана вышеупомянутым Т, 6.54, где Витгенштейн, как известно, говорит, что его предложения (т.е. предложения *Трактата*) должны быть использованы как ступеньки лестницы, которая, если по ней однажды подняться, приводит нас к выгодной точке зрения, с которой можно «правильно увидеть мир». С этой выгодной точки зрения возможно увидеть, что сама пропозициональная лестница является бессмысленной и может быть отброшена прочь. Прочтение МакГинесса возможно, но в высшей степени невероятно. Хотя и верно, что *Трактат* достигает драматического литературного эффекта, это не тот случай (*подход* МакГинесса), когда сообщение неотделимо от литературного посредника. Сам Витгенштейн проясняет это, когда в разговоре с Морисом Друри он признаётся, что «каждое предложение *Трактата* должно было рассматриваться как заглавное для разделов, следующих ниже. Мой нынешний стиль совершенно иной; я пытаюсь избежать этой ошибки» (См.: *Recollection of Wittgenstein* / R. Rhees (ed.) Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 159. Это полагает препятствие – или, более точно, в разрушение – «решительного прочтения», ибо что могло бы быть «дальнейшей экспозицией», представляющей собой нечто иное, чем исполнение аргументов, поддерживающих пропозиции *Трактата*? Принимающие *Трактат* безоговорочно вполне корректны, указывая, что согласно Т 6.54, пропозиции *Трактата* (за исключением «системных» пропозиций типа самой 6.54) являются, в освещении Витгенштейна, бессмысленными. Но они *ошибочно* предполагают, что не может быть *проясняющей* бессмыслицы, и дальнейшая экспозиция может усилить прояснение. Для сравнения, согласно позднему Витгенштейну, (а) «Квадратный корень из $2 = m/n$, где 'm' и 'n' являются положительными целыми числами, есть гораздо более бессмысленным, чем 'Треугольник имеет четыре стороны'». Однако (а) может быть использовано в доказательстве, которое приводит к отрицанию самого себя. Поэтому (а) есть *беспользная* бессмыслица. И это как раз и есть статус пропозиций *Трактата*. Они полезны в том, что, используя их (предпочтительно вместе с некоторым дальнейшим объяснением), можно прийти к правильному видению мира и *pari passu*, чтобы опознать их бессмысленность.

ся оценкой, имеющей значение для критики автора. Действительный вопрос, который следует задать: является ли его *содержание* определяющим моментом в истории философии?

В одной из своих ранних записных книжек Витгенштейн пишет, что «вся моя задача» заключалась в объяснении природы предложения (Satz) (N, 39, замечание датировано 22.1.15), и до решения принять предложенное Муром экстравагантное название он предполагал назвать *Трактат* просто *Der Satz*¹. Он говорил Расселу, что считает корректную теорию предложений ключом к корректной теории суждений (письмо, датированное 22.7.13, *LRKM*, 24)². Вопрос о природе предложений имеет, конечно, большую историю. Он привлекал значительное внимание средневековых авторов³ и занимает значительное место в работах авторов XVIII и XIX веков, таких как Больцано, Brentano и Гуссерль. Предложения являются инструментами вербальной коммуникации, и изучение того, как эти инструменты работают (например, исследование того, в каком смысле

---

¹ У.У. Бартли получил эту информацию от некоторых бывших коллег Витгенштейна, которые видели его собственную копию рукописи в то время, когда он работал деревенским учителем в Земмеринге. См.: W.W. Bartley III. *Wittgenstein*. London: Quartet Books, 1973. 28, fn. 2.

² Рассел, по-видимому, принял эту критику близко к сердцу. Он написал собственную статью «On proposition: What they are and how they mean» (*Aristotelian Society Supp.* Vol. 2 (1919). 1–43) и, «парализованный» критикой Витгенштейном своей теории суждения, никогда не публикует манускрипт объёмом более 350 стр., в котором он развил теорию. См.: K. Blackwell. *The Early Wittgenstein and the Middle Russell* // in I Block (ed.) *Perspectives on the Philosophy of Wittgenstein* (Oxford: Blackwell, 1981), 1–30.

³ См.: G. Nuchelmans. *Theories of the Proposition: Ancient and Medieval Conception of the Bearers of Truth and Falsity*. Amsterdam: North-Holland Linguistic Series 8, 1973.

предложение отличается от вереницы слов является, по-видимому, стимулирующим проектом. Мы не можем быть уверены, почему Витгенштейн в период философского ученичества связался с вопросом о том, чем являются предложения; чтение некоторых отдельных авторов разожгло его интерес к проблеме или же брошенные семена его собственных идей. Но поскольку, как мы увидим, многие идеи Больцано появляются в *Трактате*, было бы интересно посмотреть, что сказал на этот счёт Больцано.

Предложениям посвящён первый раздел части I книги первой произведения Больцано *Wissenschaftslehre (WL)*¹, и часть II книги второй посвящена «предложениям в себе». В начале части I, §19 Больцано говорит:

«Чтобы моим читателям было более ясно, что я понимаю под предложением в себе, я начну своё изложение с того, что объясню значение *высказанного*, или *выраженного*, с помощью слов предложения. Этим я обозначаю любую (состоящую из нескольких или одного слова) *речь*, которой нечто высказывается или утверждается, которая всегда одно из двух: либо истинна, либо ложна в обычном значении этого слова, либо правильна, либо неправильна».

До этих пор так и у Аристотеля². Больцано продолжает:

«Так, например, следующий ряд слов “Бог есть вездесущий” я называю высказанным предложением, так как

¹ Частичный перевод этой работы на английский см.: *Theory of Science*, R. George (ed.) (Oxford: Blackwell, 1972). В дальнейшем ссылки приводятся по этому изданию. [Здесь цитаты, в основном, приводятся по русскому изданию: *Больцано Б. Учение о науке* (избранное). – СПб: Наука, 2003. – прим. переводчика.]

² См.: *Bolzano. WL* §23. P. 27 – но Больцано считает, что Аристотель совершает ошибку, если рассматривает «Предложение – это то, что является либо истинным, либо ложным» как *определение* предложения.

этими словами утверждается нечто истинное. Так же я называю и ряд слов “Четырехугольник – круглый” предложением, поскольку этим соединением слов тоже нечто утверждается или высказывается, хотя и нечто ложное. Напротив, соединения слов “вездесущий Бог” и “круглый четырехугольник” я не называю предложением, поскольку хотя через них нечто и *представляется*, но ничего не высказывается и не утверждается и не содержит ни истины, ни лжи. Если ясно теперь, что я понимаю под высказанным предложением, можно добавить, что имеются также предложения, которые не выражаются словами, а просто мыслятся кем-нибудь; эти предложения я называю *мыслимыми*. Но “высказанное предложение”, очевидно, отличается от самого своего высказывания точно так же, как отличается “мыслимое предложение” от мысли о нём».

Высказанное (или записанное) предложение есть то, что Витгенштейн называет «Satzzeichen»; «мыслимое предложение» Больцано есть витгенштейновское «Gedanke» (в *WL* §23, p.27 этот термин также используется Больцано как синоним «мыслимого предложения»), которое, поскольку является чем-то физически и ментально существующим, имеет физические конститuenty¹. Если у нас есть мыслимое и высказанное предложения, что тогда представляет собой предложение в себе (Satz an sich)? Больцано говорит: «То, что понимается под словом «предложение», если оно высказывается или мыслится кем-нибудь или никем не мыслится и не высказывается, – это я называю *предложением в себе*» (*WL*, §19, pp.20–21; а также §122). Ради краткости Больцано называет его «Satz». По контрасту, Satz для

---

¹ В ответ на вопрос Рассела Витгенштейн отвечает: «Я не знаю, что представляют собой конститuenty мысли, но я знаю, что она должна иметь такие конститuenty» (*LRKM*, письмо из Кассино, датированное 19.8.19).

Витгенштейна – это символ, который имеет чувственно воспринимаемый аспект (Т, 3.1, 3.11, 3.12, 3.31, 3.32), поэтому то, что кажется элементом платонизма в схеме Больцано, отсутствует в схеме Витгенштейна. Различие, которое Больцано проводит между предложениями и выражениями, обозначающими комплексы, в точности соответствует тому, на котором Витгенштейн сосредотачивает внимание в ранней (сентябрь 1913) критике Фреге и Рассела: «Фреге говорил, что “предложения являются именами”; Рассел говорил, что “предложения являются именами комплексов”. И то и другое – ложно; и особенно ложно утверждение, что “предложения являются именами комплексов”» (N, 93). Представляется правдоподобным, что в этой критике Витгенштейн зависел от тщательного обсуждения у Больцано. Интересно также то, что первый вклад Витгенштейна в философию обнаруживается в предложенном решении парадокса Рассела, содержащегося в письме к Филиппу Джордану. Подобно Иерониму Саванороле, чье решение парадокса Лжеца обсуждается в длинной сноске к *WL*, §19, pp. 22–23, Джордан в своём ответе Витгенштейну принимает сторону *cassatio*, что парадоксальные предложения являются «бессмысленным пограничным случаем высказываний, которые не являются бессмысленными»¹. Идея, что противоречия и тавтологии являются пограничными случаями предложений, *sinnlos*, но не *unsinnig*, встречаются в Т, 5.143.

Дж.Н. Финдлей утверждает, что:

Доктрина объективных предложений имеет свои источники в стоической доктрине *λεκτα*, или вещей высказанных, и в доктрине *Sätze an sich*, или предложений в себе, Бер-

---

¹ См.: L. Goldstein. Clear and Queer Thinking: Wittgenstein's Development and his Relevance to Modern Thought. London: Duckworth, 1999). P. 126–127.

нарда Больцано начала девятнадцатого века. Мейнонг, без сомнения, был философом, который сделал самый сильный акцент на этой доктрине объективных предложений и фактов, и от него она перешла к Расселу и Муру, а отсюда – к Витгенштейну времён *Трактата*¹.

Финдлей явно прав относительно сходства доктрины Больцано с доктриной Витгенштейна, но он не приводит доказательства относительно какого-либо влияния Больцано или Brentano, опосредованного Расселом и Муром. Виктор Крафт сообщает, что, согласно О. Краусу, первоначальный импульс своих ранних взглядов о соотношении языка и логики Витгенштейн получил из философии языка Brentano и Марти². Приемлемо было бы сказать, что в своих ранних работах Витгенштейн осуществил полезный синтез. Что он сосредоточил своё внимание на многообещающем проекте Рассела разрешить с *математической* точностью³ философские проблемы, усложнённые европейской традицией в философии языка⁴.

---

¹ J.N. Findley. Wittgenstein: A Critique. London: Routledge and Kegan Paul, 1984. P. 31–32. В разделе 2 этой работы Финдлей кратко очерчивает то, что прямо или косвенно имеет отношение к осмыслению Витгенштейном «интенционалистов» Brentano, Мейнонга и Гуссерля. Финдлей отмечает, что Витгенштейн, «по-видимому, мимолётно ознакомился с некоторыми ранними работами Гуссерля в кофейнях Вены и однажды спросил меня в отношении *Логических исследований* Гуссерля, почему я уделяю внимание “этой старой работе”». Финдлей утверждает, что интенционалисты «имели значительное влияние на Рассела и Мура, и многие их идеи отфильтрованы Витгенштейном из этих и других источников в Кембридже» (p. 22).

² V. Kraft. The Vienna Circle: The Origin of Neo-Positivism. New-York: Greenwood Press, 1969, 1999. (Оригинальная немецкая версия опубликована в 1953.) Я благодарен Вульффу Майюсу за то, что он указал мне на это направление мысли.

³ Ср.: Письма Рассела леди Оттолин Морел, датированные 29.12.1912. Переписка Рассела и Морел находится в Центре гуманитарных исследований Техасского университета.

⁴ Ханс Шлуга упоминает о глубоком и непреходящем влиянии, который Фреге и Рассел оказали на Витгенштейна: «Это влияние

Георг Хенрик фон Вригт отмечает, что «определение вероятности, которое в существенных деталях отвечает определению Витгенштейна, предложил почти веком ранее Больцано», и продолжает, что «говорить здесь, собственно, следует об *одном* определении и называть его определением Больцано–Витгенштейна»¹. Фон Вригт не предлагает аргументов в поддержку этого предположения, и он не обсуждает возможность непосредственного влияния². Верно, что Больцано не упомянут в списке людей, о которых в записной книжке, включающей 1931 год, Витгенштейн говорил, как об особо оказавших на него влияние³, но нет при-

отчасти заметно в *Трактате*, который может быть прочитан как попытка примирить атомизм Рассела с априоризмом Фреге». Шлуга также отмечает, что во время участия в Первой мировой войне Витгенштейн возобновил свой интерес к метафизической точке зрения Шопенгауэра на этику, эстетику и мистику, выраженной в *Мире как воле и представлении*. Шлуга говорит, что «филиация идей, очевидно, придаёт *Логико-философскому трактату* его особый привкус». Фриц Маутнер, автор *Beiträge zu einer Kritik der Sprache* (1901–1902), который упоминается в T 4.0031, обозначается Шлугой как вероятный источник взглядов Витгенштейна на то, что философские проблемы могут быть разрешены надлежащим вниманием к работе языка. Шлуга пишет: «Близость Витгенштейна Маутнеру действительно очевидна во всех фазах его философской эволюции, хотя оно и незаметно в его поздних размышлениях». См. введение к Витгенштейну в R. Audi (ed.), *The Cambridge Dictionary of Philosophy (Second Edition)* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), 976–980.

¹ G. H. von Wright. Wittgenstein. Minneapolis: University of Minnesota Press). P. 144–145.

² О документированной возможности влияния Больцано см.: J. Sebestik. The Archeology of the Tractatus: Bolzano and Wittgenstein // in: R. Haller and J. Brandl (eds), Wittgenstein – Towards a Re-evaluation. Vienna: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1989. P. 112–118. Крафт (op. cit., 153) отмечает, что Больцано был предшественником теории вероятности *Кружка* в той же степени, что и теория Витгенштейна.

³ CV, 16. Редакторы CV отметили (p. 101), что в первоначальном списке были имена Фреге, Рассела, Шпенглера и Сраффы; позднее Витгенштейн добавил имена Больцмана, Герца, Шопенгауэра, Крауса, Лооса и Вейнингера.

чин считать, что список составлялся с намерением исчерпать всех, к тому же правдоподобно (см. приложение Яна Себестика к моей статье), что Витгенштейн почерпнул свои больцанианские идеи из текста книги Роберта Циммермана, не осознавая, что первоначально они принадлежали Больцано. Но, во всяком случае, неудивительно, что в списке Витгенштейна, включающем мыслителей первой величины, создавших направление мышления, которого он рьяно придерживался в собственной проясняющей работе, такие как Циммерман охарактеризованы гораздо меньше.

Мнение Витгенштейна о своих источниках выделить очень трудно. Ближе к началу длинного дневника 1931 года он пишет, что «...в моих идеях есть некоторая истина, которую я на самом деле только возобновил в своём мышлении. Я считаю, что никогда не *изобретал* направление мышления, но что его всегда обеспечивал мне кто-то другой». Но в конце того же самого вступления он замечает, что «...тогда, когда я был в Норвегии в течении 1913–1914 годов, некоторые мысли были моими собственными или, по крайней мере, мне так кажется теперь. Я имею в виду, что у меня было впечатление, что в это время я породил новое направление мышления» (CV, 16–17)¹. Если это и не категорически противоречиво, то весьма к этому близко. В особенно плодovитой метафоре Витгенштейн как-то сравнивает себя с каким-то необычным грунтом, который,

---

¹ Это вступление к дневнику 1931 г. представляет отдельную острую проблему для «безоговорочных» читателей *Трактата*. Ибо они допускают, что в своих предшествующих *Трактату* работах Витгенштейн предлагал на обсуждение свои собственные теории (такие как теория логического отображения – N, p. 15) и одобрял теории других (такие как расселовская теория дескрипций), но что со времени *Трактата* он пришёл к высшей степени оригинальной идее, что философия есть терапия и что не существует философских теорий.

будучи засеян семенами других, способен эти семена прорасти иначе, нежели они выросли бы в любом другом грунте (CV, 42). Я думаю, это верно и для его ранней работы. Источник большинства её идей обнаруживается в работах других, поэтому, вероятно, *Трактат* не вполне достоин занять место в пантеоне величайших и наиболее оригинальных текстов по философии.

Как бы там ни было, эту проблему я разыграл в опубликованной несколько лет назад шутке под названием «Экзамен на Ph.D. Витгенштейна: Воссоздание события»¹. В 1929 году Витгенштейн представил *Трактат*, рассматриваемый к этому времени как классическая работа, в качестве докторской диссертации. Эта защита, руководимая Расселом и Муром, была чисто номинальным делом и заняла лишь несколько минут. Моя идея заключалась в том, чтобы перезапустить защиту с пристрастным допросом Витгенштейна относительно его текста. В этом воссоздании Рассел и Мур критикуют аргументы Витгенштейна относительно некоторых главных тезисов этой книги и с пристрастием расспрашивают его относительно происхождения некоторых его идей. В сноске, комментирующей конец этого розыгрыша, я говорю:

«Моё мнение, что если бы на современников не повлияла в такой степени личность Витгенштейна, и если бы диссертация судилась по обычным стандартам оригинальности и качества философской аргументации, защита определённо провалилась бы. Витгенштейн был в свои двадцать лет просто зелёным салагой (хотя и дал интересные идеи в логике)» (*WPhD*, 513).

В ответ на смоделированную мной игровую ситуацию Майкл Коэн приписал мне цель обвинить Витгенштейна в

---

¹ L. Goldstein. Wittgenstein's Ph.D. Viva – A Re-Creation. Philosophy 74 (1999). P. 499–513; далее цитируется как «WPhD».

плагиате и исказить взгляды на оригинальность Витгенштейна, выраженные двумя другими комментаторами¹. Вообще говоря, сетования Коэна плохо обоснованы, ибо его статья базируется на ряде ошибок. Первая из этих ошибок включает смешение между фактом и вымыслом. В моей пьесе роли играют вымышленные двойники экзаменаторов и Витгенштейна. Я буду называть их квази-Расселом, квази-Муром и квази-Витгенштейном соответственно². Квази-Рассел и квази-Мур в этой пьесе говорят и делают много такого, что не сделали бы их реальные двойники. В частности, они подвергают квази-Витгенштейна жёсткому и иногда достаточно агрессивному экзамену и в конечном счёте проваливают его. На их вопросы по существу квази-Витгенштейн отвечает так, как, по-моему мнению, ответил бы Витгенштейн, и, в общем, его ответы неудовлетворительны. (Я сознаю, конечно, что многие читатели этой пьесы посчитают, что критицизм квази-Рассела и квази-Мура не является столь решительным, насколько представил его я, и посчитают, что Витгенштейн предпринял бы более убедительную защиту.)

Итак, в одном месте пьесы квази-Рассел говорит квази-Витгенштейну: «Вы также должны восхищаться им [Больцано], учитывая степень заимствования у Больцано, точнее – ваш плагиат в его отношении». Коэн придирается к слову «плагиат», повторяя его определение, которое он находит в своём *Оксфордском словаре английских значений*, и использует это слово в привлекающем внимание названии своей заметки «Был ли Витгенштейн плагиатором?». На-

---

¹ M. Cohen. Was Wittgenstein a Plagiarist? *Philosophy*. 76 (2001). P. 451–459.

² Коэн использует отпугивающие закавыченные имена типа «Рассел» и т.д., но я хочу избежать возникающего из-за этого насмешливого тона.

помним, это слово используется квази-Расселом, но, согласно Козну, обвинение было выдвинуто реальным Голдстейном, который вложил эти слова в уста вымышленного Рассела. Однако, выражаясь *in propria persona*, вот то, что я действительно говорю (и Козн цитирует это): «Если бы диссертация судилась по обычным стандартам оригинальности и качества философской аргументации, защита определённо провалилась бы». Когда вымышленная защита заканчивается и квази-Витгенштейн выходит из комнаты, квази-Рассел говорит квази-Муру: «Я упоминал Больцано, но легко мог бы привести и других, у кого он заимствовал свои идеи, не признавая этого... Он определённо не одобрил бы плагиат в отношении себя». Здесь не предполагается, что Витгенштейн пытался присвоить эти идеи себе. Мой собственный словарь, Коллинзовский английский словарь («признанный в мире лучшим словарём») определяет «плагиат» как «присвоение идей, отрывков текста и т.д. из других работ или авторов» и определяет глагол «присваивать» как «брать в чьё-либо собственное пользование», – отметим, НЕ «брать как своё собственное». Но такие нюансы едва ли заслуживают внимания, поскольку глупо смешивать взгляды вымышленного Рассела со взглядами его действительного создателя. В своей книге *Ясное и сомнительное мышление: эволюция Витгенштейна и его важность для современной мысли* (далее *CQT*)¹, говоря о действительном Витгенштейне, я писал:

«Продолжительная изоляция на берегу норвежского фьорда в течение 1913–1914 годов, строгий режим ограничения на общение и интенсивная концентрация, когда, как он излагал, его “его сознание было как в огне”, породили

---

¹ L. Goldstein. *Clear and Queer Thinking: Wittgenstein's Development and his Relevance to Modern Thought*. London: Duckworth, 1999.

для Витгенштейна замечательные результаты в области философской логики – теорию природы пропозиций, тавтологий и противоречий, доктрину невыразимого, семантические методы исследования логического следования и много другого. Но его взгляды на философию вообще оставались поразительно наивными, что, вероятно, неудивительно, если учесть, как мало он изучал предмет. Некоторые его последующие записи времён войны показывают, что Витгенштейн всё ещё, философски говоря, мочился в постель» (CQT, 80).

Некоторые иллюстрации тому я дал в этой книге. Витгенштейн явно приобрёл определённый объём философских знаний дома и в школе, но он учился на инженера, и его знание литературы по многим вечным философским проблемам было, скажем мягко, несколько поверхностным.

На вопрос относительно обвинения Витгенштейна в плагиате моя книга даёт вполне ясный ответ. Относительно авторства идей я отмечаю, что «когда была возможность, он свободно относился к другим, и чувствовал отвращение, когда другие не обнаруживали подобную щедрость», и продолжаю:

«Это касалось как имущества и денег, так и идей. Последние также должны находиться в общем пользовании. Следовательно, для Витгенштейна было безразлично (на это он указывает в предисловии как к *Трактату*, так и к *Философским исследованиям*) что он не был “собственником” или генератором некоторых из опубликованных им мыслей; поэтому он не озаботился тем, чтобы упомянуть имена действительных авторов. По-видимому, он считал, что в мире идей можно осуществлять заимствования, не задаваясь вопросами, и это не было бы признаком дурного вкуса» (CQT, 178).

В сноске к данному пассажиру (р. 224) я разрабатываю эту тему:

«Я слышал замечание Ричарда Хэара, что Оксфорд этого времени был своего рода свободным портом для обмена идей. Академические исследователи наших дней под тяжким прессом необходимости публиковаться и делать себе имя сочли бы ошибкой понимание интеллектуальных заимствований просто как небрежность или легковесность. Ну и что из того. Ведь люди, пересказывая, совершенно расслабляются и, не вполне понимая источник, вышучивают то, что не является их собственным. Поэтому, вероятно, мы не должны быть слишком опрометчивы, обвиняя Витгенштейна в плагиате, – возможно, в его время или в его сознании философия рассматривалась не как частная собственность, но как совместно разделяемые и разрабатываемые идеи».

В моём воссоздании защиты Витгенштейна обсуждается ряд философских теорий. Коэн говорит, что я «отчасти обыграл» расселовскую теорию суждения, но, как может установить читатель, это явно ложно, ибо теория Рассела упоминается лишь однажды и не обсуждается вообще. Коэн страстно хочет показать, что я игнорирую критику Витгенштейном этой теории, и он цитирует пассаж из *Трактата*, не упоминаемый мной в воссоздании защиты, в котором устанавливается эта критика и собственная позиция Витгенштейна. Но этот же самый пассаж (*T*, 5.54–5.5423) занимает почти всю стр. 96 моей книги, где он цитируется полностью. Ясно, что необходимо найти доказательство для утверждения, что имеет место сходство между взглядами Рассела и Витгенштейна в пассажах *иных*, чем те, в которых Витгенштейн явно *опровергает* аспекты теории Рассела. Один такой пассаж содержится в *T* 3–3.5, который, как верно отмечает Энтони Кенни, создаёт (в совокупности с общеизвестными 5.54–5.5432) витгенштейновский анализ предложений, сообщающих об убеждениях, суждениях,

восприятия и тому подобное¹. В предшествующих пассажах утверждается, что некоторые представления Рассела очевидно безошибочны, хотя, как минимум, один из них – теория типов – отрицается (Т, 3.331–3.333).

В предисловии к *Трактату* Витгенштейн пишет: «Я не хочу судить о том, в какой мере мои усилия совпадают с усилиями других философов. Ведь написанное мной не претендует на новизну деталей, и я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чём думал я» (Т, р. 2). Этому пассажи Коэн уделяет особое внимание, по-видимому, силясь показать, что обвинение Витгенштейна в плагиате неуместно. Он также отмечает, что в обоих английских переводах утрачено ударение, подчёркнутое словом «überhaupt» в оригинале. Если перевести корректно, то Витгенштейн говорит, что он «*вообще* не претендует на новизну...». Итак, достаточно обоснованно предполагая, что Витгенштейн как не страдал от скромности, так и не был непорядочным, на первый взгляд, мы должны считать эту оговорку ценной. Но было бы интересно узнать, признал бы Коэн диссертацию на Ph.D., которая сама открыто утверждает, что она не содержит новизны относительно своих тем, и, помимо этого безоговорочного признания и упоминания интеллектуальной признательности двум людям, не цитирует источников, из которых заимствованы идеи.

Коэн далее обвиняет меня в неправильной интерпретации взглядов Энтони Грейлинга и Яна Себестика, рассматривающих влияние на Витгенштейна Рассела и Больцано

---

¹ A. Kenny. Wittgenstein's Early Philosophy of Mind // in I. Block (ed.). *Perspectives on the Philosophy of Wittgenstein*. Oxford: Blackwell, 1981. P. 140–147. Об отношении между теорией пропозиции и теорией суждения у Рассела и Витгенштейна см. также дискуссию Кэндлиша и Сунинсбери: R. Monk and A. Palmer (eds.). *Bertrand Russell and Origins of Analytical Philosophy*. Bristol: Thoemmes Press, 1996. P. 103–151.

соответственно. И снова для Коэна было бы достаточно легко проверить, хотят ли эти авторы на самом деле дистанцироваться от взглядов, которые я им приписываю. Я связался с ними обоими, и ни один из них не захотел. Я оставляю защиту Себестика Себестикю, который в настоящее время занят обширным проектом, где рассматривается как соответствие Больцано и Витгенштейна, так и заимствования у Больцано, последовавшие после его смерти; к тому же он написал приложение к данному исследованию. Однако может быть полезно несколько слов сказать о мнимой неправильной интерпретации мной Грейлинга, поскольку это приведёт нас ещё к трём ошибкам Коэна. Он выборочно цитирует Грейлинга и на основе отобранных кусков говорит, что Грейлинг не делал утверждений, которыми я «нагрузил» его относительно тезисов, воспринятых Витгенштейном от Рассела. Фактически Грейлинг подбирает сущностный аргумент для утверждения, что определённый материал из Рассела мог бы рассматриваться как то, что он называет «предвосхищением пассажей *Трактата* Витгенштейна» (1996, р. 99–100); как он говорит в другом месте: «Своим существованием и многим из своих идей *Трактат* обязан *Основаниям математики* Рассела и *Principia Mathematica* Рассела и Уайтхеда» (1988, р. 56).

Грейлинг цитирует десять тезисов из *Трактата* (1, 1.1, 2, 2.01, 2.02, 3, 3.1, 3.2, 4.21, 5) и отмечает: «Не стоит и упоминать, что логические идеи, которые лежат в основании этих тезисов, конечно же близки ранней работе Рассела». И даже более прямо Грейлинг говорит: «...являются действительным содержанием взглядов, выраженных Витгенштейном в *Трактате* и Расселом во второй части *Нашего познания внешнего мира*, соответственно», из которой Грейлинг цитирует примечательный пассаж¹. Коэн также

---

¹ A.C. Grayling. Russell. Oxford: Oxford University Press, 1966. P. 99–101; его же. Wittgenstein. Oxford: Oxford University Press, 1988). P. 56–57.

цитирует эти пассажи, но он использует их так, чтобы показать, что Витгенштейн *не* копирует Рассела! Это может действительно выглядеть весьма курьёзным, пока мы не заметим, что в конце сноски Коэн мимоходом отмечает: «Моя выборка из этих пассажей не совпадает с выборкой Грейлинга»¹. Ну и, конечно, тот, кто исследует пассаж из *Нашего познания внешнего мира*, цитируемого Грейлингом, для того чтобы удостовериться, что же *не* выбрал Коэн, находит расселовское отличие в фактах и вещах, во введении атомарных пропозиций и атомарных фактов, в обсуждении того, как они соотносятся и каким образом анализ пропозиций приводит нас к атомарным пропозициям – к аппарату, введённому Витгенштейном в *Трактате*².

¹ Cohen, *op.cit.*, 453, сноска 4.

² Некоторые предложения из пассажа Рассела опущены Коэном: «Когда я говорю о “фактах”, я не имею в виду одну из простых вещей в мире; я подразумеваю, что определённая вещь имеет определённое качество, или что определённые вещи находятся в определённых отношениях... Итак, факты в этом смысле никогда не являются простыми, но всегда имеют две или более конституент. ... При условии такого факта существует пропозиция, выражающая этот факт... [такая пропозиция] будет называться атомарной пропозицией, поскольку ...существуют другие пропозиции, в которые входят атомарные пропозиции способом, аналогичным тому, которым атомы входят в молекулы... Для того чтобы предотвратить параллелизм в языке, как соответствующий фактам и пропозициям, мы будем называть “атомарными фактами” факты, которые мы рассматривали в прошлом». Важно заметить, однако, как уже отметили и Эрик Стениус, и Энтони Палмер, что перевод Огдена “*das Bestehen von Sachverhalten*” в *T,2* как “существование атомарных фактов” делает важным *отсутствие сходства* между *Sachverhalte* Витгенштейна и атомарными фактами Рассела. Перевод Палмера “наличие состояния дел (или положение дел)” более предпочтителен. См.: *E. Stenius. Wittgenstein's Tractatus: A Critical Exposition of its Main Lines of Thought*. Oxford: Blackwell, 1960. P. 31; *A. Palmer. The Complex Problem and the Theory of Symbolism* // in: *R. Monk and A. Palmer (eds). Bertrand Russell and the Origins of Analytical Philosophy*. Bristol: Thoemmes Press, 1996. P. 155–182.

Не стоит и говорить, что многое из *Нашего познания внешнего мира* Рассела не вошло в *Трактат*, и Коэну легко обнаружить такие куски. Можно посчитать, что это имеет важное значение, но только если кто-то смешивает две сходные вещи с двумя вещами, которые идентичны.

Следующая ошибка состоит в мысли о том, что «А влияет на В» влечёт «В не повлиял на А». Коэн цитирует Рассела, описывая его лекции по логическому атомизму как «в значительной степени связанные с объяснением определённых идей, которые я усвоил от своего друга и прежнего ученика Людвиг Витгенштейна». Это великодушная дань, поскольку, как указывает Грейлинг, «большая часть того, что существенно для взглядов Рассела в *Лекциях*, уже обнаруживается в работах, опубликованных до того, как он встретил Витгенштейна»¹, но оказавшийся в выигрыше наглый и высокомерный юноша сумел, в свою очередь, ухитриться выразить лишь слегка завуалированное неуважение к Расселу. В предисловии к *Трактату* он говорит: «Хочу только упомянуть выдающиеся работы Фреге и моего друга Бертрана Рассела»; то, что подразумевает эта фраза, отмечалось многими другими². Тогда как

¹ A.C. Grayling. Wittgenstein. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 57. Описывая этот интеллектуальный контакт с Витгенштейном в преддверии Первой мировой войны, Рассел говорит: «Доктрины Витгенштейна глубоко повлияли на меня. Я пришёл к мысли, что во многих пунктах я пришёл с ним к близкому согласию». См.: B. Russell. My Philosophical Development. London: Unwin, 1959. P. 83.

² Например. P. Simons. Frege and Wittgenstein, Truth and Negation // в сб. R. Haller, J. Brand (eds). Wittgenstein: Towards a Re-evaluation Vienna: Hölder-Pichler-Tempsky. P. 119–129. Симонс говорит: «Персональный долг Витгенштейна Расселу был, конечно, не оценим, и я сказал бы, что его интеллектуальный долг перед Расселом был также более значительным, чем перед Фреге» (p. 119).

Рассел тщательно упоминает о великодушной дани со стороны Витгенштейна, Витгенштейн тщательно избегает упоминаний о великодушной дани со стороны Рассела. Это, конечно, не подразумевает ни того, что Рассел не повлиял глубоко на Витгенштейна, ни того, что последний не перенял ряд важных идей у Рассела; это свидетельствует лишь о невежливости. В определённой степени вежливость утрачена и в игнорировании Коэном рассмотрения этой возможности.

В моей пьесе я приписал Расселу обвинение Витгенштейна в том, что он многое взял из теорий Больцано: что пропозиции имеют уникальный анализ, что всякая необходимость является логической, теорию логического следования, теорию вероятности, теорию переменной пропозиции и т.д. Коэн говорит, что Себестик, чью работу «Археология Трактата: Больцано и Витгенштейн» я цитирую, является ненадёжным проводником, и оспаривает мнение, что Больцано был действительным источником всех этих взглядов¹. Краткий ответ на это обвинение содержится в приложении. В основной части я нахожу возражения Коэна несущественными (он указывает на определённые различия между взглядами Больцано и Витгенштейна, но – вспомним ошибку номер 4 – глубинное сходство вообще

---

¹ В статье, упомянутой Коэном, Себестик отмечает, что «другой источник влияния Больцано является, вероятно, более важным. Его логические идеи проникали в австрийскую философию неожиданным способом, через посредство первой редакции очень влиятельной книги Циммермана, которой часто подражали...» (р. 117). Коэн доходит до утверждения, что Витгенштейн не изучал австрийскую философию (р. 456). Это странное утверждение, особенно в свете того факта, что цитируемый Коэном список тех, кто, как говорит Витгенштейн, повлияли на его мысль (*CV*, 16), включает Людвиг Больцмана, который занимал кафедру философии индуктивных наук Венского университета с 1902 по 1906 годы.

не влечёт различий, и, как мы видели, их взгляды на вероятность настолько сходны, что Вригт ссылается на «определение Больцано–Витгенштейна»), но я согласен, что, например, идея «N» оператора, оператора совместного отрицания в *Трактате*, возможно в противоположность мнению Себестика, и не имеет источником Больцано. Я также думаю, что ошибался в своём прочтении английской версии оговорки Витгенштейна в предисловии: «Ведь написанное мной не претендует на новизну деталей». Я согласен с Коэном, что в немецком оригинале «im Einzelnen» не несёт смысл «(мельчайших) деталей», и я перевёл бы здесь как «отдельных тем». Однако, если уж каяться, я предпочёл бы здесь уделить внимание Уорену Голдфарбу. Голдфарб говорил, что среди философов стало почти фольклором замечание Рамсея, встречающееся в его обзоре *Трактата*, что «то, что мы не можем сказать, мы не можем сказать и также не можем просвистеть». Я слишком доверился этому неправильному восприятию и в ссылке 33 (р. 509) в *WPhD* некорректно процитировал этот обзор как источник данного замечания. Фактически его нужно искать в работе Рамсея «Общие пропозиции и причинность», которая в старой редакции *Оснований* опубликована среди *Архивных материалов* (1929)¹.

ИСКРЫ ОТ СОЗНАНИЯ В ОГНЕ

Несомненно, что в *Трактате* критика доктрин Фреге и Рассела как сурова, так и резка. В нём также имеются собственные доктрины Витгенштейна, которые новы и крайне интересны независимо от того, являются ли они, в конеч-

---

¹ R.B. Braithwaite (ed.). F.P. Ramsey: The Foundations of Mathematics. London: Routledge and Kegan Paul, 1931. P. 238.

ном счёте, приемлемыми. Как мы уже упоминали, Витгенштейн раннего периода говорил, что «вся его цель» состоит в объяснении природы пропозиций. Очевидность предполагает, что то, что он рассматривает как свой центральный вклад в теорию пропозиций, есть доктрина о том, что то, что не может быть сказано пропозициями, может быть только *показано*. Как он объясняет Расселу (письмо, датированное 19.8.19, *LRKM*, 71), «главная цель *Трактата* – это теория о том, что может быть выражено пропозициями – т.е. языком – (и, что то же самое, может быть *помыслено*) и что не может быть выражено пропозициями, но только показано; я считаю, что это является кардинальной проблемой философии»¹. Далее в этом письме он снова указывает на «кардинальный вопрос о том, что может быть выражено пропозициями, и о том, что не может быть выражено, но только показано» (*LRKM*, 72). Роль теории показывания в работах раннего Витгенштейна можно сравнить с ролью теории форм Платона. Оба автора считают, что они открыли объяснительное приспособление, способное привести к решению широкую и разнообразную об-

---

¹ Особо отметим дату этого письма. Некоторые, «кто стоит на безоговорочных позициях», утверждают, что, хотя в своих ранних заметках Витгенштейн и мог бы говорить о теориях, во время составления *Трактата* он пришёл к точке зрения, безотносительно к своим поздним работам, что философия не состоит из теорий, но, скорее, представляет собой определённый вид терапии. Однако это письмо Расселу было написано *после* завершения *Трактата*. Утверждение «стоящих на безоговорочных позициях» – что *Трактат* только *pretendует* на то, чтобы предложить теории, тогда как на самом деле он как раз даёт экспозицию претензий философского теоретизирования, которое в любом случае совершенно глупо. Ибо, если бы именно на это нацеливался Витгенштейн, он, конечно бы, прояснил это Расселу, или Рамсею, или любому другому соображающему человеку, с кем он обсуждал текст во всём его содержании.

ласть неподатливых проблем. Для Витгенштейна *показывание*, помимо того, что даёт ключ к решению ряда семантических проблем прояснения отношения слов к миру¹, а также играет главную роль в логике (теория вывода – *T*, 5.13–5.132), в теории внутренних свойств и отношений (*T*, 4.12–4.1241), формальных понятий (*T*, 4.126–4.1274), обеспечивает ключ к проблеме того, сколько истины содержится в солипсизме (*T*, 5.62), и даже открывает тайны этики в той степени, что демонстрирует, почему они не могут быть раскрыты, но должны всегда оставаться в области мистического².

Замечание «То, что *может* быть показано, *не может* быть сказано» (*T*, 4.1212) дословно появляется в отдельной записи, датированной 29.11.14 в *Дневниках* (*N*, 34), но ещё ранее, в этом же году, когда Мур посетил Витгенштейна в Скьёльдене, откровение о показывании было первым, что он сообщил для записи Муру: «Так называемые логические предложения *показывают* логические свойства языка и, следовательно, универсума, но *не говорят* ничего» (апрель 1914, *N*, 107). Это предложение включает в себе две наиболее важные новые доктрины Витгенштейна раннего периода. Первая из них – конечно, вышеупомянутая доктрина показывания. Обычные пропозиции показывают, что они говорят; тавтологии и противоречия показывают, что они ничего не говорят (*T*, 4.461).

---

¹ Согласно точке зрения Витгенштейна, «прояснение» не есть «объяснение», поскольку не существует объяснения или выражения в словах отношения между словами и миром. Он говорит, что философская работа, по существу, состоит из прояснений (*T*, 4.112), и, строго говоря, его бессмысленное (*unsinning*) находится за границами понимания (*T*, 6.54).

² *T*, 6.522: «Есть, конечно, нечто невыразимое. Оно *обнаруживает* себя; это – мистическое». То, что Пэрс и Мак Гиннес переводят «обнаруживает» есть «*zeigen*» (у Огдена и Рамсея переведено как «показывает»). *T*, 6.421: «Ясно, что этика не может быть высказана».

Вторая доктрина затрагивает природу логики. Витгенштейн здесь ясно называет тавтологии «так называемыми пропозициями», потому что его теория требует, чтобы как тавтологии, так и противоречия не считались *Sätze*, ибо они ничего не говорят (*T*, 6.11). Так называемые логические пропозиции являются псевдопропозициями (*Scheinsätze*). «Псевдопредложения таковы, что после их анализа оказывается, что эти логические предложения только показывают то, о чём, как предполагалось, они говорят» (*N*, 16). Хотя в *Трактате* он иногда говорит о «логических пропозициях», ясно, что эти логические пропозиции являются пропозициями в той же мере, в какой каменная лошадь является подлинной лошастью. Рамсей, принимая «глубокий анализ», данный Витгенштейном, отличает тавтологии и противоречия от того, что он называет «подлинными пропозициями» – то, что Витгенштейн называл «действительными пропозициями» (*N*, 107)¹. В самом раннем письме к Расселу (датированном 22.6.12) Витгенштейн заявляет, что «логика должна оказаться наукой *совершенно* иного типа, чем все другие науки» (*LRKM*, 10). Пять или шесть месяцев спустя в письме из своего убежища в Скьёлдене он в состоянии объявить «определённым» утверждение, что «все предложения логики есть обобщения тавтологий и все обобщения тавтологий есть предложения логики. Кроме них нет логических предложений» (*LRKM*, 41). Его поражающе новое видение – что логика не является совокупностью общих истин, но состоит из тавтологий, утративших смысл (*sinnlos*) – было также принято *inter alia* Расселом и Карнапом².

¹ Ramsey. *The Foundation of Mathematics* (1925) // in: D.H. Mellor (ed.). *Foundations: Essays in Philosophy, Logic, Mathematics and Economics*. (London: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 210–211.

² Рассел пишет: «Витгенштейн утверждает, что логика состоит всецело из тавтологий. Я думаю, в этом он прав, хотя я и не считал

Почему эти две доктрины особенно важны и для решения каких проблем они изначально предполагались, есть предмет некоторых разногласий. Ответ на последний вопрос, на мой взгляд, касается черепахи и лошади соответственно. Тезис, что достоверный вывод показывается тавтологиями и не нуждается ни в каких дополнительных оправданиях, останавливает бесконечный регресс, в который черепаха Льюиса Кэррола ввергает Ахиллеса¹. А доктрина показывания, как предполагается, освободит нас от проблемы Фреге относительно того, что понятие *лошади* не является понятием. Что за логический зверь лошадь, показываемая в предложениях, относящихся к лошадям, — нам не нужны; да мы и не можем их иметь — осмысленные предложения, которые *говорят* то, что показывается относительно понятия лошади².

Помимо этих двух доктрин, совершенно новым, я считаю, является рассмотрение Витгенштейном чисел как показателей операций (*T*, 6–6.022).

ПОИСКИ СОБСТВЕННОГО ГОЛОСА

После ухода из философии с большой буквы и пробыв в течение шести лет то ли источником, то ли жертвой волнений в качестве учителя в некоторых школах сельской Ав-

---

так до тех пор, пока не прочитал то, что он должен был сказать на этот предмет». См.: *My Philosophical Development* (London: Unwin, 1959), 88. Относительно Карнапа см. его «Автобиографию» в: *P.A. Schilpp (ed.). The Philosophy of Rudolph Carnap* (La Salle: Open Court, 1963), 27, цитата в *WPhD*, 502, сноска 15.

¹ *L. Carroll. What the tortoise said to Achilles. Mind* 4 (1895). P. 278–280. Аргумент Витгенштейна устанавливается в *T*, 6.1221 и, несколько в более ясной и расширенной форме, в *N*, 107–108, 111.

² См. мою книгу *CQT*. P. 18–19.

стрии¹, Витгенштейн вернулся в Вену, где, среди прочего, он построил дом для своей сестры и был вознесён на пьедестал Венским кружком. Некоторые члены кружка подстрекали его посетить лекцию, прочитанную в Вене Брауером в марте 1928 года, и это событие, очевидно, было наиболее значимым в возрождении его интереса к философии и отмечает начало его так называемого «переходного периода». Нужно сказать, что в манускриптах, сохранившихся от этого периода, содержится много материала невысокого качества². К этим материалам стоит привлечь внимание, поскольку в этих записных книжках мы видим борьбу Витгенштейна, и становится совершенно ясно, что, в отличие от Моцарта, с пера которого в совершенстве оформленные симфонии как бы стекали, Витгенштейн должен был упорно трудиться – отказываться от слабых идей и постоянно исправлять их и перерабатывать. Так он говорит в предисловии к РІ: «Причём с приближением к тем же или почти к тем же пунктам с разных направлений, как бы заново, делались всё новые зарисовки. Многие из них неправильно нарисованы или нехарактерны, полны огрехов сла-

---

¹ Обычная история состоит в том, что характер и несдержанное поведение Витгенштейна привели его к неприятностям. У.У. Бартли III в своей книге *Wittgenstein* (London: Quartet Books, 1973), 62–94, сообщает различные истории, в которых Витгенштейн предстаёт жертвой тёмных, мало думающих, неискренних, злобных типов. Подобный случай описан в романе Филиппа Рота *The Human Stain* (London: Vintage, 2000), но, разумеется, нет нужды обращаться к вымыслу за примерами клеветнических кампаний против учителей, и я считаю, что подход Бартли следует принимать серьёзно.

² Я благодарю архив Витгенштейна в Бергене, Норвегия, за предоставление мне доступа к этим материалам и за использование их исследовательских средств, когда они были в разработке. Все манускрипты теперь транскрибированы и опубликованы как целое на CD-ROMax, *The Wittgenstein Nachlaß* (Oxford: Oxford University Press, 1999).

бого рисовальщика. Но после их отбраковки остаётся некоторое число довольно сносных эскизов...».

Находят, что как в манускриптах переходного периода, так и в записанных Вайсманом беседах Витгенштейна с представителями Венского кружка (*WVC*), имевших место с 1929 до начала 1930 года, Витгенштейн ремонтировал трещины, которые он обнаружил в *Трактате*. В его статье *Несколько заметок о логической форме (RLF)*, датированной тем же годом, что и его устный экзамен, в значительной степени представлены идеи *Трактата*. Мы видим проблемы типа взаимоисключения цветов – *prima facie* зависимость элементарных предложений, описывающих цвета, – занимавшие его в начале 1930-х (*PR*), и он изобретает некоторые краткосрочные теории, с которыми имеет дело.

В течение этого переходного периода Витгенштейн прочитал публичную лекцию об этике, опубликованный текст которой у нас есть, *LE*. По общему признанию, эта лекция предназначалась непрофессиональной аудитории и, вероятно, поэтому не предполагала значительных философских усилий; но даже при этом условии, при условии сделанного второпях доклада, он говорил о глубокой важности этики, и от *Трактата*, который, вопреки поверхностному впечатлению, является этической работой, можно было бы ожидать определённого фейерверка. Но *Лекция по этике* – отсыревшая петарда. Витгенштейн проводит известное различие между категорическими и гипотетическими суждениями и обращает внимание на различие между натуралистическим и нормативным описанием поведения, но, в сущности, в этой лекции нет ничего, что имело бы воздействие – хотя бы одно продолжающееся воздействие – на последующее моральное мышление¹.

---

¹ Руперт Рид доказывал, что в лучшем мире на авторов работ по этике Витгенштейн повлиял бы гораздо сильнее – в оставленной теории было бы больше храбрости. См. Его: *Review of R. Hursthouse. On Virtue Ethics. Philosophical Investigation 24 (2001). P. 274–282.*

В предисловии к *Философским исследованиям* Витгенштейн писал:

«Четыре года назад у меня был повод перечитать мою первую книгу (*Логико-философский трактат*) и пояснять её идеи. Тут мне вдруг показалось, что следовало бы опубликовать те мои старые и новые мысли вместе; что только в противопоставлении такого рода и на фоне моего прежнего образа мыслей эти новые идеи могли получить правильное освещение» (*PI*, viii).

Очевидно, что сам он осознавал мышление *новым* способом. В поздних манускриптах он никогда не ссылается на свою раннюю работу или на её автора. Витгенштейн почти неизменно ищет способ дистанцироваться и не ассоциировать себя с ней или с ним.

Его новый образ мысли действительно был всецело новым, и некоторые его контуры известны из эксплицитных утверждений Витгенштейна. Теперь он считает, что философские недоразумения вытекают из нашего очарования языком (*PI*, §109). Лекарственное средство заключается в тщательном исследовании способа, которым слова неверно используются в отдельных философских выражениях, и в напоминании себе¹ о тонких различиях² между способами, в которых эти слова используются в нормальном, повседневном употреблении³. «Если я должен сказать, – говорит

---

¹ «Труд философа – это осуществляемый с особой целью подбор припоминаний» (*PI* §127; см. также §89).

² Согласно М. Друри, Витгенштейн однажды обдумывал использование в качестве эпитафии для *PI* цитату из *Короля Лира*: «Я научу тебя различиям». См.: *K.T. Fann (ed.), Ludwig Wittgenstein: The Man and his Philosophy*. New York: Dell, 1967. P. 69.

³ В *PI* §116 Витгенштейн описывает своё предприятие как возвращение слов от метафизического к их повседневному использованию. §§114–116 – это критика утверждения, сделанного в *T* 4.5 о том, что общая форма пропозиции есть «Дело обстоит так-то и так-то».

он, – в чём заключается ошибка, сделанная философами нынешнего поколения, включая Мура, я сказал бы, что она состоит в том, что, когда рассматривают язык, рассматривается форма слов, а не употребление согласно форме слова» (LA, 2). Пристальное внимание к особенностям употребления есть полный антитезис строительной теории, которую он первоначально рассматривал как парадигмальную для философии; и едва ли нужно доказывать, что на этой стадии Витгенштейн выражался в высшей степени оригинально. Его философия математики, которая занимала большую часть его времени до 1944 года, также оригинальна. Исключительно сумасшедшая, сказали бы некоторые, нарушающая правила в хорошем смысле и указывающая на неосведомлённость субъекта за рамками элементарного уровня. Однако эта более поздняя критика, которая некогда была общепринята, теперь ставится под сомнение некоторыми очень интересными исследованиями по обоснованности некоторых его замечаний относительно теории множеств и теоремы Гёделя¹.

Взгляд, который я защищал в этой статье, состоит в том, что на раннем этапе Витгенштейн был вторичным мыслителем, что признание, сделанное им относительно отсутствия собственной оригинальности, было хорошо обоснованно. *Трактат* – важная работа, но это плод семян, посеянных в душе Витгенштейна Расселом, Фреге и многими другими. Затем, когда Витгенштейн искал свой уникальный философский голос, произошла удивительная

---

¹ V. Rodych. Wittgenstein's Critique of Set Theory. The Southern Journal of Philosophy. 38 (2000). P. 281–319; J. Floyd and H. Putnam. A Note on Wittgenstein's «Notorious Paragraph» about the Gödel Theorem. The Journal of Philosophy. 97 (2000). P. 624–632; C. Sayward. On Some Much Maligned Remarks of Wittgenstein on Gödel. Philosophical Investigation. 24 (2000). P. 262–270.

трансформация как в его характере, так и в его философии¹. Витгенштейн признавал ограниченность своего таланта², но он загружал себя, был беспощадно самокритичен и стал лучше, как человек, и оригинальнее, как философ³. Уже цитированная сноска из WPhD продолжает:

«Впоследствии, после многих лет борьбы со своими личными пороками и против наивных незрелых концепций, изложенных в *Трактате*, он пришёл воистину к великим и оригинальным мыслям. Я согласен с мнением М. Даммита, что «всякий, способный к осознанию глубо-

---

¹ Хинтикки видят её как медленный переход, достигающий кульминации в понятии языковой игры, занимающей центральное положение в рассуждениях Витгенштейна. См.: *M.B. and J. Hintikka. Investigating Wittgenstein. Oxford: Blackwell, 1986. 190.*

² Хотя это проявилось в одном из его не слишком умных замечаний: «Даже величайшие еврейские мыслители – не более чем талантливы (я сам, например)» (*CV, 16*).

³ После того, как я написал этот параграф, я наткнулся на биографический очерк о Витгенштейне Георга фон Врикта и с радостью обнаружил, что относительно этого исследования мои взгляды и взгляды фон Вригта вполне совпадают. Согласно фон Вригту, «прежде всего острая и сильная критика Сраффы склонила Витгенштейна оставить свои ранние взгляды и проторить новые дороги. Он говорил, что его споры со Сраффой вызывали у него ощущение, что он дерево, с которого срезали все листья. Чтобы это дерево снова могло стать зелёным, ему требовалось самому обрести жизнеспособность. Поздний Витгенштейн не испытывал влияния со стороны, подобного тому, которое ранний Витгенштейн испытывал от Фреге и Рассела». См.: *G.H. von Wright. Wittgenstein. Minneapolis, University of Minnesota Press, 1982. P. 28.* В сноске (15, p. 27) фон Вригт замечает: «*Трактат* принадлежит определённой традиции в европейской философии, уходящей вглубь, за Фреге и Расселом, по крайней мере, к Лейбницу. Так называемая поздняя философия Витгенштейна, как я её вижу, совершенно иная. По духу она не похожа на всё, что я знаю из западной мысли, и во многих направлениях противостоит целям и методам традиционной философии».

кой философии, открыв *Философские исследования*, поймёт, что это работа гения»¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ ЯНА СЕБЕСТИКА

После смерти Больцано было несколько оправданий по поводу плагиата его идей. Одним из обвиняемых был Роберт Циммерман, автор *Philosophische Propädeutik* (1-я редакция 1853 года). Обвиняемые были оправданы хотя бы уже потому, что Больцано хотел, чтобы его идеи пропагандировались без упоминания его имени. В Австрии в то время Больцано всё ещё был *persona non grata*, и публичное заявление в его пользу, вероятно, встретило бы официальное порицание, что могло повредить университетской карьере Циммермана. Вот почему Циммерман опускает почти все идеи Больцано во второй редакции своего учебника (1860) – редкий случай в философской литературе, когда вторая редакция определённно хуже первой². Злоключения постигли Гуссерля после его восторженного отзыва в пользу Больцано в *Логических исследованиях*. В *Der Streit der Psychologisten und Formalisten in der modernen Logik* (1902) Мельхиор Палагий предупреждает о «формалистской опасности». Согласно Палагию, «подлинным создателем формалистской тенденции в современной логике» был Больцано, чьим последователем стал Гуссерль в *Логических исследованиях*. В обзоре книги Палагия Гуссерль пишет:

---

¹ M. Dummett. *Origins of Analytical Philosophy*. London: Duckworth, 1993. P. 166.

² На эту тему см.: E. Morscher. Robert Zimmermann – der Vermittler von Bolzano's Gut? Zerstörung einer Legende // in: H. Ganthaler, O. Neumaier (eds). *Bolzano und die österreichische Geistesgeschichte*. Sankt Augustin: Academia, 1997. P. 145–237.

«Здесь я должен впервые сказать о неприличной манере, в которой Палагий рассматривает мои отношения с Больцано. В последовательности намёков, которые не имели бы значения, взятые отдельно, но которые действительны, когда берутся в последовательности, он, самое меньшее, даёт читателю понять, что я использовал Больцано в бессознательной манере, и умолчал о моей зависимости от него. Сдерживая суждение относительно того, как действует автор, я замечу в пользу неинформированных, что я не только – как однажды упоминает автор (стр. 16) – “упомянул” Больцано и “назвал” его одним из величайших логиков. Более того – в “Приложении” к разделу 10 *Logische Untersuchungen*, т. 1, в добавлении, специально посвящённом этой цели, я указал на значение *Wissenschaftslehre* как одной из фундаментальных работ по логике и подчеркнул необходимость построений на основе этой работы и её изучения с величайшей тщательностью. Это я сделал в такой детальной манере и с таким вниманием, как никогда до этого – ни в ранние времена, ни в нынешние. И, не удовлетворившись этим, я отчётливо обозначил Больцано (вместе с Лотце) как того, кто на меня “решительно повлиял”. Эти слова я цитирую из: *Logische Untersuchungen*. Т. 1, 226 (1-е издание)¹.

Сходные замечания можно найти в предисловии ко второй редакции *Логических исследований* и в *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie* (1913), книга III, §10.

Витгенштейн не считал свою раннюю работу оригина-

---

¹ Husserliana XII (The Hague: Nijhoff, 1970), 287–294. (Обзор Гуссерля появился в 1903); английский перевод Д. Вилларда см.: *J.N. Mohanty (ed.). Reading on Edmund Husserl's Logical Investigation*. The Hague: Nijhoff, 1977. P. 36.

нальной и не заботился о цитировании своих источников. Я не знаю, справлялся ли он с *Wissenschaftslehre*. Для меня его наиболее вероятный источник, непосредственный или опосредованный, – это *Propädeutik* Циммермана. Там Циммерман объясняет наиболее важные логические теории Больцано, не упоминая в связи с ним имени Больцано. Фактически он упоминает его три раза, но в отношении менее важных пунктов, чтобы скрыть факт, что он заимствовал его важные идеи. Поэтому, не будучи знаком со своим источником, Витгенштейн мог взять из старого учебника метод переменной Больцано, его понятие логического следования (*WL II*, §155) и его понимание связи между следованием и вероятностью (*WL II*, §§161, 162). Эти доктрины были широко известны в Австрии того времени и изучались в школах второго уровня. Циммерман приобрёл математическое *Nachlaß* Больцано, которое он на время передал Австрийской академии наук в Вене в 1882 году и отдал в Hofbibliothek в 1892 году, вероятно не просмотрев их. У него нет заимствований из *Nachlaß*, только из *Wissenschaftslehre*.

Когда Коэн делает бесспорное утверждение, что Витгенштейн не изучал в университете австрийскую философию, это, конечно, правильно. Но Витгенштейн провёл первые семнадцать лет своей жизни в Австрии в очень искусённом окружении, где в его отчем доме велись оживлённые разговоры на тему искусства, литературы, музыки, а также философии. Он часто возвращался в Австрию и, вероятно, знал об австрийской философии. Просматривал ли он *Логические исследования* Гуссерля в юные годы? Контактничал ли он за границей с людьми, которые, подобно Расселу, были немного знакомы с австрийской философией?

По причинам, отмеченным выше, относительно «метода переменной» я намеренно цитировал Циммермана, а не Больцано, хотя циммермановская иллюстрация метода не так хороша (у Больцано тоже есть этот пример, но он приводит и лучший). Согласно Коэну, рассматриваемому метод переменной, мне следовало бы процитировать замечания Рассела из *Оснований математики* о переводе констант в переменные. Однако Рассел, когда он пишет о переменных в *Основаниях*, ссылается на формальные языки, тогда как Больцано объясняет свою концепцию для естественных языков. Когда Рассел преобразует константы в переменные, он фактически *подставляет* переменную вместо константы и вместо 'φ(a)' он пишет 'φ(x)'. Но это совсем не то, что подразумевал Больцано (и Циммерман). Больцано не подставляет переменную вместо константы, – он просто *рассматривает* саму константу как играющую роль переменной и подставляет константные идеи для данной константной идеи. Он пишет: «Мы рассматриваем определённые составные части предложений как переменные и подставляем вместо них эту идею, а иногда ту» (*WL*, II, §147; а также §69 и §108). Когда он пишет, что «предложения A, B, C ... в которых определённые идеи i, j ... рассматриваются как переменные», он не проводит современное различие между переменными и константами; по моему мнению, его i, j ... являются константами, определёнными идеями вместо которых мы можем подставить другие определённые идеи. Посредством подстановки вместо «переменных идей» (конституент) мы получаем целый класс пропозиций, как Больцано объясняет в §147 и как поступает Витгенштейн в *Трактате*, 3.315.

Рольф Джордж и Пол Разнок в статье для философского словаря обратили внимание на одну неопубликованную

статью Рассела «О подстановке» (1904), где играет роль некоторое понятие подстановки, которую Р. Монк описывает следующим образом:

«Вместо работы с пропозициональными функциями типа ‘х смертен’, имеют дело прямо с пропозициями, такими как ‘Сократ смертен’ и ‘Платон смертен’; и вместо понятия переменной ‘х’, которая может быть определена индивидами типа Сократа и Платона, можно просто использовать технику подстановки одного индивида вместо другого в любой заданной пропозиции. Преимущество такого подхода состоит в том, что он избавляется как от понятия пропозициональных функций, так и от классов в пользу просто пропозиций»¹.

Это – в точности метод переменной у Больцано. У Фреге нет ничего подобного. Быть может, Рассел открыл его сам или мог обнаружить его у Больцано, – автора, которого, как мы знаем, Рассел читал. Если на Витгенштейна оказала влияние филиация идей, то споры с Расселом вполне могли иметь здесь влияние.

Помимо дополнительных цитат и ссылок я ничего не могу добавить к проблеме *логического следования* (*выводимости*, *Ableitbarkeit* в терминологии Больцано) и его связи с выводимостью. Сходство между Больцано и Витгенштейном в этой области для меня является наиболее важным, но Коэн не говорит ничего относящегося к этой теме. Рассмотрение Витгенштейном следования и вероятности есть упрощение метода Больцано. Больцано явно принимает наличие переменной в непроанализированных пропозициях, хотя и практикует это. У Рассела и Фреге нет

---

¹ R. Monk. Bertrand Russell: The Spirit of Solitude. London: Jonathan Cape, 1996. P. 185.

ничего подобного. Нет ничего невозможного в том, чтобы гений типа Витгенштейна обнаружил это сам, но едва ли можно сбросить со счетов влияние Циммермана на рассмотрение Витгенштейном понятия вероятности.

Теории Больцано обсуждались в австрийской философии со времён Экснера (Брентано и его ученики: Керри, Твардовский, Гуссерль, Мейнонг, Хёфлер *et alii*; в работе Лукасевича *Die logischen Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung* (1913), который был учеником Твардовского, есть раздел о Больцано. Относительно сходства между Больцано и Тарским я уже писал¹. В случае Тарского не исключено опосредованное влияние через Твардовского.

---

¹ J. Sebestic. Logique et mathématique chez Bernard Bolzano. Paris, Vrin, 1992. P. 246–247; а также более детально. Forme, variation et déductibilité dans la logique de Bolzano: Revue d'Histoire des Sciences. 52 (1990). P. 479–506.

СОДЕРЖАНИЕ

СУРОВЦЕВ В. А.	
Ранний Витгенштейн:	
О материалах к ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМУ ТРАКТАТУ . . .	3
ДНЕВНИКИ 1914–1916	
<i>(перевод В. А. Суровцева) . . . . .</i>	29
ПРИЛОЖЕНИЯ	150
Заметки по логике (1913)	
<i>(перевод В. А. Суровцева) . . . . .</i>	151
Заметки, продиктованные Дж. Э. Муру (апрель 1914)	
<i>(перевод В. А. Суровцева) . . . . .</i>	177
Из писем Витгенштейна к Расселу (1912–1922)	
<i>(перевод В. А. Суровцева) . . . . .</i>	196
Комментарии	212
ДОПОЛНЕНИЕ 1	243
Тайные дневники 1914–1916 гг.	
<i>(перевод И. А. Эннс и В. А. Суровцева) . . . . .</i>	244
Комментарии	299
Из «Прототрактата»	
<i>(перевод В. А. Суровцева) . . . . .</i>	308
Комментарии	314
Из писем Витгенштейна к Л. Фиккеру	
<i>(перевод И. А. Эннс) . . . . .</i>	317
Некоторые замечания о логической форме (1929)	
<i>(перевод В. А. Суровцева) . . . . .</i>	321
Лекция об этике (1929 или 1930)	
<i>(перевод А. Ф. Грязнова) . . . . .</i>	330

ДОПОЛНЕНИЕ 2	343
ГОЛДСТЕЙН Л.	
Экзамен Витгенштейна на Ph.D. Воссоздание события (перевод В. В. Целищева)	344
ГОЛДСТЕЙН Л.	
В какой степени оригинален «Логико-философский трактата»? (перевод В. А. Суровцев)	360

Аннотированный список книг издательства «Канон+»
РООИ «Реабилитация» вы можете найти на сайте
<http://www.kanonplus.ru>
Заказать книги можно, отправив заявку по электронному адресу:
kanonplus@mail.ru

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН

ДНЕВНИКИ 1914–1916

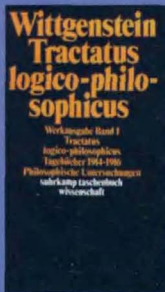
Под общей редакцией В. А. СУРОВЦЕВА

Директор — *Божко Ю. В.*
Ответственный за выпуск — *Божко Ю. В.*
Компьютерная верстка — *Липницкая Е. Е.*
Корректор — *Филиппова И. К.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.10.2008.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 1000 экз. Заказ 2123.

Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация».
111672, Москва, ул. Городецкая, д. 8, корп. 3, кв. 28.
Тел./факс 8 (495) 702-04-57.
E-mail: kanonplus@mail.ru
Сайт: <http://www.kanonplus.ru>

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

Людвиг Витгенштейн (1889-1951), величайший философ XX в., один из главных представителей аналитической философии. Изучал инженерное дело в Берлине и Манчестере (1906-1911). В 1911-1913 гг. под руководством Б. Рассела учится и работает в Кембриджском университете, заинтересовавшись идеями современной логики и философии математики. В 1914-1918 гг. участвует в Первой мировой войне. После войны и плена уходит от философии и долгое время учителствует в сельской школе. К занятиям философией возвращается в конце 20-х годов под влиянием обсуждения своих идей представителями Венского кружка. В 1929 г. получает докторскую степень в Кембридже и избирается членом Тринити-колледжа. С 1939 по 1947 занимает профессорскую должность в Кембриджском университете.

В философии Витгенштейна выделяют два периода. В ранних работах, главным образом в «Логико-философском трактате» (1921) он новаторски применяет современную математическую логику к онтологической проблематике. Начиная с 30-х годов исследует повседневный язык и разрабатывает инструментарий семантического анализа, ставший классическим в современной аналитической философии.

«Дневники 1914-1916 гг.» играют в творчестве Л. Витгенштейна особую роль. Именно они послужили основой «Логико-философского трактата», афоризмы которого во многом являются простой выборкой из дневниковых записей. Дневники по объему и по тематике далеко превосходят «Трактат», что позволяет лучше понять содержание последнего и проследить его генезис. Особенно это касается этических воззрений Витгенштейна, которым в «Трактате» отведено крайне мало места. Именно публикация «Дневников 1914-1916 гг.» а затем и «Тайных дневников 1914-1916 гг.» позволила отойти от сугубо позитивистских интерпретаций творчества раннего Витгенштейна и рассмотреть его взгляды в перспективе этики и лежащего в ее основании мистического взгляда на мир. «Дневники» позволяют не только лучше понять идеи Витгенштейна-логика, но и представить его, как одного из величайших мистиков. Помимо «Дневников» в данном сборнике представлены некоторые другие близко примыкающие к «Трактату» работы. Заметки 1913 и 1914 гг. позволяют проследить, как складывалась оригинальная философия логики раннего Л. Витгенштейна. Работы конца 20-х годов знаменуют возвращение Витгенштейна в философию и начало нового этапа его творчества.

ISBN 978-5-88373-124-1

9 785883 731241

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАН-Н-ПЛЮС